1888 г. 301.

М. И. Семевскій: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА,

АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ

1692—1724.

Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1884.

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина".

М. И. Семевскій: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в.

9с15
С-30

ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА,

АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ

1692—1724.

6526

Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное.

Библиотека Ростовского
Инв. № 1914
Шкаф 9
Музей Древностей.

РОСТОВСКИЙ
№ 1914
МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1884.

А|69|451

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина".

ТИПОГРАФІЯ
В. С. БАЛАШЕВА
Наб. Екатерининск. кан., д. № 78.
2582.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Содержаніе.

		страп.
	Предисловіе изд.-ред. журн. „Русская Старина“.	5—6
I.	Анна Ивановна Монсъ, 1692—1714 гг. . .	7—64
II.	Генеральсъ-адъютантъ В. Монсъ, 1708—1716 гг.	65—80
III.	Марта Скаваронская или Катерина (Василевская) Алексѣевна, 1705—1716 гг.	81—90
IV.	Камеръ-юнкеръ Виллимъ Монсъ, 1716—1723 гг.	91—129
V.	Царица Екатерина Алексѣевна, 1717—1723 гг.	130—143
VI.	Коронація и камергерство, 1724 г.	144—160
VII.	Доносъ, апрѣль—іюнь 1724 г.	161—169
VIII.	Предъ розыскомъ, іюнь по октябрь 1724 г. .	170—185
IX.	Розыскъ, ноябрь 1724 г.	186—207
X.	Казнь камергера Монса, ноябрь 1724 г. . .	208—226
XI.	Смерть императора Петра, 1725 г.	227—242
XII.	Императрица Екатерина I, 1725—1727 гг. .	243—251
	Заключеніе	251—254

ПРИЛОЖЕНІЯ.

		стран.
I.	Письмо попа Александра, 17-го іюня 1698 г., къ Петру I о стрѣлецкомъ возстаніи	257—258
II.	Анна фонъ-Кейзерлингъ, рожд. Монсъ, и ея женихъ Карлъ Миллеръ: дѣло о ея завѣщаніи и наслѣдствѣ, 1714—1717 гг.	259—282
III.	Стихи Виллима Монсъ на нѣмецкомъ и на «слободскомъ» языкахъ.	283—284
IV.	Письмо Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ Виллиму Монсъ, 3 августа 1717 г.	285
V.	Письма Александры Салтыковой, рожденной княжны Долгоруковой, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ, 1719—1720 гг.	286—288
VI.	Письмо Виллима Монсъ, подъ видомъ женской персоны, къ Александрѣ Салтыковой, 1719 или 1720 гг.	289
VII.	Письма Петра Михайловича Бестужева-Рюмина къ Виллиму Монсъ, 1719 и 1722 гг.	289—290
VIII.	Артемій Петровичъ Волынскій въ его письмахъ къ Виллиму Монсъ, 1720—1724 гг.	291—303
IX.	Письмо Ивана Максимовича Шувалова къ Виллиму Монсъ, 1722 г.	304
X.	Письма графа Петра Андреевича Толстого къ Виллиму Монсъ, 1723 г.	305—306
XI.	Стихи, писанные рукою Егора Столѣтова	307—308
XII.	Экстрактъ изъ поданныхъ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1724 г. челобитенъ	309—317
XIII.	Гардеробъ и нѣкоторыя вещи Виллима Монса въ 1723—1724 гг.	318—322
XIV.	Приходо-расходная книга по хозяйству Виллима Монсъ за 1723 г.	323—332
XV.	Катерина Василевская-Михайлова-Скавронская тожъ, въ письмахъ къ царю Петру Алексѣевичу, въ 1703—1707 гг.	333—335

СТРАН.

XVI. Письмо Елены Фадемрехъ царю Петру I, 1703 г. 336

XVII. Кёнигсекъ и Кейзерлингъ въ судьбѣ Анны Ивановны Монсъ. Разсказъ историка Миллера (въ XVIII в.). 337—338

XVIII. Анна Монсъ и Катерина Скавронская въ 1704—1712 гг., разсказъ С. М. Соловьева . . . . . 339—342

XIX. Дѣти Петра I отъ Екатерины Алексѣевны Василевской-Михайловой-Скавронской тожъ, 1704—1723 гг. 342—343

XX. Памятникъ въ Екатерингофѣ . . . . 343—344

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

I. Царица Авдотья Өедоровна Лопухина въ 1690—1698 гг. 8

II. Казнь стрѣльцовъ въ Москвѣ, въ 1698 г. 16

III. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, въ 1690—1710 гг. . 24

IV. Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, въ концѣ XVII-го вѣка. 32

V. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, въ 1690—1710 гг. . 64

VI. Царица Екатерина Алексѣевна въ 1712—1724 гг. 128

VII. Казнь колесованіемъ въ Россіи, въ царствованіе императора Петра I-го 206

Примѣчаніе. Портреты и рисунки, приложенные къ этой книгѣ, весьма обязательно сообщены намъ, въ готовыхъ клише, А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ изъ ихъ изданія: „Иллюстрированная Исторія Петра Великаго“, Спб. 1882 г.

Историческія и историко-литературныя статьи и изданія Михаила Ивановича Семевскаго, 1856—1884 гг.: систематическая ихъ роспись (изд. второе). . . . . . . I—XII

ВЪ РЕДАКЦІИ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА"

можно получить слѣдующее изданіе:

Очерки и разсказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII в.

I. ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ, 1664 — 1723 гг. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ приложеніемъ портрета царицы Прасковьи, отпечатаннаго красками. Спб. 1883 г., въ 8 д., стр. 256. Цѣна два руб.

II. СЛОВО И ДѢЛО, 1700—1725 гг.: Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ. — Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. --Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки, виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе второе, исправленное и пересмотрѣнное. Спб. 1884 г., въ 8 д., стр. VI + 350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна.. Напечатано вновь безъ перемѣнъ, кромѣ описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены, послѣ сличенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло" 2 руб. 50 к.

III. ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ, 1692—1724 гг., съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицъ Авдотьи Ѳедоровны и Катерины Алексѣевны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII-го вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I-мъ. Спб., изд. 1885 г., въ 8 д., стр. IV + 362. Цѣна 2 руб. 50 к.

☞ Примѣчаніе. Подписчики „Русской Старины" на 1885 г. каждую изъ поименованныхъ книгъ могутъ получить за одинъ руб. съ пересылкой.

Представляемый очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка: „Царица Катерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“ (1692—1724 гг.) составленъ нами двадцать три года тому назадъ, главнымъ образомъ, по подлиннымъ дѣламъ, письмамъ и документамъ, хранящимся въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ, въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ и въ секретномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

Данныя, извлеченныя изъ этихъ основныхъ источниковъ, обставлены, гдѣ то было необходимо, свѣдѣніями изъ печатныхъ русскихъ и иностранныхъ изданій.

Весь трудъ написанъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ ноября 1861 г. по май 1862 г., и напечатанъ въ издававшемся въ то время М. М. и Ѳ. М. Достоевскими литературномъ журналѣ „Время“ изд. 1862 г., въ книгахъ второй по шестую включительно.

По окончаніи печатанія въ журналѣ, настоящее изслѣдованіе вышло въ свѣтъ, въ 1862 г., отдѣльнымъ выпускомъ и тогда же разошлось сполна, до послѣдняго экземпляра.

Нѣсколько лѣтъ спустя, трудъ этотъ былъ нами пересмотрѣнъ, исправленъ, дополненъ и вообще совершенно подготовленъ къ новому тисненію.

Нынѣ, по выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ частей собранія нашихъ очерковъ изъ отечественной исторіи XVIII-го вѣка, именно: „Царица Прасковья“ и „Слово и дѣло“, мы отдали въ печать, давно уже и при томъ вполнѣ приготовленный къ изданію, настоящій трудъ;

представляя его вновь вниманію читателей, мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду то, что онъ, какъ составленный почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ, не могъ утратить интереса и значенія въ нашей, далеко еще не обширной, литературѣ изслѣдованій изъ отечественной исторіи первой половины XVIII-го вѣка.

Михаилъ Семевскій.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, Анна и Виллимъ Монсъ.

1692—1724.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I.

АННА МОНСЪ.

1692—1703.

Въ 1698 году, въ послѣднихъ числахъ августа, Москва тревожно ждала царя Петра Алексѣевича изъ его долговременнаго заграничнаго путешествія. Чувство тревоги и страха волновало всѣхъ отъ великаго боярина и „генералисимуса" Шейна до послѣдняго стрѣльца, томившагося въ колодкахъ за извѣстное дѣло подъ Воскресенскимъ монастыремъ... Въ толпахъ „сѣраго" народа бродили разные слухи и толки; тѣ и другіе были вызываемы нелюбовью къ Петру и его нововведеньямъ, тѣ и другіе были поддерживаемы полутораголичной отлучкой монарха. „Царя Петра Алексѣевича не стало за моремъ!" таинственно говорили тетки и сестры государя и вслѣдъ за ними вѣсть эту разносили горожанки, стрѣльцы и стрѣльчихи; повторяли и вѣрили ей даже бояре-правители, охваченные, по выраженію государя: „бабьимъ страхомъ". „У насъ на верху (т. е. во дворцѣ) позамялось, шептала одна изъ враждебныхъ Петру царевенъ своей постельницѣ, хотѣли было бояре государя-царевича удушить..." „Государь, передавала стрѣльчихамъ одна изъ боярскихъ боярынь, государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ... И въ то число, какъ было бояре хотѣли государя-царевича удушить, его подмѣнили и платье его на другаго надѣли, и царица

узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ иной комнатѣ. И бояре ее, царицу, по щекамъ били“...

Толки эти, начавшіеся со времени отъѣзда Петра, приняли громадные размѣры и были искрой, брошенной въ порохъ. „Нынѣ вамъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Что вы стали?..“ И стрѣльцы откликнулись на призывъ: „въ Москву, въ Москву! перебьемъ бояръ, раззоримъ Кукуй (нѣмецкую слободу), перерѣжемъ нѣмцевъ!..“

Нѣмцы остались цѣлы; уцѣлѣлъ и ненавистный народу Кукуй-городокъ: стойкость Гордона и пушки Де-Граге спасли кукуйцевъ отъ народной мести; стрѣльцы были смяты, разбиты, перехвачены и 2 іюля 1698 г.—140 облихованы кнутомъ, а 130 человѣкъ, по указу Шейна и бояръ-правителей, вздернуты на висѣлицы.

Но розыскъ и казни были слишкомъ поспѣшны, милосерды и необстоятельны для столь важнаго дѣла, такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру; „съ печалью и досадою отъ болѣзни сердца“ слалъ онъ еще изъ Амстердама горькія укоризны кесарю Ромодановскому за послабленіе мятежникамъ; и вотъ съ твердымъ намѣреніемъ „вырвать сѣмя Милославскаго, угасить огнь мятежа“ спѣшилъ государь въ столицу: „Сей ради причины, писалъ онъ Ромодановскому, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы и не чаяте“.

Бояре однако чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторникъ, 25 августа, въ 6 часовъ пополудни, только-что прозвонили отъ вечерни, въ боярскихъ палатахъ, дворцовыхъ теремахъ, затѣмъ по всей Москвѣ пролетѣла вѣсть: государь пріѣхалъ! Петръ съ Лефортомъ и Головинымъ возвратились въ столицу. Проводивъ великихъ пословъ до ихъ жилищъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, царь спѣшилъ насладиться радостями любви, но не въ объятіяхъ постылой уже царицы Авдотьи, а въ семействѣ виноторговца, одного изъ жителей Кукуя-городка, Ивана Монса.

Анна Монсъ, младшая дочь виноторговца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ успѣла приковать къ себѣ сердце суроваго монарха. Казалось разсѣянія заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра къ Аннѣ Ивановнѣ; это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что во все время съ марта 1697 года по августъ 1698 года, т. е. во время путешествія своего, государь ни разу не вспомнилъ объ Аннѣ, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ

узн

бо

ма

ху

къ

зы

(

ЦАРИЦА АВДОТЬЯ

1689—1698 гг.

Очерки изъ Рус. Истор. М. Семевскаго, т. III, стр. 8.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

многочисленной переписки съ его нѣмецкими и русскими слугами. Но видъ Кукуй-городка должно быть воскресилъ въ памяти Петра тѣ пріятные часы, которые онъ проводилъ въ семействѣ Монсъ, и вотъ онъ спѣшитъ обнять одну изъ красавицъ нѣмецкой слободы... „Крайне удивительно, писалъ австрійскій посолъ Гварьентъ, крайне удивительно, что царь противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія еще одержимъ прежнею страстью; онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсъ...“ [1]).

Но любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ [2]). На слѣдующіе же дни Петръ поспѣшилъ принять всѣхъ и каждаго, въ комъ только имѣлъ нужду; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣздки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывалъ ножницами, „то были первые — восклицаетъ Устряловъ — и самые трудные шаги къ перерожденію Россіи!“ Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ царемъ изъ-за границы, стриженые сановники услышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе напитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и пиршества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кафтанами.

— „Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому что мнѣ нравится его личность“.

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами; но заявляя предъ ними пріязнь къ Августу, онъ спѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить пиръ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Лефорта. 2 сентября къ нему собралось до 500 человѣкъ гостей; на

---

[1]) Guarient. Депеши его къ имп. Леопольду I, 1698 г., въ X приложеніи Ист. царствов. Петра Великаго, соч. Устрялова, томъ III, стр. 621.

[2]) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-й кварталъ Покровской части.

пирушку, по указу царя, были созваны всѣ нѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется, смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монсъ, настоящую царицу празднества. Заздравные тосты, клики пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами, встрѣчали каждый тостъ, и самая горячая пляска не переставала до позднягo утра...

Но оставимъ танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами; Петръ окруженъ друзьями и слугами, шумна бесѣда „кумпаніи"; хмѣль развязалъ языки, и генералисимусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалтывается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ большомъ числѣ сдѣланныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ-за стола, онъ распрашиваетъ о слышанномъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодованіе; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: „какъ колочу я теперь по столу, кричитъ Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералисимусъ, сдеру шкуру!"

Еслибы можно было перенестись въ это общество, созванное по волѣ царя веселить его и самому веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разтанцовавшихся нѣмокъ-красавицъ и нѣмцевъ-кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахи сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералисимусу грозила явная опасность; одинъ мигъ и— если не шкура, то голова его легко могла бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ... Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Зотовъ дерзнули удержать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-папу, и на половину отрубилъ пальцы князю-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но не смертельны...

„Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ" [1]); каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза го-

---

[1]) Guarient, стр. 622, 625, 626. Нартовъ, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности пира довольно сходно съ разсказомъ Guarient. См. въ „Москвитянинѣ" изд. 1842 г., № 4, стр. 458—460.

сударю, да едва ли были храбрѣе нѣмцы и нѣмки, особенно послѣднія. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ [1]) и взялся успѣшно (dilato haud dubie inaliud tempus furore): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника, кесаря Ромодановскаго, остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алексашку, того самого Алексашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣлецкихъ головъ... [2]) Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ лицомъ и огненными глазами, — знаменитый Александръ Даниловичъ Меншиковъ...

Въ то время, когда пируетъ и изволитъ гнѣваться его царское величество, когда безвѣстная нѣмка съ бойкимъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки, что же дѣлаетъ злополучная, забытая царица?

Извѣстно, что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ убѣдить царицу „во свободѣ“ удалиться въ монастырь [3]). Царица не соглашалась; надо думать, что духовникъ и патріархъ, лица, на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Өеодоровну, дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе какъ на шестой день по пріѣздѣ, четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно лаконическая рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлукѣ съ единственнымъ сыномъ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и не замедлилъ вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы: въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилованіи его за то, что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь; оробѣвшій архипастырь винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которые многими доводами не допустили его до этого. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣ-

---

[1]) Слова: „der junge Favorit aber“ Guarient пишетъ цифирью.

[2]) Нашъ очеркъ: „Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году“, „Отечественныя Записки“ изд. 1861 г., № 5, стр. 120.

[3]) „Царица Авдотья Өеодоровна Лопухина“,—нашъ очеркъ изъ русской исторіи, „Русскій Вѣстникъ“ изд. 1859 г., № 9.

вало царя; три духовныя лица были немедленно, по его указу брошены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха, то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами [1]...

На другой день послѣ описаннаго нами бала приступлено къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы: любимѣйшая сестра Петра, царевна Наталья, оторвала отъ матери ея родное дѣтище; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали:

— Почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній идти въ монастырь? кто тебя отъ этого удерживалъ?

Царица смиренно отвѣтила, что только долгъ матери дѣлалъ ее ослушницей царскихъ повелѣній; она не знала на кого оставить единственнаго сына.

„Затѣмъ,—пишетъ Guarient,—ей оказали милость: дозволили выбрать одинъ изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставили за ней право носить свѣтское платье".

Царицу увезли въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь [2]).

Что было причиной развода Петра съ женой?—Извѣстно, что Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ,—вопросъ не безъинтересный и довольно важный для характеристики Петра, нерѣшеннымъ. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софьею: съ неменьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣнь подозрѣнія: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковнина, и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, „что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ—остается тайной". Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи царицы Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочувствовать имъ, но даже и знать о нихъ—царица не могла.

Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, прижитыхъ отъ своего „лапушки Петруши", не надо забывать, что она горячо любила мужа—о чемъ свидѣтельствуютъ ея письма и

---

[1]) Guarient, стр. 623.

[2]) См. „Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздалѣ—мѣсто заточенія царицы А. Ѳ. Лопухиной", нашъ очеркъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", изд. 1860 г., № 12.

ея ревность къ государю; малѣйшаго же участія царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе—и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденья жены удалиться „во свободѣ“, на личныя объясненія съ нею, не сталъ бы дѣлать ей послабленій, даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить свѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ не сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательства этого всѣмъ извѣстны.

И такъ, не въ мнимомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ ея державнаго супруга надо искать причину ссылки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Ѳедоровна ни мало не соотвѣтствовала идеалу Петра; они —не сошлись характерами.

Мы представляемъ себѣ Авдотью Ѳедоровну идеаломъ такъ называемыхъ до-петровскихъ женщинъ, образцомъ царицъ московскихъ XVII вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она обвыклась съ теремнымъ заточеніемъ; она нянчится съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, съ боярынями и боярышнями, вышиваетъ и шьетъ, сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа.

Жгучей, страстной, порывистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина; — ему нужна была не безмолвная, вельми цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ боязни, что государыня-царица не сказала бы какой-нибудь глупости, „и отъ того пришло-бъ самому царю въ стыдъ“ [1])...

---

[1]) „Московскаго государства, говоритъ Котошихинъ, женской полъ грамотѣ неученыя, и не обычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чюжіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ—и потому легко дознатца, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ: такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало. И только-бъ царь въ то время учинилъ такъ, что... посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посольствѣ, а она-бъ, выслушавъ посольство, собою отвѣту не учинила-бъ никакого, и отъ того пришло-бъ самому царю въ стыдъ“. Котошихинъ, стр. 46.

— „Она глупа!“—говаривалъ Петръ о первой супругѣ [1]). Слѣдовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, „отъ которой пришло-бъ ему въ стыдъ“; и такъ—нужна была женщина, взросшая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутливымъ словомъ кстати, отогнать отъ него черную думу, смягчить гнѣвъ, разогнать досаду; такая, которая бы—не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила, плясала-бъ до упаду силъ, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, видная, ловкая, крѣпкая мышцами, высокогрудая, съ страстными огненными глазами, находчивая, вѣчно веселая, — словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьей,—вотъ что было идеаломъ Петра;— его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской, и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему нѣмецкой иль голландской рѣчью съ какимъ нибудь посломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ, иль иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру—въ семействахъ бояръ въ концѣ XVII-го столѣтія; въ Россіи онъ ее могъ только найти въ Нѣмецкой слободѣ... Анна Монсъ, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и сдѣлалась послѣднимъ поводомъ къ заточенію царицы [2]).

И мы убѣждены, вопреки Устрялову, что никакихъ болѣе важныхъ побужденій, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра: онъ отринулъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наслѣдника престола.

Какъ-бы то ни было, но дѣло, къ великому соблазну народа, свершилось: царь развелся съ женой,—и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ гасить огнь мятежный.

Кремлевскія стѣны—покрываются трупами, московскія площади—обливаются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ „иноземческаго“ царя, противъ бояръ да князей, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы героями умирали за старую Русь, погребаемую Петромъ, не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣлецкія казни:

---

[1]) Нартовъ въ „Москвитянинѣ“, изд. 1842 г., № 11, стр. 140.

[2]) То же думаетъ кн. М. М. Щербатовъ въ соч. „О поврежд. нравовъ“, см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 г. (въ третьемъ изд.), томъ II.

Изъ кремля, кремля, крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тутъ широкая дорожка.
Что по той ли по широкой, по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, большаго боярина,
Что большаго боярина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей—озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
„Ты дитя-ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ".
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на Красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца 1698 г. въ разные дни восемь длиннѣйшихъ процесій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы: ихъ везли и вели на кровавое побоище. Москва пріобыкалась къ подобнымъ картинамъ:

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его,—повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скованы,
По правую руку идетъ страшенъ палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная.

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было и самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: „отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцовъ, го-

варивалъ онъ въ это время, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысля о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожаждущая саранча!“ [1]).

По свидѣтельству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра дергали тогда по ночамъ такія конвульсіи во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ деньщиковъ и только держась за его плечи—могъ заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и личныхъ мускулъ въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ [2]). „Юный фаворитъ“ былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связаннаго съ ненавистной для него стариной; въ Меншиковѣ для Петра выростало поколѣніе его ставленниковъ, его птенцовъ... Отъ вниманія народа не ускользнула эта любовь къ юношѣ и онъ поспѣшилъ объяснить ее, разумѣется, на свой ладъ.

— Къ Алексашкѣ Меншикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государева милость такова, что никому таковой нѣтъ!

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и не было; ч.... его съ нимъ снесъ... вольно ему что ч.... въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ! [3])...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ самыя черныя истолкованія нерѣдко чистыхъ чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время.

Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ; что это была за женщина, окончательно „остудившая“ его къ

---

[1]) Современникъ Нартовъ. „Москвитянинъ“, изд. 1842 г.

[2]) Нартовъ. „Москвитянинъ“, изд. 1842 г., № 4, стр. 466—467.

[3]) Изъ дѣлъ преображ. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣту тяглеца золотаря, 30-го августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Александру Меншикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправилъ въ Преображенскій приказъ; Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей, но заступничество его опоздало, Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій птенецъ Петра и, по его смерти, вершитель судебъ Россіи съ юныхъ лѣтъ обыкался принимать взятки.

[illegible] всѣ уди [illegible]
[illegible] Такова [illegible]

[illegible] людей. [illegible]
[illegible] что [illegible]

[illegible]

[illegible] ...

[illegible] и онъ [illegible]

[illegible] свой [illegible]

— [illegible] между прочимъ [illegible]

[illegible]

— [illegible] къ Богу, что [illegible]

— Тутъ [illegible] ему что ч.... [illegible] четъ! [3]...

[illegible] въ [illegible] которой [illegible] времи [illegible]

[illegible] какого [illegible]

[1]) Соврем[illegible]

[2]) Нарт[illegible]

[3]) Изъ [illegible] рублей [illegible] Будущій [illegible] по его смерти, [illegible] взятки.

КАЗНЬ СТРѢЛЬЦОВЪ ВЪ МОСКВѢ
въ 1698 г.

Очерки изъ Рус. Истор. М. Семевскаго, т. III, стр. 16.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

царицѣ и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи, что̀ это за женщина—которой, по свидѣтельству иноземцевъ—отдавъ сердце, Петръ непремѣнно бы отдалъ и корону всея Россіи [1]), если бы только на его любовь красавица отвѣтила такою же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда дюжинныхъ любовницъ великихъ персонъ — и заслуживаетъ нѣсколькихъ страницъ въ очеркахъ исторіи царствованія Петра Великаго.

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со временъ Ивана Грознаго, особою слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; Нѣмецкая слобода—была какъ бы особымъ городомъ, рѣзко выдѣлявшимся какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Раззореный и уничтоженный „въ нужное и прискорбное время“, т. е. въ началѣ XVII-го вѣка, „Кукуй-городокъ“ [2]) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ [3]).

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ новоиноземческой слободѣ. Отведенныя подъ нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземческія кирки и жизнь совершенно особая потекла на Кукуѣ. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, „художествъ и ремеслъ“. Подлѣ дома генерала подымалось жилище нѣмецкаго гостя, близь доктора — жилъ какой нибудь виноторговецъ, далѣе золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большею частію жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ здѣсь были замѣтнѣе другихъ дома Кельдермана, „Московскаго государства повѣреннаго и чести достойнаго“ Даніеля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса и друг. Тутъ же жили семейства покойныхъ служилыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и друг. [4]). Не смотря на сословныя отличія и разность занятій,—иноземцы, го-

---

[1]) Helbig, Russische Günstlinge, стр. 110—112; Георгъ Корбъ, истор. Миллеръ и др.

[2]) Такъ прозывалась слобода отъ близь протекавшаго ручья Кукуя.

[3]) Полное Собр. Законовъ, т. I, № 85.

[4]) О Гамильтонѣ см. въ статьѣ нашей „Фрейлина Гамильтонъ“, въ книгѣ „Слово и дѣло“, изд. 1883 г., стр. 187—268.

воря вообще, жили незамкнуто въ своихъ семьяхъ или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная, при первыхъ благопріятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ, получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда Московское правительство, въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать. Почти всѣхъ хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ,—а красавицами изобиловала слобода,—можно было встрѣтить на любой вечеринкѣ у какого-нибудь негоціанта. Вечернія сходки были безпрерывны; на нихъ обыкновенно старики и важные иноземцы собирались въ отдѣльномъ покоѣ, дымили трубками, да осушали стаканы, а молодежь безъ устали танцовала въ сосѣднихъ покояхъ; тутъ были и безконечный польскій, и гросъ-фатеръ, и какой-то танецъ съ поцѣлуями; пляски—зачастую начатыя въ 5 часовъ пополудни—оканчивались къ 2 часамъ утра; устали и церемоній не знали; простота и свобода доходили до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно...

Тѣмъ не менѣе, люди пріѣзжіе невольно дивились тому, какъ весело проводили время жители иноземческой слободы; не проходило почти ни одного вечера, чтобъ они не сходились другъ къ другу съ женами, дочерьми, племянницами...

Въ то время, когда русская боярыня или боярышня отвѣшивала поклоны за торжественными обѣдами московской знати, либо церемонно лобызалась съ почетными гостьми, по волѣ хозяина дома; въ то время, когда отъ этихъ теремныхъ красавицъ трудно было добиться другихъ отвѣтовъ, кромѣ „да“, „нѣтъ“, „не знаю“, въ это время на другомъ берегу Яузы, въ семействахъ и общихъ собраніяхъ иноземцевъ, царила относительная свобода, веселье и простота.

Мудрено ли послѣ этого, что пылкій Петръ, никакъ не могши примириться съ обрядностью и торжественностью русскаго быта тогдашнихъ бояръ, всей душой полюбилъ частную и общественную жизнь иноземцевъ.

Мы не станемъ, вслѣдъ за Устряловымъ, увѣрять, что молодого монарха съ первыхъ же годовъ тянула на Кукуй-городокъ жажда получить отъ иноземцевъ „образованіе для себя и для своего народа“; кто знаетъ молодость Петра (а Устрялову была она извѣстна лучше, чѣмъ кому-нибудь другому), тотъ хорошо знаетъ и то, что государь, по крайней мѣрѣ въ первое время, ласково протянулъ руку чужеземнымъ пришельцамъ вовсе не съ такою высокою цѣлью, а просто ради веселаго и пріятнаго препровожденія времени.

Но дѣйствительно эти веселыя пирушки на Кукуѣ сдѣлались школою для Петра, и притомъ такою школою, изъ которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здѣсь-то Петръ, по выраженію народа, излишне „почалъ вѣровати въ нѣмцевъ", не даромъ же народъ съ такою ненавистью и озлобленіемъ относился къ кукуйцамъ [1]).

Впрочемъ Петръ мало интересовался симпатіей или антипатіей народа; нѣмецкая слобода довольно рано сдѣлалась для него отраднѣйшимъ уголкомъ въ Москвѣ; здѣсь онъ задолго еще до заграничной поѣздки переходилъ отъ одной потѣхи къ другой, здѣсь слагались у него планы смѣлыхъ походовъ его на берега Чернаго моря [2]), здѣсь за чарами пива и водки выслушивалъ онъ длинные и, безъ сомнѣнія, хвастливые разсказы иноземцевъ о красотахъ заморской жизни; здѣсь, наконецъ, Петръ вкусилъ радости любви...

Іоаннъ Монсъ, уроженецъ города Миндена, что на Везерѣ [3]), по извѣстіямъ Корба [4]), былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; по словамъ другихъ современниковъ, между прочимъ посла Гваріента, Монсъ былъ виноторговецъ.

Быть можетъ оба ремесла служили средствомъ существованія этого семейства. Оно прибыло въ Россію во второй половинѣ XVII столѣтія; Монсъ пріѣхалъ изъ города Миндена съ двумя аттестатами отъ городскихъ властей о его способностяхъ и ученіи, съ женой, весьма заботливой хозяйкой, и съ нѣсколькими дѣтьми. Разсказы и письма кукуйцевъ, прежнихъ выходцевъ изъ заграницы, родствен-

---

[1]) Аделунгъ о Мейербергѣ изд. 1827 г., стр. 207—209; Олеарій, Берхгольцъ, А. Гордонъ, Устряловъ и др.

[2]) „По указу государеву, нынѣ, въ 1697 году, намъ гостямъ, говорили недовольные купцы, указано устроить корабли на Воронежѣ; а чортъ ли его государя несетъ подъ Царь-городъ; жаль силы что пропадетъ, а онъ государь хоть бы и пропалъ—мало горя!" (Дѣл. Преобр. приказа 1698 г.). Подобные толки показываютъ, какъ неохотно принималъ народъ даже тѣ повелѣнія нелюбезнаго ему государя, которыя явно клонились къ пользѣ и величію Россіи.

[3]) Helbig, Russische „Günstlinge", говоритъ, что Mons de la Croix былъ родомъ изъ Франціи, сынъ содержателя таверны (Weinschenke); отецъ его поселился сначала въ Ригѣ, а оттуда перешолъ въ Москву. По словамъ другихъ Монсъ былъ по происхожденію фламандецъ. Нужно однако замѣтить, что прибавленіе къ его фамиліи de la Croix встрѣчается гораздо позже и только въ письмахъ, относившихся къ его второму сыну, знаменитому Виллиму Ивановичу.

[4]) Diarium itineris in Moscoviam. Viennæ. 1700, стр. 106. Въ своемъ дневникѣ 1698 и 1699 годовъ Корбъ часто упоминаетъ о domicella Mons.

ныя связи и, наконецъ, что самое важное, надежды на обогащеніе—привлекли Монса въ отдаленную Московію.

Въ грамотахъ, привезенныхъ имъ съ собой, сказано было, что Іоаннъ въ имперскомъ вольномъ городѣ Вормсѣ два года обучался съ большимъ успѣхомъ „бочарному мастерству“ [1]); безъ сомнѣнія, это же ремесло, а затѣмъ болѣе выгодная спекуляція — винотор-говля—и дали средство Монсу къ безбѣдному существованію.

У него было три сына; изъ нихъ намъ извѣстны: Филимонъ и Виллимъ, и двѣ дочери: Модеста, въ русскомъ переводѣ Матрена, и Анна.

Съ домомъ старика Монса хорошо былъ знакомъ съ самаго пріѣзда своего въ Россію, т. е. съ 1676 г., знаменитый Лефортъ; гуляка, поклонникъ женской красоты, онъ часто бывалъ у виноторговца и ухаживалъ за хорошенькими дочерьми; изъ нихъ старшая скоро вышла замужъ за иноземца Ѳедора Балка.

---

[1]) Двѣ грамоты, привезенныя Монсомъ, были: а) свидѣтельство отъ бургомистра и совѣта гражданъ Миндена въ томъ, „что почтенный и уважаемый Іоаннъ Георгій Монстъ, законнорожденный сынъ бывшаго оберъ-вахмистра кавалеріи Тилемана Монста и Маргариты Монстъ, урожден. Роббенъ, можетъ быть принятъ во всѣ цехи, гильдіи, общества и колегіи; въ чемъ и выдано ему, Іоанну-Георгу Монсту, это метрическое свидѣтельство. Городъ Минденъ, 7-го августа, 1657 года“.

Второй документъ выданъ Монсту: б) отъ Ганса Леонгардта-Бендта, гражданина имперск. вольн. города Вормса, мастера изъ бочарнаго цеха. Бендтъ выданною изъ цеха грамотою свидѣтельствовалъ, что „Іоаннъ-Георгій Мунстъ изъ Миндена, сынъ Тильмана Мунста, бывшаго вахмистера короля шведскаго, въ 1657 году отданъ былъ мнѣ на два года для обученія его бочарному ремеслу. Въ продолженіи всего этого времени Мунстъ былъ усерденъ въ ученіи, благонравенъ въ поведеніи и совершенно изучилъ бочарное ремесло. 1659 г.“.

Оба свидѣтельства писаны на пергаментѣ съ приложеніемъ черныхъ восковыхъ печатей, налитыхъ въ деревянную оправу и привѣшанныхъ на шелковыхъ лентахъ. Этотъ Іоаннъ Монстъ, Мунстъ или Монсъ—одно и то же лицо—живъ былъ въ началѣ 1703 года, что видно изъ сохранившейся долговой его росписки генералъ-фурьеру Іоанну Гольцу — въ 100 рейхсталеровъ—1703 года; онъ умеръ не позже ноября 1703 года. (Государств. арх. бумаги Монсъ). Что въ ноябрѣ 1703 г. старика Монсъ уже не было на свѣтѣ, это видно изъ слѣдующаго: „9-го ноября 1703 г.,—какъ значится въ одной купчей помѣстнаго приказа,—жильцы Петръ и Сидоръ Уколовы продали иноземкѣ вдовѣ Матренѣ Ефимовнѣ, иноземца Ивановской жены Монсова, да дѣтямъ ея: капитану Филимону, да брату его Виллиму Ивановичу, да дочери ея дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Монсовымъ, вотчины свои въ Курскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ перечень четырехъ деревень) за 1,550 руб.“ См. Дѣла по имѣніямъ частн. лицъ въ Госуд. архивѣ, Кабинет. Петра I, картонъ LXXXVI.

Если вѣрить Гваріенту, а не вѣрить ему нѣтъ основанія, младшая изъ сестеръ Монсъ сдѣлалась любовницей ловкаго женевца.

„Монсы, по словамъ Гюйсена, принимали Лефорта очень гостепріимно. Потомъ, когда при стрѣлецкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвальнаго великодушія (слова Гюйсена) остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастія“.

Такъ объясняетъ причину возвышенія Монсовъ Гюйсенъ, извѣстный воспитатель царевича Алексѣя и авторъ хвалебныхъ брошюръ о Петрѣ I. Дѣло, какъ кажется, было проще; ни о какомъ похвальномъ великодушіи рѣчи не было; Лефортъ всегда старался потѣшать своего державнаго питомца, доставлялъ ему всякаго рода развлеченія и, разумѣется, какъ на веселую и пріятную утѣху указалъ на красавицу Монсъ...

Анна Ивановна, по словамъ болѣе правдиваго Гваріента, сдѣлалась фавориткою обоихъ друзей [1]).

Почти одновременно съ любовью къ Монсъ, около 1692 года, начинается охлажденіе Петра къ его законной супругѣ; онъ неохотно съ ней переписывается, не отвѣчаетъ на ея письма, не обращаетъ вниманія на ея упреки; въ 1693 году государь бьетъ ея брата Аврама Лопухина, бьетъ по щекамъ за ссору его съ Лефортомъ. Вскорѣ царица съ глубокою скорбью пишетъ къ мужу: „Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія...“ Но свѣтъ не внемлетъ ея пѣнямъ, и между поѣздками на Бѣлое море, между воинскими потѣхами въ окрестностяхъ Москвы, ищетъ отдыха не у нея, „безчастной“, а въ обществѣ Лефорта и своихъ друзей, въ домѣ красавицы Кукуй-городка.

Можно представить себѣ послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ смотрѣла царица Авдотья на нѣмецкую слободу; и станемъ ли мы винить ее, вслѣдъ за Устряловымъ, за то, что она считала кукуйцевъ за нехристей и развратниковъ: вѣдь слободская нѣмка оторвала отъ ея ложа „лапушку свѣтъ Петрушеньку“.

---

[1]) Устряловъ. Исторія царствов. Петра I, т. III, прилож. X, стр. 621.

Между тѣмъ государь два раза слеталъ подъ Азовъ:

Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты, подъ высокіе...

А тутъ путешествіе заграницу; Петръ оставляетъ жену подъ надзоромъ бояръ и духовныхъ, имъ и поручаетъ удалить ее въ монастырь; что же до Анны Монсъ, то ее осыпаетъ подарками и, въ знакъ благоволенія, беретъ съ собой ея старшаго брата Филимона [1]).

Народъ не замедлилъ подмѣтить разрывъ царя съ царицей и глухо заговорилъ о томъ, будто бы бояре бьютъ уже государыню по щекамъ...

Таковы были отношенія Петра къ двумъ женщинамъ, когда вѣсть о стрѣлецкомъ возстаніи заставила его преждевременно возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какъ съ перваго же вечера вспыхнула въ немъ прежняя страсть къ Аннѣ Ивановнѣ. Отсюда значеніе ея все болѣе и болѣе растетъ.

Насколько же заслуживала безвѣстная нѣмка любовь Петра?

Иностранцы и преимущественно нѣмцы отзываются о ней съ большими похвалами. Helbig, напримѣръ, сводитъ отзывы всѣхъ объ Аннѣ Монсъ, и на основаніи этого свода выходитъ, что „эта особа служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, не прикидывалась страдалицей; имѣла самый обворожительный правъ, невозмущаемый капризами, не знала кокетства, плѣняла мужчинъ, сама того не желая, была умна и въ высшей степени добросердечна“ [2]). Кромѣ этихъ отмѣнныхъ качествъ, по увѣреніямъ тѣхъ же нѣмцевъ, Анна была до такой степени цѣломудренна, что на любовныя предложенія Петра отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ.

Эти восторженные отзывы нѣмцевъ, вызванные желаніемъ возбудить сочувствіе къ судьбѣ своей единоземки, разлетаются при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами и съ разсказами безпристрастныхъ современниковъ. Такъ, цѣломудріе было не въ характерѣ Анны Ивановны; съ легкой руки Лефорта она всецѣло отда-

---

[1]) „Филимонъ Монсовъ“ въ „Спискѣ всякихъ чиновъ людямъ, которые нынѣ въ посольствѣ 1697 г.“ значится пажемъ при первомъ послѣ, т. е. при генералъ-адмиралѣ Францѣ Яковлевичѣ Лефортѣ. Устряловъ, III, стр. 572.

[2]) „Russische Günstlinge“: Анна фонъ-Кейзерлингъ, рожденная Монсъ де ла Круа, стр. 110—112.

лась Петру; объ этомъ заговорили вездѣ: въ домахъ иноземцевъ, въ избахъ простолюдиновъ, въ колодничьихъ палатахъ.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой, говорилъ между прочимъ нѣмецъ, портной Фланкъ, аптекаршѣ Якимовой,—и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя...

— Это не ту кровать ты видѣлъ, прервала аптекарша:—а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь; здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Затѣмъ аптекарша пустилась въ „неудобь-сказываемыя“ подробности.

— Какой онъ государь, говоритъ о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ въ казенкѣ Преображенскаго приказа одному изъ своихъ товарищей-колодниковъ,—какой онъ государь! бусурманъ! въ среду и пятницу ѣстъ мясо и лягушки... царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анною Монсовой... [1]).

Петръ рѣшительно сталъ смотрѣть на нее какъ на будущую свою супругу-царицу; смерть Лефорта, лишивъ его любимѣйшаго друга, въ то же время избавила царя отъ совмѣстника и вывела изъ неловкаго положенія „вѣрную“ ему Анну,—такъ она подписывала свои письма.

Въ концѣ апрѣля 1699 года государь отправился въ послѣдній походъ подъ Азовъ и его субъ-супруга поспѣшила завязать съ нимъ нѣжную переписку; къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣло только пять писемъ Анны Монсъ [2]), но ихъ довольно, чтобъ судить о характерѣ корреспонденціи и о характерѣ писавшей; что до отвѣтовъ Петра, то они не дошли до насъ: ихъ, какъ кажется, уничтожили въ годъ разрыва государя съ его фавориткой.

Уцѣлѣвшія письма Анны къ государю писаны по русски, за исключеніемъ подписей и маленькихъ приписокъ ея руки частью на нѣмецкомъ, частью на голландскомъ языкахъ, но такъ какъ Анна по русски писать не умѣла, то русскій текстъ писанъ рукой секретаря [3]).

---

[1]) Столбцы Преображенскаго приказа $^{1230}/_{45}$—$^{1243}/_{53}$.

[2]) Онѣ напечатаны нами въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ изд. 1860 г., № 17, въ приложеніи къ нашему очерку: „Наталья Ѳедоровна Лопухина“.

[3]) Едвали ни Адамомъ Вейде; по крайней мѣрѣ онъ отсылалъ и даже приписывалъ отъ себя въ письмахъ Анны Ивановны къ государю. Интересные разсказы о немъ см. у Helbig'a, стр. 98—102.

Въ этихъ письмахъ [1]) мы находимъ обычныя пожеланія: „милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу“ желаю „многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія“, затѣмъ убѣдительнѣйшая просьба: „дай государь милостиво вѣдати о своемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной о твоемъ великомъ здравіи всѣмъ сердцемъ обрадоваться“; впрочемъ подобныхъ просьбъ расточать кажется доводилось не много, такъ какъ въ пяти письмахъ Анны мы находимъ двѣ ея благодарности государю за его отвѣты: „челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ, обрадовалъ и далъ милостиво вѣдать о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа-Бога“ и проч. „и дай-Богъ, чтобъ намъ вскорѣ видѣть милостивое пришествіе твое“.

Изъ этихъ церемонныхъ, офиціальныхъ фразъ можно думать, что Петръ не доводилъ еще Анну до излишней съ нимъ короткости, но однако тутъ же мы находимъ знаки нѣжныхъ заботъ „Аннушки“ о своемъ героѣ.

Она хлопочетъ, по его просьбѣ, достать нѣсколько скляницъ какой-то „цедреоли“; „вельми печалится“, что не удается ее достать; жалѣетъ, что у нея „убогой крыльевъ нѣтъ“, а „еслибы у меня убогой, пишетъ Анна Монсъ, крылья были и я бы тебѣ, милостивому государю, сама принесла (цедреоль)“.

Въ ожиданіи, пока выростутъ крылья, или по крайней мѣрѣ добудетъ завѣтный напитокъ „вѣрнѣйшая до своей смерти“ Анна Ивановна (sein getreue dinnerin bet in mein dot), посылаетъ „четыре цитрона и четыре апельсина“, чтобъ государь „кушалъ на здоровье“, а наконецъ посылаетъ и цедреоли двѣнадцать скляницъ, причемъ проситъ не гнѣваться: „больше-бъ прислала, да не могла достать“.

Съ такими нѣжными заботами относительно государя, казалось бы, Анна Ивановна рѣшительно должна была приковать къ себѣ эту пылкую натуру: такъ и случилось, но не надолго.

Красавица, ангелоподобное существо, какою изображаютъ ее чувствительные нѣмцы, не любила Петра; она и отдалась-то ему

---

[1]) Отъ 28 мая, 8 іюня, безъ числа, 28 іюля и отъ 11 сентября; на двухъ изъ нихъ означенъ адресъ: „Asoff“ „An Myn heer groot commandeur Peter Alexewitz“; на одномъ обозначенъ Anno 1699 г., но по общему характеру писемъ можно догадываться, что они всѣ принадлежатъ къ одному 1699 году.

[illegible] затѣмъ убѣди[illegible] [illegible] государыни [illegible]

[illegible]

о [illegible]

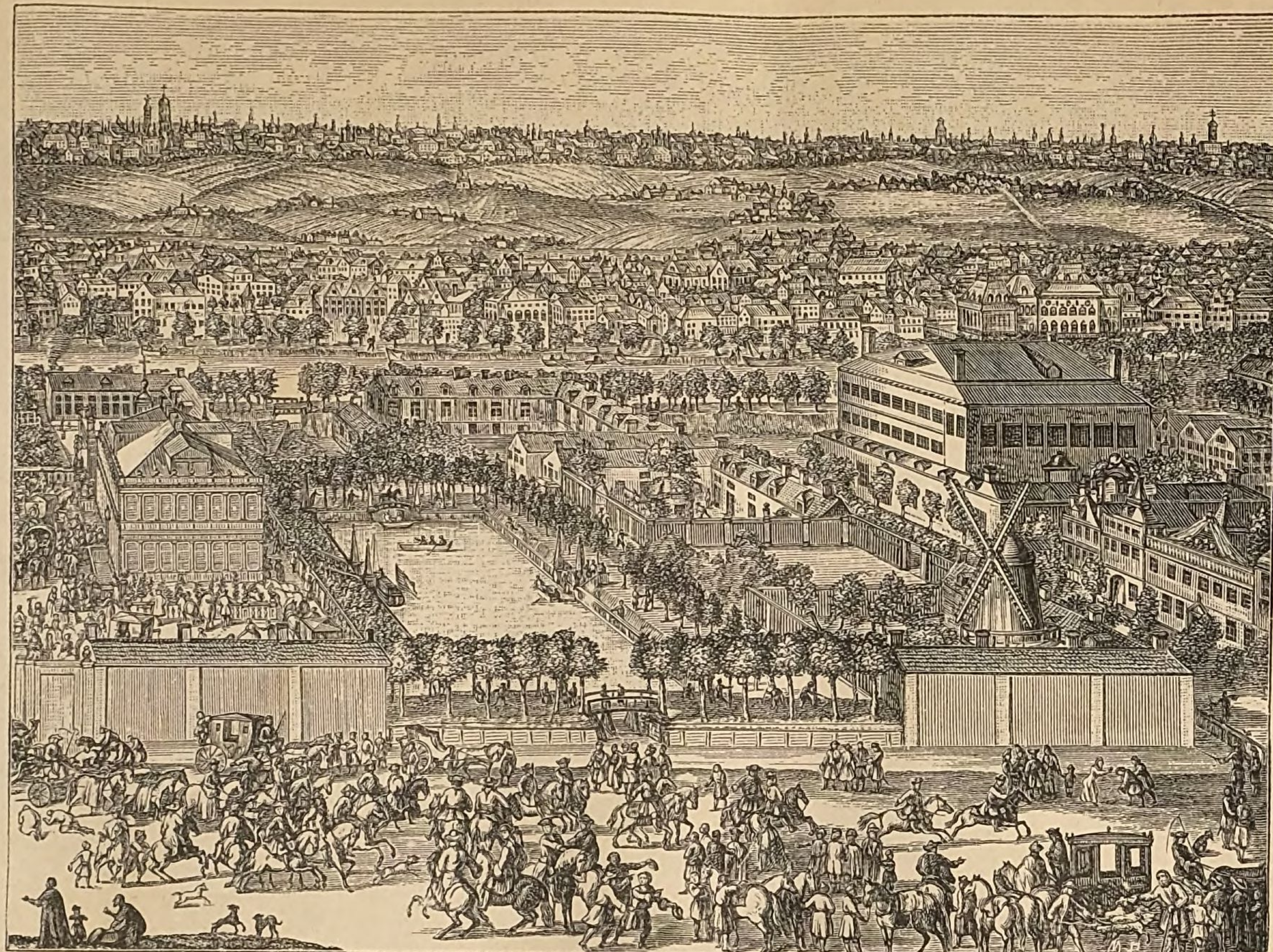
Она хлопочетъ, но [illegible] "[illegible]" [illegible] милости[illegible]

[illegible] или по крайней [illegible] до своей смерти" [illegible], посылаетъ [illegible] государь "кушаетъ [illegible] и [illegible] двѣнадцать [illegible] "[illegible] бъ [illegible], да не [illegible]

[illegible] государя, казалось бы, [illegible] прикопать къ себѣ эту [illegible] надолго.

[illegible] какою изображаютъ ее [illegible] Петра: она и отдалась-то ему

[illegible] 28 мая, [illegible], безъ числа, [illegible] и отъ [illegible] сентября; на двухъ [illegible] означенъ адресъ: „Asoff“ „[illegible] commandeur Peter [illegible]“; на одномъ обозначено Anno 1699 г., но по общему характеру писемъ можно догадываться, что они всѣ принадлежатъ къ одному 1699 году.

НѢМЕЦКАЯ СЛОБОДА ВЪ МОСКВѢ
въ 1690 — 1710 гг.

Очерки изъ Рус. Истор. М. Семевскаго, т. III, стр 24.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

только изъ корысти, ради собственной прибыли и возвышенія своей фамиліи. Еще не успѣвъ заявить себя ничѣмъ, кромѣ посылками апельсинъ, цитроновъ и цедреоли, никакими болѣе важными подвигами преданность своему благодѣтелю, Анна уже торопилась вмѣшаться въ разныя тяжбы и ходатайствовать предъ государемъ въ дѣлахъ, которыя вовсе до нея не касались. Много ли уцѣлѣло ея писемъ къ Петру, а въ двухъ изъ нихъ она проситъ за вдову Петра Салтыкова въ дѣлѣ ея съ Лобановымъ, молитъ о перенесеніи этого дѣла изъ одного приказа въ другой и о томъ, чтобъ не чинить правежъ людямъ Салтыковой [1]). Впрочемъ, на первые разы Анна Монсъ проситъ осторожно съ оговорками: „пожалуй, государь, не прогнѣвайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей“.

И между тѣмъ продолжала докучать не только о чужихъ дѣлахъ, но спѣшила позаботиться о составленіи собственнаго достатка: „благочестивый великій государь, царь Петръ Алексѣевичъ, писалъ секретарь подъ диктовку Монсъ: многолѣтно здравствуй! о чемъ государь я милости у тебя, государя, просила, и ты государь поволилъ приказать Ѳедору Алексѣевичу (Головину) выписать изъ дворцовыхъ селъ волость; и Ѳедоръ Алексѣевичъ, по твоему государеву указу, выписавъ, послалъ къ тебѣ, государю, чрезъ почту; и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и для многолѣтняго здравія царевича Алексѣя Петровича, свой государевъ милостивый указъ учини...“

Не находя еще убѣдительнымъ такой, въ высшей степени странный (въ устахъ виновницы ссылки царицы), аргументъ, какъ подарокъ волости—„для многолѣтняго здравія царевича“,—Анна Ивановна собственноручно приписала: „я прошу, мой милостивѣйшій государь и отецъ, не презри мою нижайшую просьбу, ради-Бога, пожалуй меня, твою покорнѣйшею рабу до моей смерти А. М. М.“ [2]).

---

[1]) Извѣстно, что помѣщики и помѣщицы въ дѣлахъ о собственныхъ своихъ долгахъ выставляли кредиторамъ на правежъ крѣпостныхъ своихъ людей.

[2]) „Ich versuche mein gnadigste herr und Vader seyt mein gnadige bitt nit af um gottes Willen posalu mene sein underdanigste dienerrin bet in mein dot A. M. M. dem 11 September“. Въ подписяхъ Анны два М. быть можетъ означало: „Монсъ-фонъ-Монстенберъ“, или же другое ея имя Маргарита, но прибавленія de la Croix въ ея подписяхъ ни разу намъ не встрѣтилось, равно какъ нѣтъ этого прибавленія ни въ одномъ изъ подлинныхъ писемъ ея матери и старшей сестры.

Всѣ эти убѣжденія и заклинанія были не болѣе какъ приличіемъ; Анна Ивановна могла обойтиться и безъ нихъ: Петръ съ полною готовностью выполнялъ всѣ ея просьбы, и мало этого, несмотря на извѣстную свою бережливость въ отношеніи къ женщинамъ, доходившую до скупости, осыпалъ красавицу щедрыми подарками; довольно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, чтобъ судить объ остальныхъ: государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными камнями на сумму въ 1000 рублей! Кромѣ этого, Анна Ивановна получила нѣсколько имѣній съ разными угодьями и выпросила себѣ ежегодный пенсіонъ [1]); вниманіе къ ней государь распространилъ до того, что на счетъ казны выстроилъ ей въ нѣмецкой слободѣ, близь кирки, огромный—конечно по тогдашнему времени—палаццо.

Не довольствуясь этимъ и увлекаемая частью собственными склонностями къ стяжанію, частью убѣжденіями матери, Анна Ивановна, какъ уже мы видѣли, стала мѣшаться въ разныя тяжбы; она и ея родные не жалѣли своихъ кліентовъ и собирали отъ нихъ много драгоцѣнностей [2])... Подобныя вмѣшательства тѣмъ легче были для Монсъ, что, по свидѣтельству Гюйсенъ, даже „въ присутственныхъ мѣстахъ было принято за правило: если madame и mademoiselle Montzen имѣли дѣло и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлались особенныя reflexion salva justitia, и вообще Монсамъ въ дѣлахъ до ихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе“ [3]). „Они этимъ снисхожденіемъ такъ широко воспользова-

---

[1]) Она получала въ годъ съ матерью 708 рублей,—сумма по тому времени немаловажная.

[2]) О количествѣ серебряной и золотой посуды и домовыхъ уборовъ, а также о собраніи алмазовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшихъ Аннѣ Ивановнѣ Монсъ, можно судить изъ описей ея имуществъ, составленныхъ въ 1714 году, т. е. уже болѣе десяти лѣтъ спустя послѣ времени, когда она состояла въ фаворѣ; въ десять лѣтъ имущество ея могло нѣсколько умалиться и при всемъ томъ оно было весьма цѣнно. См. прилож. II, дѣло о наслѣдствѣ Анны Монсъ.

[3]) Разсказывая это, Гюйсенъ—такъ наивенъ, что рѣшается увѣрять, будто бы все это дѣлалось потому только, что государь далъ обѣщаніе Лефорту при его смерти покровительствовать Монсамъ. Цитуемое соч. Гюйсена было написано въ 1706 г. противъ брошюры Нейбауера: „Schreiben eines vornehmen deutschen Officirers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung der frembden Officirer so die Moscovitter in jarer Dienste lacken“. 1704 г. См. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1860 г. № X, ст. „Нейбауеръ и его брошюра“ и № III: „Баронъ Гюйсенъ“.

лись, продолжаетъ Гюйсенъ, что принялись за ходатайство по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того нанятыхъ стряпчихъ (адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ)".

Дѣла довольно разнообразнаго свойства обдѣлывались при посредничествѣ Анны Ивановны; разскажемъ со словъ современника одно изъ такихъ дѣлъ.

Въ 1699 г. состоялъ въ Москвѣ на службѣ артиллерійскій полковникъ—иноземецъ Krage, какъ кажется именно тотъ, который пушечными залпами подъ Воскресенскою обителью спасъ Кукуй отъ огня и ножа стрѣльцовъ; однажды пьяный гайдукъ Krage въ присутствіи барина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука наказали кнутомъ; минеръ не удовольствовался этимъ и по выздоровленіи подалъ на полковника счетъ, что стоило ему леченье; хлопоты свои Серьеръ началъ чрезъ фаворитку царя, frayen Monsin, и „ея дочь", говоритъ Плейеръ [1]); но австрійскому послу два раза удалось защитить полковника: минеръ получилъ отказъ въ своей претензіи; но на бѣду случилось, что Krage какъ-то поссорился съ дѣвицею Монсъ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всего семейства; въ то время, когда Krage неосторожно ссорился съ Монсъ, противникъ его вызвался у этой госпожи завѣдывать ея дѣлами и хозяйствомъ, и такъ умѣлъ къ ней подбиться, что та, по выраженію Плейера, „настойчиво ходатайствовала за него у царя", и Петръ, вопреки двукратному отказу въ претензіи минера, приговорилъ Krage къ штрафу въ 560 рублей.

Государь, подъ вліяніемъ кукуйцевъ, по выраженію народному, все болѣе и болѣе „онѣмечивался"; въ этомъ вліяніи, разумѣется, значительную долю имѣла и обворожительная Анна Ивановна; въ январѣ 1700 года на всѣхъ воротахъ Москвы появились строгія объявленія всѣмъ мало-мальски зажиточнымъ русскимъ людямъ зимою ходить въ венгерскихъ кафтанахъ или шубахъ, лѣтомъ же въ нѣмецкомъ платьѣ; мало этого, отнынѣ ни одна русская дворянка не смѣла явиться предъ царемъ на публичныхъ празднествахъ въ русскомъ платьѣ... [2]).

---

[1]) Устряловъ. III. прил. XI, дон. Otto Pleyer отъ 10 декабря 1699, стр. 643—645.

[2]) Otto Pleyer, стр. 648—649. Объ удовольствіяхъ Петра въ нѣмецкой слободѣ, въ 1702 году, см. интересныя записки Корнелія Бруина; выдержки изъ нихъ, съ примѣчаніями довольно странными, напечатаны Свиньинымъ

И „все то, заговорилъ народъ, найде намъ скорбь и туга велія по зависти діавольской и пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ; влѣзли окояннія татски, яко хищницы волцы въ стадо христово!"

Военныя тревоги, страшная борьба съ „сѣвернымъ героемъ", занимавшая молодого государя, давали полный просторъ дѣйствовать въ собственную пользу „пришельцамъ иновѣрныхъ языковъ"; этой цѣли вѣрна была все время Анна Ивановна.

Обогатившись отъ щедротъ своего благодѣтеля, сластолюбивая нѣмка скоро забыла всѣ благодѣянія государя, забыла, что шкапы и гардеробъ ея наполнены ею же выпрошенными драгоцѣнными подарками... она измѣнила ему и отдала свое сердце — саксонскому посланнику Кенигсеку...

Эта личность намъ мало извѣстна; знаемъ только, что въ 1702 году онъ поступилъ въ русскую службу и сопровождалъ царя Петра въ его походахъ. Новая связь была искусно скрыта и недостойная подруга Петра была до такой степени нагла, что, ужь измѣнивши ему, не стыдилась еще выпрашивать и получать отъ него подарки. А подарки были не малоцѣнны: они состояли ни больше, ни меньше какъ изъ русскихъ крестьянскихъ душъ.

Такъ, въ январѣ 1703 г., Анна Ивановна получила въ свое владѣніе село Дудино въ Козельскомъ уѣздѣ, 295 дворовъ со всѣми угодьями [1]).

Петръ свѣдалъ объ измѣнѣ „вѣрной до смерти" Аннушки совершенно случайно. Эта случайность разсказывается иноземными писателями и писательницами съ всевозможными романическими прикрасами; благодаря имъ, Анна Ивановна дѣлается какой-то страдалицей-героиней, вызывающей сочувствіе. Напомнимъ чувствительнѣйшій изъ подобныхъ разсказовъ; онъ принадлежитъ леди Рондо, писавшей пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Анны Монсъ:

— „Петръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большою нѣжностью любилъ дочь одного офицера, по имени Мунса, и казалось

въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1829 г., ч. XXXIX, с. 346—365, ч. XL, с. 46 и 394. Въ наше время изданъ полный переводъ этихъ записокъ. Здѣсь помѣщены описанія разныхъ казней въ Москвѣ за 1702 годъ, шутовская свадьба царскаго любимца Филатки съ княжною Шаховскою,—свадьба, въ которой осмѣивались русскіе свадебные обычаи и т. п. событія.

[1]) Госуд. Архивъ. Кабинет. дѣла Петра I, половина II, кн. XCII, с. 117.

былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошелъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и иностранныхъ министровъ. На возвратномъ пути польскій министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, несмотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ приказалъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ и запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ выпалъ портретъ; государь поднялъ его и—представьте его удивленіе! Портретъ изображалъ его любезную. Онъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ въ нихъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Оставивъ общество, государь приказалъ позвать измѣнницу..." Затѣмъ леди передаетъ, со словъ какой-то придворной дамы, подробности объясненія Петра съ Анною. Государь горько укоряетъ невѣрную: та плачетъ, но плачетъ не отъ раскаянья, а отъ глубокой скорби о покойникѣ. Петръ тронутъ этою страстью, самъ (будто бы) проливаетъ слезы и говоритъ рѣчь, въ которой хотя прерываетъ связь съ Анной, но тѣмъ не менѣе великодушно прощаетъ ее, обнадеживаетъ, что она ни въ чемъ не будетъ нуждаться; послѣ того Петръ въ скоромъ времени выдаетъ замужъ свою любезную за одного чиновника, которому даетъ мѣсто въ отдаленной провинціи; „монархъ, заключаетъ разскащица, заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь [1])".

Разсказъ этотъ въ своихъ подробностяхъ совершенно опровергается Миллеромъ, ученымъ, какъ извѣстно, занимавшимся русской исторіей по архивнымъ подлиннымъ источникамъ. Въ одномъ изъ рукописныхъ примѣчаній своихъ на письма леди Рондо, Миллеръ такъ передаетъ трагическій случай: „при осадѣ Шлюссельбурга въ 1702 году, Петръ узналъ, что обворожительная „domicella Mons" ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному чрезъ небольшой ручей, оступился и утонулъ.

Первая забота государя при извѣстіи о смерти Кенигсека—была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ госу-

---

[1]) Lettres d'une dame anglaise. Roterdam. 1777 г. Полный переводъ писемъ леди Рондо изданъ на русскомъ языкѣ въ 1873 г., Спб.

дарь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ и вмѣсто нихъ нашелъ нѣжныя письма своей фаворитки. Domicella Mons слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку; сомнѣнія быть не могло. О портретѣ, продолжаетъ Миллеръ, тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь не хотѣлъ уже знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, котораго непремѣнно бы достигла, еслибы съумѣла превозмочь неосторожную наклонность къ Кенигсеку [1]).

Въ разсказѣ Миллера только одно не ясно: или годъ смерти Кенигсека выставленъ невѣрно, вмѣсто 1703 г.—1702, или Петръ I не тотчасъ по смерти саксонско-польскаго посла узналъ о связи его съ Анною Монсъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать по прочтеніи слѣдующаго мѣста въ письмѣ государя къ Ѳ. М. Апраксину:

— „Шлюссельбургъ, 15 апрѣля, 1703 года... здѣсь все изрядно милостію Божіею, только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: первый, докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, который принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, и такъ вмѣсто радости—печаль“ [2]); трудно допустить, чтобы Петръ изъявлялъ такое сожалѣніе о человѣкѣ, который разбилъ его любовь—къ преемницѣ царицы Авдотьи: явно, что во время отпуска письма, Петръ еще ничего не зналъ объ измѣнѣ Монсъ; быть можетъ бумаги покойника сохли, или были еще запечатаны.

Вѣрно однако то, что щеголять великодушіемъ Петръ и не думалъ: Анна Ивановна и ея сестра (вѣроятно способствовавшая интригѣ) были заперты въ собственномъ домѣ и отданы подъ строгій надзоръ князя-кесаря Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго съ запрещеніемъ посѣщать даже кирку.

---

[1]) Примѣчанія историка Миллера на письма леди Рондо. Замѣчанія эти были сообщены намъ въ 1861 г. В. Ѳ. Ратчемъ, умершимъ около 1866 г. Впослѣдствіи, именно въ 1875 году, рукопись примѣчаній историка Герарда Миллера найдена нами въ собраніи рукописей дворцовой библіотеки въ городѣ Павловскѣ и, съ разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля Павловска, переводъ рукописи напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI; объ Аннѣ Монсъ см. стр. 330—331.

[2]) Голиковъ, XIV, стр. 62. Фамиліи здѣсь исковерканы — неизвѣстно Петромъ ли, или издателемъ его писемъ. Кенисенъ, читай Кенигсекъ; Леймъ, читай Клеммъ; лейбъ-медикъ царевича Алексѣя Готфридъ Клеммъ—утонулъ въ началѣ 1703 года, въ Невѣ, близь Шлиссельбурга. Смотр. Рихтера: Исторію медицины въ Россіи, изд. 1820, ч. III, стр. 113—114.

Въ это бѣдственное для себя время, Анна Ивановна всячески старалась вновь возбудить страсть къ себѣ государя.

Въ бумагахъ семейства Монсъ мы находимъ разныя гадальныя тетради, рецепты привораживаній, колдовства, списки чародѣйныхъ перстней и т. п. вещей. Анна Ивановна, женщина въ высшей степени суевѣрная, вмѣстѣ съ матерью, по выраженію современника: „стали пользоваться запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества“. Колдовство не помогло, оно вызвало только извѣтъ на Монсъ и слѣдственное о томъ дѣло [1]).

„Хотя за подобные поступки, писалъ въ 1706 году защитникъ и панегиристъ Петра—Гюйсенъ,—за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ этотъ процессъ былъ совершенно прекращенъ, но ex capite ingratitudinis отъ Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошелъ впослѣдствіи подъ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами... [2])“.

Опала надъ Анной Ивановной и ея семействомъ продолжалась до 1706 года; указомъ отъ 3 апрѣля сего года изъ С.-Петербурга государь „далъ позволеніе Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ въ кирху ѣздить [3])“. Мужъ Матрены Ивановны, полковникъ Балкъ, отправленъ былъ въ Дерптъ комендантомъ, „а остальные члены семейства—писалъ Гюйсенъ въ 1706 году—живутъ свободно, но уже не могутъ разсчитывать и не имѣютъ права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена“.

Подобные разсчеты со стороны Анны Ивановны были бы большою глупостью: съ 1705 года сердце Петра принадлежало уже новой безвѣстной иноземкѣ, но то была знаменитая впослѣдствіи царица Катерина Алексѣевна!

---

[1]) Мы его не нашли ни въ Государственномъ Архивѣ, въ бумагахъ Монсъ, ни въ дѣлахъ Преображенскаго приказа (Тайной Канцеляріи).

[2]) Если дѣло идетъ о портретѣ государя, то и онъ не былъ отнятъ; по крайней мѣрѣ онъ значится еще въ спискѣ драгоцѣнностей Анны Монсъ за 1712 и 1714 года, хотя драгоцѣнная оправа портрета уже исчезла, быть можетъ проданная самою владѣлицею портрета.

[3]) Голиковъ, XIV, стр. 270 и 381.

За то и сердце ея предшественницы въ это время было также не свободно; измѣнивъ живому герою, Анна Ивановна тѣмъ легче забыла умершаго; въ 1706 году за ней ухаживаетъ и о ней заботится прусскій посланникъ фонъ-Кейзерлингъ. Его ходатайству Анна Ивановна обязана была полученіемъ высочайшаго разрѣшенія посѣщать кирки; затѣмъ, по усиленнымъ просьбамъ того же влюбленнаго представителя короля прусскаго, Анна Монсъ была совершенно освобождена.

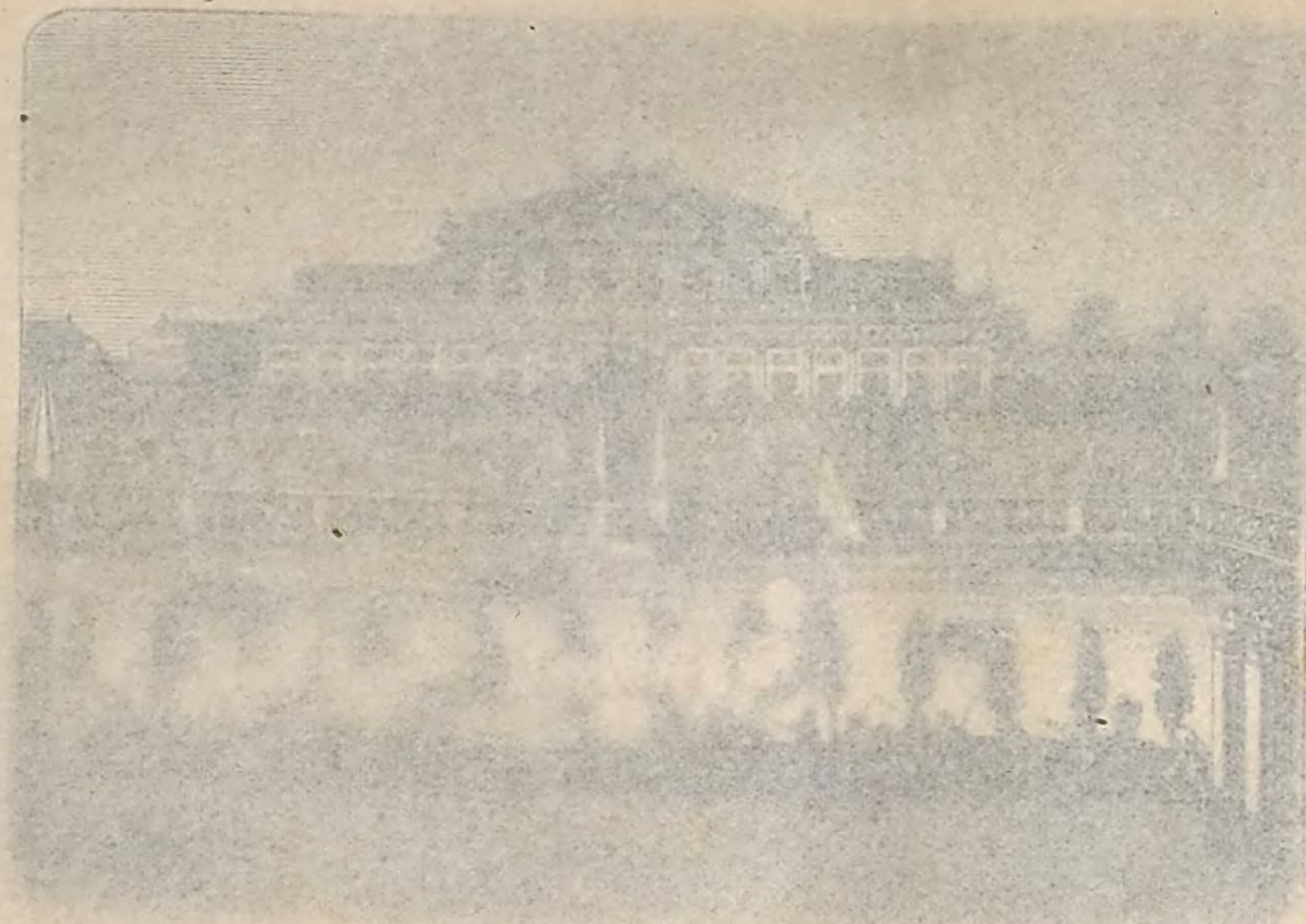
Въ комъ же находилъ Кейзерлингъ оппозицію своимъ стараніямъ, кто не могъ допустить мысли объ освобожденіи прежней царской фаворитки? самъ ли Петръ, или его окружающіе?

Разумѣется, частью самъ государь, столь не охотно забывавшій какія бы то ни было прегрѣшенія своихъ подданныхъ предъ его пресвѣтлымъ величествомъ, но болѣе всего дѣйствовалъ противъ освобожденія Анны Ивановны Монсъ знакомый уже намъ „Алексашка“.

Меншиковъ изъ рѣзваго, миловиднаго юноши обратился теперь въ статнаго мужчину; наивность, съ которой онъ бралъ сотняшки рублей, замѣнилась взяточничествомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ; ловкость, съ какой онъ отрубалъ головы стрѣльцовъ, вымѣстилась необыкновеннымъ искусствомъ вести придворныя интриги и поддерживать свое значеніе. Онъ приблизилъ къ Петру Марту Скавронскую, Катерину „Василеѳъскую“ тожъ; онъ навсегда могъ разсчитывать на нее, какъ на самую ревностную свою защитницу; а потому понятно, все, что могло ослабить интимныя нѣжныя отношенія Петра къ Катеринѣ Алексѣевнѣ, то всячески было устраняемо Меншиковымъ. Онъ встревожился, узнавъ объ усиліяхъ прусскаго посла освободить красавицу „Кукуя“; въ ней любимѣйшій птенецъ Петра видѣлъ еще опасную соперницу Катеринѣ; такъ что Кейзерлингъ 28 іюня ст. ст. (9-го іюля нов. стиля) 1707 г. въ Варшавѣ (не въ Варшавѣ, а близь города Люблина, въ м. Якубовицахъ), по извѣстію Миллера, имѣлъ по этому поводу непріятности съ Меншиковымъ, и государь встрѣтилъ хлопоты Кейзерлинга съ большимъ неудовольствіемъ [1]), и только впослѣдствіи позволилъ себѣ смягчиться.

---

[1]) О подобномъ неудовольствіи, даже гнѣвѣ, упоминаетъ Нейбауеръ; въ 1704 году онъ грозилъ, что „о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ“. Но Нейбауеръ, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь еще Кенигсека?

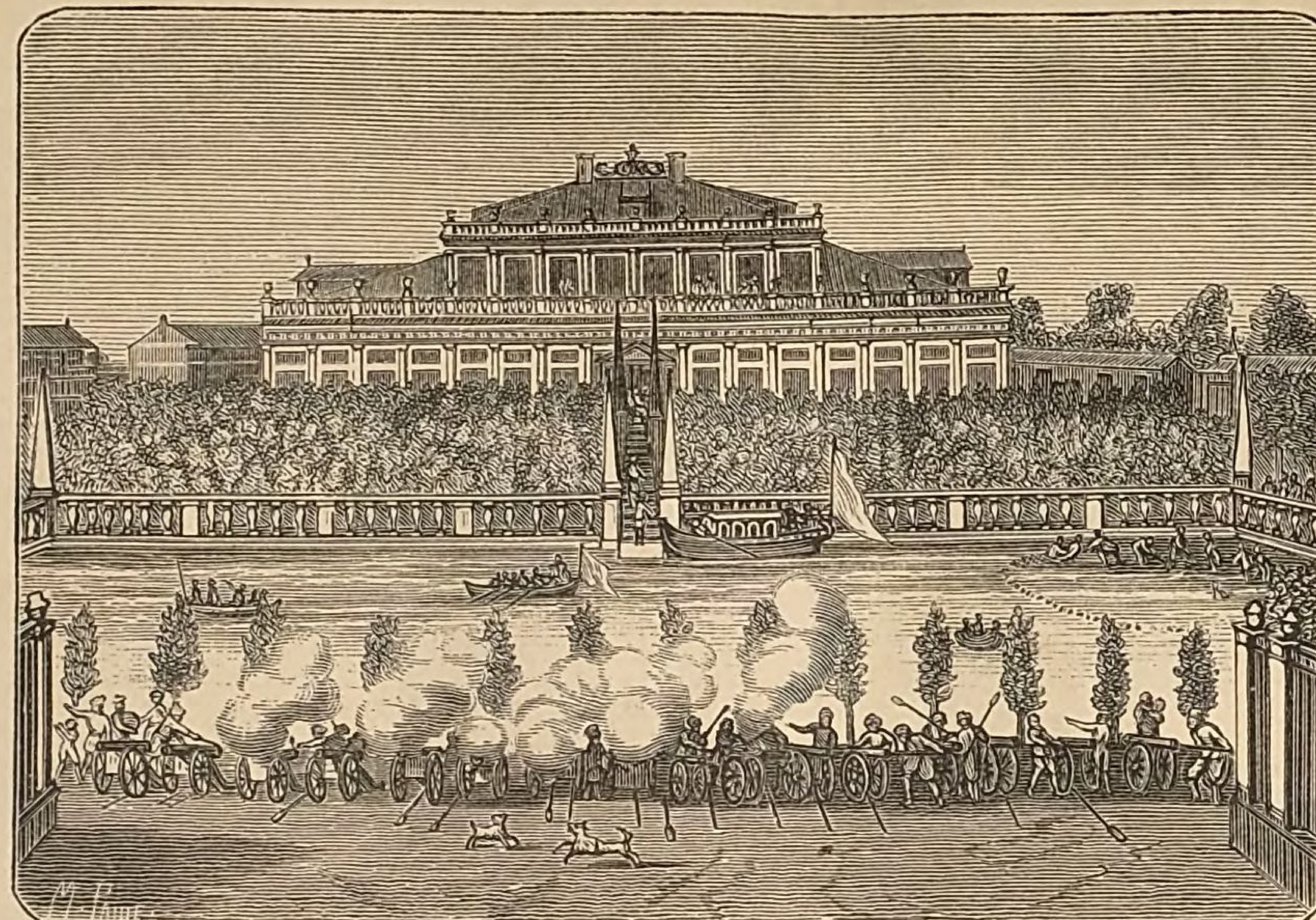
[illegible]

[illegible] его [illegible] величествомъ [illegible] освобожденія Анны Ивановны [illegible]

Меншиковъ [illegible] въ статнаго мужчину [illegible] рублей, замѣнилась [illegible] ловкость, съ какой [illegible] необыкновеннымъ [illegible] и поддерживать [illegible] скую, Катерину [illegible] тывать на нее [illegible] понятно, [illegible] къ Катеринѣ [illegible] вымъ. [illegible] прусскаго [illegible] освободить красавицу [illegible] птенецъ [illegible] видѣлъ еще [illegible] что [illegible] 28 іюня ст. [illegible] въ Вар[illegible] (не въ [illegible] Якубовича, [illegible] по [illegible] непріятности [illegible] Меншиковымъ, [illegible] съ большимъ неудовольствіемъ [1], [illegible]

---

[1] [illegible] неудовольствіе, [illegible] что „о [illegible] въ ней нѣсколько [illegible] газетъ". По [illegible], вѣроятно, [illegible]

ДОМЪ ЛЕФОРТА ВЪ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ
ВЪ КОНЦѢ XVII-ГО ВѢКА.

Очерки изъ Рус. Истор. XVIII в. М. Семевскаго, т. III, стр. 32.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 НОЯБРЯ 1884 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Но весь эпизодъ „непріятностей", постигшихъ въ 1707 году представителя короля прусскаго при дворѣ царя Петра—Георга Іоганна фонъ-Кейзерлинга, до того выходитъ изъ ряду событій даже характерной Петровской эпохи, до того характеренъ и необыченъ въ исторіи европейской дипломатіи, до того интересенъ, что мы остановимся на немъ подробнѣе и передадимъ его словами вельми обиженнаго Георга Іоганна фонъ-Кейзерлинга.

Хлопоты Кейзерлинга объ освобожденіи изъ-подъ домашняго ареста его возлюбленной невѣсты Анны Монсъ, какъ мы замѣтили выше, были нелегки: они сопровождались для Кейзерлинга длиннымъ рядомъ весьма существенныхъ непріятностей; съ одной стороны Меншиковъ, могущество котораго находилось на высшей степени, создавая въ это время „фаворъ"—Марты,—не могъ безъ опасенія видѣть, что Кейзерлингъ хлопочетъ объ освобожденіи бывшей царской фаворитки, съ другой — и въ самомъ Петрѣ не могло не шевелиться чувство ревности къ человѣку, привязанность къ которому вытѣснила изъ сердца Анны Ивановны любовь къ нему.

Всѣ эти обстоятельства надо имѣть въ виду, чтобы понять причины той траги-комедіи, героемъ которой сдѣлался Кейзерлингъ въ 1707 году, близь г. Люблина, гдѣ находилась въ то время главная квартира русской арміи, ожидавшей Карла XII. Въ нижепомѣщаемыхъ депешахъ самого Кейзерлинга читатели найдутъ самый обстоятельный его разсказъ о столкновеніяхъ съ государемъ, также съ Меншиковымъ и ихъ приближенными. Разсказъ этотъ является въ депешахъ, извлеченныхъ изъ главнаго императорско-королевскаго секретнаго архива въ Берлинѣ; это весьма живая, хотя и далеко не привлекательная картина быта и нравовъ двора Петра I.

Депеши Кейзерлинга, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь выдержки, — писаны на нѣмецкомъ языкѣ, слогомъ своего времени, крайне неуклюжимъ, періодами чрезмѣрно длинными и спутанными [1]).

---

[1]) Всѣ затрудненія для перевода преодолѣны Евфиміею Борисовною Зубовой; какъ переводъ ея, такъ и подлинникъ донесеній, съ сохраненіемъ орѳографіи, впервые напечатанъ нами въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 803—844. Отсылая туда читателя, мы помѣщаемъ здѣсь только переводъ этихъ документовъ съ значительными сокращеніями къ настоящему дѣлу не идущихъ подробностей.

„Люблинъ, 1707 года, 11 іюля н. ст. Вседержавнѣйшій великій король, августѣйшій государь и повелитель! Всеподданнѣйше и всенижайше повергаю къ стопамъ вашего королевскаго величества донесеніе о происходившей вчера попойкѣ; обыкновенно сопряженная со многими несчастными происшествіями, она вчера имѣла для меня весьма пагубныя послѣдствія.

„Ваше королевское величество соблаговолитъ припомнить то, что почти всюду разсказывали въ искаженномъ видѣ обо мнѣ и нѣкоей дѣвицѣ Монсъ, изъ Москвы,—говорятъ, что она любовница царя. Эта дѣвица Монсъ, ея мать и сестра, лишенныя почти всего, что имѣли, содержатся уже четыре года подъ постояннымъ арестомъ, а ея тремъ братьямъ преграждена всякая возможность поступить на царскую службу, а также имъ запрещенъ выѣздъ изъ государства. Я, по несчастію, хотя невиннымъ образомъ, вовлеченный въ ихъ роковую судьбу, считалъ себя обязаннымъ, столько же изъ состраданія, сколько по чувству чести, заступиться за нихъ, и потому, заручившись сперва согласіемъ Шафирова и князя Меншикова, я взялъ съ собою одного изъ братьевъ (дѣвицы Монсъ), представилъ его царю и Меншикову, и былъ ими благосклонно принятъ.

„Вчера же, передъ началомъ попойки, я, въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ, намекнулъ, что обыкновенно день веселья бываетъ — днемъ милости и прощенія, и потому нельзя-ли будетъ склонить его царское величество къ принятію въ военную службу мною привезеннаго Монса [1]). Кн. Меншиковъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ онъ не рѣшится говорить объ этомъ его царскому величеству, но совѣтовалъ воспользоваться удобной минутой и въ его присутствіи обратиться съ просьбой къ царю, обѣщая свое содѣйствіе и не сомнѣваясь въ успѣшномъ исходѣ. Я выжидалъ отъѣзда польскихъ магнатовъ,—почти всѣ они присутствовали на пиру...

„Когда же я обратился къ царю съ моей просьбой, царь, лукавымъ образомъ предупрежденный княземъ Меншиковымъ, отвѣчалъ самъ, что онъ „воспитывалъ дѣвицу Монсъ для себя, съ искреннимъ намѣреніемъ жениться на ней, но такъ какъ она мною прельщена и развращена, то онъ ни о ней, ни о ея родственникахъ ничего ни слышать, ни знать не хочетъ“.

---

[1]) Безъ сомнѣнія, Виллима Ивановича, героя настоящаго нашего очерка.

„Я возражалъ съ подобающимъ смиреніемъ, что его царское величество напрасно негодуетъ на дѣвицу Монсъ и на меня, что если она виновата, то лишь въ томъ, что, по совѣту самого же князя Меншикова, обратилась къ его посредничеству, исходатайствовать у его царскаго величества всемилостивѣйшее разрѣшеніе на бракосочетаніе со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмѣлились бы предпринять что-либо противное желанію его царскаго величества, что я готовъ подтвердить моею честью и жизнью.

Князь Меншиковъ вдругъ неожиданно выразилъ свое мнѣніе, что „дѣвица Монсъ дѣйствительно подлая, публичная женщина, съ которой онъ самъ развратничалъ столько же, сколько и я (canaille und Hure, das er sie sowohl als ich debauchirit hätte)“.

На это я возразилъ, что предоставляю ему самому судить, справедливо-ли то, что онъ о себѣ говоритъ, что же касается до меня, то никакой честный, правдивый человѣкъ не обличитъ, тѣмъ менѣе не докажетъ справедливости возведеннаго на меня обвиненія. Тутъ царь удалился въ другую комнату, князь же Меншиковъ не переставалъ забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмѣшками, которыхъ наконецъ не въ силахъ былъ болѣе вынести. Я оттолкнулъ его отъ себя, сказавъ:

— „Будь мы въ другомъ мѣстѣ, я доказалъ бы ему, что онъ поступаетъ со мной не какъ честный человѣкъ, а какъ.... [1])“, и проч. и проч. Тутъ я, вѣроятно, выхватилъ бы свою шпагу, но у меня ее отняли незамѣтно въ толпѣ, а также удалили мою прислугу; это меня взбѣсило и послужило поводомъ къ сильнѣйшей перебранкѣ съ княземъ Меншиковымъ.

„Вслѣдъ затѣмъ, я хотѣлъ-было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни подъ какимъ предлогомъ не выпускавшая никого изъ гостей, не пропустила и меня.

„Затѣмъ вошелъ его царское величество; за нимъ посылалъ князь Меншиковъ. Оба они, несмотря на то, что Шафировъ бросился къ нимъ и именемъ Бога умолялъ не оскорблять меня, напали съ самыми жесткими словами, и вытолкнули меня не только изъ комнаты, но даже внизъ по лѣстницѣ, черезъ всю площадь. Я принужденъ былъ вернуться домой на клячѣ моего лакея, — свою карету я уступилъ передъ обѣдомъ посланнику дат-

[1]) Бранное слово опущено въ подлинникѣ.

скаго короля, разсчитывая вернуться въ его экипажѣ, который еще не пріѣзжалъ.

„Теперь всенижайше повергаю благосклонному усмотрѣнію вашего королевскаго величества все это происшествіе; оно для меня чувствительнѣе самой жизни. Высокопросвѣщенный умъ вашего королевскаго величества столько же, какъ чрезвычайное великодушіе и глубокая любовь къ правдѣ, коими восхищается и удивляется весь міръ, позволяютъ мнѣ надѣяться не только на милостивое снисхожденіе къ этому дѣлу, но и на правосудіе и возмездіе со стороны вашего королевскаго величества.

„Клянусь Богомъ, что всѣ обстоятельства (species facto), изложенныя мною, совершенно вѣрны: всѣ польскіе магнаты, бывшіе на пиру, могутъ засвидѣтельствовать, что поведеніе и обращеніе мое были безукоризненны и что до ихъ отъѣзда (за нѣсколько минутъ до происшествія), несмотря на сильную попойку, я все время былъ трезвъ. Но положимъ даже (чего въ дѣйствительности не было), что я былъ пьянъ и произвелъ какое-либо безчинство, подвергать меня за это строгому аресту и бдительному надзору совершенно неумѣстно, и если бы я былъ частное приглашенное лицо, а не носилъ бы священнаго званія полномочнаго посла вашего королевскаго величества (то, что уважается даже самыми необразованными народами), то и тогда не слѣдовало обращаться со мной такъ постыдно и беззаконно. Я не прошу о мести. Ваше королевское величество, какъ доблестный рыцарь, сами взвѣсите этотъ вопросъ, но я слезно и всенижайше умоляю ваше королевское величество, какъ о великой милости, уволить меня, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отъ должности при такомъ дворѣ, гдѣ участь почти всѣхъ иностранныхъ министровъ одинаково непріятна и отвратительна...

„Какъ будетъ царь обращаться со мной впослѣдствіи времени, и будетъ ли онъ стараться загладить свою гнусную вину,—не знаю, ибо первымъ моимъ движеніемъ, по возвращеніи домой, было составить всеподданнѣйшее обо всемъ донесеніе вашему королевскому величеству и безотлагательно переслать письма черезъ курьера въ Варшаву“.

„Люблинъ, 1707 г., іюля 16-го н. ст. Вседержавнѣйшій, великій король, всемилостивѣйшій король и государь! Всенижайше повергая вашему королевскому величеству мое донесеніе, отъ 11-го

числа сего мѣсяца, о случившейся со мною трагедіи, 28 іюня ст. стиля, наканунѣ царскихъ имянинъ, на пиру, въ 6 часовъ вечера, я составилъ его въ полночь и съ большою поспѣшностью, такъ какъ узналъ черезъ одного городскаго купца-нѣмца, что нѣкоторые польскіе магнаты намѣреваются послать курьеровъ съ вѣстью о происшествіи въ Варшаву и даже Бреславль. А потому, не желая откладывать ни минуты увѣдомленіемъ вашего королевскаго величества о всемъ случившемся, я отправилъ съ своимъ курьеромъ до Варшавы краткое донесеніе о происшествіи, какое могъ я составить въ короткое время и при помощи одной моей памяти, не имѣя еще возможности переговорить съ кѣмъ-либо о случившемся. Надлежитъ однако обратить вниманіе на слѣдующія упущенныя въ этомъ дѣлѣ обстоятельства и подробности:

„Во-первыхъ, князь Меншиковъ первый началъ грубить мнѣ непристойными словами, вслѣдствіе чего его императорское величество въ негодованіи удалился, тогда какъ я только возразилъ, что благородный человѣкъ не упрекнетъ меня въ безчестномъ поступкѣ, и тѣмъ менѣе никогда не докажетъ того; но когда князь Меншиковъ не переставалъ обращаться со мною съ насмѣшкой и презрѣніемъ и даже подвигался все ближе и ближе ко мнѣ, я, зная его всему міру извѣстное коварство и безразсудство, началъ опасаться его намѣренія, по московскому обычаю ударомъ „подъ ножку“ сбить меня съ ногъ—искусствомъ этимъ онъ упражнялся, когда разносилъ по улицамъ лепешки на постномъ маслѣ, и когда впослѣдствіи былъ конюхомъ. Я, вытянутой рукой, хотѣлъ отстранить его отъ себя, заявивъ ему, что скорѣе лишусь жизни, нежели позволю себя оскорбить, и не считаю доблестнымъ человѣкомъ того, кто осмѣлится меня позорить.

„Во-вторыхъ, когда тутъ нѣсколько офицеровъ насъ развели другъ отъ друга, его царское величество самъ обратился къ Меншикову съ словами:

— „Ты всегда затѣваешь то, чего самъ не понимаешь, и я долженъ отвѣчать за всѣ твои глупости, и потому совѣтую тебѣ помириться съ Кейзерлингомъ“.

„Свидѣтелемъ этого происшествія былъ бригадиръ фонъ-Нетельгорстъ (Nettelhorst), состоящій на польской коронной службѣ; онъ всенижайше прилагаетъ тутъ свое письменное свидѣтельство и готовъ, во всякое время, присягнуть. Статсъ-секретарь тайный Ша-

фировъ на-дняхъ признался (въ справедливости всего происшедшаго) датскому королевскому послу.

„Въ-третьихъ, князь Меншиковъ собственноручно вытолкнулъ изъ комнаты и вдоль лѣстницы при мнѣ находившихся лакея и пажа (прочая прислуга отправилась домой съ экипажемъ). Потомъ, вернувшись, спросилъ меня, зачѣмъ я хочу съ нимъ ссориться?

„На что я отвѣчалъ, что я не начиналъ ссору и никогда не начну ея, но не позволю никому на свѣтѣ оскорблять меня. Тогда онъ сказалъ, что если я не считаю его благороднымъ человѣкомъ, то и онъ меня таковымъ не считаетъ, что какъ я первый позволилъ себѣ его толкнуть, то и онъ можетъ меня толкать, что дѣйствительно онъ тутъ же и исполнилъ, ударивъ меня кулакомъ въ грудь и желая вывернуть мнѣ руку; но я успѣлъ дать ему затрещину и выругалъ его особливымъ словомъ.... [1]).

„Тутъ мы схватились было за шпаги, но у меня ее отняли въ толпѣ, какъ легко можно догадаться, по его же наущенію.

„Въ-четвертыхъ, вслѣдъ за симъ его царское величество въ ярости подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что я затѣваю и не намѣренъ ли я драться?

„Я отвѣчалъ, что самъ я ничего не затѣваю и драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если я не получу желаемаго удовлетворенія отъ его царскаго величества, то готовъ, во всякомъ другомъ мѣстѣ, драться съ кн. Меншиковымъ.

„Тогда царь съ угрозой, что самъ будетъ драться со мной, обнажилъ свою шпагу въ одно время съ княземъ Меншиковымъ; въ эту минуту тѣ, которые ужъ меня держали за руки, вытолкнули меня изъ дверей, и я совершенно одинъ попалъ въ руки мучителямъ или лейбъ-гвардейцамъ (Leib-garde) князя Меншикова; они меня низвергли съ трехъ большихъ каменныхъ ступеней, и мало того, проводили толчками черезъ весь дворъ, гдѣ я нашелъ своего лакея одного (пажъ поѣхалъ за экипажемъ).

„Ваше королевское величество, обладая столь свѣтлымъ умомъ, разсудите сами по нижеизложеннымъ обстоятельствамъ, что не я, а князь Меншиковъ затѣялъ ссору, ибо по первому пункту я не имѣлъ ни злобы, ни малѣйшаго неудовольствія противъ него; доказательствомъ тому могутъ служить всѣ мои всенижайшія донесе-

---

[1]) Слово опущено въ подлинникѣ.

нія, въ коихъ до сихъ поръ я не только не упоминалъ объ его ежедневныхъ глупостяхъ, но скорѣе писалъ о немъ только все хорошее. По второму пункту, ясно, какъ Божій день, что онъ началъ оскорблять меня непристойными словами, самъ же его царское величество въ томъ обвинилъ и требовалъ, чтобы онъ помирился со мной. Третій же пунктъ ясно доказываетъ, что Меншиковъ не только не имѣлъ никакого намѣренія мириться со мной, а, напротивъ, хотѣлъ еще сильнѣе оскорбить, вытолкнувъ собственноручно мою прислугу изъ дверей и снова обратясь ко мнѣ съ дерзкими словами. И можно ли было ожидать миролюбивыхъ попытокъ въ отношеніи меня отъ дерзкаго любимца, который никогда не уступаетъ даже самому царскому величеству, и какъ бы ни былъ не правъ, всегда оставляетъ за собой послѣднее слово.

„Что же касается четвертаго и послѣдняго пункта, то его царское величество и также князь Меншиковъ стараются увѣрить, что они непричастны отвратительному обращенію со мной и что оно случилось помимо ихъ приказанія. Но мой слуга, поджидавшій меня во дворѣ, готовъ присягнуть, что князь Меншиковъ самъ кричалъ въ окно, чтобы меня вытолкали со двора. Наконецъ, тутъ запирательство ни къ чему не служитъ, потому что по всѣмъ законамъ тотъ, кто можетъ и долженъ отвратить зло, а между тѣмъ дозволяетъ его, самъ становится преступникомъ. Болѣе всего говоритъ въ пользу моей невиновности то, что на слѣдующій же день князь Меншиковъ нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта фонъ-деръ-Раупе (Raupe) и потомъ генералъ-лейтенанта Ренне (Rönne) убѣждать меня, ни о чемъ случившемся не доводить до свѣдѣнія вашего королевскаго величества; а если донесеніе уже послано, предлагалъ, съ помощью подставныхъ лошадей, вернуть моего курьера и обѣщалъ при этомъ, съ своей стороны, полное молчаніе и удовлетвореніе. Это требованіе я однако отклонилъ тѣмъ, что мнѣ невозможно не доводить до свѣдѣнія вашего королевскаго величества то, что вы должны узнать. Но до начала всѣхъ этихъ подсылокъ и искушеній (tentamina) явился ко мнѣ одинъ майоръ собственнаго его царскаго величества полка и объявилъ, отъ имени царя, что вслѣдствіе моего дурного поведенія вчерашній день и того, что я обозвалъ князя Меншикова ругательнымъ словомъ и тѣмъ опозорилъ домъ царя,—я долженъ удалиться отъ двора его царскаго величества.

„На это я отвѣчалъ, что всѣмъ извѣстно, что не я, а князь Меншиковъ началъ ссору, и я не произнесъ бы ругательнаго слова, если бы онъ меня не взбѣсилъ и не вынудилъ къ тому своимъ обращеніемъ. Я предоставлялъ на разсужденіе его царскаго величества: не равносильна ли вынужденная и подъ вліяніемъ насильственно произведеннаго во мнѣ охмѣленія происшедшая вспышка, при которой легко, быть можетъ, я погрѣшилъ противъ должнаго уваженія къ его царскому величеству, о чемъ сильно сокрушаюсь,— обращеніе, которому я подвергся? Я охотно принимаю повелѣніе его царскаго величества, тѣмъ болѣе, что самъ рѣшился никогда не являться ко двору, гдѣ вынесъ столько оскорбленій и грубыхъ выходокъ, развѣ только явлюсь тогда, когда на то воспослѣдуетъ особенное повелѣніе вашего королевскаго величества, которому все уже извѣстно.

„Майоръ старался было увѣрить, что его царское величество ничего не зналъ о дурномъ со мной обращеніи стражи и что я, конечно, получу должное за это удовлетвореніе; но я отвѣчалъ, что глубоко признателенъ за предложеніе, но никакого удовлетворенія принять не могу, не узнавъ сперва высочайшей воли вашего королевскаго величества по этому предмету.

„Потомъ уже я догадался, что царь дѣйствуетъ съ намѣреніемъ меня смутить и побудить къ скорѣйшему примиренію, такъ какъ вскорѣ послѣ этого объясненія явились упомянутые выше послы и искушенія (tentamina). Но я не желалъ и не смѣлъ скрывать это дѣло отъ вашего королевскаго величества, и потому царь вскорѣ рѣшился отправить къ вашему королевскому величеству курьера, въ лицѣ фонъ-Брукентал я (Brukenthal), генералъ-адъютанта князя Меншикова, въ прошлый вторникъ; но въ 12 часу ночи мнѣ было еще разъ предложено примиреніе черезъ генералъ-лейтенанта Ренне (Rönne). Нельзя полагаться на правдивость со стороны князя Меншикова, и потому легко могу себѣ представить, какъ много вымышленнаго поручено генералъ-адъютанту всенижайше передать вашему королевскому величеству; кое-что я уже слышалъ объ этомъ черезъ довѣреннаго слугу князя Меншикова...

„Я убѣжденъ, что многіе нѣмецкіе офицеры, слышавшіе и видѣвшіе все, охотно засвидѣтельствовали бы мой разсказъ, если бы не были на службѣ московскаго царя и не подвергали бы опасности, откровеннымъ признаніемъ, свою честь и жизнь. Изъ посторон-

нихъ же лицъ былъ только бригадиръ Нетельгорстъ (Nettelhorst), и тотъ находился вдали отъ происшествія. Правда, тутъ присутствовали нѣкоторые поляки: коронный канцлеръ (Cron-untercanzler) Шембекъ (Shembek) и маршалъ конфедератовъ (Marschal von der Confoederation) Денгофъ (Döhnhof). Но они, также какъ датскій королевскій посланникъ, были въ это время въ большой залѣ, столь далеко отъ мѣста происшедшей ссоры, что почти ничего, или очень мало, могли видѣть и слышать.

„Въ слѣдующіе дни князь Меншиковъ, видимо, старался склонить польскихъ магнатовъ на свою сторону, убѣждая ихъ высказываться въ своихъ письмахъ въ его пользу, и въ этихъ видахъ предлагая имъ (какъ мнѣ сообщилъ упомянутый бригадиръ Нетельгорстъ) различные подарки. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто ими не прельстился, а всѣ соболѣзнуютъ о постигшемъ меня злополучіи, и жалѣютъ о существованіи столь чудовищныхъ московскихъ обычаевъ, которыхъ я сдѣлался жертвой. Они увѣряютъ, что сочувствіе ихъ по поводу этого скандальнаго происшествія не будетъ на сторонѣ двора.

Всѣ они были приглашены прошлый вторникъ на свадьбу въ домъ генералъ-лейтенанта Ренне (Rönne); но узнавъ, что его царское величество будетъ на свадьбѣ маршаломъ (Marschal) и князь Меншиковъ будетъ на ней присутствовать, никто, кромѣ упомянутаго маршала конфедераціи (Marschal von der Confoederation) Денгофа (Dönhof) и кульмскаго казначея (Land-kämmerer) Рыбинскаго, не принялъ приглашенія — такъ свѣжо еще потрясающее воспоминаніе!

„Князь Меншиковъ намекнулъ на этой свадьбѣ датскому королевскому посланнику, который готовъ подтвердить его слова, что если бы я не доносилъ вашему королевскому величеству, то ссору нашу можно было бы легко покончить,—доказательство, что они сами чувствуютъ передо мною свою вину. Но мнѣ совсѣмъ неприлично скрывать отъ вашего королевскаго величества дѣло столь важное, какъ по моимъ обязанностямъ въ отношеніи вашего королевскаго величества, такъ и потому, что дѣло это произведетъ во всемъ свѣтѣ сильное впечатлѣніе, какъ нѣчто чудовищное, небывалое до сихъ поръ въ лѣтописяхъ исторіи.

„Три дня тому назадъ, офицеръ царской службы, нѣмецъ, подозвалъ къ себѣ, на многолюдной улицѣ, одного изъ моихъ слугъ

и сказалъ ему, что слышалъ, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовлетворилъ великолѣпнымъ подаркомъ. Я самъ убѣжденъ, что дворъ имѣлъ это намѣреніе, но считалъ бы себя самымъ низкимъ человѣкомъ и недостойнымъ неоцѣненной милости и покровительства вашего королевскаго величества, если бы позволилъ себя ослѣпить даже всѣми сокровищами Москвы, и тѣмъ уменьшилъ бы авторитетъ и уваженіе, которыми такъ основательно пользуется во всемъ мірѣ ваше королевское величество. Царскій дворъ можетъ отречься отъ того, что происходило въ залѣ, гдѣ были только офицеры, состоящіе на царской службѣ, но онъ не можетъ отвергнуть то, что видѣли сотни сбѣжавшихся изъ города любопытныхъ обывателей и другихъ постороннихъ лицъ: какъ послѣ неистовыхъ толчковъ внизъ по лѣстницѣ и другихъ оскорбленій, я, не переводя духъ, очутился внѣ двора, на мосту, передъ воротами и поджидалъ лошадь, за которой отправился мой слуга. Тогда пришли еще двое изъ лейбъ-гвардейцевъ (Leib-garden) князя Меншикова; одинъ изъ нихъ, ругая меня самыми непристойными словами, два раза ударилъ меня кулакомъ въ затылокъ, и тѣмъ едва не сбилъ меня съ ногъ. Все это можно было отлично видѣть изъ оконъ дворца, и однако никто не вступился за меня....

„Неслыханный позоръ, которому подвергся министръ вашего королевскаго величества, такъ великъ, а нарушеніе международнаго права—есть преступленіе столь важное, что вызванный ими гнѣвъ вашего королевскаго величества будетъ совершенно основателенъ. Славой, которой пользуется ваше королевское величество во всемъ мірѣ, вы обязаны не рабской лести, но дѣйствительному достоинству вашихъ превосходныхъ качествъ; самое даровитое перо не въ состояніи воздать должную хвалу за благо, которое ваше королевское величество совершаетъ ежедневно; посему, если одинъ изъ королей французскихъ такъ энергично вступился за своего посланника, подвергшагося въ Римѣ въ 1662 году позору, не столь еще ужасному, какой я перенесъ, что, потребовавъ продолжительнаго возмездія, заставилъ loco delicti каяться и сохранить по себѣ долгую память, то, конечно, нельзя сомнѣваться, что ваше королевское величество, обладая еще болѣе отважнымъ духомъ и мужествомъ, тѣмъ скорѣе защититъ силу международнаго права и геройски потребуетъ возмездія за варварское преступленіе, совершенное въ ущербъ величію и славы вашего королевскаго величества“ и т. д.

Тщетно однако представитель прусскаго короля, пылая местью къ „дикому народу“—какъ онъ далѣе въ той же депешѣ называетъ русскихъ — возбуждалъ Фридриха I, короля прусскаго, вступиться за поруганную честь его представителя; король не нашелъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы порвать изъ-за такого дѣла добрыя отношенія съ Московскимъ государствомъ. Въ виду этого, Кейзерлингу внушено было изъ Берлина поспѣшить уступками, оставить излишнюю, какъ полагали въ Берлинѣ, щепетильность и обидчивость, за тычкомъ и затрещинами не гнаться и найти „полное удовлетвореніе“ и себѣ, и королевству, имъ представляемому, въ двухъ письмахъ, отъ царя Петра и кн. Меншикова къ нему, Георгу Іоганну фонъ-Кейзерлингу, въ которыхъ „его царское величество и князь Меншиковъ признали необходимымъ совершить надлежащимъ образомъ военный судъ надъ лейбъ-гвардейцами (Garde-du-corps), преступленіе коихъ уже обнаружено: тотъ же, который меня дѣйствительно ударилъ, — доносилъ посланникъ, — долженъ быть приговоренъ къ смерти и приведенъ на мѣсто казни. Въ то самое время, но никакъ не ранѣе, мнѣ снова будетъ дана аудіенція у его царскаго величества для принесенія благодарности за полученное удовлетвореніе и для испрошенія отъ имени вашего королевскаго величества — такъ доносилъ Кейзерлингъ своему королю—помилованія ратнику, который впослѣдствіи долженъ будетъ явиться, также въ цѣпяхъ и оковахъ, ко двору (посланника) вашего королевскаго величества, благодарить меня за дарованіе ему жизни“.

„Никогда не добился бы я такого полнаго удовлетворенія, если бы въ началѣ уже поспѣшилъ согласиться на примиреніе. Но я слишкомъ хорошо знаю духъ этого двора и этой націи, и съ намѣреніемъ отклонялъ до сихъ поръ отправленіе требуемаго письма къ князю Меншикову, хотя я вполнѣ сознавалъ, что ничего не могло быть для меня удобнѣе и пристойнѣе, какъ написать приличное извиненіе за ссору, происшедшую отъ неумѣреннаго употребленія вина, и потому только лишь вчера отправилъ я письмо, чтобы тѣмъ придать ему еще бо̀льшую цѣну и вынудить приговоръ тѣлохранителя къ смертной казни. Между тѣмъ, его царское величество въ продолженіи всего времени не переставалъ оказывать мнѣ свою монаршую милость, а князь Меншиковъ, особенно вчера и третьяго дни, съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился написать требуемое письмо, не перестаетъ выражать, въ отношеніи меня,

самое дружеское расположеніе, что подтвердилъ вашему королевскому величеству здѣшній секретарь посольства, въ неоднократныхъ всеподданнѣйшихъ своихъ донесеніяхъ".

Государственный тайный секретарь Шафировъ (такъ называетъ его Кейзерлингъ) и генералъ-лейтенантъ Ренне много содѣйствовали мирной развязкѣ всего этого дѣла, и столь успѣшно и горячо, что царь Петръ Алексѣевичъ изъявилъ согласіе на оставленіе посломъ при его дворѣ Кейзерлинга, а тотъ просилъ своего короля наградить Шафирова—жеребцами, цѣною въ 600 талеровъ, а генерала Ренне—милостивымъ рескриптомъ.

Вообще развязка этой траги-комедіи была довольно смѣшная: Кейзерлингъ—избитый кн. Меншиковымъ и его солдатами, самъ же писалъ къ нему и царю извинительныя письма и, измышляя обидчиковъ уже въ солдатахъ, а не въ князѣ Меншиковѣ, просилъ возмездія за обиду. Вотъ эти письма:

Къ князю Меншикову (полные титулы). „Если, намедни, въ день празднованія тезоименитства его царскаго величества, въ Якубовицахъ, я, при излишней и вынужденной выпивкѣ, совершенно противъ воли, впалъ въ непріятное столкновеніе съ вашимъ сіятельствомъ, то въ настоящую минуту пользуюсь случаемъ принести чистосердечно свою повинную и увѣрить, что все случившееся меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, что, исключая этого обстоятельства, я всегда пользовался милостями и вниманіемъ вашего сіятельства, также какъ и я, съ своей стороны, всегда старался выразить должное вамъ уваженіе. Такъ какъ при вышеупомянутомъ безчинствѣ легко могли сорваться съ языка нѣкоторыя непристойныя выраженія, оскорбившія ваше сіятельство, то, не колеблясь, спѣшу повиниться въ томъ вашему сіятельству, тѣмъ болѣе, что слова эти были не умышленны, но только слѣдствіемъ недоразумѣнія и вспышки отъ избытка вина. И потому покорнѣйше прошу ваше сіятельство, послѣдовавъ обычному великодушію, милостиво предать полному забвенію эту ссору, и сохранить мнѣ высокочтимое мною благоволеніе и дружеское расположеніе; просьба моя тѣмъ убѣдительнѣе, что я съ своей стороны смѣю увѣрить, что пребываю съ прежними искренними и горячими чувствами и съ должнымъ уваженіемъ" и проч. и проч.

Къ его царскому величеству (полные титулы). „Ваше царское величество выказывали во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ столь высокое великодушіе, а также всегда такъ снисходительно смотрѣли

на проступки и вспышки, легко происходящіе отъ выпивки, что я дерзаю и теперь надѣяться на милосердіе и благоволеніе вашего царскаго величества, и смѣю думать, что ваше царское величество смилуется и не подвергнетъ дальнѣйшему своему гнѣву то непріятное столкновеніе, которое произошло въ день празднованія высокаго вашего тезоименитства, между княземъ Меншиковымъ и мною, единственно вслѣдствіе недоразумѣній и вспышки, при разгоряченномъ состояніи, отъ слишкомъ неумѣреннаго употребленія хорошаго вина. Вмѣстѣ съ тѣмъ смиренно смѣю увѣрить ваше царское величество, что какъ и прежде никогда не погрѣшалъ противъ подобающихъ вашему царскому величеству вѣрноподданническихъ чувствъ, такъ и теперь ни о чемъ на свѣтѣ столь не сожалѣю, какъ о совершенномъ въ тотъ день, вполнѣ неумышленнымъ образомъ, проступкѣ моемъ, и потому съ удовольствіемъ смиренно въ немъ каюсь передъ вашимъ царскимъ величествомъ, и съ глубочайшимъ прискорбіемъ вспоминаю о проступкѣ, происшедшемъ вслѣдствіе чрезмѣрной выпивки. Тутъ же случилось и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ лейбъ-гвардейцевъ не только столкнули меня со ступеней, самымъ непростительнымъ и опаснымъ образомъ, но даже трое изъ нихъ преслѣдовали меня черезъ всю площадь до моста, и въ то время, когда я, еле очнувшись, послѣ такого насильственнаго низверженія, ждалъ только своего слугу, который долженъ былъ привести мнѣ лошадь, такъ какъ карета моя еще не возвращалась, одинъ изъ нихъ такъ сильно ударилъ меня два раза въ затылокъ, что я едва не свалился съ ногъ. Подобное насильственное обращеніе съ уполномоченнымъ (publiquen) королевскимъ министромъ неслыханно, и тѣмъ болѣе преступно, что священное международное право, признанное всюду всѣми иностранными министрами неприкосновеннымъ, оскорблено самымъ постыднымъ и попирается самымъ грубымъ образомъ. Сама слава вашего царскаго величества требуетъ сильнаго возмездія за такое страшное насиліе, ибо покровительствовать и охранять международное право составляетъ первую и самую священную обязанность всѣхъ властей сего міра. И потому, смиренно льщу себя надеждой, что ваше царское величество поступите съ тою любовью къ справедливости и съ тѣмъ несравненнымъ великодушіемъ, столь прославленнымъ всѣмъ свѣтомъ, не только вознегодуете на позоръ, мною перенесенный, но и даруете должное удовлетвореніе, въ видѣ примѣрнаго наказанія преступниковъ за

оскорбленіе, сдѣланное, въ лицѣ моемъ, величію всемилостивѣйшаго моего государя и короля, доставите мнѣ приличное удовлетвореніе, чтобы такимъ образомъ было даровано требуемое правосудіе, столь сильно стѣсненному juri gentium. Это справедливое возмездіе не только укрѣпитъ неразрывными узами дружелюбныя отношенія между всемилостивѣйшимъ моимъ государемъ королемъ и вашимъ царскимъ величествомъ, но оно придастъ еще болѣе блеску вашей славѣ, и обезсмертитъ ваше величіе и ваше имя, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, уже прославленныя всѣмъ міромъ и возбуждающія во мнѣ еще сильнѣе тѣ чувства преданности интересамъ вашего царскаго величества, такъ что вся моя жизнь будетъ выражать чувства самой искренней и усердной любви и вѣрноподданнѣйшаго уваженія“.

Дѣло сводилось такимъ образомъ на пустую формальность возмездія и вся окраска происшедшаго столкновенія—вдругъ измѣняется въ устахъ самого обиженнаго.

„3-го сентября 1707 года. Варшава. Вашему королевскому величеству уже было всеподданнѣйше подробно донесено, писалъ Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ, какимъ образомъ, въ день празднованія тезоименитства его царскаго величества, въ Якубовицахъ, произошли непріятности между царскимъ любимцемъ, княземъ Меншиковымъ, и мной; хотя причиною тому было лишь личное столкновеніе, оно однако, при неумѣренномъ употребленіи вина, приняло такой серьезный характеръ, что я не только выбранилъ князя Меншикова жесткими словами, но даже рукой ударилъ его по лицу; а такъ какъ въ эту минуту вошелъ его царское величество и я не въ силахъ былъ преодолѣть primus motus, то послѣдствія легко могли бы быть еще злосчастнѣе, если бы тутъ же не вытолкали меня изъ дверей; сбѣжавшаяся же за дверьми многочисленная прислуга князя Меншикова, къ несчастью, сочла своею обязанностью не только столкнуть меня внизъ по лѣстницѣ, но даже двое изъ тѣлохранителей упомянутаго князя дѣйствительно ударили меня нѣсколько разъ на площади, гдѣ не было никого изъ моей прислуги. Теперь же со смиреніемъ и преданностью спѣшу всеподданнѣйше донести вашему королевскому величеству, что, по поводу этого непріятнаго столкновенія моего съ княземъ Меншиковымъ, послѣдовали съ его и съ моей стороны приличныя и при

подобныхъ случаяхъ обычныя объясненія, и его царское величество даровалъ мнѣ полное и блестящее удовлетвореніе за обиды, понесенныя мною помимо его воли и вѣдѣнія, слѣдующимъ образомъ: было наряжено строгое слѣдствіе надъ тѣлохранителями для дознанія того, кто ударилъ меня. Оказались двое виновныхъ, и ихъ, безъ дальнѣйшаго допроса, въ силу военнаго суда, произведеннаго на мѣстѣ по приговору, 1-го сентября 1707 г., осудили къ смертной казни; но въ уваженіе того, что они дворяне и хорошаго происхожденія, положено ихъ разстрѣлять (arquebusiren). Когда генералъ-лейтенантъ Ренне сообщилъ мнѣ этотъ приговоръ и даже привезъ ко мнѣ на домъ его оригиналъ, одобренный его царскимъ величествомъ и собственноручно имъ подписанный, и когда я съ своей стороны выразилъ ему свое одобреніе, онъ далъ мнѣ понять, что князь Меншиковъ весьма желаетъ видѣть меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и что если я соглашусь сейчасъ же, въ 5 часовъ пополудни, отправиться къ князю Меншикову, то меня встрѣтятъ съ восторгомъ, со всею предупредительностью и со всѣми возможными почестями, и что тамъ увижу я и его царское величество.

„Такъ какъ князь Меншиковъ еще прежде прислалъ мнѣ привѣтствіе черезъ здѣшняго секретаря посольства вашего королевскаго величества Лёльгёффеля (Löllhöffel) съ увѣреніемъ въ непоколебимости прежняго своего дружескаго расположенія ко мнѣ, прибавляя любезно, что онъ страшится встрѣчи со мной, то я рѣшился поѣхать, въ тотъ же день, въ назначенный часъ, впервые послѣ вышеупомянутаго горестнаго столкновенія, въ домъ князя Меншикова, гдѣ его царское величество почти всегда занимается судебными дѣлами (Curalien).

„Едва въѣхалъ я въ ворота, какъ уже князь Меншиковъ вышелъ почти со всѣми здѣсь находящимися генералами на первую галерею своего дома, гдѣ и ожидалъ меня. Его гофъ-маршалъ, генералъ-адъютанты и камеръ-юнкеры встрѣтили меня у кареты, генералъ-майоры Банъ и Гейне на лѣстницѣ, самъ же князь Меншиковъ ожидалъ меня нѣсколькими шагами далѣе, на вышеупомянутой крайней галереѣ,—честь, которую онъ едва ли оказываетъ другимъ иностраннымъ министрамъ, даже при первомъ пріемѣ ихъ. Оффиціальныя наши привѣтствія выражали обоюдныя наши чувства дружбы и удовольствія снова другъ друга видѣть; но, спустя нѣкоторое время, проведенное вмѣстѣ въ комнатахъ, мы уда-

лились (à parte) въ сторону къ окну отдѣльной комнаты, и объяснились по поводу ссоры, происшедшей отъ неумѣренной выпивки. По общему нашему соглашенію, ссора эта не только будетъ предана полному забвенію, но даже послужитъ въ будущемъ къ подкрѣпленію нашего благорасположенія и дружбы.

„Въ это время вошелъ его царское величество, по своей привычкѣ, безъ всякой церемоніи. И смѣю всеподданнѣйше увѣрить ваше королевское величество, что давно не видалъ я его царское величество такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ въ эту минуту: онъ обнялъ меня, и, не позволивъ мнѣ вымолвить слова, поспѣшилъ сказать, что усталъ отъ всхода по лѣстницѣ, потому что чувствуетъ себя еще очень слабымъ послѣ перенесенной болѣзни.

„Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала веселая бесѣда, оживленная шутками его царскаго величества и князя Меншикова и продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока не пришли доложить князю Меншикову и его супругѣ о пріѣздѣ жены гетмана (Gross-Feldherrin) Синявскаго, наканунѣ прибывшей сюда; вскорѣ вошла она сама; тогда его царское величество пошелъ одинъ со мной въ отдаленную галерею; тутъ я сталъ выражать свою благодарность за милостиво дарованное мнѣ такое полное удовлетвореніе, а также свои извиненія по поводу случившагося, но царь остановилъ меня слѣдующими милостивыми словами:

— „Als Gott mine Seele kennt, ik silfst recht trurig darower gewest bin, doch wie alle tosammen woll gewesen sind, war Gott lof dat nu alles wedder Gott worden, un ik ju alle taid lew hab, un alles nicht mehr gedeneken“.

То-есть: „Самъ Богъ свидѣтель, какъ глубоко сожалѣю я о случившемся; но всѣ мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забылъ о ссорѣ и пребываю благосклонно и съ любовью преданный вамъ“.

Затѣмъ государь спросилъ новыя газеты и снова удалился въ комнату князя Меншикова, куда и самъ князь возвратился, оставивъ жену гетмана (die Crohn Gross-Feldherrin) у своей супруги. Возобновившаяся бесѣда, при часто подносимыхъ кружкахъ вина, продолжалась весело до 7-ми часовъ вечера; потомъ мы перешли въ комнаты супруги князя Меншикова, гдѣ обѣдали за небольшимъ столомъ, такъ какъ приглашенные къ обѣду были только: его царское величество, жена гетмана, жена старосты, овдовѣвшая кня-

гиня Радзивилъ, князь Меншиковъ, его супруга, я, князь Долгорукій (Григорій Θедоровичъ) и генералъ-лейтенантъ Ренне. Его царское величество все время не переставалъ быть въ наилучшемъ расположеніи духа, и когда потомъ при прощаньи я сталъ ходатайствовать отъ имени вашего королевскаго величества за преступниковъ, его царское величество предоставилъ все на благоразсмотрѣніе вашего королевскаго величества, сказавъ при этомъ, что хотя онъ и будетъ очень занятъ все утро слѣдующаго дня, но приказъ къ совершенію казни уже далъ, и я могу дѣйствовать, какъ мнѣ заблагоразсудится.

„Вслѣдствіе сего, вчера, въ 10 часовъ утра, цѣлый эскадронъ лейбъ-гвардейцевъ провелъ этихъ двухъ преступниковъ, въ оковахъ и цѣпяхъ, мимо здѣшняго дворца вашего королевскаго величества, по главнѣйшимъ улицамъ предмѣстій и города, до большой площади Краковскаго предмѣстья передъ такъ-называемымъ Казимирскимъ дворцомъ, гдѣ имѣютъ свое помѣщеніе его царское величество и князь Меншиковъ. Приговоръ былъ уже почти прочтенъ: (московскій) русскій попъ уже далъ преступникамъ свое наставленіе къ принятію смерти, уже благословилъ ихъ распятіемъ, уже даны были имъ свѣчи въ руки, глаза были повязаны и уже командиръ, майоръ Іоаннъ Котлеръ, скомандовалъ къ прикладу, какъ тутъ находившійся уже секретарь вашего королевскаго величества Лёльгёффель (Löllhöffel), объявилъ помилованіе, привезенное генералъ-адъютантомъ князя Меншикова, фонъ-Брукенталемъ (Brukenthal), и обнародованное впослѣдствіи отъ высочайшаго имени вашего королевскаго величества. И снова весь эскадронъ привелъ преступниковъ ко мнѣ, во дворецъ вашего королевскаго величества, куда прибыли въ то же время королевскій датскій посланникъ Грундъ (Grund) и разные другіе офицеры, приглашенные мною къ обѣду; тутъ виновные, на дворцовой площади, пали ницъ и со смиреніемъ благодарили за милостиво дарованную имъ вашимъ королевскимъ величествомъ жизнь. Потомъ, по моему требованію, они были освобождены отъ цѣпей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравіе вашего королевскаго величества и его царскаго величества, командующіе же офицеры приглашены были мною къ обѣду. Я всеподданнѣйше остаюсь въ упованіи на высочайшее благоволеніе вашего королевскаго величества по поводу полученнаго мною, вслѣдствіе высочайшаго вашего желанія, такого блестящаго удовлетворенія и совер-

шеннаго прекращенія недоразумѣній и непріятностей, происшедшихъ единственно отъ излишней выпивки, въ чемъ погрѣшили въ тотъ день даже сами лейбъ-гвардейцы".

Въ депешахъ современника Кейзерлинга сэра Чарльза Витворта — англійскаго посланника при русскомъ дворѣ (1704 — 1708 гг.) есть нѣсколько подробностей, частью выясняющихъ, частью дополняющихъ непріятное событіе, постигшее представителя короля прусскаго. Приводимъ эти подробности.

Кейзерлингъ въ началѣ марта 1707 г. получилъ въ Москвѣ приказаніе отправиться къ царю въ Польшу.

„Этого путешествія,—замѣчаетъ англійскій посланникъ Чарльзъ Витвортъ,—представитель Пруссіи не ожидалъ, такъ какъ прежде не получалъ никакого намека на его возможность. Собирался Кейзерлингъ въ путь весьма не торопливо..."

Витвортъ догадывался, что прусскій дворъ даетъ порученіе своему посланнику склонить царя Петра на сторону Станислава Лещинскаго, котораго бо́льшая часть Европы уже была расположена признать за короля польскаго [1]).

„Какъ это порученіе, такъ и вообще все положеніе Кейзерлинга, какъ посланника Пруссіи, было не таково, чтобы возбуждать сочувствіе къ нему Петра. Напротивъ, свойство порученія, даннаго сему посланнику его правительствомъ, было таково, что оно вызывало чувство раздраженія русскаго государя. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ іюлѣ 1706 г. берлинскій дворъ настойчиво совѣтовалъ царю Петру, чрезъ Кейзерлинга, поспѣшить заключеніемъ мира съ Швеціей, возвратить ей всѣ отнятыя у нея земли и вознаградить ее за всѣ убытки, понесенные въ Ливоніи... Между тѣмъ еще недавно тотъ же посланникъ подавалъ московскому двору надежды совершенно иного характера"... (Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., томъ XXXIX, стр. 286—287 и 306). Таковое отступничество прусскаго короля въ сторону противни́ковъ Россіи, интриги, какимъ отдался Берлинскій дворъ, съ цѣлью отклонить прочія державы отъ союза съ Московскимъ государствомъ, довели раздраженіе царя Петра до высшей степени и оно сказалось въ рѣзкихъ отношеніяхъ его къ представителю Пруссіи—Кейзерлингу.

Вѣсть о побояхъ, полученныхъ представителемъ короля прус-

---

[1]) Сборн. Императ. Русск. Историч. Общества, т. XXXIX, стр. 380.

скаго, быстро пролетѣла какъ за рубежъ Московскаго государства, такъ и въ Москву.

— „Вы, полагаю,—писалъ изъ Москвы уполномоченный Англіи сэръ Чарльзъ Витвортъ статсъ-секретарю Гарлею въ Лондонъ, отъ 30-го іюля ст. ст. 1707 г.,—уже получили полный отчетъ о несчастіи, которое постигло Кейзерлинга въ день св. Петра при большомъ празднествѣ, на которомъ онъ поссорился съ княземъ Меншиковымъ. Отъ словъ дѣло дошло до побоевъ. Съ тѣхъ поръ посланнику этому запрещено являться ко двору и къ царю; онъ же, съ своей стороны, послалъ нарочнаго къ королю прусскому съ извѣстіемъ о случившемся... Событіе это,—заключаетъ Витвортъ,—въ нѣкоторой степени касается всѣхъ иностранныхъ уполномоченныхъ, хотя, говорятъ, первый поводъ къ ссорѣ былъ совершенно частнаго характера“ (Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. XXXIX, стр. 410).

Изъ этихъ строкъ видно, какъ сдержанно и осторожно писалъ Витвортъ. Осторожность эта вызывалась опасеніемъ, какъ это видно изъ многихъ его депешъ, что посланный его будетъ остановленъ, депеши перехвачены и вскрыты агентами русскаго правительства. Собственно эпизодъ избіенія Кейзерлинга заключался, по извѣстію Витворта (депеша 10-го сентября ст. ст. 1707 г.), въ томъ, что „король прусскій, получивъ сообщеніе русскаго двора, не одобрилъ поведеніе своего уполномоченнаго. Дѣло теперь улажено: Кейзерлингъ извинился двумя письмами къ царю и Меншикову, объяснивъ случившееся слишкомъ щедрымъ угощеніемъ; они же, съ своей стороны, заявили готовность не только все забыть, но еще, въ знакъ уваженія его величества къ королю прусскому, строго наказать лицъ, нанесшихъ оскорбленіе посланнику. По разборѣ дѣла, два гвардейца, признанные наиболѣе виновными, приговорены были къ смертной казни, по предварительномъ увѣреніи датскаго посланника, что Кейзерлингъ будетъ, отъ имени своего государя, просить объ ихъ помилованіи, послѣ чего они явятся къ нему благодарить за дарованную жизнь. Все это выполнено было въ точности, такъ какъ, по личнымъ соображеніямъ, Кейзерлингъ не захотѣлъ воспользоваться полученнымъ отъ короля прусскаго разрѣшеніемъ выѣхать изъ Россіи“ [1]). (Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., томъ XXXIX, стр. 415—416).

---

[1]) Необходимо, впрочемъ, сказать, что дерзость и наглость Меншикова вызвали вообще негодованіе чужеземныхъ пословъ при русскомъ дворѣ въ описываемое нами время. Такъ, напр., Чарльзъ Витвортъ, обыкновенно

Примиреніе было далеко однако неискреннее. Это видно, между прочимъ, изъ того, что согласіе на бракъ съ Анной Монсъ—Кейзерлингъ добился весьма не скоро.

Забытая Анна Ивановна хотя и была освобождена, но только въ 1711 году сочеталась она первымъ законнымъ бракомъ: счастливымъ обладателемъ ея руки сдѣлался фонъ-Кейзерлингъ [1]).

По увѣреніямъ иностранцевъ, Петръ любилъ Анну Ивановну до самаго брака ея съ Кейзерлингомъ, и притомъ не только не получалъ отвѣта на свою любовь, но даже нашолъ въ ней сильнѣйшій отпоръ, что такъ рѣдко случалось, восклицаетъ Helbig „съ великороднымъ Liebhaber". „Меншиковъ и Катерина—продолжаетъ тотъ же писатель — рисковали потерять все, еслибы красавица (Монсъ) уступила. Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкою страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Катерины. Если Катерина при посредственной любезности съумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Анна Монсъ съ своими превосходными (!) качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и geliebten (возлюб-

---

весьма сдержанный въ своихъ отзывахъ о сильныхъ людяхъ Московскаго государства, вотъ какъ отзывается объ этомъ баловнѣ счастія:

„Меншиковъ, — по отзыву англійскаго посланника Чарльза Витворта,— человѣкъ очень низкаго происхожденія, необыкновенно порочныхъ наклонностей, вспыльчивый и упрямый. Мнѣ передавали изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ, что онъ не умѣетъ ни писать, ни даже читать. Низкое происхожденіе не дало ему случая получить образованіе, а прямое возвышеніе на высшія должности, помимо всякаго подчиненнаго положенія, лишило его возможности сдѣлать личныя наблюденія или научиться чему-нибудь изъ собственнаго опыта. Между тѣмъ онъ своимъ рвеніемъ и вниманіемъ къ царской волѣ съумѣлъ войти въ безпримѣрную милость къ царю: онъ состоитъ дядькой юнаго царевича, губернаторомъ Ингріи, да собственно и всего государства Московскаго, въ которомъ ничто не дѣлается безъ его согласія, хотя онъ, напротивъ, часто распоряжается безъ вѣдома царя, въ полной увѣренности, что распоряженія его будутъ утверждены. Онъ заявляетъ притязанія на такую же неограниченную власть въ арміи..." (Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. XXXIX, депеши Витворта, 13-го іюня 1705 г., стр. 125).

[1]) Свадьба была 18 іюня 1711 года; въ бумагахъ, относящихся до фамиліи Монсъ, есть „роспись серебра, которое, — пишетъ мать Анны, — дочь моя Анна-Маргарита Монсъ принесла въ приданое 18 іюня 1711 года". Въ этой росписи обозначено разныхъ серебряныхъ вещей — ложекъ, чайниковъ, бокаловъ, блюдъ, солонокъ и т. п., всего 50 фунтовъ серебра.

леннаго), т. е. Кейзерлинга. И первая, и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданія дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь; она тайно обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, продолжаетъ Helbig, когда только-что сбирался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. „Больно видѣть,—восклицаетъ разскащикъ,— что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую-нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно“ [1]). Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасной Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ,

---

[1]) Отписка домовъ частныхъ лицъ на государево имя производилась при царѣ Петрѣ I очень часто. „Здѣсь, — замѣчаетъ, между прочимъ, англійскій посланникъ Чарльзъ Витвортъ, 28-го мая 1707 г.,—въ Москвѣ конфискуется такое множество домовъ, что вошло въ обычай давать даровое помѣщеніе въ нихъ не только уполномоченнымъ иностранныхъ государствъ, но часто и лицамъ, состоящимъ на царской службѣ...“ (Сборн. Импер. Русск. Историч. Общ., томъ XXXIX, стр. 403).

Кстати, какъ о фактѣ, свидѣтельствующемъ какъ сурово законъ въ описываемое нами время оберегалъ на Руси вѣрность женъ ихъ мужьямъ и какъ жестоко казнилъ жену, не только измѣнившую супругу, но и убившую его, приводимъ разсказъ того же Чарльза Витворта:

19-го ноября 1706 г. русская женщина, занимавшая въ московскомъ обществѣ хорошее положеніе, за убійство ею мужа подвергнута была ужасной казни вмѣстѣ съ двумя сообщниками въ преступленіи: „Въ яму, вырытую на площади, женщину-убійцу опустили живою и засыпали ее тамъ до плечъ; затѣмъ прямо предъ ея глазами поставили плаху, на которой тутъ-же обезглавили прислужницу, помогавшую убійцѣ; другого сообщника — управителя и вмѣстѣ любовника зарытой—повѣсили прямо надъ ея головою. Оба трупа оставались передъ нею и это ужасное зрѣлище устранено было съ глазъ ея только 24 часа спустя, по просьбѣ многихъ лицъ; сама же она оставалась безъ пищи и питья до ночи 24-го ноября, когда, наконецъ, землю вокругъ нея прибили плотнѣе съ цѣлью ускорить смерть, иначе несчастная прожила бы еще два или три дня въ ужасномъ положеніи“. (Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., томъ XXXIX, стр. 342).

гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же".

Мы не безъ умысла привели весь этотъ романическій эпизодъ изъ интереснаго сочиненія Helbig'a; дѣло въ томъ, что книга эта въ 1860-хъ гг. служила однимъ изъ употребительнѣйшихъ источниковъ не только для составителей монографій изъ русской исторіи XVIII вѣка, но даже и для Herrmann'a, автора одной изъ лучшихъ „Geschichte d. russisch. Staats" [1]); между тѣмъ всѣ разсказы автора „Russische Günstlinge" требуютъ большой критики и нужно пользоваться ими съ крайнею осторожностью. Тайный совѣтникъ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный въ 1787 году къ петербургскому двору, Helbig, конечно имѣлъ случай собрать много интереснаго; но онъ слишкомъ увлекся анекдотической стороной быта прошлыхъ царствованій и слишкомъ широко пользовался изустными разсказами, доходившими до него зачастую въ совершенно искаженномъ видѣ, какъ легенды или придворныя сплетни. Доказательство отыскать не трудно; въ приведенномъ выше разсказѣ все или искажено, или спутано: о Кенигсекѣ не упомянуто ни слова, Кейзерлингъ сдѣланъ виновникомъ окончательнаго разрыва Петра съ Анной Ивановной; опала надъ ней, вопреки Helbig'y, разразилась надъ Монсъ гораздо раньше; легкомысленная сластолюбивая нѣмка является у г. тайнаго совѣтника героиней чувствительнаго романа, что опять противорѣчитъ истинѣ; затѣмъ Кейзерлингъ умеръ вовсе не такъ скоро и, вопреки Helbig'y, скончался не въ Москвѣ, а въ Столпе, на дорогѣ въ Берлинъ, 11 декабря 1711 года [2]); затѣмъ насколько

---

[1]) Herrmann называетъ книгу Helbig'a „Russische Günstlinge", Tübingen, 1809 г. (въ V части его русской исторіи, стр. 109, прим. 79) „сочиненіемъ весьма пригоднымъ для русской исторіи".

[2]) Замѣчанія на письма г-жи Рондо историка Миллера и подлинныя письма г-жи Кейзерлингъ, рожденной Монсъ, въ госуд. архивѣ въ С.-Петербургѣ. Тайный совѣтникъ Кейзерлингъ скончался въ г. Столпе, въ квартирѣ доктора Астманса. Въ томъ же декабрѣ 1711 г. присяжнымъ нотаріусомъ города Столпе составлена была опись вещамъ Кейзерлинга. Изъ нея видно, что при покойникѣ было много драгоцѣнностей, между прочимъ извѣстный уже намъ портретъ Петра Перваго, царскій подарокъ Аннѣ Ивановнѣ, нѣсколько перстней, осыпанныхъ бриліянтами, золотые часы, цѣпочка и проч. Гардеробъ тайнаго совѣтника, какъ видно изъ описи, отличался большой роскошью: здѣсь были кафтаны дорогого сукна, обшитые по швамъ позумен-

„достоинства“ было въ характерѣ Анны Ивановны и насколько погрузилась она на закатѣ дней своихъ въ „размышленія о послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ“ —мы увидимъ изъ ея собственныхъ писемъ.

Эти письма не имѣютъ отношенія къ Петру, но они освѣтятъ намъ нравственный обликъ той женщины, которая была окончательной виновницей заточенія законной супруги Петра и царицы Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной, и которая въ продолженіи почти десяти лѣтъ не только сама царила въ сердцѣ преобразователя Россіи, но, по собственному признанію преобразователя Россіи—едва не сдѣлалась его законною супругою, государынею всея Россіи [1]).

Въ концѣ 1711 года семейство Монсъ было разбросано въ разныхъ мѣстахъ: старуха-мать лѣтъ пятнадцать уже лежала въ постели, въ страданіяхъ отъ какой-то хронической „ножной“ болѣзни; отдѣльно отъ нея въ деревянномъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, жила Анна Ивановна съ двумя малютками (Кейзерлингами?) и двумя служанками: Марьей и Гертрудой; послѣдняя была шведская полоняночка, съ 6-ти лѣтняго возраста, ради ея сиротства, пригрѣтая Анной Ивановной и затѣмъ при ней возросшая. Гертруда была ея ключница и ближайшая ея наперсница. Тревоги житейскія и дѣйствіе страстей поколебали здоровье Анны Ивановны, еще молодой женщины; она таяла какъ свѣчка, харкала кровью, и зачастую по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели, часто впадая въ безсознательное состояніе.

Старшая сестра ея, съ которой мы еще не разъ встрѣтимся, бойкая, разбитная Матрена Ивановна, была въ это время съ мужемъ въ Эльбингѣ, занятомъ русскими войсками. Балкъ былъ назначенъ туда комендантомъ. Старшій и младшій братья скончались въ 1710—1711 годахъ, а средній братъ, Виллимъ Иванычъ, въ качествѣ генеральсъ-адъютанта, состоялъ при государѣ и былъ безпрестанно командируемъ съ мѣста на мѣсто, съ разными пору-

---

тами, парчевые жилеты, разныя шолковыя вещи и проч. Съ нимъ же было, вѣроятно для подарковъ, болѣе дюжины дорогихъ собольихъ и другихъ мѣховъ.

[1]) Что до иностранныхъ писателей, то мы не нашли нужнымъ цитовать изъ нихъ другіе разсказы о романической судьбѣ Монсъ; разсказъ, сходный съ Helbig-овскимъ, см. въ „Voyage en Russie“ Chantreau. Paris. 1794, t. I, pp. 67—70.

ченіями. Въ 1711 — 1713 годахъ мы его видимъ въ Курляндіи, въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ подобныхъ же командировкахъ проходила служба племянника его, однолѣтняго съ нимъ Петра Ѳедоровича Балка.

Вся семья была очень дружна; всѣ заботились о семейныхъ интересахъ, и между ними шла самая оживленная переписка; особенно горячо принимала въ ней участіе мать Монсовъ, старуха, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, на бѣдность и проч. Въ этой корреспонденціи, разумѣется, интереснѣе всего для насъ письма Анны Ивановны; постараемся собрать изъ нихъ болѣе типичныя черты [1]).

11 декабря 1711 года, въ бытность свою за границей, скончался Георгъ Іоганнъ Кейзерлингъ. Насколько опечалились Монсъ, неизвѣстно; за то извѣстно, какъ сильно встревожились они, узнавъ, что на деньги, драгоцѣнныя вещи и остальное движимое и недвижимое имѣніе покойника, находившееся въ Курляндіи и въ Пруссіи, заявилъ претензію старшій братъ покойнаго — ландмаршалъ прусскаго двора.

Боязнь лишиться богатаго наслѣдства до такой степени встревожила Анну Ивановну, что она даже забыла приличнымъ образомъ оплакать покойника и вся отдалась заботамъ удержать за собой и деньги, и имущество; то и другое составило предметъ ея думъ, о томъ и другомъ плакалась она въ своихъ письмахъ.

„Любезный,—писала она къ брату, 14 февраля 1712 года,—отъ всего сердца любимый братецъ! Желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; не знаю чѣмъ и утѣшиться" [2]); и затѣмъ однако, должно быть для утѣшенія, проситъ привезть вещи и деньги ея мужа въ

---

[1]) „Письма отъ матери Монсовой, такожде и отъ Анны Монсовой"; за этимъ русскимъ заглавіемъ въ Государственномъ Архивѣ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ особомъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: „уголовное секретное дѣло 1724 г.",—переплетена, въ XVIII в., въ большомъ безпорядкѣ, между прочими бумагами, къ Монсу относящимися, коллекція нѣмецкихъ писемъ къ нему отъ матери, сестеръ, его друзей и товарищей по нѣмецкой слободѣ. У насъ приведены, въ своемъ мѣстѣ, частью въ полномъ переводѣ, частью въ отрывкахъ, любопытнѣйшіе изъ этихъ документовъ. Писемъ Анны Монсъ къ брату Виллиму не болѣе восьми, отъ матери же болѣе двадцати четырехъ.

[2]) Почеркъ Анны Ивановны довольно четкій, красивый; но орфографія слаба. Подпись ея: „вдова А. М. Кейзерлингъ, рожденная Монсъ".

Москву, „потому что лучше, замѣчаетъ Анна Ивановна, когда онѣ у меня, чѣмъ у чужихъ людей".

Главнымъ ходатаемъ ея по дѣламъ съ Кейзерлингомъ старшимъ былъ нѣкто Лаусонъ; ему расточали Анна Ивановна и ея мать особые знаки уваженія и вниманія. Виллиму строго предписывалось ничего не предпринимать безъ его совѣта; ему посылались (впрочемъ весьма недорогіе) подарки прямо отъ имени Анны, у него спрашивалось обо всемъ; такъ, напримѣръ, Анна просила брата спросить Лаусона: „отдавать ли ея деверю, Кейзерлингу, портретъ царя, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи?" Мать даже просила сына: „кромѣ себя и Лаусона никому не довѣрять, никого не слушать, со всѣми, кромѣ его, быть осторожнымъ". Ради интересовъ дочери, старуха убѣдительнѣйше просила сына оказывать камердинеру (покойнаго Кейзерлинга) столько добра, сколько можетъ; „помни, что отъ этого человѣка зависитъ сильно помочь или сильно повредить".

При всемъ томъ, ни вещи, ни деньги не получались. Къ одному горю другое — Штраленбергъ (камердинеръ покойника) разсказывалъ заграницей, что жена его, оставленная въ Москвѣ у г-жи Кейзерлингъ, страдаетъ отъ ея грубаго обращенія.

„Прошу тебя, любезный братъ, писала Кейзерлингъ къ Виллиму, не вѣрь этому лгуну Штраленбергу; онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады..... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будто бы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ, ей очень хорошо у меня; когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, и, избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье".

Еще ближе къ сердцу принимала огорченія, наносимыя Аннѣ Ивановнѣ, ея мать. Изъ писемъ старухи видно, что она любила Анну едва-ли не болѣе всѣхъ остальныхъ дѣтей: „съ чего Штраленбергъ взялъ, восклицала она по поводу его сплетень, какъ онъ смѣетъ увѣрять, будто бы жена его ужасно страдаетъ у твоей сестры? Онъ безсовѣстный лжецъ! пора бъ ему зажать ротъ; чтобы чортъ побралъ этого мерзавца съ его страстью лгать; сестра твоя отъ него уже и такъ много натерпѣлась.... Моя дочь сдѣлала для его жены по крайней мѣрѣ столько же, сколько онъ для своего

господина". Кромѣ этого неблагодарнаго, „много безпокойствъ, какъ жаловалась въ другомъ письмѣ старуха, причинялъ ея дочери какой-то „безбожный Салтыковъ...."

Съ одной стороны старшій братъ Кейзерлинга, съ другой—его камердинеръ, своими поступками сильно заставляли опасаться „печальную" вдову, что многое изъ имущества супруга ускользнетъ изъ ея рукъ. Вслѣдствіе этого она нашла нужнымъ самой съѣздить если не заграницу, то въ Петербургъ, чтобъ привесть это дѣло къ благополучному окончанію; сборамъ этимъ предшествовали собственноручныя ея распоряженія о продажѣ разныхъ вещей покойника.

Ни малѣйшей печали, любви и даже уваженія къ покойному не высказывается въ письмахъ Анны Ивановны. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ брату, отъ 1 марта 1712 года, сдѣлавъ распоряженіе о продажѣ лошадей за назначенную ею же цѣну, затѣмъ распорядившись о взятіи кой-какихъ вещей, оставленныхъ ея мужемъ въ Курляндіи, она только послѣ всего этого проситъ брата: „напиши мнѣ пожалуста: привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію? Вели, чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ", и тутъ же спѣшитъ приписать о дѣлѣ, для нея важнѣйшемъ: „ради-бога, побереги шкатулку съ бумагами, чтобы ничего не потерялось, а старшему зятю моему скажи, чтобы онъ прислалъ мнѣ только портретъ его величества съ драгоцѣнными камнями".

„Мы все больны, плакалась между тѣмъ старуха; твоя сестра Анна пять недѣль не вставала съ постели и харкаетъ кровью; что изъ этого будетъ, одинъ Богъ знаетъ! Она хочетъ имѣть здѣсь всѣ свои деньги, постарайся объ этомъ, равно и о томъ, чтобы всѣ ея вещи были привезены сюда.... Ради Бога, не вези съ собой негодяя камердинера, а то будетъ ему худо. Твоя сестра безутѣшна, помоги ей Богъ!"

„Твоя сестра еще больна, писала недѣлю спустя мать Монса; ты вѣроятно слышалъ уже, что ландмаршалъ (братъ Кейзерлинга) хочетъ взять себѣ вещи покойника; не допусти до этого, привези ихъ съ собою, не давай себя уговорить ни въ чемъ, эти Кейзерлинги очень хитры, а камердинеръ (покойника) съ ними заодно".

Несмотря на всѣ наставленія, дѣло не подвигалось: „Смотри, чтобъ твоя бѣдная сестра не лишилась своей собственности, безпрестанно напоминала старуха.... Зачѣмъ ты письмо послалъ въ

Ригу, оно три недѣли было въ дорогѣ.... и сестра должна была заплатить шесть рублей за письма твои и камердинера!... Зачѣмъ ты лошадей отправилъ въ Эльбингъ, смотри чтобы онѣ не пропали“...

Не могъ угодить Виллимъ Ивановичъ и сестрѣ своей Аннѣ; какъ кажется, страдая чахоткой, она была очень раздражительна и болѣзнь вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ, одной изъ рѣзкихъ чертъ ея характера, вызывали съ ея стороны рядъ упрековъ: „отъ твоего письма, писала она брату 8 мая 1712 года, я въ отчаяньи; ты потратилъ много времени попустому. Не знаю, что за причина, что мое дѣло въ такомъ дурномъ положеніи. Не знаю по чьему совѣту уѣхалъ ты въ Берлинъ?...“

А тутъ на бѣду Виллимъ Ивановичъ, человѣкъ молодой, щеголь и вѣтренникъ, не могъ удержаться, чтобъ не занять нѣсколько сотенъ рейхсталеровъ, изъ хранившихся у Лаусона сестриныхъ денегъ. При извѣстіи объ этомъ, Анна Ивановна запылала негодованіемъ: „я была до крайности поражена, писала она къ нему, при извѣстіи, что ты занялъ уже до 700 рейхсталеровъ!... Боже мой! неужели это значитъ поступать по братски? Этакъ ты меня совсѣмъ раззоришь! Подумалъ ли ты, сколько слезъ я проливаю во вдовьемъ своемъ положеніи и сколько у меня расходовъ? Какой же ты послѣ этого оберегатель моихъ интересовъ и моей собственности? Матушка очень огорчена твоимъ поведеніемъ. Напиши, на что тебѣ нужны были деньги? Оканчиваю письмо, слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Призываю Бога на помощь, да исправитъ онъ тебя, быть можетъ ты станешь лучше обо мнѣ заботиться....“

Что до матери, то она просто на просто грозила сыну самымъ сильнымъ проклятіемъ, если онъ не перестанетъ тратить деньги своей „несчастной сестры“.

— „Прошу тебя, писала съ своей стороны старшая сестра Монсъ, — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры....“ „Если не лучше будутъ дѣйствовать, говоритъ въ другомъ письмѣ Матрена Балкъ, въ дѣлѣ любезной нашей сестры, то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи. Видно, ты не очень-то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать предъ нашей сестрой“.

Общія хлопоты привели, наконецъ, къ болѣе успѣшному резуль-

тату; этому безъ сомнѣнія способствовало и то, что сама г-жа Кейзерлингъ съ матерью пріѣхали заграницу лѣтомъ 1712 года; онѣ прогостили нѣсколько недѣль въ г. Эльбингѣ у своего зятя Балка и отсюда имѣли болѣе удобствъ вести свой процессъ; общими стараніями Монсъ, генералъ-адъютантъ, младшій братъ покойнаго Кейзерлинга, уговоренъ былъ протестовать противъ беззаконныхъ претензій ландмаршала, своего старшаго брата, и этотъ протестъ много сдѣлалъ по дѣлу Анны Ивановны у короля прусскаго. Дѣло впрочемъ протянулось съ годъ, такъ что Анна Ивановна, по возвратѣ въ Москву, скоро нашла нужнымъ ѣхать въ С.-Петербургъ.

„Но я не знаю, жаловалась мать, что мнѣ дѣлать съ ней; я все больна и никакъ не могу съ ней пуститься въ дорогу“.

О поѣздкѣ между тѣмъ сильно хлопотала Анна Ивановна; разсчетливая до скупости, и въ то же время съ претензіями на нѣкоторыя права въ качествѣ прежней фаворитки государя, она писала къ вице-адмиралу, а также и къ графу Головкину, чтобы тѣ выхлопотали ей даромъ подводы: „люди датскаго посланника, говорила она брату, получали даровыя подводы, отчего же мнѣ не получить?“ Подводъ однако не давали; старуха мать почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ сыну напоминала, чтобы тотъ похлопоталъ, но Виллимъ Ивановичъ не былъ еще въ той силѣ, въ какой мы увидимъ его впослѣдствіи, а птенцы Петра не считали нужнымъ оказывать вниманіе забытой красавицѣ.

Что до нея самой, то давно вытѣснивъ изъ сердца образъ Петра и оставивъ его въ своей шкатулкѣ, такъ какъ онъ былъ осыпанъ драгоцѣнными камнями, Анна Ивановна забыла и Кейзерлинга: въ 1713 — 1714 годахъ она уже не вспоминаетъ о немъ даже по поводу его имѣнія: она занята плѣннымъ шведскимъ капитаномъ фонъ-Миллеромъ [1]).

---

[1]) Всѣ приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ бумагъ Государственнаго Архива, именно изъ подлинныхъ нѣмецкихъ писемъ Модесты Монсъ (матери): 15 февраля, 27 марта, 8 мая, 19 іюня и 9 нумеровъ неизвѣстныхъ чиселъ 1712 г. Анны Кейзерлингъ, рожд. Монсъ, письма 14 февраля, 1 марта, 8 мая, 19 іюня и два неизвѣстныхъ чиселъ 1712 года. Материнскія и дочернія письма отправляемы были изъ Нѣмецкой слободы; особенно нескладно писала старуха: всѣ ея письма необыкновенно неразборчивы и наполнены повтореніями объ одномъ и томъ же; при внимательномъ разборѣ ихъ можно догадываться, что старуха была слаба разсудкомъ и памятью. Матрены Балкъ рожд. Монсъ письма изъ Эльбинга отъ 23 іюня, 3, 7, 10 и 14 іюля и 14 сентября 1712 года. Петра Балка письмо изъ Эль-

Капитанъ, одинъ изъ шведовъ, взятыхъ въ полонъ послѣ преславной викторіи подъ Лѣснымъ, проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ, познакомился съ Анной Ивановной и имѣлъ счастіе быть послѣднимъ въ ряду избранниковъ ея сердца. „Печальная" вдова намѣревалась выдти за него замужъ, а пока осыпала его подарками; видно красота ея сильно поблекла, если она находила нужнымъ прибѣгать къ этому средству, чтобъ привязать къ себѣ своего новаго рыцаря.

Такъ „въ приносѣ отъ иноземки Анны Монцовой пожитковъ ея къ капитану" были: „камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый; кувшинецъ, да блюдо, что бороды брѣютъ, серебряныя", и другія вещи.

Впослѣдствіи, послѣ смерти уже сестры, хлопоча отнять ихъ у Миллера, Виллимъ Ивановичъ увѣрялъ: „что тотъ притворствомъ вѣрился (вкрался?) въ домъ къ сестрѣ моей, и въ болѣзни сестры моей взялъ, стакався съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключи у сестры моей, взялъ многія пожитки". Монсъ жаловался, что Миллеръ, пользуясь болѣзнію его матери и излишнею довѣренностью къ нему Анны Ивановны, увѣрилъ ее, будто бы имѣетъ въ Швеціи жалованныя отъ короля маетности; выманивалъ у нея деньги и разные подарки.

Обманомъ или другимъ чѣмъ, какъ бы то ни было, но Миллеръ дѣйствительно очень сблизился съ Анной Ивановной: они были сговорены и свадьбѣ помѣшала только смерть невѣсты.

Вдова Анна Кейзерлингъ скончалась 15-го августа 1714 года, въ Нѣмецкой слободѣ, на рукахъ больной старухи-матери и пастора; въ безпамятствѣ предсмертной агоніи, она пожалѣла только о нѣкоторой сиротѣ и о возлюбленномъ; ему завѣщала она наиболѣе цѣнную часть своего имущества.

Объ этомъ наслѣдствѣ между старухой Модестой Монсъ и ея

бинга отъ 17 сентября 1711 г. Генералъ-адъютанта Кейзерлинга письмо изъ Гарца отъ 1 іюля 1712 г. Также смотр. показаніе, данное въ сенатской конторѣ, 19 августа 1715 г., челядинцемъ капитана Мюллера (т. е. Миллера), шведа Иванова, о пожиткахъ „Монцовой".

Историкъ Миллеръ ошибочно утверждаетъ, что Анна Кейзерлингъ вышла замужъ за капитана Мюглерса,—она была только сговорена съ Миллеромъ. См. Дневникъ Берхгольца, IV, 125. Вещи покойнаго Кейзерлинга отправлены были его вдовѣ изъ г. Столпе 7 марта 1714 г.: процессъ былъ выигранъ.

сыномъ, Виллимомъ Ивановичемъ, съ одной стороны, и капитаномъ фонъ-Миллеромъ—съ другой, возникло интересное дѣло.

Такъ какъ оно не касается прямо предмета настоящаго изслѣдованія, а между тѣмъ подробности его въ высшей степени характерны, то мы его разсказываемъ, на основаніи подлинныхъ и доселѣ не изданныхъ документовъ, во II-мъ приложеніи къ настоящей книгѣ.

Между тѣмъ оставленнаго Анной Ивановной имущества было довольно.

Однихъ алмазовъ, брильянтовъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей осталось въ черепаховой шкатулкѣ Анны Ивановны на сумму, по своему времени, громадную, а именно на 5,740 рублей; въ спискѣ этихъ вещей были подарки адмирала Лефорта, царя Петра, иноземныхъ пословъ Кенигсека, фонъ Кейзерлинга; не было только подарковъ шведскаго полоненника капитана фонъ-Миллера, потому что „полоненникъ шведской“ самъ принималъ ихъ отъ Анны.

Изъ всѣхъ драгоцѣнностей цѣннѣе всѣхъ былъ подарокъ государя; онъ значится въ спискѣ такъ: „образъ съ разными съ драгими каменьями, около охваченъ — въ 1000 рублей“. Затѣмъ по цѣнности замѣчательны: „умершаго господина фонъ Кейзерлинга персона въ алмазахъ—700 руб.“ Остальныя вещи были алмазныя: лацъ-кенъ, сердечко съ короной, серьги, крестъ, перстни, пряжки, запонки, булавки, шпажка и зубочистка алмазныя; тутъ же были нитки жемчугу, изъ которыхъ четыре нитки покойница завѣщала сиротѣ нѣкоторой; золотые и серебряные часы, табакерки, кольца, все это украшено бриліянтами, изумрудный перстень и т. п. [1]); вещи эти были достояніемъ той женщины, которая такъ горько плакалась за растрату братомъ нѣсколькихъ сотенъ рейхсталеровъ...

---

[1]) Госуд. Архивъ въ С.-Петербургѣ. „Роспись алмазнымъ вещамъ, которыя были“ въ скрынкѣ, черепахою оклееной. Эта роспись драгоцѣнностямъ Анны Ивановны дошла до насъ въ шести спискахъ, и всѣ они руки старухи Монсъ. Въ описи ея собственныхъ вещей значится портретъ ея дочери, какъ можно думать — портретъ Анны Ивановны; нельзя не пожалѣть, что онъ не дошолъ до насъ, либо быть-можетъ и уцѣлѣлъ въ какой нибудь коллекціи, но состоитъ въ отдѣлѣ неизвѣстныхъ портретовъ. Говоря объ имуществѣ Анны Ивановны, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о ходатаѣ по ея дѣламъ, Лаусонѣ, тѣмъ болѣе, что мы къ нему уже не возвратимся. Мы видѣли съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ и мать, и дочь относились къ нему и какъ заискивали въ немъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Монсы въ немъ

Какъ-бы то ни было, но проводивъ въ могилу бренные останки той женщины, имя которой, благодаря любви къ ней Великаго Преобразователя Россіи,—попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе: оно вытекаетъ изъ представленныхъ матерьяловъ. Ихъ достаточно, чтобъ видѣть въ Аннѣ Монсъ страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку разсчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ этомъ суевѣрную, лишонную всякаго образованія, даже мало грамотную (о чемъ свидѣтельствуютъ ея подлинныя письма). Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ не было никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не съумѣла оцѣнить любовь Петра, не съумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ царь Петръ показалъ, что и великіе люди не изъяты человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпитъ очи, и имъ затемняетъ разсудокъ.

Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Ѳедоровна ссылается въ заточеніе; наслѣдникъ престола царевичъ Алексѣй Петровичъ преждевременно лишается материнскаго надзору, а вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей

нуждались; но вотъ умираетъ Анна Ивановна... „Я крайне скорблю, писалъ Лаусонъ къ матери, 1 окт. 1714 г., изъ Кенигсберга, крайне скорблю о кончинѣ высокопочтенной тайной совѣтницы фонь-Кейзерлингъ и тѣмъ болѣе сочувствую печали матери, что самъ лишился въ вашей любезной дочери своей милостивой и уважаемой покровительницы, но тутъ дѣлать нечего, мы должны только благодарить Бога, что онъ сократилъ ея страданія...“ Вмѣстѣ съ заявленіями печали и сочувствія, Лаусонъ съ нѣмецкою акуратностью представилъ отчетъ въ приходахъ и расходахъ, довѣренныхъ ему суммъ покойной Кейзерлингъ, при этомъ онъ просилъ позволенія удержать у себя за свои трехълѣтніе труды 200 рейхсталеровъ; но теперь Лаусонъ не нуженъ, и вотъ старуха Монсъ сначала ничего не отвѣчаетъ на его просьбу, а потомъ рѣшительно требуетъ, чтобъ тотъ прислалъ и эти деньги. Поручая это дѣло сыну, въ апрѣлѣ 1716 года, въ бытность того въ Германіи, мать вопреки всѣмъ своимъ прежнимъ восхваленіямъ Лаусона, называетъ его теперь „воромъ, мошенникомъ, вообще человѣкомъ до такой степени нечестнымъ, что будто-бы онъ, Лаусонъ, въ счетахъ всегда выставлялъ 10 вмѣсто 5“. Всѣ эти обвиненія мать Монсовъ не подтверждаетъ фактами и топчетъ въ грязь человѣка, такъ недавно превозносимаго, за какіе-нибудь 200 талеровъ! Письмо Модесты Монсъ, Москва, 12 апр. 1716 года.

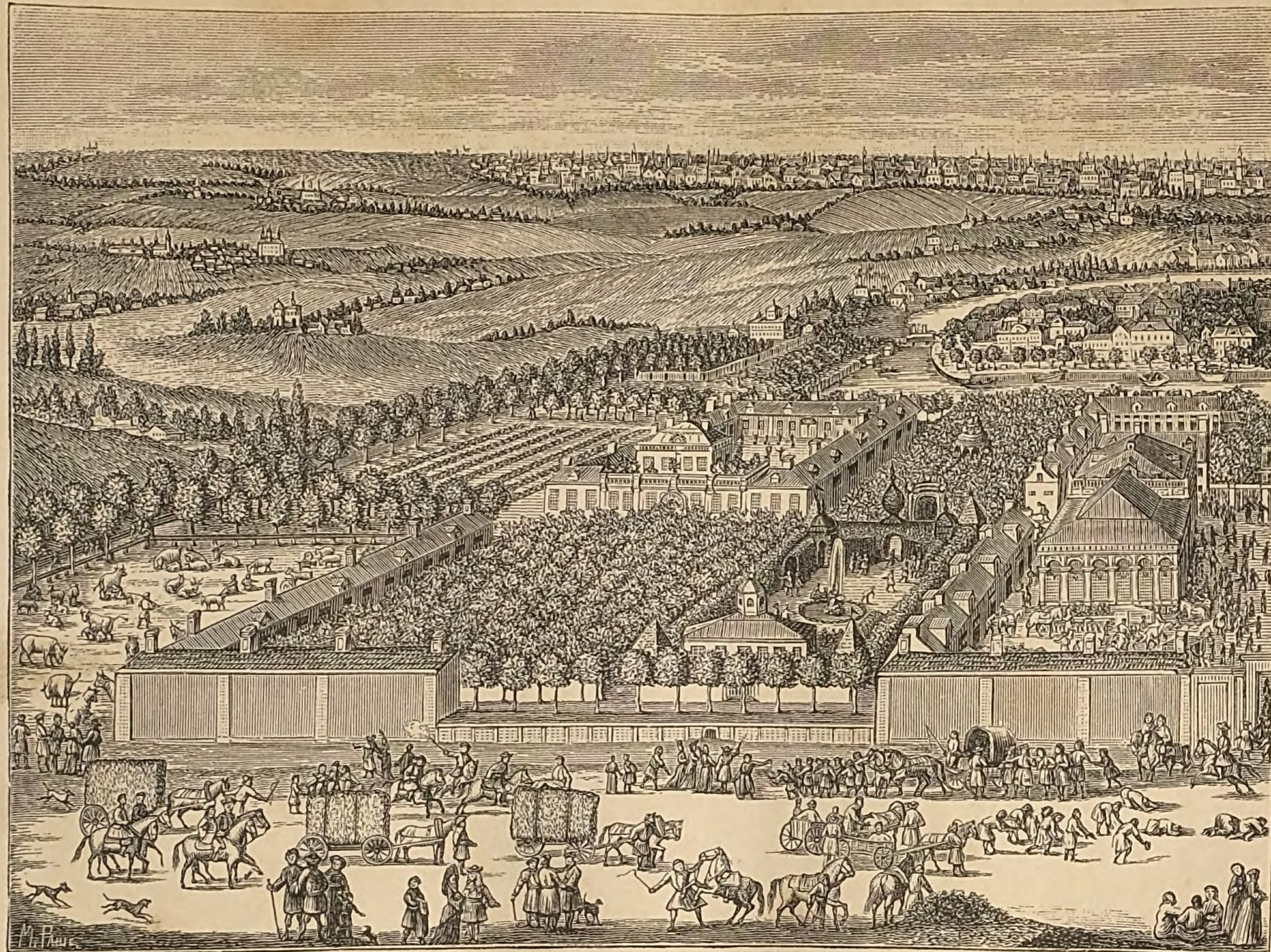
ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу; начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени страдательная со стороны царевича, не важная по ходу, но которая быть можетъ приняла бы болѣе серьезные размѣры, еслибы не кончилась катастрофою 1718 года [1]).

Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, а въ немъ, между прочими, и на брата Анны—Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ человѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и — это еще догадка — дѣлается одною изъ причинъ преждевременной кончины Петра Великаго.

---

[1]) Приводимъ свидѣтельство Бишинга, добросовѣстнаго изслѣдователя русской исторіи XVIII вѣка, долго жившаго въ С.-Петербургѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка и обогатившаго нашу исторію изданіемъ своего „Магазина"—собранія драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Вотъ что онъ говоритъ о причинѣ развода царя Петра I-го: „Царь Петръ Алексѣевичъ сочетался бракомъ 27-го генваря 1689 г. съ первою супругою своею Евдокіею Өедоровною Лопухиною, отъ которой 18-го февраля 1690 г. родился царевичъ Алексѣй Петровичъ, которой, будучи законной наслѣдникъ престола, съ самаго младенчества своего великую обѣщевалъ надежду. Но какъ его родительница, за нескромную ревнивость на обхожденіе супруга ея съ дѣвицею Монсъ, пришла въ немилость, которыя слѣдствіемъ было заточеніе ея въ монастырь въ 1699 г., то и царевичъ, будучи отъ родителя своего возненавидѣнъ, имѣлъ 26-го числа іюня 1718 г. весьма плачевной конецъ своей жизни, чему виною главнѣйше былъ князь Меншиковъ, какъ о томъ императоръ Петръ II-й, много лѣтъ спустя, въ сообщенномъ отъ него къ нѣкоторымъ дворамъ извѣстіи объяснялся... Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ къ себѣ послѣ бывшую вторую супругу свою Екатерину, уже въ 1705 г., и не токмо тогда, но и два года спустя потомъ привержена она еще была къ евангелическо-лютеранскому закону, и нарочно для нея построена была церковь въ Санктпетербургской крѣпости. Послѣ того приняла она россійской греческой законъ и въ 1712 г. торжественно сочеталась съ нимъ бракомъ". (Записка Бишинга: „Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова". Архивъ кн. Воронцова, томъ XXV, стр. 11 и 12).

НѢМЕЦКАЯ СЛОБОДА ВЪ МОСКВѢ
въ 1690 — 1710 гг.

Очерки изъ Рус. Истор. М. Семевскаго, т. III, стр. 64.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

II.

ГЕНЕРАЛЬСЪ-АДЪЮТАНТЪ

1708—1716.

Въ то время, когда Петръ зачастую посѣщалъ и изволилъ нерѣдко „опочивати за золочеными занавѣсами“ въ каменномъ палаццо Анны Ивановны, въ покояхъ жалованнаго дома рѣзвился четырнадцатилѣтній хорошенькій мальчикъ; это былъ ребенокъ живой, пылкій и весьма чувствительный; послѣднее доказывало, что на мальчика имѣло большое вліяніе то, что онъ съ ранняго дѣтства окруженъ былъ женщинами: обѣ сестры (много его старше) любили и баловали ребенка. Баловень этотъ былъ извѣстный впослѣдствіи Виллимъ Ивановичъ Монсъ или, какъ онъ подписывался, де-Монсъ [1]).

Старшій братъ его Филимонъ, какъ мы уже знаемъ, взятъ былъ государемъ на службу и, не смотря на опалу, постигшую сестеръ Монсъ, Филимонъ служилъ довольно успѣшно: въ 1711 году онъ былъ капитаномъ. По его слѣдамъ, но по предложенію Георга Іоганна фонъ-Кейзерлинга [2]) — принятъ былъ на службу Виллимъ Монсъ: военная служба вообще представлялась иноземцамъ нѣмецкой слободы въ тогдашнее время надежнѣйшимъ путемъ къ достиженію всякихъ благъ, слѣдовательно желанія другого пути со стороны Виллима и быть не могло. Виллимъ принятъ на службу въ бытность царя Петра въ Польшѣ, въ мѣстечкѣ Горкахъ [3]), въ августѣ 1708 года. Перво-

[1]) Онъ родился въ Россіи въ 1688 году, что видно изъ письма его матери отъ 28 февраля 1717 года.

[2]) Кейзерлингъ говорилъ о немъ Меншикову и затѣмъ государю еще въ іюлѣ 1707 г. См. выше стр. 34.

[3]) Горки принадлежали стольнику литовскому, графу Сапѣгѣ, и были куплены у него княземъ Меншиковымъ.

начально принятъ онъ въ арміи въ качествѣ „валентира". Молодой человѣкъ былъ зачисленъ затѣмъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Генералъ Боуръ замѣтилъ молодого, красиваго „валентира" и взялъ его къ себѣ въ „генеральсъ-адъютанты".

Странная роль выпала на долю нѣмца-генерала Боура: онъ отличался, надо думать, большимъ вкусомъ и былъ поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Боуръ вывелъ Марту, будущую царицу Катерину Алексѣевну, Боуръ же выдвигаетъ на путь къ отличіямъ и знаменитаго впослѣдствіи ея приближеннаго Виллима Монса...

Предъ будущимъ фаворитомъ съ этого времени дѣйствительно открывалась карьера несравненно блистательнѣйшая, нежели выпадала на долю какого-нибудь боевого офицера.

Монсъ былъ постоянно на виду, на него возлагались кой-какія командировки и малѣйшій успѣхъ въ ихъ выполненіи, расторопность, бойкость — немедленно награждались. Монсъ былъ на виду въ упорномъ бою подъ Лѣснымъ; въ славной побѣдѣ Полтавской; здѣсь и тамъ исправлялъ должность генеральсъ-адъютанта, и когда шведы были отброшены къ Переволочнѣ, Монсъ ѣздилъ къ нимъ съ трубачемъ для переговоровъ. Во время движенія русской арміи къ Ригѣ Виллимъ Ивановичъ командируемъ былъ во многія партіи съ казаками; между прочимъ на него возложено было порученіе отбить у непріятеля командира казаковъ, князя Лобанова.

„Усмотря добрые поступки" родного брата нѣкогда любимой красавицы, государь, въ бытность свою въ Помераніи осенью 1711 года, „удостоилъ его чиномъ лейбъ-гвардіи лейтенанта"; въ новомъ чинѣ Монсъ назначенъ былъ оставаться въ качествѣ „генеральсъ-адъютанта отъ кавалеріи [1])" при государѣ, ѣздилъ курьеромъ къ королю датскому, участвовалъ при атакѣ фридрихштадтской и вообще, какъ мы уже видѣли, былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ съ разными порученіями отъ государя [2]).

Между тѣмъ карманъ Монса находился въ незавидномъ состоя-

---

[1]) Такой титулъ значится на нѣкоторыхъ письмахъ къ нему за это время отъ сестры и другихъ лицъ.

[2]) Записка неизвѣстной руки о службѣ Виллима Монса, въ его бумагахъ; уголовное секретное дѣло о немъ 1724 г., въ Госуд. Архивѣ, л. 423; патентъ его на званіе камергера, и Голиковъ, „Дѣянія Петра В.", томъ V, стр. 116.

ніи; адъютантъ перебивался небольшими деньжонками, что можно видѣть изъ записокъ его къ друзьямъ; въ одной изъ нихъ, напримѣръ, онъ между прочимъ проситъ возвратить ему девять рейхсталеровъ, въ которыхъ „очень нуждается [1]“. Отъ матери и сестеръ, женщинъ скупыхъ, вѣчно жаловавшихся на бѣдность, поддержка была небольшая; что до братьевъ, то онъ ихъ потерялъ довольно рано.

„Находясь теперь здѣсь въ Москвѣ,—писалъ Монсъ къ сестрѣ и зятю своему Балку 14 марта 1711 года, — съ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что любезный старшій братъ нашъ скончался; смерть его тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я почти одновременно лишился обоихъ братьевъ“ [2]. На одномъ изъ нихъ осталось 15 р. долгу, и средства Виллима Ивановича были такъ плохи, что онъ долженъ былъ уступить за эти деньги лошадь покойника [3].

Такимъ образомъ Монсъ начиналъ почти такъ, какъ начинала бо́льшая часть его единоземцевъ: бездомные, жалкіе бѣдняки, они ждали какого-нибудь случая, „фавора“, чтобы обогатиться, и ловкостью, вкрадчивостью умѣли иногда добиться этого случая.

При Петрѣ, въ особенности непосредственно при немъ, служить было нелегко: государь требовалъ самой строгой исполнительности во всемъ; безъ его позволенія никто изъ ближнихъ служащихъ не смѣлъ отлучаться отъ него ни днемъ, ни ночью. Днемъ, дѣйствительно, и невозможно было урваться ни одному деньщику, но по ночамъ они, какъ разсказываетъ одинъ изъ деньщиковъ, таскались часто по шинкамъ и своимъ пріятельницамъ; „его величество,— повѣствуетъ Нартовъ,—свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для

---

[1]) Письма Монса отъ 30 ноября 1709 г. изъ мѣстечка „Drei Mühlen“ и изъ Нѣмецкой слободы отъ 14 марта 1711 года. Писалъ Монсъ обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ; на русскомъ онъ изъяснялся довольно бойко, но читать и писать не умѣлъ. Собственно жалованье, получаемое имъ по службѣ, было не велико, хотя, конечно, при тогдашней дешевизнѣ на всякаго рода жизненные продукты, каждый рубль былъ чуть ли ни въ десятеро цѣннѣе нынѣшняго времени. Въ 1723 году, напр., т. е. уже на верху своего значенія и силы при дворѣ, Виллимъ Ивановичъ получалъ собственно жалованья отъ полка 47 руб. въ треть; общее же содержаніе его при дворѣ не превышало 3,000 р. въ годъ деньгами. Въ приложеніяхъ мы, между прочимъ, помѣстили приходо-расходную книгу Виллима Монса за 1723 годъ; она интересна для указанія цѣнъ, какія существовали 161 годъ тому назадъ въ Петербургѣ на всѣ жизненныя потребности и вообще интересна для знакомства съ бытомъ той эпохи.

[2]) О младшемъ братѣ мы ничего не знаемъ.

[3]) Письма къ Монсу г. Гифмира. Ревель, 7 и 12 марта 1711 г.

каждаго деньщика (т. е. для своихъ флигель-адъютантовъ) сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобъ въ ночное время ихъ тамъ запирать и тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянье". Однажды въ самую полночь государю понадобилось послать одного изъ флигель-адъютантовъ, бережно запертыхъ по шкапамъ. Государь идетъ съ фонаремъ наверхъ, отпираетъ ключемъ шкапъ за шкапомъ и не находитъ въ нихъ ни одного флигель-адъютанта.

— „Мои деньщики летаютъ сквозь замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиной!"

Стрижки однако не было; государь всталъ въ хорошемъ расположеніи духа, увидѣлъ флигель-адъютантовъ на мѣстахъ, стоящихъ въ трепетномъ ожиданіи „нещаднаго побіенія", и это смягчило Петра.

— „Смотрите-жъ", сказалъ онъ между прочимъ: — „впредь со двора уходить безъ приказа моего никто да не дерзнетъ, инако преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность!"...

Съ Монсомъ же, какъ кажется, „отворачиваній дубиной" не случалось.

Онъ старательно выполнялъ свою должность, а она охватывала самыя разнородныя порученія [1]). Такъ, между прочимъ, доводилось ему вѣдать царскими лошадьми, провожать подводы съ закупленнымъ заграницей для Петра венгерскимъ виномъ; Монсъ долженъ былъ прикупать новое, всячески беречь драгоцѣнный напитокъ и проч. [2]). Такого рода порученія показывали нѣкоторую довѣренность къ Монсу, который между тѣмъ сколачивалъ себѣ фортуну разными средствами; такъ, въ 1712 году, въ бытность свою въ Митавѣ, генеральсъ-адъютантъ пріобрѣлъ благосклонное вниманіе вдовствующей герцогини курляндской Анны Ивановны, обзавелся деньгами, и совершенно довольный шутливо писалъ къ одному изъ пріятелей въ Нѣмецкую слободу: „Рекомендую себя дѣвицѣ Труткемъ и ожидаю тебя съ нею сюда; я уже приготовилъ карету и шестерикъ лошадей; ей будетъ здѣсь на чемъ кататься [3])..."

И при дворѣ государя онъ уже получалъ нѣкоторое значеніе.

---

[1]) Госуд. Архивъ, Угол. дѣло о Виллимѣ Монсѣ, 1724 г., лл. 180, 232 и друг.

[2]) Госуд. Арх., Каб. дѣл. II отд., LXIV кн., л. 48, инструкція Монсу отъ кабинетъ-секретаря Макарова и счетъ издержекъ Монса.

[3]) Письмо Монса отъ 16 февраля 1712 г., Митава.

Такъ, въ 1713 году, заботливая сестрица Матрена писала къ нему. „Прошу васъ пожалуйста сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ (Балкъ) у царя доброю оказіею былъ; понеже лучше, чтобъ онъ у васъ былъ; я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ С.-Петербургъ“.

Матрена Ивановна просила не объ одномъ сынѣ; волею Петра заброшенная съ старикомъ-мужемъ [1]) въ крѣпость Эльбингъ, на самый театръ войны, она безпокоилась среди опасностей войны и сильно тосковала вдали отъ столичнаго общества, къ которому всегда чувствовала влеченіе. Только осенью 1711 года Матрена Ивановна на нѣсколько времени оживилась: въ это время въ Эльбингъ пріѣхала царица Катерина Алексѣевна; „отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — писалъ государь Ѳедору Балку,— и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ“.

Въ бытность здѣсь государыни Матрена Ивановна успѣла заискать ея расположеніе и даже дружбу до такой степени, что самъ царь Петръ находилъ нужнымъ, быть можетъ въ угоду женѣ, оказывать эльбингской комендантшѣ особое вниманіе: „отпиши ко мнѣ— спрашивалъ Петръ Катерину 14 августа 1712 года — къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть?“

Два мѣсяца спустя Петръ распоряжался объ очищеніи Эльбинга, прежде нежели явится подъ нимъ посланный отъ салтана турчанина, и между прочимъ самъ озаботился предписать отправить комендантшу съ обозами впередъ изъ крѣпости. Турчанинъ однако не пришелъ, къ великому прискорбію Балкши; государыня уѣхала, а Матрена Ивановна, видѣвъ уже знаки вниманія къ себѣ какъ отъ государыни, такъ и отъ государя, еще болѣе стала желать отъѣзда ко двору. Рядъ писемъ ея за 1713 годъ къ брату наполненъ мольбами, чтобъ тотъ постарался чрезъ Павла Ивановича Ягужинскаго, кабинетъ-секретаря Макарова, или другимъ какимъ путемъ, но только выхлопотать имъ приказъ о переводѣ ея съ мужемъ въ Россію, или по крайней мѣрѣ хоть въ г. Або; „здѣсь

---

[1]) Ѳедоръ Николаевичъ Балкъ въ 1699 году былъ полковымъ командиромъ, въ 1704 г. назначенъ комендантомъ въ завоеванный городъ Дерптъ, въ 1710 г., въ чинѣ бригадира, назначенъ комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ и состоялъ до начала 1714 г.—Устряловъ, III, стр. 347; Голиковъ I—344, II—132, 491. IV—122, 433, 528.

же—пишетъ она изъ Эльбинга — все очень дорого; мужъ полтора года не получаетъ жалованье, мы проживаемся; къ тому же—продолжаетъ Матрена, подбирая предлогъ къ отъѣзду посильнѣе—мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь“ [1]).

Усиленныя просьбы къ Виллиму Ивановичу показываютъ, что генеральсъ-адъютантъ имѣлъ уже въ это время значительныя связи съ лицами вліятельными при дворѣ Петра; такимъ образомъ онъ далеко не былъ тѣмъ вѣтренникомъ, беззаботнымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ является въ письмахъ къ нему отъ матери за эти годы. Ворчливая и хворая старуха, находя, что сынъ вѣтренъ, неразсчетливъ и даже расточителенъ, осыпала его рядомъ упрековъ, даже угрозъ, и зорко слѣдила за образомъ жизни сына и окружающихъ его слугъ и пріятелей. Къ чести Монса надо сказать, онъ съ покорностью переносилъ материнскіе выговоры и не видать, чтобы тяготился ея вмѣшательствомъ въ свои дѣла.

Такъ, въ 1712 году, старуха съ гнѣвомъ выговаривала сыну: ..„Любезный сынъ, изъ письма Лаусона видно, что ты опять тронулъ сестрины деньги... Если ты будешь такъ поступать, то скоро растратишь капиталъ твоей бѣдной сестры; она поручила тебѣ беречь ея собственность, а ты поступаешь какъ человѣкъ безразсудный; чѣмъ же это кончится? Въ четыре мѣсяца взялъ ты 700 рейхсталеровъ и даже ни разу не написалъ намъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что Бухъ (камердинеръ Монса), проклятая собака, чтобы чертъ его взялъ, беретъ деньги когда онѣ ему только нужны; мы слышали какъ онъ весело живетъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, я и твоя бѣдная сестра чуть не умерли отъ огорченія. Да проститъ тебѣ Богъ такую безбожную жизнь; еслибъ Бухъ былъ здѣсь, я-бъ

[1]) Матрены Балкъ письма отъ 9, 24 марта и четыре письма неизвѣстныхъ чиселъ 1713 г. Въ „Москвитянинѣ“ 1852 г., № 16, напечатано двадцать одно письмо Петра I и одно письмо царевича Алексѣя Петровича къ Ѳеодору Балку, „господину брегадеру гварнизона эльбинскаго“. Письма относятся ко времени съ 10 ноября 1710 г. по 27 октября 1712 г. Изъ нихъ видна служебная дѣятельность Балка, обязанности его какъ коменданта взятой крѣпости; инструкція о передачѣ крѣпости полякамъ и проч. Между прочимъ здѣсь есть инструкція Петра, 9 мая 1711 г., какъ вести себя коменданту Эльбинга въ случаѣ атаки непріятелемъ; въ P. S. указано гварнизону „всѣхъ своихъ женъ и дѣтей отослать тотчасъ въ Ригу“, но какъ видно указъ этотъ былъ потомъ отмѣненъ.

его засадила въ такое мѣсто, откуда бъ не взвидѣлъ онъ ни луны, ни солнца! Поэтому еще разъ пишу къ тебѣ: прогони отъ себя этого мерзавца, или я наложу на тебя такое проклятіе, что тебѣ не будетъ покоя на этомъ свѣтѣ! Какъ можешь ты тратить больше того, что въ состояніи заплатить? Откуда ты возьмешь? Вѣдь тебѣ извѣстно, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ могла бы я тебѣ помочь... Ты уже истратилъ до 1000 рейхсталеровъ изъ денегъ твоей сестры. Неужели предался ты картежной игрѣ и проигралъ эти деньги? Если это правда, то я тебя прокляну. Твоя сестра сильно заболѣла отъ огорченія, которое ты ей причиняешь. Прошу Бога, чтобъ тебя Онъ навелъ на путь истины...“ [1]).

Громы проклятія нѣжной матери готовы были разразиться надъ мнимо-вѣтреннымъ сыномъ, но онъ догадался сказаться больнымъ, не отвѣчалъ на родительскіе упреки, а поручилъ это щекотливое дѣло камердинеру.

— „Про этого мошенника—отвѣчала мать, продолжая входить во всѣ мелочи домашняго быта своего сына и его служителей—про этого мошенника Буха я опять слышала, какъ онъ живетъ: все сидитъ въ винномъ погребу и играетъ въ карты; когда его спросили: откуда у него столько денегъ? онъ отвѣчалъ, что долженъ же ему господинъ давать деньги. Что ты объ этомъ думаешь? неужли тутъ не сокрушаться сердцу?... Итакъ прошу тебя, мое дитя, устрой такъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Эльбингъ (здѣсь гостила въ это время старуха у старшей своей дочери), если ты не хочешь, чтобъ твоя мать изъ-за этого мошенника пропадала...“

Жалобы и просьбы не прерывались: „денегъ нѣтъ; ни за квартиру, ни изъ деревни я ничего не получила [2]). Постарайся, чтобъ сестра пріѣхала сюда, покуда я еще жива; но я съ каж-

---

[1]) Модеста Монсъ къ сыну, отъ 19 іюня 1712 г. Укажемъ на нѣкоторыя изъ остальныхъ ея писемъ (изъ Эльбинга и Нѣмецкой слободы); онѣ цитуются нами далѣе, въ своемъ мѣстѣ: 1 августа и неизвѣстнаго числа—1712 г., 1, 5, 14, 16 мая 1713 г. и 19 октября 1715 г. Нѣкоторыя письма писаны не ея рукою; за старостью и болѣзнью она не всегда могла писать; подпись ея—„М. М. де М.“ Собственноручныя ея письма отличаются, какъ мы уже замѣтили, безсвязностью и повтореніями однѣхъ и тѣхъ же фразъ, что разумѣется опущено въ нашихъ извлеченіяхъ (Госуд. Архивъ въ Спб.).

[2]) Упоминаніе о деревнѣ (1712 г.) доказываетъ, что, вопреки извѣстію иноземцевъ, государь не отнялъ у семейства бывшей фаворитки недвижимое имущество, кромѣ впрочемъ каменнаго палацпо въ Нѣмецкой слободѣ.

дымъ днемъ слабѣю, и вотъ уже пятнадцать лѣтъ (т. е. съ 1697 г.) лежу въ постели; можешь себѣ представить каково мнѣ! Хотѣлось бы видѣть своихъ дѣтей еще разъ вмѣстѣ! Препоручаю тебя Всевышнему, да предохранитъ Онъ тебя отъ всякой опасности. Маша и Катька тебѣ кланяются"...

Съ успѣхами по службѣ, съ возрастаніемъ значенія Виллима Ивановича, смягчалась къ нему и старуха-мать: „меня очень утѣшило твое письмо,—отвѣчала она сыну 1 мая 1713 года,—въ которомъ ты пишешь, что его величество очень къ тебѣ милостивъ; дай Богъ, чтобъ это всегда такъ было; будь остороженъ—добавляетъ старуха, много испытавшая на своемъ вѣку,—будь остороженъ: при дворѣ опасно служить; служи усердно царю и Богу, тогда будетъ хорошо. Напрасно думаешь, дитя мое, что я на тебя была сердита; самъ ты знаешь, что этого быть не можетъ... У меня былъ генералъ-адъютантъ, я просила его, чтобы онъ тебя не оставилъ"....

Генералъ-адъютантъ, любезно посѣщающій въ Нѣмецкой слободѣ, въ 1713 году, полузабытое семейство—никто другой какъ Павелъ Ивановичъ Ягу́жинскій.

Мы уже имѣли случай познакомиться съ этимъ птенцомъ Петра Великаго [1]). Павелъ Ивановичъ былъ очень любимъ государемъ, считался его „правымъ глазомъ", славился прямодушіемъ и необыкновенною скоростью и точностью въ исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей; „правый глазъ" былъ очень зорокъ, прекрасно приглядѣлся ко всѣмъ свѣтиламъ горизонта дворцовой жизни, умѣлъ отличать эти свѣтила очень рано, когда они только что начинали мерцать, умѣлъ предугадывать ихъ будущій ростъ и значеніе, и во-время обязывалъ новаго „фаворита" своею пріязнію и услугами. Этому свойству своего ума Павелъ Ивановичъ обязанъ тѣмъ, что не только спокойно пережилъ три царствованія, но не упалъ и въ четвертое, т. е. въ царствованіе Анны Ивановны. Ягужин-

---

[1]) „Царица Прасковья", историч. очеркъ, въ I томѣ собранія нашихъ историч. монографій.—Сынъ лютеранскаго органиста, служившаго въ лютеранской церкви въ Москвѣ, Ягужинскій, по свидѣтельству англ. резид. Рондо, обязанъ всѣми своими успѣхами въ жизни своей красивой наружности; какъ красивый мальчикъ онъ былъ взятъ въ пажи Головинымъ (президентомъ посольской канцеляріи)... а два года спустя по той же причинѣ взятъ государемъ въ камеръ-пажи"... „Чтенія общ. истор.", 1861 г., т. II; Записка резидента Рондо, стр. 8—9.

скій умеръ на верху почестей и отличій, что едва-ли могло случиться, еслибы онъ, по увѣренію иностранцевъ, дѣйствовалъ всегда „прямодушно, благородно, съ замѣчательною откровенностью и свободою"....

Виллима Ивановича Монса Павелъ Ивановичъ замѣтилъ рано; въ 1713 году они были короткіе пріятели, ими и остались, поддерживая другъ друга въ треволненіяхъ дворцовой жизни, до рокового для одного изъ нихъ 1724 года... Но обратимся къ старухѣ Монсъ.

Она дѣлалась все болѣе и болѣе довольна сыномъ; посылала къ нему платье, бѣлье и кой-какія бездѣлицы, изъявляла глубокое свое желаніе видѣть сына въ „генеральской формѣ" (т. е. въ мундирѣ тогдашняго генеральсъ-адъютанта, что соотвѣтствовало чину полковника), и въ надеждѣ осуществленія этого пріятнаго ожиданія снабжала сына всякимъ добромъ: такъ, однажды, было послано къ нему „четырнадцать штукъ мясной колбасы"... Всѣ эти подарки со стороны скупой старухи свидѣтельствуютъ, что сынъ росъ и росъ изъ толпы придворныхъ соискателей чиновъ и отличій...

Впрочемъ она могла быть довольна и семейными дѣлами, устроившимися въ это время (1713—1714 гг.) къ лучшему: такъ много занимавшій ее процессъ съ ландмаршаломъ Кейзерлингомъ кончился въ пользу ея „бѣдной" дочери [1])... Но вотъ 15-го августа 1714 года умираетъ Анна Ивановна, и все семейство, начиная съ матери и кончая Виллимомъ Ивановичемъ, спѣшитъ развлечь свою печаль объ утратѣ „бѣдной" Анны Ивановны тяжбой съ послѣднимъ избранникомъ ея сердца. Какъ старухѣ Монсъ, такъ въ особенности ея достойному сыну и наслѣднику сестринаго достатка особенно было досадно, что нѣкоторыя изъ дорогихъ вещей Анны попали въ руки шведа Миллера [2]).

---

[1]) Письма отъ 4 апр. 1712 г. и 7 марта 1714 г.—г. Мекса, камергера прусскаго короля; въ нихъ говорится о производствѣ этого процесса въ Столпе и объ отправкѣ вещей покойнаго Кейзерлинга къ его вдовѣ. Письма Матрены Балкъ о томъ же дѣлѣ, 9 и 16 іюня 1712 г., изъ Эльбинга. Родословіе графовъ и дворянъ Кейзерлинговъ помѣщено въ Рос. Родосл. книгѣ, Спб., 1856 г., ч. III, стр. 143—156. Между прочимъ здѣсь отмѣчено, что „Георгъ-Іоаннъ, прусскій тайный совѣтникъ и посланникъ при Петрѣ Великомъ, ум. 5 сентября 1711 г.; онъ былъ женатъ на Аннѣ Мёнсъ де-ла-Круа".

[2]) Фамилія этого шведа пишется въ документахъ того времени разно: Миллеръ, Мюллеръ, Мюллерсъ, Мюйллеръ и пр. Первое встрѣчается чаще.

Достаточно окрѣпши при дворѣ, окруженный благопріятелями, Виллимъ Ивановичъ смѣло могъ разсчитывать на успѣхъ тяжбы, а она вся была начата чуть не изъ-за одного серебрянаго кувшинца да золотнаго кафтана.... Всѣ эти мелочи достаточно обрисовываютъ нашего героя.... Оплакать сестру и отнять отъ ея жениха кувшинецъ и тому подобныя вещи,—съ этою цѣлью Монсъ пріѣхалъ въ Москву осенью 1714 года [1]).

Миллеръ былъ взятъ, по челобитью Виллима Монса, въ Преображенскій приказъ — на допросъ къ князю кесарю; но и суровый князь кесарь Ромодановскій, какъ значится изъ многихъ дѣлъ тайной канцеляріи, умѣлъ угодить людямъ „въ случаѣ". По этому ли свойству своего характера, или почему другому, только онъ заставилъ Миллера повиниться, что-де онъ не токмо взялъ у покойной „блюдо серебряное, что бороды брѣютъ, да рукомойникъ", но и другія-де бралъ „вещи не малыя, а Анна Кейзерлингъ,—говорилъ шведъ,—вещьми тѣми меня дарила, и тѣ вещи я закладывалъ и продавывалъ, а кому—не помню" [2]).

Для напамятованія нужна шведка-полоненка, что ходила у покойной „въ ключѣ" и была ея наперсницей въ разныхъ секретныхъ дѣлахъ; но та шведка-дѣвка взята въ услуженіе знакомымъ уже намъ любителемъ всего изящнаго—Боуромъ.

Боуръ не отпускаетъ дѣвку.

Монсъ не задумывается и бьетъ челомъ прямо государынѣ на своего перваго благодѣтеля... Новая черта для обрисовки генеральсъ-адъютанта.

— „Генералъ Боуръ — жалуется его прежній флигель-адъютантъ — не только той дѣвки-шведки не отдаетъ, но бьетъ присыльнаго подъячего, который о присылкѣ той дѣвки говорить къ нему

---

[1]) Наслѣдство, полученное Монсомъ послѣ смерти сестры, состояло изъ множества драгоцѣнныхъ вещей, денегъ около 12,000 талеровъ и разныхъ громоздкихъ вещей, какъ-то: кареты, возка и т. п. Письмо Лаусона къ Монсу 11 дек. 1714 т.

[2]) Вещей этихъ, если вѣрить реестру, представленному старухой Монсъ въ приказъ, было довольно много; въ счетѣ обозначено около 40 разныхъ предметовъ, въ томъ числѣ перстни, образъ, серьги, брошка, кресты, золотые часы, золотой футляръ для зубочистки, золотой поясъ, золотыя: шпага, шпильки, браслеты, нитка жемчугу, портретъ покойнаго Кейзерлинга съ брильянтами и пр.; большая часть вещей осыпаны брильянтами. Но этому счету вѣрить нельзя, потому что многія изъ вещей, обозначенныхъ здѣсь, одновременно значились на лицо у старухи въ ея другихъ счетахъ. Госуд. Архивъ.

посыланъ. И объ немъ шведѣ (т. е. о Миллерѣ) великое прилежаніе отовсюду, какъ отъ него Боура, и отъ коменданта, и отъ многихъ есть. Еще же — продолжаетъ Монсъ — отъ господина Боура ко мнѣ присылки бываютъ, чтобъ я отдалъ невѣдомо какіе той дѣвки пожитки, будто ей обѣщала сестра моя; и съ великимъ мнѣ прещеніемъ присылаетъ, въ чемъ имѣю себѣ не малое опасеніе... Прошу вашего премилостивой государыни заступленія, дабы я вотще не пребылъ въ своемъ упадкѣ..." Ради этого скромный генеральсъ-адъютантъ умолялъ принять его „въ матернію ограду" и передать дѣло на розыскъ къ Ѳ. Ю. Ромодановскому. А чтобъ вещи никоимъ образомъ ни по тому розыску, ни по рѣшенію тяжбы въ сенатѣ не могли бы остаться за Миллеромъ, Монсъ заявилъ, что-де представленное его противникомъ завѣщаніе Анны Ивановны фонъ-Кейзерлингъ вовсе несправедливо: оно-де не скрѣплено духовникомъ, да и писано-то — такъ увѣрялъ Виллимъ — въ „безпамятствѣ и слѣдовательно противно указамъ и градскимъ правамъ".

Какъ бы то ни было, но Екатерина еще не замѣтила Монса, а потому не изъ чего ей было принимать его—выражаясь словами челобитья, въ свою „матернію ограду".

Генеральсъ-адъютантъ долженъ былъ искать и дѣйствительно нашолъ помощь у друзей. „Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ къ нему Ягужинскій,—за многія ваши писанія благодарствую и прошу на меня не возмните противности какой, что такъ долго не отвѣтствовалъ. Объ дѣлѣ вашемъ здѣсь царское величество указалъ князю Ѳедору Юрьевичу розыскивать, и ужь обо всемъ при дворѣ извѣстны, какъ Боуръ поступаетъ съ вами. И я ему нынѣ довольно писалъ; чаю, отъ моего письма онъ выразумѣетъ и отстанетъ того дѣла. И ты не ѣзди такъ скоро съ Москвы, и исправляй свое дѣло, я уже дамъ знать, когда время будетъ ѣхать. Слуга вашъ, П. Ягужинскій. 9 генваря 1715 года" [1]).

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ сохранять орѳографію подлинниковъ, такъ какъ орѳографія того времени извѣстна, но всѣ письма передаемъ отъ слова до слова. Совершенно въ дружескихъ отношеніяхъ съ Виллимомъ Ивановичемъ былъ и братъ Павла Ягужинскаго—Иванъ: „Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ онъ въ одной изъ пріятельскихъ къ нему записокъ,—объявляю тебѣ, что (я) табакъ твой разграбилъ, который обѣщаю въ Петербургѣ возвратить. А особливо прошу: кафтанъ, камзолъ и штаны выбери пожалуй и отдай сестрѣ, за что всегда благодарить не оставлю и остаюсь слуга твой Иванъ Ягужинскій". (Госуд. Арх.).

При такомъ обязательномъ другѣ, нѣтъ ничего мудренаго, что Монсу удалось надолго засадить Миллера въ тюрьму; вещи его были опечатаны, съ него и съ слугъ сняты допросы, и затѣмъ дѣло все-таки затянулось.

„... Ты понимаешь, любезный сынъ,—писала старуха Монсъ къ сыну, 19 октября 1715 года,—каково той, у которой такая тяжба на шеѣ. Господинъ (т. е. государь) хотя и приказалъ сказать Миллеру, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ выпущенъ, пока не заплатитъ все, но прошло уже двадцать три дня и все опять тихо. У меня никого нѣтъ, кто могъ бы вести дѣло, а когда господинъ сердитъ, тогда никто не смѣетъ ему сказать слово. Похлопочи ты, пожалуйста, чтобъ пришелъ указъ Миллеру—или выдать ожерелье и большой перстень, или заплатить деньги...“ А между тѣмъ въ ожиданіи указа старуха дала взятку одному изъ дѣльцовъ и дала отъ имени своего сына.

Въ январѣ 1716 года сынъ отправился съ государемъ и государыней заграницу; какъ ни грустна была старухѣ-матери разлука съ сыномъ, но она ясно видѣла, что чѣмъ ближе будетъ Виллимъ къ высокимъ персонамъ, тѣмъ скорѣе увеличится къ нему „оказія“. Старуха печалилась только о томъ, что по хворости своей ей едва-ли доведется еще разъ увидать сына; притомъ смущало ее и то, что съ отъѣздомъ сына некому будетъ поприжать Миллера. Полоненникъ шведскій имѣлъ, какъ оказывается, довольно сильныхъ покровителей въ лицѣ князя Я. Ѳ. Долгорукова и другихъ.—Пробѣжимъ однако послѣднія письма старухи Монсъ [1]): ими мы закончимъ наше знакомство съ семейными дѣлами генеральсъ-адъютанта.

„...Я болѣе и болѣе ослабѣваю—писала старуха при извѣстіи объ отъѣздѣ сына,—такъ что думаю, что это послѣднее мое письмо и мнѣ остается только пожелать тебѣ всякаго благополучія на этомъ свѣтѣ... Попроси стараго князя (Меншикова), чтобъ онъ насъ не оставилъ (въ дѣлѣ съ Миллеромъ, который успѣлъ жениться, былъ на службѣ, хлопоталъ объ откомандировкѣ изъ Москвы, и денегъ

---

[1]) Москва, Нѣмецкая слобода, письма отъ 15, 31 января, 2 февраля, неизвѣстное число, 29 іюня, 11-го октября 1716 г., затѣмъ 3, 28 января, 14, 28, февраля и 7 августа 1717 года, — послѣднее письмо писано не ея рукой. Госуд. Арх. Въ прилож. №II къ нашей книгѣ см. интересныя подробности, по документамъ Моск. арх. м—ства юстиціи, о тяжбѣ Монсъ съ Миллеромъ.

за подарки Анны Кейзерлингъ не вносилъ). Еслибы государыня повелѣла,—продолжаетъ старуха,—чтобы Миллеръ заплатилъ, то дѣло было бы сдѣлано, а теперь оно, кажется, остановилось, — Миллеръ дѣлаетъ, что хочетъ. Мнѣ надобно еще получить отъ г. Лаусона 20,070 талеровъ; если ты его увидишь, то скажи ему, что покойная сестра твоя хотѣла ихъ пожертвовать на церковь..."

Эти 20,070 талеровъ—не болѣе какъ грубая описка, что впрочемъ и видно изъ другого письма, въ противномъ случаѣ были бы совершенно непонятными какъ безпрестанныя жалобы старухи Монсъ на бѣдность, такъ и настойчивыя вымогательства всего семейства ожерелья, перстня, кувшинца и другихъ бездѣлицъ отъ полоненника Миллера; о нихъ напоминается матерью безпрестанно, и къ напоминаньямъ скоро присоединяются мольбы, чтобъ Виллимъ „для своей же пользы... позаботился бы о деревнѣ", т. е. побилъ бы челомъ государю о полученіи нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ съ душами.

„Богъ-знаетъ, — замѣчаетъ Модеста Монсъ, — долго ли мнѣ остается еще жить, но я хотѣла бы по крайней мѣрѣ при жизни имѣть деревню (надо бы сказать: „еще деревню") и знать, что послѣ моей смерти у тебя будетъ своя собственность".

Объ этой „собственности" старуха писала къ Макарову, умоляя его порадѣть о деревенькѣ ей, матери бывшей фаворитки... Между тѣмъ, несмотря на недуги, Модеста неустанно наставляла сына на его скользкой дорогѣ дворцовой жизни. „Придерживайся Макарова,—писала она,— онъ все знаетъ..." „Друзья наши говорятъ,—возбуждаетъ старуха Монсъ сына,—что былъ бы великій срамъ, если бы сынъ, дочь и зять (т. е. Виллимъ, Матрена и Ѳедоръ Балкъ), такъ высоко стоящіе у его величества, не покончили бы дѣло съ успѣхомъ... Любезный сынъ! не введи насъ въ позоръ и не давай нашимъ врагамъ восторжествовать надъ нами... Прощай, мое дитя, я почти ослѣпла... отъ слезъ!"

Наконецъ съ Миллера истребованы деньги за вещи, полученныя имъ отъ покойной Кейзерлингъ, но и тутъ плачется Монсъ: „полученная сумма меньше стоимости вещей... а главное все-таки, любезный сынъ, постарайся насчетъ деревни, дабы ты что-нибудь имѣлъ въ нуждѣ; попроси секретаря (т. е. Макарова): онъ тебѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ..." Старуха еще думала о корысти, о захолопленіи

за семьей еще нѣсколькихъ сотъ крестьянскихъ душъ, а между тѣмъ смерть ужъ подступала къ ней.

— „Любезное дитя, писала Модеста къ сыну въ концѣ 1716 г., — я была очень слаба, такъ что лишилась уже языка и никто не думалъ, чтобъ мнѣ довелось прожить еще день... Теперь я опять немного оправилась и надѣюсь, что Богъ умилосердится надъ бѣдной сироткой [1]); она такъ горько плакала и такъ умоляла Бога, чтобъ онъ не сдѣлалъ ее вновь сиротой, что всѣ удивлялись; она не отходила отъ моей постели; мальчикъ (не сынъ ли Кейзерлинга?) тоже безпрестанно меня дергалъ за руки и такъ жалостно плакалъ, что ужасно было его слушать... Ради-Бога, любезный сынъ, не оставь бѣдной дѣвочки, позаботься, чтобъ она попала въ Данцигъ (къ Балкшѣ), или оставь ее у себя; твоя сестра (Матрена) не будетъ столь жестока, чтобъ не принять ребенка... Когда я спрашиваю у дитяти, у кого она хочетъ быть, если я умру, она горько плачетъ и кричитъ: „не дай Богъ, чтобы бабушка умерла, а если умретъ, то не хочу быть ни у кого больше, кромѣ Виллима Ивановича“. Она порядочно читаетъ и очень богомольна, какъ большой человѣкъ...“ - Дай-Богъ, — переходитъ умирающая къ предмету, еще болѣе ее интересующему, — дай-Богъ, чтобы ты получилъ деревню и что-нибудь такимъ образомъ имѣлъ; времена вѣдь перемѣнчивы! Каменный домъ, въ которомъ жила твоя сестра, хотятъ продать; постарайся, чтобы ты его получилъ...“

„Ты хочешь взять отпускъ — пишетъ мать Виллиму въ январѣ 1717 года — и пріѣхать сюда? Это извѣстіе меня очень обрадовало, но будь остороженъ, чтобы не навлечь на себя немилости ихъ величествъ; враговъ у насъ довольно. Еслибы Богъ порадовалъ императрицу (т. е. царицу, 1717 года) рожденьемъ принца и тебя бы прислали сюда съ радостнымъ о томъ извѣстіемъ, вотъ было бы хорошо!..“ [2]) И за этимъ „хорошо“ — повтореніе сѣтованій и напоминаній сыну, чтобъ тотъ постарался вымолить деревеньку: „секре-

---

[1]) Старуха пишетъ о нѣкоторой сиротѣ, которой Анна Ивановна, какъ мы видѣли выше, завѣщала кой-какія драгоцѣнныя вещи. Нѣкоторая сиротка не была ли плодомъ любви царя Петра Алексѣевича къ Аннѣ Ивановнѣ Монсъ?

[2]) Принцъ дѣйствительно родился, но выжилъ только три часа и Монсу не довелось скакать съ радостнымъ извѣстіемъ въ Петербургъ.

тарь (т. е. Макаровъ) — пишетъ старуха, — обѣщалъ мнѣ все для меня сдѣлать, лишь бы ты ему сказалъ объ этомъ, онъ тебѣ поможетъ; ты слишкомъ застѣнчивъ (!)...“

Съ этими сѣтованіями на печали, мнимую нужду, на небывалую застѣнчивость сына, старуха сошла въ могилу.

Маргарита Монсъ умерла 4 октября 1717 года въ Нѣмецкой слободѣ, на 65 году отъ рожденія... [1]).

Изъ груды ея писемъ мы извлекли только тѣ мѣста, которыя сколько-нибудь могутъ характеризовать семейныя отношенія и домашній бытъ Виллима Ивановича; при скудости матерьяловъ о первомъ періодѣ его жизни и непосредственно до его личности относящихся, по необходимости надо пользоваться такими документами, каковы письма его матери. Разумѣется, въ этихъ письмахъ рисуется несравненно болѣе сама старуха, нежели ея „любезное дитя“, но и это не лишнее въ нашемъ разсказѣ; дѣло въ томъ, что мать своими наставленіями, напамятованіями, своимъ примѣромъ имѣла сильное вліяніе на Виллима, и будущій фаворитъ многое усвоилъ себѣ изъ материнскаго характера: ея вѣчное недовольство своимъ достаткомъ, ненасытную алчность новыхъ и новыхъ благъ, ея попрошайничество, заискиванье у разныхъ сильныхъ лицъ, умѣнье найти благотворительныхъ себѣ особъ, — всѣ эти черты своего характера старуха какъ бы завѣщала Виллиму Ивановичу.

Но не все ли однако равно, какимъ характеромъ одаренъ былъ одинъ изъ генеральсъ-адъютантовъ Петра Великаго? Мало ли ихъ было, и стоитъ ли для нихъ отводить такъ много мѣста въ очеркахъ петровскаго времени?

---

[1]) Сохранилась приходо-расходная тетрадь, веденная кѣмъ-то изъ домашнихъ со дня смерти матери Монса; въ теченіи почти года вписывались всѣ мельчайшіе расходы; въ графѣ прихода значится декабря 1717 года: „проданъ портретъ (?) 250 руб.; ожерелье—100 руб.; февраля 1718 года получено отъ сержанта изъ Преображенскаго для (какого-то) Гришки 7 руб.“ и проч. Тутъ же подробнѣйшій реестръ расходамъ на погребеніе старухи; разныхъ счетовъ и записокъ, веденныхъ самой старухой при жизни: видно, что она оставила послѣ себя значительное наслѣдство сыну; оно состояло изъ деревяннаго дома въ Нѣмецкой слободѣ, жалованной царемъ деревни, множества золотыхъ и брильянтовыхъ вещей, тщательно внесенныхъ самой старухой въ реестры, наконецъ осталось послѣ нея множества разныхъ матерій, платья, мѣха, бѣлье, серебряный сервизъ и проч. Всѣ вещи приготовлены были самой матерью въ августѣ 1716 года къ передачѣ послѣ ея смерти „любезному сыну“. (Госуд. Арх.).

Не стоило бы говорить такъ много о комъ-нибудь другомъ, только не о Виллимѣ Монсѣ.

Эта личность, какъ мы увидимъ далѣе, въ послѣдніе годы царствованія Великаго обращаетъ на себя вниманіе всей знати (кромѣ самого государя); вся аристократія обращается къ нему какъ къ счастливой звѣздѣ, какъ къ своему велемочному патрону во всѣхъ ихъ семейныхъ и общественныхъ нуждахъ; вокругъ Монса групируется громадная партія, которая изъ эгоистическихъ цѣлей оберегаетъ его какъ зѣницу ока... Эта партія почти вся состоитъ изъ главнѣйшихъ птенцовъ Петра, и не зная ихъ отношеній къ нему, мы бы многое потеряли для знакомства съ птенчиками преобразователя; къ тому же многія важнѣйшія дѣла рѣшаются при посредствѣ Монса,—онъ для всѣхъ нуженъ, онъ силенъ не личными достоинствами, онъ силенъ любовью къ нему Катерины Алексѣевны; Монсъ имѣетъ на нее громадное вліяніе, а та, послушная своему фавориту, дѣйствуетъ на Петра... И такъ, для знакомства съ птенцами Великаго, для обрисовки его замѣчательной супруги, для оживленія предъ нами самого Петра въ послѣдніе годы его царствованія, — вотъ для чего мы групируемъ тѣ мелкія черты, которыя знакомятъ насъ съ такою повидимому ничтожною личностью, какою дѣйствительно окажется—въ нравственномъ отношеніи—фаворитъ Екатерины...

Но прежде нежели перейдемъ къ эпохѣ фавора Виллима Монса,— остановимся предъ красавицей Мартой, съ 1706-го года Катериной Алексѣевной, и очертимъ отношенія къ ней Петра до 1716-го года.

Мы пріостановимся на 1716-мъ годѣ потому, что именно съ этого года, говоря словами офиціальнаго документа: „по нашему указу, Виллимъ Монсъ употребленъ былъ въ дворовой нашей службѣ при любезнѣйшей нашей супругѣ, ея величествѣ императрицѣ всероссійской; и служилъ онъ отъ того времени (1716 г.) при дворѣ нашемъ, и былъ въ морскихъ и сухопутныхъ походахъ при нашей любезнѣйшей супругѣ ея величествѣ императрицѣ всероссійской неотлучно; и во всѣхъ ему повѣренныхъ дѣлахъ съ такою вѣрностью, радѣніемъ и прилежаніемъ поступалъ, что мы тѣмъ всемилостивѣйше довольны были“... [1]).

---

[1]) Патентъ Виллиму Монсу, данный отъ государя Петра Алексѣевича въ 1724 году.

III.

МАРТА СКОВАРОНСКАЯ

1705—1716.

Въ 1705 году двадцати-трехлѣтняя красавица „Катерина Василеѳъская [1])“ Марта Сковаронская-тожъ перевезена къ Петру Великому во дворецъ.

Марта приняла православіе, ее нарекли Катериной. 28 декабря 1706 года, новая связь государя закрѣплена рожденіемъ дочери [2]).

Съ этого времени положеніе плѣнницы упрочивается: Петръ привязывается къ ней и ея значеніе быстро увеличивается. Безпрестанныя отлучки вызывали государя на переписку съ Катериной, или, лучше сказать, съ ея приставницами; по этимъ коротенькимъ цидулкамъ Петра лучше всего можно прослѣдить возрастаніе его привязанности къ красавицѣ. Просмотримъ обращенія цидулокъ,—онѣ довольно характеристичны.

Въ первые годы своей связи Петръ попросту называетъ Катерину „маткой“; съ 1709 года письма его прямо обращаются къ ней одной, а не общія съ письмами къ Анисьѣ Кириловнѣ Толстой, приставницѣ при Катеринѣ. „Матка, здравствуй!“ или „Мудеръ!“ Эти обращенія смѣняются государемъ на болѣе ласкательныя выраженія въ концѣ 1711 года, то есть послѣ того, какъ въ мартѣ сего года Катерина объявлена имъ женой. Отнынѣ въ началѣ царскихъ цидулокъ мы читаемъ: „Катеринушка, другъ мой, здравствуй!“ На пакетѣ къ ней прежняя надпись: „Катеринѣ Алексѣевнѣ“ замѣнена: „государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

---

[1]) Такъ называлъ ее Петръ въ 1708 г.

[2]) Екатерины; она умерла 27 іюня 1708 г.

Пять лѣтъ спустя, обращенія на пакетахъ дѣлаются еще торжественнѣе: письма адресуются: „ея величеству пресвѣтлѣйшей государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ", а самыя письма по однимъ ужъ оголовкамъ дѣлаются еще нѣжнѣе; съ 1716 г. Петръ такъ привѣтствуетъ бывшую фаворитку: „Катеринушка, другъ мой сердешниинькой, здравствуй!"

И такъ отношенія Петра къ Екатеринѣ, въ 1716 году окончательно закрѣпившіяся нѣжною любовью, начались въ 1705 году.

Народъ и солдатство, зорко приглядывавшіеся ко всѣмъ „дѣяніямъ" монарха, тотчасъ заявили недовольство на связь государя съ безвѣстной дочерью лифляндскаго крестьянина. Недовольство выразилось, разумѣется, ни въ чемъ иномъ, какъ въ „неудобь сказаемыхъ" толкахъ, быстро облетавшихъ народныя массы: „не подобаетъ монаху, такъ и ей, Катеринѣ, на царствѣ быть: она не природная и не русская: и вѣдаемъ мы,—говорилъ одинъ изъ старыхъ служивыхъ,—какъ она въ полонъ взята (24 авг. 1702 г.) и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульной нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ... Она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвели... и только на ту пору нѣтъ солдатъ, что онъ всѣхъ разослалъ, а то надъ ними (т. е. надъ Меншиковымъ и Катериной) что-нибудь да было-бъ!"

„Катеринушка", дѣйствительно, словно кореньемъ обвела Петра: въ разгарѣ борьбы своей съ Карломъ, полагая жизнь свою въ опасности, государь не забылъ ея и назначилъ выдать ей съ дочерью 3,000 руб.,—сумма значительная относительно своего времени и извѣстной уже намъ бережливости Петра [1]).

При этомъ свойствѣ характера особенно интересно встрѣчать въ его письмахъ къ Катеринѣ извѣщенія о посылаемыхъ ей подаркахъ и гостинцахъ [2]). Нельзя сказать, чтобы „презенты" препровождались часто или чтобъ они были цѣнны, но они являли вниманіе и любовь государя къ своей красавицѣ. Такъ посылалъ онъ „маткѣ" „матерію—по желтой землѣ, да кольцо, а маленькой (дочери) полосатую", съ пожеланьемъ „носит̃ь на здоровье"; либо покупалъ для нея „часы новой моды, (въ которыхъ были) для пыли внутри

[1]) Записка его 5 янв. 1708 г.

[2]) Письма 8 янв. 1707 г. изъ Москвы; 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 14 сент. 1711 г. изъ Карлсбада; 2 окт. 1712 г. изъ Берлина; 2 мая 1713 г. изъ Полтавы и проч.

стеклы (т. е. въ предохраненіе отъ пыли), да печатку, да четверной лапушкѣ втраіомъ" (?), съ извиненіемъ, что „больше за скоростью достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ"; въ другой разъ часы и печатки замѣнялись „устерсами", которыя отправлялись въ томъ числѣ, „сколько могъ сыскать".

Но вотъ Катеринушка взгрустнулась, о томъ писалъ отъ ея имени секретарь, и Петръ спѣшилъ изъ дальней Полтавы препроводить къ ней бутылку венгерскаго, съ убѣдительнѣйшею просьбою: „для-Бога, не печалиться, мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. Дай-Богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили", успокоительно писалъ государь.

Любовь выражалась не въ однихъ посылкахъ устерсовъ да бутылокъ съ венгерскимъ: она высказывалась въ постоянныхъ заботахъ государя о любимой женщинѣ; забывая первенца-сына и его воспитаніе, рѣшительно изгладивъ изъ своей памяти образъ злополучной первой супруги, а за ней и первой метрессы, Петръ какъ зѣницу ока хранилъ вторую и болѣе счастливую фаворитку. Посмотрите, съ какой убѣдительностью пишетъ онъ изъ „Грипъсвалда [1])" Катеринушкѣ: „поѣзжай (съ) тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Анкламъ; только для-Бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ Гаѳѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя".

Цѣлыя письма посвящались распоряженіямъ касательно путешествія „сердешниинькаго друга", посылался къ ней маршрутъ, выставлялись лошади, разсуждалось о погодѣ и о томъ, насколько можетъ она повредить переѣзду „Катеринушки". „Дай-Боже,—замѣчалъ нѣжно супругъ,— чтобъ здрава проѣхали [2]), въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности" (т. е. беременности).

Суровый деспотъ, человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, спокойно смотрѣвшій на истязаніе на дыбѣ и затѣмъ смерть родного сына, Петръ въ своихъ отношеніяхъ къ Катеринѣ былъ рѣшительно не-

[1]) 8 авг. 1712 г. Много писемъ изъ кореспонденціи царя Петра къ Катеринѣ Алексѣевнѣ напечатано въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., томъ XXVIII, стр. 753—766; письма эти сообщены на страницы нашего журнала покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ кн. А. И. Барятинскимъ изъ его обширнаго собранія рукописей.

[2]) 28 нояб. 1716 г. изъ Бременѳера; 1 дек. 1716 г. изъ Лингена; 3 дек. 1716 г. изъ Гора; 2 янв. 1717 г. изъ Амстердама.

узнаваемъ: письмо за письмомъ посылалось къ ней, одно другого нѣжнѣе, и каждое полное любви и предупредительной заботливости.

Такъ, по поводу поѣздки, о которой государь не разъ уже писалъ, два дня спустя послѣ одного изъ подобныхъ писемъ, Петръ вновь пишетъ къ женѣ: „Для-Бога,—говоритъ онъ ей между прочимъ, — чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю; и лучше ѣхать, нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать; а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь, дай знать". „Дай-Боже, — въ волненіи писалъ Петръ нѣсколько времени спустя, — чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ (отъ бремени) застало, чего въ олтерацыі (т. е. въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаюсь по вся часы".

Вслѣдъ за письмомъ отправленъ „славнѣйшій лекарь"; его сопровождали различныя пожеланія насчетъ беременной Катеринушки.

Государь тосковалъ безъ нея: тоску по ней онъ сталъ заявлять очень рано, —, еще въ 1708 году, хотя тогда это высказывалось шуткой, ею и покрывалось желаніе видѣть подлѣ себя „необъявленную" еще подругу: „горазда безъ васъ скучаю", писалъ онъ ей изъ Вильно; а потому, что „ошить и обмыть некому..." „Предаю васъ въ сохраненіе Божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что дай, дай-Боже!" „Для-Бога пріѣзжайте скоряй",—приглашалъ государь „матку" въ Петербургъ, въ день собственнаго пріѣзда въ возникавшую столицу:—„а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ..." „Хочется (мнѣ) съ тобою видѣться, а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была..."

Приглашенія пріѣзжать „скоряя, чтобъ не такъ скучно было", сожалѣнія о разлукѣ, желанія добраго здоровья и скорѣйшаго свиданія пестрили чуть ни каждую интимную цидулку сорока-двухлѣтняго супруга [1]).

Откуда же проистекала эта тоска по милой, или лучше сказать—чѣмъ поддерживала „Катеринушка" такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ, бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ? Что

---

[1]) 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 20 марта 1708 г. изъ С.-Петербурга; 31 авг. 1709 г. изъ Люблина; 30 сент. 1709 г. изъ Торна; 14 авг. 1712 г. изъ Волгаста; 9 февр. 1716 г. изъ Марингоѳа; 3 іюля 1716 г. изъ Гукара при Ѳалтерѣ; 14 нояб. 1716 г. изъ Габельберга; 18 янв. 1717 г. изъ Амстердама.

приносила съ собой эта женщина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

Съ нею являлось веселье; она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга—то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей, замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ Романовскую галерею въ Зимнемъ дворцѣ. Черты лица Катерины Алексѣевны неправильны; она вовсе не была красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ (на иныхъ портретахъ) огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей физіономіи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что не мудрено понять, какъ такой колоссъ, какъ Петръ, всецѣло отдался этому „сердешнинькому другу". И отъ него вовсе не требовалось глубокаго ума и какой-нибудь образованности: Петръ любилъ „Катерину„ сначла, какъ простую фаворитку, которая нравится, безъ которой скучно, но которую онъ не затруднился бы и отставить, какъ отставлялъ многоизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ „метрессъ"; но, съ теченіемъ времени, онъ полюбилъ ее какъ женщину, тонко освоившуюся съ его характеромъ, ловко примѣнившуюся къ его привычкамъ.

Женщина, не только лишонная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что „жена его, а моя мачиха—умна!" и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ.

Таковы письма его [1]) къ „Катеринушкѣ" съ извѣстіями о битвахъ съ шведами какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его—самой ей пріѣхать для поздравленія его съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтка по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно зна-

[1]) 31 авг. 1708 г.—р. Черная Маппа; 27 іюня 1709 г.—лагерь подъ Полтавой; 14 іюня 1710 г.—Выборгъ; 14 сент. 1711 г.—Карлсбадъ; 2 авг. 1712 г.—Грипъсвалдъ; 29 іюля 1714 г.—Ангутъ; 15 іюля 1716 г.—Борнголмъ.

менательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ „другомъ Катеринушкой“: „мы слава-Богу здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!“

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра „сердешнинькой другъ“ выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ, вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній,—ни то, ни другое не высказывается, но въ то же время здѣсь, въ полушутливомъ и полусерьозномъ тонѣ, являются заявленія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій; такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ „Катеринушки“ — нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ, съ ея стороны, сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно. Петръ не требовалъ больше, что видно даже изъ его порученій женѣ: всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина [1]). Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ, между прочимъ, чтобъ „Катеринушка погодила до середы распростатца“ (отъ бремени).

За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили всѣмъ ея собственнымъ существомъ. Такъ, съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе презенты мужа, то есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній [2]). Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Катериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ онъ получалъ презенты „въ одну бутылочку“. „Чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть,—благода-

[1]) 2 авг. 1713 г. съ Луткѣръ, не дошедъ новой крѣпости; 5 сент. 1714 г.—Кроншлотъ; 9 іюля 1715 г.—Ревель; 19 апр. 1716 г.—Экестоль.

[2]) 25 декабря 1712 г.—Пампоу; 5 сент. 1714 г.—Кроншлотъ; 30 мая 1716 г.—Пирамондъ; 5 іюня 1716 г.—Пирамондъ.

ритъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ, — что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велятъ въ день пить; и такъ сего магазина будетъ съ меня".

Но, отодвинувъ бутылки съ водкой и виномъ, заглянемъ въ тѣ отписки екатерининскихъ секретарей, при которыхъ прилагались хмѣльные презенты.

Изъ писемъ Екатерины вошло въ печатное изданіе одинадцать грамотокъ до 1717 года; первая изъ напечатанныхъ относится къ 17 августу 1713 года. Всѣ онѣ на русскомъ языкѣ; содержаніе ихъ вообще небогато, но полно остротъ и шутокъ, придуманныхъ секретарскимъ ли юморомъ, или высказанныхъ дѣйствительно самой Катериной Алексѣевной, и только облеченныхъ въ тяжолую форму тогдашнихъ писаній. Тутъ поздравленія съ чиномъ генерала, съ счастливымъ окончаніемъ кампаніи, тутъ извѣстія о посылкѣ гостинца, въ родѣ, напримѣръ, пива или свѣжепросольныхъ огурцовъ, и все это пересыпано шутками, нѣжными заявленіями любви, просьбами о скорѣйшемъ пріѣздѣ [1]), разсказами о попойкахъ. Чтобъ познакомиться съ тономъ этихъ писемъ, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ цидулокъ, не вошедшихъ въ изданіе коммисіи:

„Другъ мой сердешной Господин Господанъ Контра Адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я приѣхала сюда по писму вашему. У Государя Нашева со многимъ прошением просила, чтоб онъ изволил побыть здѣсь до Успеньева дни [2]). Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многия свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда приѣхать к Сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего маия 25 числа. При сем прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомит меня своим писанием о состоянiі дражайшего своего здравия и счастливомъ вашем прибытiи к Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравие вашеі милости в сохранение Божие предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербуха мая 23. 1714 г.".

„P. S. вчерашняго дня была я въ Питер Гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣтъ. А именно Тихон Ники-

[1]) Изд. коммисіи печатанія госуд. грам. и договоровъ, состоящей при московскомъ главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Москва, 1861 г., стр. 151—157.

[2]) Въ этомъ письмѣ Катерина шутливо жалуется на князя кесаря Ромодановскаго.

тичь, Король Самояцкой, Іванъ Гавриловичь Беклемишев, Іван Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать [1])“.

„При отпуске сего доносителя—писалъ секретарь отъ имени Екатерины, въ новомъ письмѣ—ко извѣстию вашей милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощию вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финских берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили меня увѣдомит о состоянiи своего дражайшего здравия, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже-просоленныхъ огурцовъ; дай-боже вам оное употреблят на здравие. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие сохранение предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Отъ 30 Іюля 1714. Ревель“.

„P. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ оная была, у вас ли или где инде, о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ куриером Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣния были [2])“.

Дня два спустя сомнѣнiе разрѣшилось радостнымъ извѣстiемъ „о николи у насъ бывшей викторiи на морѣ, надъ шведскимъ флотомъ“. Петръ спѣшилъ предъ женой излить свою радость; та отвѣ-

---

[1]) Госуд. Архивъ, Каб. д., 2-ая пол., т. XXI, л. 1033. Слѣдующее писмо вошло въ изданiе коммисiи (стр. 154) со списка не совсѣмъ полнаго. Приводимъ его изъ XXI книги кабинетскихъ дѣлъ, л. 1036: „Другъ мой сердешной Господинъ Контра-адмирал Здравствуй на множество лѣтъ! писание вашей милости Іюня от 18 дня писанное я получила, в которомъ изволили писать, что ваша милость к Ѳинлянским берегамъ прибыли благополучно, чему я зело порадовалась. И за оное писание вашей милости благодарствую. На сихъ дняхъ получила я писма, к вашей милости писанныя, одно от Государя Царевича, другое из Санктъ-Питербурха от детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою. И оные писма при сем посылаю; також посылаю к вашей милости помаранцовъ и других овощей з денщиком Клокачевым и желаю, дай-боже, вам оное на здравие употреблять. Засимъ здравие ваше в сохранение божие предав, остаюсь жена твоя Екатерина, в 23 ч. Іюля 1714. Ревель. P. S. Отправленные изъ Санктпитербуха с правиантомъ .... (боты?) и другие морские всего 15 судовъ на сих дняхъ прибыли сюда благополучно, о чемъ уповая, что и князь василей володимерович (Долгоруковъ) к вашей милости писалъ“.

[2]) Госуд. Архивъ въ Спб., дѣла Каб., II пол., т. XXI, л. 1031.

чала поздравленіемъ и извѣстіемъ о пиршествѣ, которымъ встрѣтила вѣсть о побѣдѣ [1]): „а что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ санктъ-питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променят не изволите. И намѣрена я отсель пут свой восприять с помощию божиею в Санктъ-питербурхъ сего августа съ 16 числа. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие защищение предав, остаюсь жена твоя Екатерина. 4 августа. 1714 г. Ревель. P. S. Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викториее Господина Князь-Баса (Ивана Головина); також изволте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые у шведовъ корабли) какъ он пожалуетъ, детми или пасынками?"

„Також прошу васъ, батюшка мой, ежели не надѣетес вскоре к нам быть, изволь почаще ко мнѣ писать, что мнѣ в немалое порадование будетъ [2])".

Безъ всякаго сомнѣнія, во всѣхъ этихъ секретарскихъ грамоткахъ многое, если не все, диктовалось самой Екатериной; разныя шутки, доходившія до чрезмѣрной, и по тому времени обыкновенной, беззастѣнчивости, прямо показываютъ, что онѣ непремѣнно должны были принадлежать никому другому, какъ ей самой, такъ какъ на нихъ не рѣшился бы никто изъ ея приближенныхъ, хотя бы и отъ ея имени [3]).

Такъ напр. она намекала мужу еще въ 1709 году о забавахъ... „И того нѣтъ у насъ,—отшучивался Петръ,—понеже мы люди ста-

[1]) Только начало этого письма напечатано коммисіей (стр. 155); но и тутъ есть, впрочемъ незначительные, варіянты съ видѣннымъ нами спискомъ (Госуд. Архивъ, каб. 2-я половина, томъ XXI, л. 1034). Въ послѣднемъ, напр.: „третьяго дня получила"; изд. ком.: „вчерашняго числа получила". У насъ: „вчерашняго дня воздавали"; изд. коммисіи: „сей день воздавали". Второй половины письма вовсе нѣтъ въ изд. коммисіи; мы ее приводимъ.

[2]) Осенью того же года Екатерина вернулась въ столицу и отсюда писали отъ ея имени въ Москву, къ Макарову: „Господинъ секретарь. При отѣзде вашем отсель приказывали мы вамъ, чтоб вы обявили князю Матвѣю Петровічу (Гагарину) о кувшінахъ китаіскихъ, также і о соболяхъ, о которых Мы прежде писали, чтоб прислат пять паръ; і ежелі оные кувшіны і соболі еще сюда не отправлены, то веліте прислат к нам немедленно; впротчемъ пребываемъ в мілости склонная царица Екатеріна. из Санктъ питербуха. Ноября въ 3 ч. 1714". Госуд. Архивъ, дѣла Каб. 2-я пол., т. XXI, л. 1032.

[3]) 24 сент. 1709 г.—Варшава; 16 окт. 1709 г.—Мариенвердепъ; 19 сент., 1711 г.—Карлсбадъ и друг.

рые и не таковскіе...“ „Пишешь ты, — говорилъ онъ два года спустя,—якобы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого-нибудь вытнѣе (здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунъчанъ? я больше чаю: изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двемя лѣты занялъ. Такъ-то вы, евины дочки, дѣлаете надъ стариками!“

Подобныя шутки были вызываемы и поддерживаемы Екатериной; впрочемъ, въ ея первыхъ письмахъ, отысканныхъ пока въ незначительномъ числѣ, такого рода шутки встрѣчаются рѣже; за то Петръ и въ эти годы, болѣе и болѣе сближаясь съ „сердешнинькимъ другомъ“, не упускалъ случая подтрунить надъ своей старостью и ея, пока еще мнимою, вѣтренностью [1]): „хотя ты меня и не любишь,— замѣчалъ онъ, извѣщая о поправленіи своего здоровья,—однакожъ чаю, что тебѣ сія вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно съ своими столпами“.

1716 и 1717 года были особенно богаты письмами Петра къ Екатеринѣ: въ это время государь осыпалъ ее ласками, подарками, безпрестанно заявлялъ желанія скорѣйшаго свиданія, являлъ заботливость о дѣтяхъ Екатерины, и зачастую посылалъ свои грамотки къ ней одну за другой, въ разстояніи четырехъ—пяти сутокъ [2]).

И вотъ, когда страсть государя къ женѣ обратилась въ то чувство глубокой привязанности, которая прекращается развѣ со смертью, въ то время, когда Петръ отъ нѣжной цидулки къ женѣ переходилъ къ предписанію сыщикамъ ловить первенца-сына, — въ это-то время Екатерина, гордая побѣдой надъ сердцемъ „старика-батюшки“, обращаетъ взоръ, исполненный особенной ласки, къ своему новому придворному.

---

[1]) 29 янв. 1716 г.—Нарва; 23 мая 1716 г.—Алтенау; 5 іюня 1716 г.—Пермондъ; 4 янв. 1717 г.—Амстердамъ. Переписку Екатерины одно время велъ секретарь Александръ Андреяновичъ Яковлевъ. Въ 1723 году онъ былъ посланъ резидентомъ въ Персію.

[2]) Достойно замѣчанія, что въ ста-четырехъ напечатанныхъ письмахъ Петра къ Екатеринѣ до 1718 года только разъ упоминается о царевичѣ Алексѣѣ. Такъ, по поводу свадьбы Алексѣя съ Шарлотой, Петръ поручаетъ Екатеринѣ „объявить всешутѣйшему князь-папѣ и протчимъ (членамъ его собора), чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими“. Петръ былъ увѣренъ, что такая шутка понравится „свѣтъ Катеринушкѣ“.

IV.

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ.

1716—1723.

Генеральсъ-адъютантъ Петра, Виллимъ Ивановичъ Монсъ, принятъ въ началѣ 1716 года камеръ-юнкеромъ ко двору государыни царицы Екатерины Алексѣевны.

„Я отъ сердца обрадовалась,—писала къ новому камеръ-юнкеру сестра его, ловкая, догадливая Матрена Ивановна,—отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи; Боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишите, что то къ счастію или несчастію. Богъ васъ сохранитъ отъ всякаго несчастія".

Въ чемъ состояли обязанности новаго камеръ-юнкера, какія обстоятельства могли поставить Монса въ частыя сношенія съ Екатериной и тѣмъ самымъ дали ему возможность вызвать ея особенное вниманіе?

Собственно служебныя обязанности камеръ-юнкера не были точно обозначены, но въ его руки мало-по-малу перешло многое, что до сихъ поръ было раздѣляемо между разными придворными. Такъ, въ рукахъ камеръ-юнкера сосредоточились дѣла по управленію селъ и деревень, состоявшихъ за государыней; управляющіе и приказчики, а также игумены тѣхъ обителей, которыя находились подъ особымъ покровительствомъ царицы, въ скоромъ времени стали присылать къ нему отчеты по имѣніямъ, по монастырямъ, смѣты приходовъ и расходовъ; у него просили доклада о тѣхъ или другихъ распорядкахъ предъ государыней. Разсылка ревизоровъ, затѣмъ всѣ постройки, продажи и закупки по имѣніямъ Екатерины пошли

чрезъ его руки. Принятіе на службу въ вѣдомство государыни разныхъ лицъ, судъ и расправы не только надъ ними, но даже разборка дрязгъ между монахинями и настоятельницами царицыныхъ пустынь (напримѣръ Успенскаго дѣв. монастыря въ Александровой слободѣ, Федоровскаго дѣвичьяго въ Переславлѣ и другія); назначеніе жалованья, содержанія, наградъ и вспомоществованья, отставка дворцовыхъ чиновниковъ и служителей государыни, — все стало зависѣть отъ Монса. А тутъ легли на него заботы по устройству праздниковъ и гуляній, до которыхъ такая охотница была его госпожа; онъ долженъ былъ поспѣвать сборомъ свѣдѣній о разныхъ новостяхъ для доклада ей; долженъ былъ пробѣгать множество челобитенъ, съ которыми какъ знатныя, такъ и незнатныя лица во множествѣ обращались къ Екатеринѣ: для него составлялись экстракты изъ сихъ челобитенъ, и тѣ экстракты онъ докладывалъ царицѣ, когда находилъ къ тому время и желаніе; онъ долженъ былъ вести корреспонденцію съ заграничными поставщиками товаровъ государынѣ и ея семейству, вѣдаться съ ея портными и портнихами по поводу заказовъ платьевъ, завѣдывать ея денежной казной, ея драгоцѣнностями, какъ-то брильянтами и проч. Всѣ ордеры Екатерины объявлялись и писались либо самимъ Монсомъ, либо подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ.

И все это онъ долженъ былъ дѣлать неиначе, какъ состоя неотлучно при государынѣ.

Камеръ-юнкеръ сопровождалъ ее заграницу, хлопоталъ во время всѣхъ ея переѣздовъ объ удобствахъ въ пути и при остановкахъ по городамъ распоряжался выдачей прогоновъ ея приближоннымъ; наблюдалъ за экипажами, укладкой, вѣдалъ конюшнями государыни,— и между тѣмъ его можно было видѣть близь государыни вездѣ, на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ, на асамблеяхъ и маскарадахъ [1]). На немъ же, двадцати-восьмилѣтнемъ, статномъ, всегда веселомъ и плѣнительномъ камеръ-юнкерѣ, состояла обязанность развлекать Екатерину во время частыхъ и продолжительныхъ ея разлукъ съ „старикомъ-батюшкой“. Все это входило въ область служебныхъ обязанностей Виллима Ивановича, и все это, разумѣется, никакъ не могло дѣлать его службу скучною, неблагодарною, незамѣтною.

---

[1]) См. между прочимъ Беркгольца, I. 110, 207; II. 349; IV. 25 и проч. Книга разныхъ черныхъ отпусковъ, въ Госуд. Архивѣ, карт. XV, дѣло Монса, л. 169 и проч.

При неизбѣжныхъ хлопотахъ онъ видѣлъ себя распорядителемъ значительныхъ матерьяльныхъ средствъ; бѣдность замѣнилась нетолько достаткомъ, но даже роскошью; самолюбіе и тщеславіе было удовлетворяемо вниманьемъ и заискиваньемъ у него множества лицъ разнаго пола, званія и состоянія, нуждавшихся въ немъ, какъ въ посредникѣ при сношеніяхъ съ государыней; наконецъ, ея полнѣйшее расположеніе и довѣріе какъ нельзя болѣе должны были льстить счастливцу.

Не было ли нравственныхъ достоинствъ на сторонѣ Монса, вообще говоря—нѣтъ ли данныхъ, по которымъ рѣзче и отчетливѣе обрисовалась бы предъ нами его личность?

Данныя эти есть, и они сохранились въ его записныхъ тетрадкахъ и письмахъ. Русская грамота ему почти не далась, нѣмецкую онъ зналъ хотя и плохо, впрочемъ пользовался ею довольно свободно, нетолько въ прозѣ, но и въ стихахъ. Изъ-за домашняго очага бочарнаго ученика Ивана Монса и его ворчливой, суевѣрной старухи Виллимъ вышелъ полный всевозможныхъ предразсудковъ и вѣрованій. Смотрите, съ какою, напримѣръ, вѣрою въ непреложныя истины своей гадальной книги онъ вчитывается въ отвѣты „тридцати-шести судей“; отвѣты эти подобраны на вопросы, а тѣ, въ свою очередь, расположены въ астрологическомъ порядкѣ—„по двѣнадцати небеснымъ домамъ“.

„Будетъ ли твое счастье постояннымъ или нѣтъ? Хорошо ли, что ты завелъ дружду съ тою особою?“ На этихъ и тому подобныхъ вопросахъ останавливается Монсъ, и въ разнообразныхъ изрѣченіяхъ находитъ совѣты и замѣтки, пригодные въ его положеніи. „Судьи“ гласятъ ему, напримѣръ: „чтобъ онъ не вспоминалъ о прошедшемъ: тамъ онъ увидитъ только страхъ и нужду; зато въ настоящемъ ему многое благопріятствуетъ“. Гадальная книга пророчила: „ты будешь отмѣнный геній, но недолго проживешь; достигнешь великихъ почестей и богатства; будешь имѣть не одну, но нѣсколько жонъ различнаго характера; будешь настоящій волокита и успѣхъ увѣнчаетъ эти волокитства“. Та-же гадальная книга вѣщала подобныя премудрости: „когда откроешь свою тайну другому или третьему, то всѣ ее узнаютъ; но впрочемъ добрымъ друзьямъ ты можешь открыть свои тайны“. „Особа,—про которую онъ допрашиваетъ астрологію,—слишкомъ хитра и коварна; ему

вѣрна и любитъ его отъ всего сердца". И тутъ же: „хотя и любитъ тебя эта особа, но она хочетъ тебя сперва испытать, будешь ли ты постояненъ?" „Нѣтъ, — восклицаетъ семнадцатый судья, Орфей: — твои надежды на высокія почести и возвышеніе тщетны" и т. д.

Въ противорѣчивыхъ предсказаніяхъ путается нашъ герой, часто совѣтовавшійся съ гадательницей. Рукопись эта списана его рукой, замаслена и обтерта: по всѣмъ признакамъ, Виллимъ Ивановичъ не разставался съ ней [1]). Астрологія однако не удовлетворяетъ его; и вотъ суевѣрный камеръ-юнкеръ, не полагаясь ни на нее, ни на красоту свою, ищетъ болѣе надежныхъ средствъ къ удержанію за собой капризной фортуны; онъ жаждетъ успѣховъ по службѣ, богатства, успѣховъ въ прекрасномъ полѣ и прочихъ лавровъ: гдѣ же средства пожать ихъ возможно легче? Это укажетъ ему колдовство, хиромантія.

И вотъ онъ ищетъ „нѣкоторую траву, которая растетъ на малой горѣ, красноголовая, съ бѣлыми пятнами, а другая съ синими пятнами, которая растетъ на песку".

Если бы мы могли встрѣтить вѣчно франтоватаго Монса, мы бы замѣтили на его пальцахъ нѣсколько разнообразныхъ перстней; владѣлецъ ихъ, разумѣется, скрылъ бы отъ насъ таинственное ихъ значеніе, но въ записныхъ его тетрадкахъ мы находимъ изъясненіе перстней. Оно составлено какимъ нибудь изъ оракуловъ Монса. Вотъ, напримѣръ, перстень чистаго золота; не безъ основанія не разстается съ нимъ камеръ-юнкеръ: „это есть перстень премудрости; кто такой перстень носитъ, тотъ можетъ что хочетъ говорить о всѣхъ вольныхъ художествахъ сего свѣта. Всѣ доктора его не преодолѣютъ, какъ бы они учены ни были; что онъ ни говоритъ (т. е. владѣлецъ перстня), то всякому пріятно". Не менѣе важенъ оловянный перстень. Казалось для чего бы его носить? А это между прочимъ „перстень сокровища: ежели кто такой перстень носитъ на рукѣ, то тому достанутся сребро и злато". Какъ же послѣ этого не имѣть его всегда при себѣ? Тутъ же талисманъ для „побѣжденія всѣхъ про-

[1]) Госуд. Арх., книга чернов. отписокъ по дѣлу Монса, лл. 296—323. Гадальная тетрадь въ 4 д. листа, безъ начала, на нѣмецкомъ языкѣ. Списана рукою Монса, безъ сомнѣнія, съ какой нибудь старинной гадальной книги.

тивностей, хотя бы то весь свѣтъ одинъ противъ другого возсталъ". Это желѣзный перстень. Не забытъ и перстень любви: это мѣдное кольцо. Виллимъ Иваноничъ хорошо знаетъ, что „кто сей перстень имѣетъ, тотъ долженъ употреблять его мудро, понеже можно много зла онымъ учинить; кто женской полъ онымъ прикоснетъ, тая его полюбитъ и учинитъ то, что онъ желаетъ" [1]).

Должно быть владѣлецъ особенно часто обращался къ мѣдному перстню; Монсъ былъ нѣмецъ пылкій и необыкновенно влюбчивый. „Марсъ, третій судья", изъ гадальной его тетради недаромъ же предсказалъ, „что онъ будетъ настоящій волокита, и успѣхъ увѣнчаетъ его волокитство". Онъ ухаживалъ разомъ за нѣсколькими красавицами, успѣвалъ вездѣ, и свои подвиги держалъ въ строгой тайнѣ; то не былъ грубый ловеласъ; нѣтъ, во всѣхъ любовныхъ шашняхъ Монсъ являлся нѣжнымъ романтикомъ, нѣмцемъ, начитавшимся разныхъ сантиментальныхъ стиховъ; въ подражаніе имъ онъ и самъ кропалъ стишонки.

Еще въ періодъ юности Виллимъ Ивановичъ проводилъ многіе часы за подборомъ риѳмъ, къ какому нибудь „ненаглядному купидону", къ „ангелу души", къ какой нибудь „слободской" красавицѣ Амаліи. Подойдемъ къ нему, посмотримъ, что онъ выводитъ перомъ на лоскуткахъ записной тетради. Какія-то отдѣльныя слова, разумѣется на нѣмецкомъ языкѣ; это остовъ будущаго посланія: „мое сердце... ранено... отчего... разъ вечеромъ... о Амалія!.. мое сердце— Амалія... влюблено... до смерти... прощай, мой ангелъ..." Страсть, романическій вечеръ, раненое сердце, разлука,—все это матерьялъ къ сантиментальному посланію. Но оно не сразу составляется; ему предшествуютъ отрывочныя строчки: „ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ— но та, которую я люблю, должна быть вѣчна... Мое сердце съ твоимъ всегда будетъ едино!.. Моя любовь—мое горе, такъ какъ съ тобой я рѣдко вижусь..." И вотъ слагаются, наконецъ, нѣмецкіе куплетцы слѣдующаго, въ прозаическомъ переводѣ, содержанія [2]).

„...Куда исчезла моя свобода? Я самъ не свой, не знаю зачѣмъ стою, не знаю куда иду... Какую силу назначила мнѣ судьба наро-

---

[1]) Госуд. Арх. въ Спб., Дѣло о Монсѣ, книга чернов. отписокъ, л. 116.

[2]) Въ приложеніи № III мы привели два образчика стихотвореній камеръ-юнкера Виллима Монса; они всѣ въ этомъ родѣ: 1) образчикъ его нѣмецкихъ стиховъ: 2) русскихъ, но писанныхъ нѣмецкими буквами.

довъ? Начатое мною заставляетъ надѣяться... Но къ чему послужатъ мои рѣчи, мои жалобы? Я волнуюсь: то думаю, что сбудется мое желаніе, то, вновь, сомнѣваюсь... и

„Вы, чувства, которыя мнѣ
Одно несчастье за другимъ причиняете,
Вы указываете, вы мнѣ восхваляете
Красоту моего свѣтила!
Оно, свѣтило это, мнѣ и улыбнулось,
Но вы же, чувства, его затемняете...
Но я долженъ думать, что все мое огорченье
Предопредѣлено, — такъ бываетъ въ свѣтѣ!"..

Въ придворной жизни Монса ждали радостныя улыбки не одного свѣтила: молодой красавецъ камеръ-юнкеръ скоро занялъ видное мѣсто между львами Катерининскихъ камеръ-фрау, фрейлинъ и разныхъ близкихъ къ государынѣ аристократокъ.

Между дамами и дѣвицами тогдашняго двора, даже и на строгій вкусъ пришлыхъ иноземцевъ, было много красавицъ: тутъ были и княгиня Черкасская, львица петровскаго двора, и княгиня Кантемиръ, предметъ временной любви и увлеченія Петра, и намъ уже хорошо знакомая — злополучная красавица Марья Даниловна Гамильтонъ [1]), и угодливая Анна Ивановна Крамеръ, — словомъ, отъ высшихъ персонъ прекраснаго пола до второстепенныхъ личностей Монсъ во всѣхъ рядахъ могъ находить предметы своего обожанія.

— „Кто спутанъ узами любви, — говорилъ вѣчно влюбленный камеръ-юнкеръ, — тотъ не можетъ освободиться, и кто хочетъ противостоять любви, тотъ дѣлаетъ оковы свои тягостнѣе". „И кто хочетъ разумно любить, такъ держи это втайнѣ. Любовь можетъ принести огорченіе, если откроется. Къ чему другимъ знать, что два влюбленныхъ цалуются?"

Съ этимъ взглядомъ на любовь, съ этими правилами Монсъ еще скорѣе могъ разсчитывать на побѣды. Онѣ одерживались имъ нерѣдко; нѣжныя цидулки летѣли при посредствѣ сестрицы его Матрены [2]), либо племянника Балка, либо наконецъ „слободскихъ" пріятелей —

[1]) См. нашъ историческій очеркъ: „Фрейлина Гамильтонъ" въ книгѣ „Слово и дѣло", изд. 1884 г., стр. 185—268.

[2]) Матрена Ивановна Балкъ пересылала братцу цидулы его обожательницъ съ такими замаскированными „ремарками": „посылаю вамъ, братецъ, письмо, о которомъ вы извѣстны отъ кого оное; пожалуйте отдайте (?) и увѣдомьте меня, какой отвѣтъ на оное будетъ"...

доктора Брейтигама и Густава Функа, въ разныя семейства, русскія и иноземческія [1]). Цидулки писались на нѣмецкомъ языкѣ, прозой и стихами; писались онѣ и на русскомъ языкѣ, но нѣмецкимъ шрифтомъ, такъ какъ герой нашъ не зналъ русской грамоты.

Вскроемъ интимную переписку Виллима Ивановича; она не безъинтересна для знакомства съ тѣмъ временемъ.

„Здравствуй, свѣтъ мой матушка,—пишетъ Монсъ, какъ видно къ русской барынѣ, такъ какъ письмо писано по русски, нѣмецкимъ шрифтомъ, — ласточка дорогая, изъ всего свѣта любимѣйшая; винность свою приношу, для того что съ вами дружны были; да прошу помилуй меня тѣмъ, о чемъ я просилъ“.

„... А я прошу,—говоритъ онъ въ другой цидулкѣ къ той же ласточкѣ, — пожалуй, матушка, въ томъ на меня не погнѣвайся, что я не писалъ и въ томъ любовь вини, заставляя держать въ сердцѣ [2]), а я прошу—пожалуй, не держи гнѣва на меня...“

„Сердечное мое сокровище и ангелъ, и купидонъ со стрѣлами, желаю веселаго добраго вечера. Я хотѣлъ бы знать, почему не прислала мнѣ послѣдняго поцѣлуя? Если бы я зналъ, что ты невѣрна, то я проклялъ бы тотъ часъ, въ которомъ познакомился съ тобою. А если ты меня хочешь ненавидѣть, то покину жизнь и предамъ себя горькой смерти... Остаюсь, мой ангелъ, вѣрный твой слуга по гробъ“.

Въ самый разгаръ нѣжной „корешпонденціи“ пріятель Густавъ Функъ извѣщаетъ Монса: „насчетъ извѣстной особы говорятъ, — пишетъ Функъ,—будто ея противники перехватили ея письма, которыя она къ тебѣ писала; правда ли это или нѣтъ, однако постарайся узнать объ этомъ поподробнѣе, чтобы не ввести и себя, и другихъ въ непріятности изъ-за такой бездѣлицы. Извѣсти меня поскорѣе объ этомъ; ты все узнаешь отъ благосклонной къ тебѣ особы“.

---

[1]) Пособники въ любовныхъ продѣлкахъ камеръ-юнкера, они иной разъ ссорились между собой и къ Монсу же обращались съ жалобой: „прошу тебя, любезный братецъ,—писалъ Брейтигамъ Монсу 22 февр. 1719 г. изъ Москвы,— будь такъ добръ, спроси у Балка, въ чемъ я предъ нимъ провинился, что онъ меня въ Петербургѣ во всякомъ хорошемъ обществѣ позоритъ, будто бы мнѣ всѣ знатныя дамы столь доступны, что всякому, желающему имѣть любовную съ ними связь, стоитъ только обратиться ко мнѣ. Такимъ образомъ, по разсказамъ Балка, всѣ дамы, которыя меня принимаютъ, этимъ самымъ теряютъ общее уваженіе“.

[2]) Мы приводимъ отрывки отъ слова до слова.

Bayerische Staatsbibliothek München

Таинственныя извѣщенія друзей напоминаютъ объ осторожности; „de Monso du Crouy"—такъ отнынѣ сталъ подписываться камеръ-юнкеръ—принялъ мѣры; интимнѣйшія цидулки свои сталъ онъ зачастую писать особыми буквами, либо условной формой: отъ лица женщины, либо къ мужчинѣ вмѣсто женщины.

А тутъ вирши—русскія, въ нѣмецкихъ метрахъ—такъ и выливаются изъ-подъ пера обожателя; онъ шлетъ „къ сердечному купидону" горькую жалобу на свою любовь:

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ? охъ, все противное!
Не могу жить, ни умереть. Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Неупокоя сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется.

Пробилъ стрѣлою сердце, лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться, и очи плакати,
Тоска великая сердце кровавое,
Рудою запеклося, и все пробитое [1]).

Растерзанное сердце однако зажило, герой сталъ забывать героиню. Онъ обратилъ вздохи и изліянія къ другимъ; та опечалилась, стала ревновать; исторія обыкновенная во всѣ времена, во всѣхъ классахъ общества. Монсу однако отъ этого не легче.

„Не изволите за противное принять, — писалъ онъ къ одному изъ любезныхъ ему друзей, и кажется къ женской персонѣ,—что я не буду къ вамъ ради нѣкоторой причины, какъ вы вчерась сами слезы видѣли; она чаетъ, что я амуръ съ герцогинею курляндскою (Анною Ивановною) имѣю. И ежели я къ вамъ приду, а ко двору не поѣду, то она почаетъ, что я для герцогини туда (т. е. къ тебѣ) пришелъ и для того сіе за противно не пріемлю" [2]).

Какая-то новая красавица, русская боярыня приковываетъ къ себѣ сердце влюбчиваго нѣмца; идетъ живой обмѣнъ чувствительныхъ посланій.

„Здравствуй, моя государыня, — такъ отвѣчаетъ на одно изъ нихъ Монсъ: — кланяюся на письмо и на вѣрномъ сердцѣ вашемъ. И ваша милость меня неизрѣчно обрадовала письмомъ своимъ. И какъ я прочелъ письмо отъ вашей милости присильное (т. е. при-

[1]) Госуд. Архивъ, бумаги Монса. См. Приложенія, № III, 2.
[2]) Госуд. Арх. Соврем. переводъ нѣмецкой цидулки Монса.

сланное)[1]), то я не могъ удержать слезъ своихъ (отъ) жалости, что ваша милость въ печали пребываешь и такъ сердечно желаешь письма отъ меня къ себѣ. Ахъ, счастье мое нечаянное! Радъ бы я радоваться объ сей счастливой фортунѣ, только не могу, для того что сердце мое стиснуто такъ, что невозможно вытерпѣть и слезъ въ себѣ удержать мужу (не могу?). Я плакалъ о томъ, что ваше сердце рудой облилось такъ, какъ та присильная (присланная) красная лента (облита была слезами). Ахъ, печальны мнѣ эти вѣсти отъ вашей милости, да и печальнѣе всего мнѣ это, что ваша милость не вѣру держишь, и будто мое сердце (въ радости), а не въ тоскѣ по вашей милости, такъ какъ сердце ваше, въ письмѣ дано знать, тоскливое. И я бы радъ писать повсядневно къ вашей милости, только истинно не могу и не знаю, какъ зачать писать съ великой любви и опаси, чтобы не пронеслось и людямъ бы не дать знать это наше тайное обхожденье. Да прошу и коли желаешь ваша милость, чтобы намъ называть другъ друга „радостью“, такъ мы должны другъ друга обрадовать, а не опечалить. Да и мнѣ сердечно жаль, что ваша милость такъ тоскуешь и напрасно изволишь молодость свою поработить. Вѣрь, ваша милость; правда, я иноземецъ, такъ правда (и то), что я вашей милости рабъ и на семъ свѣтѣ вѣрный тебѣ одной государынѣ сердечной. А остануся и пока живъ остаюся въ вѣрности и передаю сердце свое[2]). Прими недостойное мое сердце своими бѣлыми руками и подсоби за тревогу вѣрнаго и услужливаго сердца. Прости, радость моя, со всего свѣта любимая“.

Кто это была „государыня“ монсова „сердца“ — неизвѣстно; извѣстно только то, что всѣ эти изліянія производились Монсомъ въ бытность при „дому Катерины Алексѣевны“ и именно тогда, когда лучи сего высокаго „свѣтила“ стали сильно согрѣвать его какъ въ вещественномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

Еще въ первый годъ своего камеръ-юнкерства Виллимъ Ивановичъ получалъ довольно скудное жалованье, да въ бытность за границей около 200 талеровъ въ годъ порціонныхъ; но уже тамъ, за границей же, матеріальныя его средства настолько улучшились,

[1]) Отвѣтное посланіе Монса писано на слободскомъ языкѣ: такъ называли тогда русское письмо, изложенное нѣмецкими буквами.

[2]) Въ подлинникѣ слово сердце замѣнено изображеніемъ червоннаго значка, въ который, съ двухъ сторонъ, врѣзались двѣ стрѣлы.

что онъ имѣлъ возможность давать деньги въ долгъ ближнимъ къ нему лицамъ; еще гофмаршалъ Матвѣй Олсуфьевъ предписывалъ Монсу въ начальническомъ тонѣ позаботиться объ исполненіи служебныхъ обязанностей камеръ-юнкера ея величества, т. е. въ бытность напр. въ г. Везелѣ распорядиться, между прочимъ, сваркой полпива, выждать когда оно уходится, разлить его затѣмъ по малымъ бутылямъ, поставить въ холодномъ погребу и т. п., но холодный тонъ начальника нѣсколько мѣсяцевъ спустя измѣнился: тотъ же Олсуфьевъ сталъ звать Виллима Ивановича „государемъ моимъ братцемъ“ и писалъ уже къ нему въ почтительныхъ выраженіяхъ.

Другой изъ начальныхъ лицъ при дворѣ Катерины—Дмитрій Шепелевъ еще скорѣе созналъ необходимость стать съ счастливымъ камеръ-юнкеромъ въ самыя дружескія отношенія. „Въ письмѣ своемъ,—шутливо писалъ Шепелевъ новому другу въ г. Везель изъ Шверина въ январѣ 1717 года,—въ письмѣ своемъ изволите упоминать: псовкѣ карлицѣ сказать, чтобъ она себя поберегла до васъ. Воистинно, мой государь, псовка карлица не для васъ, больши для насъ; о чемъ вы сами извѣстны, какая у насъ съ нею любовь. Впредь прошу не изволь еѣ упоминать такъ въ письмахъ своихъ. Прошу васъ у моего друга, не оставь насъ въ своихъ письмахъ и въ своей любви...“

Монсъ въ это время былъ при государынѣ въ г. Везелѣ; его окружали вообще лица, съ которыми онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; такъ, государыню вмѣстѣ съ нимъ сопровождали Анисья Кириловна (Толстая), Аристовна, Крестьяновна, полковница Кампенгаузенъ, фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ, камеръфрау, весьма любимая царицей, Яганна Петрова, Устинья Петрова, камеръ-юнкеръ поручикъ Балкъ (племянникъ Монса), доктора Поликола и Лестокъ, и нѣкоторыя другія лица [1]).

Между всѣми ими первая роль выпадала Виллиму Ивановичу, и вотъ между прочими искателями благосклонности фаворита весьма рано является знаменитый, впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; онъ „униженно благодарствовалъ его благородіе за комплиментъ его“ и не менѣе униженно просилъ ходатайства по своимъ дѣламъ [2]).

---

[1]) Списокъ придворныхъ Катерины см. въ статьѣ: „Фрейлина Гамильтонъ“, помѣщенной въ нашей книгѣ: „Очерки изъ Рус. Исторіи XVIII в.“, томъ II, „Слово и дѣло“, стр. 245, 246.

[2]) Госуд. Арх. См. Приложенія, № IV.

Это заискиванье тѣмъ интереснѣе, что почти одновременно тотъ же Бестужевъ писалъ извѣстное „предательское“ письмо бѣглому царевичу Алексѣю Петровичу, предлагая ему свои услуги. Такимъ образомъ будущій правитель Россіи (1744—1758 гг.) теперь закидывалъ якорь въ оба противные лагеря: на сторону царицы Катерины Алексѣевны и ея ненавистника, ею взаимно ненавидимаго царевича Алексѣя Петровича.

Побѣда первой была однако близка. Истязанія сторонниковъ Алексѣя и затѣмъ его собственная мученическая гибель были рядомъ торжествъ партіи Екатерины.

Усиленіе значенія ея неминуемо отражалось и на всѣхъ ея приближонныхъ, а изъ нихъ разумѣется прежде всего на Монсѣ.

Посмотрите съ какою торопливостью втираются въ дружбу почти къ безвѣстному выходцу нѣмецкой слободы тогдашніе баричи, знаменитѣйшіе, если не изъ птенцовъ, то ужъ изъ птенчиковъ петровскаго двора. Вотъ, напримѣръ, князь Андрей Вяземскій, тщательно распрашивающій о здоровьѣ и житьѣ-бытьѣ „государя друга своего“ Виллима Ивановича; вотъ Иванъ Шуваловъ, отецъ будущаго временщика императрицы Елисаветы, напоминаетъ „о неоставленіи его и всей фамиліи въ своей милости“, причемъ увѣряетъ, что они, Шуваловы, „уповаютъ на его милость, якобы на отца родшего“; князь Александръ Черкасскій увѣряетъ „вѣрнаго друга—своею вѣрностью“ и „покорно проситъ, чтобъ тотъ его не оставилъ въ своей милостивой и вѣрной дружбѣ, чего съ радостью желаетъ“.

Артемій Петровичъ Волынскій, съѣздившій уже въ Персію посланникомъ, быстро шедшій въ гору въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ почестямъ, богатству и отличіямъ, и тотъ не замедлилъ протянуть руку Виллиму Ивановичу: въ концѣ 1720 года онъ ужъ называетъ его „любезнымъ другомъ и братомъ“, и увѣряя, что по болѣзни не можетъ ѣхать въ Астрахань, убѣдительно проситъ Монса: „пожалуй, мой батюшка, донеси премилостивой матери, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ, что(бъ) сотворила со мною рабомъ своимъ милость, — ежели случится къ слову, чтобъ милостиво предстательствовала. Клянуся Богомъ, что не имѣю ни малой причины зачѣмъ бы могъ до сего времени здѣсь (въ Москвѣ) медлить“. А для усилія предстательства Волынскій дарилъ камеръ-юнкера не одними увѣреніями въ дружбѣ: онъ презентовалъ ему лучшую ло-

шадь изъ своихъ животовъ, и все это только для того, чтобъ тотъ „непремѣнно его въ своей милости и любви содержалъ“.

Все это были еще только простыя, такъ сказать безкорыстныя, заискиванья монсовой благосклонности; услуги, которыхъ у него просили, были неважны. Такъ было въ первые годы; затѣмъ, согрѣваемый любовью „премилостивой матери“, Монсъ не замедлилъ вмѣшаться въ дѣла болѣе важныя.

Мы видѣли, напримѣръ, выше, что онъ успѣлъ пожать нѣкоторые лавры при дворѣ вдовствующей герцогини курляндской; съ нею и ея приближонными онъ остался на всю жизнь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и митавскій дворъ имѣлъ въ Монсѣ сильнаго ходатая по разнымъ щекотливымъ и секретнымъ дѣламъ; такъ, въ 1719 году, когда нѣжный дядюшка герцогини курляндской Василій Федоровичъ Салтыковъ, въ бытность свою въ Митавѣ, грубо обходился съ племянницей; когда онъ совершенно бросилъ не разъ избиваемую имъ жену Александру Григорьевну (рожд. княжну Долгорукову), и та пріютилась подъ кровомъ герцогини Анны Ивановны [1]),— обѣ женщины сильно нуждались въ помощи Монса; камеръ-юнкеръ своимъ ходатайствомъ у Екатерины сильно противодѣйствовалъ оговорамъ Салтыкова; послѣдній, успѣвъ возбудить противъ племянницы ея мать, царицу Прасковью, не успѣлъ однако, по милости Монса, поссорить съ Анной Ивановной государыню; послѣдняя, напротивъ, вошла по этому поводу въ милостивую „корешпонденцію“ съ герцогиней, а избитой Александрѣ Григорьевнѣ выпросила у государя позволеніе остаться въ Варшавѣ, при ея отцѣ, полномочномъ русскомъ послѣ, князѣ Григорьѣ Ѳедоровичѣ Долгоруковѣ.

Старанія Салтыкова вытребовать ненавистную жену къ себѣ въ Петербургъ, безъ сомнѣнія на новыя кулачныя поученія, остались тщетны. Долгоруковъ, обрадованный вниманіемъ государыни, послалъ челобитье о разводѣ его дочери. Надо, чтобъ челобитная имѣла ходъ, чтобъ о ней кто-нибудь напоминалъ—и вотъ Александра Григорьевна Салтыкова проситъ намъ знакомую Матрену Ивановну Балкъ: „...извольте ко мнѣ отписать... обо всемъ пространно, котороя челобитная послана къ царскому величеству такожъ и все-

---

[1]) Весь этотъ „велій соблазнъ, наглушившій нетокмо Курляндію, но и Польшу“, разсказанъ въ нашемъ историческомъ очеркѣ: „Царица Прасковья“, гл. IV: „Нѣжный братецъ“. См. въ I-мъ томѣ нашихъ „Очерковъ и разсказовъ изъ русской исторіи XVIII в.“.

милостивой государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, извольте освѣдомиться и ко мнѣ отписать, какъ изволятъ принять? А я въ бѣдахъ своихъ инова предстательства не имѣю кромѣ ея величества; и нынѣ ко мнѣ пишутъ, что мужъ мой хочетъ на меня бить челомъ, что будто я его покрала и ушла; я этого не боюся: извѣстно всѣмъ въ Митавѣ, и много на то свидѣтелей сыщу, нетолько нынѣ что будетъ (?) я не имѣла (даже) въ чемъ (къ) батюшкѣ доѣхать, (и) принуждена была себѣ дѣлать (все) до послѣдней рубашки. Онъ увезъ съ собою ту бабу, которая за всѣмъ (у меня) ходила; она съ нимъ уѣхала. Съ собою ли они забрали (вещи), или у людей оставили, пускай его людей съ той бабою пытаютъ. Мнѣ (же) было ничего негдѣ брать, я уже была совсѣмъ обрана и отъ него разбита; токмо имѣла при себѣ нѣсколько изъ моихъ алмазовъ, и то у меня послѣднее ограбилъ. Какъ поѣхалъ въ Петербургъ, сказалъ мнѣ: ежели не дамъ, (то) хотѣлъ до смерти убить. Я ему съ великою радостью и то отдала. Только обобралъ и (все-таки) самъ (меня) билъ, на что есть свидѣтели. Впротчемъ остаюсь на милость вашу благонадежна, что по своему обѣщанію меня оставить не изволите".

„Паче (же) всего—писала она въ другой грамоткѣ къ тому же лицу—васъ прошу, гдѣ возможно упоминать въ милости ея величеству государынѣ царицѣ, въ чемъ на милость вашу безсумнѣнную надежду имѣю; такожъ прошу, матушка моя, извольте ко мнѣ писать пространнѣй, что изволите услышить въ дѣлѣ моемъ какое будетъ со мною милосердіе и какую силу будетъ съ противной стороны дѣлать" [1]).

Враждующія стороны принадлежали къ именитѣйшимъ фамиліямъ: на сторонѣ Василія Ѳедоровича Салтыкова была царица Прасковья, имѣвшая столь важное значеніе; на его же сторонѣ были родственники Салтыковыхъ—Ромодановскіе и многія другія, неменѣе знатныя, неменѣе сильныя по связямъ и значенію аристократическія семейства; притомъ же вся эта сторона была въ столицѣ, при дворѣ: тѣмъ осторожнѣе нужно было дѣйствовать Александрѣ Григорьевнѣ.

Матрена Ивановна Балкъ была для нея только посредницей; собственно письма Салтыковой къ Матренѣ Балкъ имѣли въ виду

[1]) Госуд. Архивъ. См. Приложенія, № V: 1, 2 и 3.

ея братца; тотъ и отвѣчалъ—русскими грамотками, излагая ихъ нѣмецкими буквами; письма эти не подписывались, и мало того, Виллимъ Ивановичъ, для большей предосторожности, писалъ ихъ въ женскомъ родѣ, въ видѣ отвѣтовъ своей сестры: „Здравствуй, матушка Александра Григорьевна... прошу васъ, мою государыню, чтобы я не оставлена была писаньемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье. Когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я (его) съ великой радостью воспринимаю, и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюся, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію и надѣюся, что вскорѣ послѣ праздника. Токмо васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокрушать объ ономъ дѣлѣ; все Богомъ будетъ исправлено, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и нивѣсть какъ сожалѣетъ объ васъ, такожде объ родителѣ вашемъ“ [1])...

Предосторожность, наблюдаемая въ формѣ и содержаніи писемъ, наблюдалась и при пересылкѣ кореспонденціи; она шла чрезъ гофмаршала митавскаго двора, Петра Михайловича Бестужева-Рюмина. Положеніе гофмаршала было несовсѣмъ прочно: какъ сторонникъ и Анны Ивановны, и Долгорукихъ, онъ имѣлъ сильныхъ противниковъ въ фамиліи Салтыковыхъ съ Ромодановскими и долженъ былъ прибѣгать къ дружескому заступничеству Монса. Вотъ почему онъ разсыпался въ предложеніяхъ услугъ: „Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрнымъ ко услугамъ вашимъ быть при вашей корошпанденціи. Извольте оныя письма ко мнѣ, при всепріятномъ вашемъ писаніи, присылать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранности отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно и весьма секретно содержать буду“ [2]).

Дѣло однако о разводѣ Александры Салтыковой не довелось окончить въ „добромъ состояніи“: противная партія слишкомъ была сильна, и Монсу было не вмочь еще побороть ее совершенно; супруги оставались разъѣхавшимися, но не разведенными...

---

[1]) Госуд. Архивъ, бумаги Монса. См. Приложенія, № VI.

[2]) Госуд. Архивъ. Приложенія, VII, 1.—Виллимъ Ивановичъ съ сестрою долго еще принимали участіе въ тяжбѣ кн. Г. Ѳ. Долгорукаго и его дочери съ Салтыковымъ; такъ, около 1721 года, Матрена писала къ брату: „объявляю любезному братцу, что отецъ нашего добраго друга (т. е. кн. Григорій Ѳедор. Долгоруковъ) къ намъ пріѣхалъ и зѣло изрядно принятъ отъ царя, такожъ и отъ царицы“.

Успѣшнѣе было ходатайство Виллима Ивановича, одновременно съ этимъ дѣломъ, за Іоанна-Эрнеста-Бирона.

Человѣкъ незнаемый, принадлежавшій къ „бѣдной фамиліи, не смѣвшей къ шляхетскому стану мѣшаться", Биронъ въ молодости оставилъ родину и поселился въ Кенигсбергѣ для слушанія академическихъ курсовъ; лѣнивый, неспособный, онъ вдался въ распутство и въ 1719 году попалъ въ тюрьму за участіе въ уголовномъ преступленіи; девять мѣсяцевъ томился онъ въ тюрьмѣ, послѣ чего былъ выпущенъ съ обязательствомъ или уплатить 700 рейхсталеровъ штрафу, или просидѣть три года въ крѣпости.

Монсъ еще въ бытность свою въ Кенигсбергѣ, во время хлопотъ по дѣлу сестры своей Анны фонъ-Кейзерлингъ, познакомился съ молодымъ развратникомъ. Знакомство это, не дѣлавшее чести Виллиму Ивановичу, было спасительно Іоанну-Эрнесту. Теперь, когда надъ послѣднимъ грянула гроза, Монсъ вспомнилъ о пріятелѣ и, чрезъ посредство посланника барона Мардефельда, исходатайствовалъ ему у короля прусскаго прощеніе. Оставивши Кенигсбергъ, Биронъ отправился въ Россію, въ обѣихъ столицахъ ея встрѣтилъ къ себѣ полное пренебреженіе, но въ Митавѣ, при дворѣ вдовствующей герцогини Анны Ивановны, ему улыбнулась фортуна.

Такъ одинъ фаворитъ-нѣмецъ, на зло и продолжительныя бѣдствія своему новому отечеству, спасалъ отъ гибели другого нѣмца. Можно положительно сказать, что не явись Монсъ заступникомъ,— Биронъ, разъ ставши на дорогу безпутства и разврата, сгинулъ бы въ прусскихъ тюрьмахъ [1]).

---

[1]) Какъ эти, такъ и вышеприведенныя извѣстія мы почерпнули изъ документовъ Государственнаго Архива, въ подлинныхъ письмахъ къ Монсу. Вотъ ихъ перечень:

1716 г. 23 марта, писарь Андрей Ивановъ—Гданскъ.

1717 г. 24 января, Дмитрій Шепелевъ—Шверинъ; 18 марта, Семенъ Федоровъ—Ростокъ; 3 августа, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ—Гамбурхъ (Прилож. IV); 16 августа, Матвѣй Олсуфьевъ—Амстердамъ.

1718 г. 16 іюня, Матвѣй Олсуфьевъ—Петергофъ; 25 октября, подорожная дому царскаго величества порутчику Вилиму Монсу на 12 подводъ отъ Новгорода до Спб.

1719 г. 26 марта, Иванъ Измайловъ; іюня, кн. Александръ Черкасской, съ корабля; 17 октября, Александра Салтыкова, рожд. княжна Долгорукова—Варшава; она же отъ неизвѣстнаго числа и года (письма эти см. въ Прилож. V, 1, 2). Отвѣтъ ей В. Монса, неизв. числа и года (см. въ Прилож. VI); 2 ноября, Петръ Бестужевъ-Рюминъ—Митава (см. Прилож. VII, 1).

Мы бы крайне утомили нашихъ читателей, еслибы повели ихъ за спасителемъ Бирона во всѣхъ его переѣздахъ при государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1721, 1722 и 1723 годахъ; не для чего заходить намъ и въ асамблеи, становиться въ маскарадныя процесіи, приглядываться на пирахъ къ стоящимъ за стульями высокихъ персонъ камеръ-юнкерамъ и къ деньщикамъ, чтобъ отличить въ ихъ числѣ сіяющаго довольствомъ, счастіемъ, красотой— вѣчно-франтоватаго Монса. Мы не займемъ мѣста ни въ одномъ изъ богато-убранныхъ бауровъ, длинной лентой вытягивающихся къ Катерингофу: то увеселительная прогулка; будьте увѣрены, что въ ней участвуетъ Монсъ. Вотъ онъ стоитъ на рѣчномъ суднѣ, сзади величественной своей патроны: полюбуйтесь, какимъ стройнымъ щеголемъ выглядываетъ онъ: кафтанъ дорогого бархата съ серебряными пуговицами обхватываетъ стройный станъ камеръ-юнкера; кафтанъ отороченъ позументомъ; серебряная лента замѣняетъ поясъ; на ногахъ шолковые чулки и башмаки съ дорогими пряжками; подъ кафтаномъ жилетъ блестящей парчи, на головѣ щегольски наброшена пуховая шляпа съ плюмажемъ; все это съ иголочки, все это прибрано со вкусомъ... [1]).

Рѣчное катанье смѣняется прогулкой въ „огородѣ“, т. е. въ лѣтнемъ саду. Вотъ близь романическаго грота, въ тѣни аллей лѣтняго сада музыканты маленькаго, невзрачнаго и вѣчно **веселаго**, т. е. на веселѣ, герцога голштинскаго услаждаютъ слухъ высшаго общества; слушаетъ и Катерина; она милостиво протягиваетъ руку къ Монсу и кладетъ туда нѣсколько червонцевъ—то награда му-

1720 г. 14 іюня, Артемій **Волынскій**—Спб; 30 декабря, онъ же—Москва (оба письма см. въ Прилож. VIII, 1, 2).

1721 г. 25 іюля, I. Э. **Биронъ** къ Монсу—Митава (письмо это напечатано въ статьѣ К. И. **Арсеньева**: „Царствованіе Екатерины I“, стр. 241).

[1]) Въ приложеніяхъ мы помѣстили извлеченную изъ дѣлъ архива министерства юстиціи, въ Москвѣ, подробную опись гардероба Виллима Монса. Изъ нея видно, что гардеробъ „лейтенанта л.-г. Преображенскаго полка и каммеръ-юнкера двора государыни царицы“ былъ весьма богатъ и разнообразенъ и далеко превышалъ средства его содержанія: на 47 руб., получавшихся имъ **въ треть** отъ полка, въ рядахъ котораго Монсъ числился, и около 2,000 руб., получавшихся имъ въ годъ изъ дворцовыхъ суммъ царицы, даже и по тому времени, когда деньги были въ десять кратъ дороже нынѣшнихъ, едва ли возможно было держать такой обширный и богатый гардеробъ, какой имѣлъ герой нашего разсказа. Очевидно и тутъ только презенты множества лицъ, къ нему обращавшихся, „по дѣламъ иль нуждамъ до милости царицы“, служили Монсу важнымъ подспорьемъ.

зыкантамъ. Монсъ несетъ, по ея порученію, кубокъ венгерскаго къ тому или другому изъ гостей; Монсъ доноситъ ей въ какомъ расположеніи духа государь, гдѣ онъ сидитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, куда отправляется; волей-неволей Монсъ всегда и вездѣ при „великомъ свѣтилѣ“, къ которому онъ, говоря его стихотвореніемъ, „воспылалъ любовью, межъ тѣмъ какъ долженъ былъ только его уважать“.

Есть ли фактическія, документальныя, свидѣтельства объ этой любви?

Такихъ свидѣтельствъ нѣтъ; но что Монсъ безспорно владѣлъ въ это время сердцемъ Катерины Алексѣевны, объ этомъ можно судить изъ того необыкновеннаго значенія, какое получилъ онъ при ея дворѣ. Это значеніе, власть и сила сознавались уже всѣми не только знатными придворными, но даже послѣдними изъ дворцовыхъ служителей и служительницъ; всѣ какъ нельзя лучше видѣли источникъ этой силы: онъ заключался въ любви къ нему Екатерины.

Переберемъ ворохъ писемъ къ Виллиму Ивановичу за эти годы, и мы въ шумихѣ льстивыхъ завѣреній въ дружбѣ, любви и уваженіи къ Монсу—не только со стороны птенчиковъ, но уже со стороны крупныхъ птенцовъ Петра—найдемъ несомнѣнное доказательство, что всѣ эти завѣренія, обѣщанія, наконецъ, взятки не могли расточаться обыкновенному любимцу: то былъ уже настоящій фаворитъ, владѣвшій не только сердцемъ, но и волей своей обожательницы [1]).

---

[1]) Представляемъ перечень лицъ, обращавшихся съ разными—донынѣ сохранившимися въ дѣлахъ Государственнаго Архива въ С.-Петербургѣ—письменными просьбами къ Виллиму Монсу съ 1721 по 1723 годъ включительно:

Афонасьевъ, гвардіи капит. Альбрехтъ, дворц. служитель Астафьевъ, Н. Б., писецъ Бунинъ, конюхъ царицы Большовъ, фонъ-деръ-Бургъ, гофмаршалъ герцогини Анны Ивановны—Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ (Прилож. № VII, 1, 2), посолъ въ Гамбургѣ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, камеръ-юнкеръ Петръ Балкъ, помѣщикъ Воробьевъ, кн. Андрей Вяземскій, помѣщица вдова Васильева, русскій посолъ въ Персіи и губернаторъ въ Астрахани Артемій Волынскій, помѣщикъ Волковъ, Вороновъ, сынъ сибирскаго губернатора князь А. Гагаринъ, кондитеръ Гримкенъ, крестьянинъ Гордѣевъ, оберъ-полиціймейстеръ московскій Грековъ, помѣщики Горскіе, посолъ въ Берлинѣ Михаилъ Головкинъ, корабельный мастеръ Гордлій, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, Дедковскій, ростовскій архіерей Дашковъ, капитанъ Игнатьевъ, посолъ въ Китаѣ Левъ Измайловъ, подполковникъ Козловъ, служ. Кондратьевъ, иноземецъ

Общій характеръ почти двухъ съ половиною сотенъ писемъ, полученныхъ Монсомъ за три года—1721—1723 гг.—и дошедшихъ до насъ, это—необыкновенное предъ нимъ униженіе просителей. Униженіе слышно въ тонѣ просьбы, видно въ подписи, въ обращеніяхъ: истопники, дворцовые конюхи, лакеи, посадскіе люди, торговые гости, иноземцы, фабриканты, помѣщики, помѣщицы, люди служилые, чиновники, дьяки, арміи и гвардіи офицеры, священники, архимандриты, архіереи, губернаторы, резиденты и полномочные русскіе послы при разныхъ дворахъ, наконецъ высшіе государственные чины и представители знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ фамилій,—всѣ эти лица столь различныхъ степеней по происхожденію, богат-

---

Куперъ, служ. Кругликовъ, управляющій Карцовъ, Василій Корчминъ (любимый гвардіи офицеръ Петра I), купецъ-иноземецъ Гапманъ, Лапотниковъ—житель города Черкасска, саксон. послан. Лефортъ, купецъ-иноземецъ Люпсъ, управляющ. дворцовыми имѣніями Литвиновъ, командиръ корабля Степанъ Вас. Лопухинъ, куп. Малевинскій, Минигаузена, фонъ Менгденъ, значительные придворные: Семенъ Афанасьевичъ Мавринъ, Василій и Петръ Мошковы; знатные чиновники кабинета ея величества: Семенъ Нарышкинъ, кн. Юрій Одоевскій, помѣщикъ Отяевъ, архимандритъ Писаревъ, помѣщ. Протасьевъ, придворн. Полозовъ, поручикъ Пушкинъ, Григорій Палибинъ—комендантъ и главный управитель имѣніями царицы, Пазуловъ—придворный, ювелиръ, придворный Ропентинъ, дьякъ Рукинъ, Сорокинъ, Салтыкова, Сухотинъ, серебр. дѣлъ мастеръ Суринъ, купецъ Стеръ, Спицынъ, поручикъ Супоневъ, Петръ Салтыковъ, кн. Никита Трубецкой, знатный нѣмецъ Фовтронъ, Густавъ Функъ—родственникъ и другъ Монса, купецъ-иноземецъ Хозуй, морякъ Чагинъ, придворн. Черновъ, Дмитрій Чернышовъ—придворн. при царевнахъ, кн. Александръ Черкасскій — морякъ, Дмитрій Шепелевъ—„путевой маршалъ" двора Екатерины, Иванъ Максимовичъ Шуваловъ—комендантъ города Выборга (одно изъ его писемъ см. въ Прилож. № IX), Владиміръ Шереметьевъ, жена канцлера Шафирова, поручикъ Штовской, Ѳедоръ Юшковъ, кн. Сергѣй Юсуповъ, наконецъ разные купцы и подрядчики иноземные.—Всѣ эти письма на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, есть нѣсколько на англійскомъ и голландскомъ; послѣднія отъ купцовъ и подрядчиковъ разныхъ товаровъ двора Екатерины. Большая часть писемъ на русскомъ языкѣ; ихъ читалъ Монсу его секретарь Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Громадность корреспонденціи Монса вызвала необходимость образовать цѣлую канцелярію, въ которой заправлялъ дѣлами Столѣтовъ. Письма и просьбы на имя Виллима Ивановича приходили съ разныхъ городовъ: изъ Москвы, Гельсингфорса, Выборга, Риги, Ревеля, Митавы, Варшавы, изъ внутреннихъ городовъ Россіи, изъ отдаленной Астрахани, Черкасска, Казани, изъ Сибири; наконецъ нѣкоторыя письма шли изъ-за-границы—изъ Вѣны, Берлина, Гамбурга, Стокгольма, Парижа, Лондона и изъ Персіи; то были письма отъ лицъ, состоявшихъ при нашихъ посольствахъ, или отъ купцовъ иноземныхъ.

ству и образованію—не стыдились (платя дань своему времени) льстить и принижаться предъ любимцемъ.

Какіе разнообразные эпитеты и громкіе титулы прилагались къ имени Монса: отъ словъ: „высокоблагородный патронъ" до „ваше премилосердое высочество!" Такъ, Монса называли его кліенты и имѣвшіе въ немъ нужду: „его превосходительствомъ", обѣщаютъ „за него Бога молить", признаютъ въ немъ „единаго въ свѣтѣ милостивца", съ нимъ едва „дерзаютъ говорить", слухъ его утруждаютъ просьбишкой, простолюдины бьютъ челомъ съ обычными эпитетами: „отецъ ты нашъ батюшка, Виллимъ Ивановичъ!" или: „премилостивый государь, сотвори ты надъ нами наиудивительную милость", „не дай, батюшка-свѣтъ, въ конецъ раззориться". Помѣщики да чиновники ставили въ оголовкахъ длиннѣйшее обращеніе: „благородному, высокопочтенному господину, господину капитану, милостивому моему отцу и государю Виллиму Ивановичу"; высшіе сановники писали проще: „добрый пріятель", „сердечный, наивѣрнѣйшій другъ и братъ Виллимъ Ивановичъ"; наконецъ „высокографскимъ сіятельствомъ" и „премилосердымъ высочествомъ" именовали его нѣкоторые изъ голодныхъ иноземцевъ, пріѣзжавшихъ на разживу въ гостепріимную Московію, только что возведенную на „превысочайшую степень" имперіи Россійской.

Въ чемъ состояли эти письма? Тутъ были простыя напамятованія о себѣ и обѣщаніяхъ Монса похлопотать по разнымъ дѣламъ; тутъ были сообщенія различныхъ политическихъ новостей для сообщенія при случаѣ государынѣ; затѣмъ бóльшая часть писемъ состояла изъ прошеній родителей за своихъ дѣтей, поступавшихъ на службу, причемъ пишущій считалъ нужнымъ сказать: „ежели Богъ очи ваши сподобитъ государя моего видѣть, то почтусь, по своей возможности, вамъ, государю моему, отслужить!"

Множество было прошеній о мѣстѣ, чинѣ, наградѣ, отпускѣ, увольненіи отъ смотра, отъ службы, освобожденіи отъ повинностей, изъ-подъ ареста, о переверщеніи суднаго дѣла въ той или другой коллегіи, о заступничествѣ отъ кредиторовъ, объ остановкѣ въ исполненіи приговора, просьба о большомъ займѣ изъ суммъ государыни на основаніе фабрики, просьбы объ исходатайствованіи прощенія ссыльнымъ или возвращенія описанныхъ имѣній родственникамъ, просьбы объ исходатайствованіи губернаторства или нѣсколькихъ сотенъ крест-

янскихъ дворовъ со всѣми угодьями, просьбы о заступничествѣ предъ какими-нибудь сильными міра тогдашняго, напримѣръ предъ Никитой Ивановичемъ Рѣпнинымъ, Ив. Ив. Бутурлинымъ, Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, Дмитріемъ-Мамоновымъ, Брюсомъ, Нарышкиными, Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ: „они де для вашей просьбы все могутъ сдѣлать; не оставь своей милостью, за что вамъ государю моему рабски служить готовъ вамъ"; просьба закрѣплялась иногда такого рода подписью: „тягловой вашъ крестьянинъ подполковникъ Козловъ падъ до лица земли, премного челомъ бью".

Просьбы по дѣламъ особенно важнымъ и щекотливымъ высказывалъ словесно податель письма; такъ обыкновенно дѣлали знатнѣйшія какъ „мужскія, такъ и женскія персоны", просьбы которыхъ нерѣдко относились до дѣлъ семейныхъ. Нерѣдко также письмо состояло изъ незначительныхъ фразъ, но тутъ же прикладывалась цидулка безъ подписи; въ ней вкратцѣ излагалась просьба и называлcя подарокъ за ея исполненіе.

Послѣднія цидулки съ изложеніемъ подарковъ были особенно дороги Виллиму Иванычу; подарки подогрѣвали его ходатайство и рѣдкое прошеніе, подкрѣпленное не только настоящимъ презентомъ, но даже простымъ обѣщаніемъ взятки, оставляемо было имъ безъ вниманія. Монсъ, какъ увидимъ, брался хлопотать, въ уваженіе подарковъ, по дѣламъ весьма важнымъ и труднымъ: такъ, онъ хлопоталъ, и не безуспѣшно, за освобожденіе разныхъ сосланныхъ аристократовъ по дѣлу царевича Алексѣя; онъ выхлопатывалъ жалованныя грамоты на торговлю; онъ ставилъ даже—трудно повѣрить, а это было такъ—вице-президентовъ, и т. п.! И все то за „превеликіе презенты".

Но обратимся къ письмамъ и остановимъ вниманье нашихъ читателей на грамоткахъ болѣе интересныхъ [1]).

[1]) Госуд. Арх., бумаги по дѣлу Монса. Рѣдкую изъ грамотокъ или цидулокъ мы приводимъ въ текстѣ настоящаго нашего очерка цѣликомъ; мы извлекаемъ только характеристическія строки, а письма интереснѣйшія—по тону ли, по содержанію, по обстоятельствамъ, изъ-за которыхъ они писались, или наконецъ по личности писавшаго,—помѣщаемъ въ Приложеніяхъ. См. №№ IV, VII, VIII, IX, X и проч. Равнымъ образомъ въ приложеніяхъ помѣщаемъ мы одинъ изъ „экстрактовъ" изъ челобитень 1723 г., составленный правителемъ канцеляріи Монса—Егоромъ Столѣтовымъ. Какъ кажется, въ экстрактъ вошли только такія просьбы, которыя шли отъ людей безвѣстныхъ Монсу,

„Прошу я у тебя, высокопочтенный государь мой Виллимъ Ивановичъ,—пишетъ камеръ-пажъ Павловъ, молодой человѣкъ, безпутный, но богатый, дарившій Монса разными подарками, какъ-то: золотыми часами и проч., и потому терпимый на службѣ при государынѣ:—прошу я тебя, пожалуй не оставь меня въ своей милости, какъ ты, мой государь, началъ меня по своему милосердію жаловать; и больше ни о чемъ не прошу, только пожалуй, мой государь Виллимъ Ивановичъ, не оставь меня въ своей милости".

„...Не оставьте меня въ великой моей нуждѣ,—вопіетъ ювелиръ Рокентинъ, угодившій впослѣдствіи, какъ увидимъ, подъ кнутъ,—ибо я не знаю какъ отдѣлаться отъ притѣсняющихъ меня кредиторовъ. Будьте милосерды и помогите мнѣ, Богъ за это васъ наградитъ!"

„И господинъ полковникъ соизволилъ сказать,—молитъ арміи поручикъ,—чтобъ я о рангѣ моемъ покорно, слезно просилъ бы васъ, премилосердаго моего государя, и я рабски, всенижайше, покорно, слезно прошу вашего милосердія, покажите надо мною свою высокую милость".

„Ваше превосходительство всюду пріобрѣли славу великодушія,—такъ писали Монсу заѣзжіе нѣмцы, искавшіе теплаго мѣстечка на Руси:—слава вѣщаетъ о томъ великодушіи, съ какимъ вы являете помощь всѣмъ нуждающимся. Поэтому ваше превосходительство не осудите меня, если я дерзаю сказать, что вотъ уже семнадцать мѣсяцевъ какъ я живу въ Петербургѣ, не имѣю средствъ къ пропитанію" и проч. „Не оставьте! Богъ да возблагодаритъ васъ за высокое великодушіе ваше", и проч.

Съ этими же мольбами представляется въ передней у Монса депутація изъ города Риги; но кромѣ небесной награды, она обнадеживаетъ его въ ближайшей, земной, ихъ благодарности. Депутація проситъ ходатайствовать по дѣлу компаніи Черныхъ головъ...

— „И такъ какъ вы—пишутъ они въ челобитьѣ къ Монсу—вѣроятно обременены важнѣйшими дѣлами, то мы, опасаясь, чтобъ

либо отъ сѣраго народа, который его не интересовалъ. Не видать, чтобы онъ поторопился доложить царицѣ по просьбамъ, вошедшимъ въ этотъ именно экстрактъ. Тѣмъ не менѣе онъ довольно характеристиченъ для знакомства съ бытомъ русскаго общества въ эпоху Петра I вообще и съ населеніемъ Петербурга и его нуждами, за описываемое время, въ особенности.

наше дѣло не было бы предано забвенію, осмѣливаемся всепокорнѣйше повторить нашу просьбу о представленіи всего дѣла его (?) императорскому величеству, ибо безъ всемилостивѣйшаго покровительства государя наше учрежденіе, существовавшее столько вѣковъ, должно рушиться. Въ надеждѣ, что по вашему ходатайству наша компанія удостоится... и проч. мы имѣемъ честь увѣрить васъ, что обѣщанная нами благодарность будетъ въ точности исполнена".

Подобная благодарность заявлялась Виллиму Ивановичу въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; такъ, напримѣръ, нѣкто Иванъ Никитичъ Хитрово, видя, что тяжба его съ какимъ-то Дашковымъ о наслѣдствѣ по духовному завѣщанію одной изъ царевенъ вершается въ юстицъ-коллегіи въ пользу его противника, поспѣшилъ обратиться къ Монсу; далъ ему росписку въ пятистахъ рубляхъ, будто-бы у него занятыхъ; слѣдствіемъ подобнаго займа было то, что дѣло перенесено сначала въ Преображенскій приказъ къ доброжелательному къ Монсу—Ромодановскому, а потомъ въ кабинетъ его царскаго величества, въ распоряженіе благопріятеля Монса, Алексѣя Васильевича Макарова; нечего и говорить, что тяжба перевершена какъ того нужно было заимодавцу.

Богатый негоціантъ изъ города Риги нѣсколько разъ былъ требуемъ въ Петербургъ для предъявленія въ бергъ-коллегію состоявшей на немъ и его товарищѣ недоимки; требованія были настойчивы. Негоціантъ слезно восплакался предъ камеръ-юнкеромъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ довольно искренно объявилъ: „И когда стараніемъ вашимъ избавленъ буду отъ своей напасти, то прошу покорно вложенную цидулку принять и къ кому изволите оную прислать, готовъ исполнить; токмо и паки прошу васъ со слезами, чтобъ (прошенія моего) не забыть" и проч.

Цидулка не сохранилась, но, безъ сомнѣнія, то была росписка въ родѣ предъидущей, или какой-нибудь переводъ денегъ на другого негоціанта.

Между тѣмъ умираетъ богатый помѣщикъ Мартемьяновъ; онъ послѣдній въ родѣ, имѣніе его выморочное, онъ завѣщаетъ его дальнему родственнику, школьнику Камынину. Провинціалъ фискалъ протестуетъ, московскій надворный судъ препровождаетъ дѣло съ неблагопріятнымъ для Камынина заключеніемъ въ сенатъ; по

указамъ, деревни покойника никакъ не попадутъ наслѣднику: онѣ поступятъ въ казну. Къ кому обратиться, чтобъ направить дѣло къ желанному исходу? Разумѣется къ Монсу.

И вотъ пишутъ мать и отецъ школьника—просятъ, чтобъ переименовали ихъ сына хотя въ Мартемьянова, только чтобъ имѣніе-то ему досталось; предлагаютъ ходатаю разные гостинцы: кошельки, колпакъ вышитый, тканый камзолъ, и даже тысячу рублей; „пожалуй, мой батька, что мы обѣщали, того изволь съ насъ хотя вдвое (взять)...“, только „невозможно-ль, батюшка Виллимъ Ивановичъ, сына нашего взять изъ школы къ дому царицы-государыни, и я къ тебѣ-бъ вручила его за служителя; и прошу милости, чтобъ дѣло (его о наслѣдствѣ) взять въ свой кабинетъ, къ секлетарю“.

Устарѣлъ и одряхлѣлъ на службѣ при дворѣ одинъ изъ служителей Екатерины Алексѣевны, Отяевъ; захотѣлось ему вырваться въ отставку; добылъ онъ медицинское свидѣтельство, что де „армейскую и гварнизонную службу служить ему трудно“, но отставки нѣтъ. Хлопочетъ онъ о ней, шлетъ рядъ писемъ къ Монсу, и наконецъ вкладываетъ въ одно изъ нихъ цидулку безъ подписи: „о которомъ дѣлѣ до васъ, моего милостиваго государя, покорное прошеніе мое было, и нынѣ чрезъ сіе паки прошу: сотвори со мною милость, изволь доложить прошеніе не умедля, за что обѣщаю въ презентъ сто червонныхъ; во увѣренье же сего“ и т. д.

Левъ Измайловъ, одинъ изъ птенцовъ Великаго, посланъ былъ по указу на границу китайскую; предъ отъѣздомъ въ дальнюю командировку, Измайлову нужно было обдѣлать кой-какія дѣла и, между прочимъ, добиться указа на деревни, сначала отнятыя, потомъ возвращенныя Петру Измайлову, одному изъ его братьевъ.

„Надѣяся быть скоро отправленъ,—пишетъ посолъ къ нашему герою, — со слезами васъ прошу напомнить милостивое ваше мнѣ обѣщаніе, чтобъ мнѣ вѣчно не остаться безо всего въ моемъ бѣдномъ несчастіи. Прошу, батюшка, сотворить милость, дать указъ на деревни..., а что вамъ обѣщалъ (братъ) тысячу рублевъ, у меня готова и моя тысяча вмѣстѣ; пожалуй, отецъ нашъ, не оставь насъ бѣдныхъ, за что весьма останемся рабами“.

И крупная цифра повторяется въ трехъ письмахъ того же Измайлова, обѣщаніе презента повторяется съ тою же наивностью, весьма характеристичною относительно своего времени и общества.

Монсъ не затруднялся мѣшаться даже въ дѣла духовенства и

являлся усерднымъ ходатаемъ за тѣхъ пастырей и архипастырей, которыхъ постигало какое-либо бѣдствіе, въ родѣ неожиданнаго, напримѣръ, знакомства съ тайной канцеляріей и т. п.; подобное заступничество нѣмца, нечего и говорить, было далеко небезкорыстное.

Такъ, въ апрѣлѣ 1722 года, встряхнулась бѣда надъ архимандритомъ троицко-сергіевой обители Тихономъ Писаревымъ.

„Былъ де онъ въ прошлыхъ годѣхъ въ домѣ суздальскаго архіерея казначеемъ,—такъ доносилъ келейникъ архимандричій,— и въ ту де свою бытность Писаревъ ходилъ въ Покровскій дѣвичъ монастырь съ подносами кланяться неоднократно къ бывшей царицѣ Евдокіи. Называлъ ее Писаревъ царицею, писалъ письма къ бывшему ростовскому епископу Досифею, что разстрига Демидъ, и онъ, разстрига, къ нему, Писареву, письма отъ себя писывалъ же“ [1]).

Словомъ, обвиненіе по тому времени было весьма серьозное; дѣло отзывалось пыткой, ссылкой, быть-можетъ рваньемъ ноздрей и каторгой; все это казалось тѣмъ скорѣе должно было быть, что отецъ архимандритъ не возмогъ вполнѣ опровергнуть своего келейника. Дѣло протянулось съ годъ; въ это время какъ члены синода, судившіе первоначально Писарева, такъ затѣмъ и „инквизиторы“ тайной канцеляріи передопросили разныхъ лицъ, замѣшанныхъ по суздальскому розыску 1718—1722 годовъ, и составили о нихъ выписку. Почти всѣ они дорого поплатились за свое преступленіе; казалось пречестный архимандритъ не будетъ исключеніемъ; онъ и самъ сознался: „въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ у бывшей царицы монахини Елены былъ дважды: руку ея цѣловалъ, видѣлъ ее въ мірскомъ платьѣ, царицей признавалъ и въ священнослуженіи, и въ обществѣ, гдѣ имя благовѣрныхъ царицъ воспоминалося,—тутъ и ея, бывшей царицы, имя, по мнѣнію моему, заключалось; а то мнѣніе держалъ я не отъ вымыслу, но съ простоты... Я же для почтенія послалъ къ ней свѣжихъ щукъ да судаковъ пять рыбъ чрезъ ключаря Ѳедора Пустыннаго; да по присылкѣ отъ нея послалъ къ ней два ушата карасей, наловя ихъ въ архіерейскихъ прудахъ“.

И при всемъ томъ, столь неумолимые судьи-„инквизиторы“, какими мы знаемъ Петра Андреевича Толстого да Андрея Ивано-

---

[1]) Госуд. Архивъ, дѣла Тайной Канцеляріи, картонъ VII, дѣло 19.

вича Ушакова, нашли: отецъ-де архимандритъ истязанію не подлежитъ, и учинить его изъ-подъ караула свободнымъ, понеже онъ невиненъ!

Заглянемъ за кулисы, за канцелярскія отношенія и протоколы, и мы увидимъ ради чего спина отца архимандрита не обагрилась кровью; ради чего не довелось ему извѣдать каторги или, по меньшей мѣрѣ, „тѣснаго нужнаго заточенія“ въ Соловкахъ.

Отецъ архимандритъ имѣлъ достаточекъ и кой-какія связи; благодаря тому и другому, онъ ударилъ челомъ Виллиму Ивановичу Монсу 1000 рублями, взятыми, впрочемъ, изъ монастырской казны, и, по его вѣроятно совѣту, написалъ слезное моленіе о защитѣ къ Василію Петровичу Поспѣлову.

Это былъ любимѣйшій деньщикъ государя; онъ могъ бы и ходатайствовать по разнымъ дѣламъ, „улуча добрый часъ“, могъ бы и брать за это немалые „посулы“, но онъ этого не дѣлалъ. Причинами подобнаго бездѣйствія въ то время, когда все и вся кругомъ брало и обманывало, былъ личный характеръ Поспѣлова: это былъ не столько честный, сколько беззаботнѣйшій, простодушный малый, записной охотникъ, весельчакъ и велій пьяница [1]); онъ былъ счастливъ любовью къ нему государя и рѣдко совался къ нему съ разными ходатайствами.

Зато онъ и не мѣшалъ другимъ ходатаямъ. За кружками пива и чарками водки, за своими собаками, съ которыми любилъ на досугѣ возиться, Поспѣловъ не видѣлъ разныхъ своекорыстныхъ происковъ Монса; такъ и въ дѣлѣ объ архимандритѣ Писаревѣ, не столько радѣніемъ Поспѣлова, сколько ловкостью Виллима Ивановича, оживленнаго громаднымъ, по тому времени, презентомъ, приговоръ состоялся совершенно милостивый. Любопытно, что камеръюнкеру не довелось воспользоваться архимандричьимъ подносомъ. Деньги были взяты отцомъ Тихономъ изъ монастырской казны; тамъ скоро хватились ихъ, и перепуганный Балкъ, свѣдавъ о томъ, писалъ Виллиму Ивановичу:

[1]) Берхгольцъ. I, 56, 57; т. II, 304; т. III, 78, 127, 135, 220. Въ комнатахъ Петра висѣла картина работы знаменитѣйшаго въ то время живописца Данненгауера, на которой изображенъ былъ Поспѣловъ (человѣкъ весьма невзрачный) во весь ростъ, нагой, въ позѣ фехтующаго. Картина эта, по замѣчанію Берхгольца, сдѣлана была потому, что царскій фаворитъ отличался необыкновенно сильнымъ развитіемъ мускуловъ.

„Объявляю вамъ, что троицкой (архимандритъ) у меня былъ; вы знаете кто, и хочетъ, чтобъ ему назадъ было отдано, для того, что большіе у него того спрашиваютъ, куды онъ то спряталъ, ибо онъ изъ той суммы взялъ. Онъ зѣло боится и, можетъ быть, что онъ скажетъ, и проситъ на двѣ недѣли сроку, а васъ проситъ для-бога, чтобъ скорѣе ему отдали, понеже ежели старики свѣдаютъ, то они тотчасъ царю скажутъ. И для того и я васъ прошу. Доношу вамъ, что у него все взято̀, что онъ имѣетъ (за) душею и тѣломъ, и онъ васъ проситъ, что ежели вы можете ему вспомощи, то вспомогите".

Тотъ не торопился вспомогать: жаль было разстаться съ деньгами, а между тѣмъ „старцы наибо̀льшіе" сильно поприжали отца Тихона запросами недостающихъ денегъ. Положеніе и давшаго взятку, и принявшихъ было щекотливое: дѣло могло получить огласку, дойдетъ до государя... и въ страхѣ при одной мысли о подобномъ несчастіи, Петръ Ѳедоровичъ Балкъ вновь пишетъ къ дядюшкѣ:

„Я васъ для-бога прошу, отпишите о деньгахъ, гдѣ мнѣ ихъ взять? А матушка (Матрена Балкъ) уже деньги отдала [1]), только не знаетъ, гдѣ на васъ занять, понеже я слышалъ, что они уже ищутъ, куды онъ деньги спряталъ, и какъ онъ такъ въ милость пришелъ, что вы за него стоите? И они нѣчто догадываются и хотятъ прямо вѣдать, и хотятъ прямо объявить. Вы вѣдаете, что сіе зѣло худо. Еще есть время, ежели вы ко мнѣ указъ пришлете, гдѣ мнѣ деньги взять? Я васъ прошу для-бога, не мѣшкайте и сдѣлайте поскорѣе, понеже онъ самъ мнѣ говорилъ, что „ежели де я вскорѣ не получу, то я и не знаю, какъ мнѣ отвѣтствовать". И онъ говоритъ, что они его будутъ столько мучить, что онъ принужденъ будетъ правду сказать. И то не добро будетъ. Того ради сдѣлайте поскорѣе для-бога. Не имѣетъ ли Шепелевъ здѣсь денегъ отъ императрицы, то вы пришлите указъ... Прошу не оставьте своимъ письмомъ... какъ то дѣло происходитъ? Вы, дядюшка, можете разумѣть, о чемъ я съ вами говорилъ".

Дядюшка дѣйствительно выразумѣлъ, что дѣло зѣло не къ добру, и деньги были возвращены; отецъ архимандритъ обѣщалъ возвратить ихъ черезъ двѣ недѣли съ 500 руб. прибавки. Выполнилъ ли онъ обѣщаніе—не знаемъ.

Извѣстно же то, что Монсъ, обще съ сестрой и племянникомъ,

---

[1]) То есть отдала взятку, особо полученную ею отъ архимандрита Тихона.

брались перевершать и вершить дѣла такія, какія не рѣшался даже чинить сенатъ, „понеже учинило бы то въ городѣ конфузію“ [1]).

Ходатайства государынинаго фаворита до такой степени вызывали довѣріе къ его силѣ со стороны многихъ персонъ высокаго сана, что ростовскій архіерей, членъ святѣйшаго синода, Юрій Дашковъ, по смерти Стефана Яворскаго, рѣшился обратиться къ Монсу съ слѣдующею, въ высшей степени оригинальною, просьбою; она написана была въ видѣ письма, но безъ подписи, и дошла до насъ не вполнѣ:

„Милостивой мой благотворитель—писалъ преосвященный Георгій—Виллимъ Ивановичъ! Понеже я вашимъ снисхожденіемъ обнадеженъ, того ради покорне прошу, не оставьте нашего прошенія въ забвеніи: первое, чтобъ въ синодѣ быть вицъ-президентомъ; аще вамъ сіе здѣлать возможно, зѣло бы надобно намъ сей вашъ трудъ! Ежели сего вамъ невозможно, то на Крутицкою эпархію митрополитомъ, и то бы не трудно здѣлать, понеже нынѣ туда кому быть на Крутицахъ ищутъ. Того ради, изволъте воспомянуть, чтобъ кого инаго не послали, понеже сими часы оное дѣло... наноситца... (а) мнѣ въ семъ самая нужда, чтобъ изъ двухъ сихъ: или въ Сѵнодъ, или на Крутицы весьма надобно. А что васъ такъ трудую, и въ томъ не зазрите, понеже сими числы готовятъ въ докладъ; а какъ вы не изволите упередить, то впредь трудно будетъ дѣлать, ежели кому иному здѣлаютъ. Пожалуйста, потрудитесь сими часы...“

Письмо отослано на двухъ дорогихъ чалыхъ лошадкахъ, которыя и оставлены, въ видѣ дружескаго презента, на конюшнѣ Монса.

Послѣ подобнаго архипастырскаго приниженія предъ нѣмцемъ „подлой породы“ было бы странно удивляться молодымъ придворнымъ, взросшимъ уже въ тлетворномъ воздухѣ полуевропейскаго, полуазіятскаго двора;—было бы странно, говоримъ мы, удивляться ихъ „забѣжкамъ“ и „заискиваніямъ“ въ Монсѣ. „Ранги“, „жалованныя деревни“ и разныя „вальготности“ были слишкомъ большимъ соблазномъ для птенцовъ; устоять противъ него было трудно людямъ, усвоившимъ съ пороками отцовъ всю „нечисть“, занесенную нѣмцами-проходимцами...

Вотъ предъ нами нѣсколько подобныхъ сподвижниковъ.

[1]) Письма Петра Балка къ Монсу.

Князь Андрей Черкасскій, вопреки указамъ, отвиливаетъ отъ службы, хочется ему побарствовать въ своихъ вотчинахъ, и онъ „молитъ милостиваго патрона подать ему руку помощи". А чтобъ рука протянулась охотнѣе, заказываетъ для Монса дорогую бахраму (вѣроятно для кафтановъ), отыскиваетъ и шлетъ въ подарокъ прекраснаго иноходца съ своими запасами и проч.

Михаилъ Головкинъ, будущій кабинетъ-министръ, въ настоящее же время, 1720-ые года, резидентъ въ Берлинѣ, дѣлаетъ для Монса разныя закупки, высылаетъ ему парики и т. п. вещи.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, молодой человѣкъ въ то время, нижайше проситъ Виллима Ивановича показать къ нему свою милость—испросить у ея величества... „чтобы пожаловать меня... въ оберъ-офицеры въ Преображенскій полкъ... за что я со всею нашею фамиліею вамъ, государю моему, служить до смерти обѣщаюся" [1]).

Князь Михайло Бѣлосельскій, морякъ, „не восчувствовалъ даже себя съ радости", когда узналъ изъ письма Монса о своемъ производствѣ въ новый чинъ: „и то признаваю,—отвѣчалъ онъ „батюшкѣ" Виллиму Ивановичу,—въ эвтомъ моемъ повышеніи ваше одно милостивое ко мнѣ стараніе явилось, безъ котораго-бъ ни въ два года пожалованъ не былъ бы".

Съ просьбами о чинѣ обращается къ Монсу Владиміръ Шереметевъ: онъ обиженъ тѣмъ, что товарищи не хотятъ признать за нимъ рангъ генералъ-майора безъ баллотировки, почему и проситъ, „дабы черезъ васъ внушено было государынѣ о моей обидѣ, и чтобъ ея величество" и проч.

У того же величества проситъ похлопотать опытный интриганъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ: ему хочется „титулъ тайнаго совѣтника", „за которую вашу, моего государя, милость—пишетъ онъ Монсу—доколѣ живъ, служить во всемъ къ вашему удовольствію буду" [2]).

---

[1]) Это тотъ самый князь Трубецкой, который впосдѣдствіи, въ 1743 г., обще съ Ушаковымъ и Лестокомъ, приговорилъ родную племянницу Монса, Наталью Өедоровну Лопухину, рожденную Балкъ,—къ вырѣзанію языка, колесованію и къ выставкѣ ея трупа на колесѣ. Наталья Лопухина потеряла на эшафотѣ языкъ, бита нещадно кнутомъ и сослана въ Сибирь. См. нашъ историческій очеркъ „Наталья Лопухина" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" изд. 1860 г.

[2]) Готовность эта осуществлялась на дѣлѣ до того, что Монсъ чрезъ гофмаршала герцогини Курляндской заказывалъ себѣ въ Митавѣ башмаки.

Просьба честолюбиваго гофмаршала митавскаго двора повторяется въ четырехъ сряду письмахъ! Съ петровскаго времени табель о рангахъ явилась привлекательной лѣствицей, на которую съ горячностью, заслуживающею лучшей цѣли, поползло все служилое на Руси сословіе.

Кормитъ и холитъ лошадей общаго „патрона" князь Андрей Вяземскій, съ тою цѣлью разумѣется, чтобы патронъ „охранилъ, по своей милости, отъ всякаго на него проноса предъ ея величествомъ, такъ какъ у него, князя Вяземскаго, надѣянія болѣе нѣтъ, какъ на его милость, Виллима Ивановича". (Вяземскій вѣдалъ однимъ изъ имѣній государыни).

Но лучшимъ типомъ всѣхъ „сподвижниковъ" Петра, подвизавшихся въ проискахъ и заискиваніяхъ, служитъ Артемій Петровичъ Волынскій. Молодой гвардейскій солдатъ въ 1700 годахъ, онъ въ 1715 году, въ чинѣ подполковника, былъ посланникомъ въ Персіи, а въ 1718, на тридцатомъ году отъ роду, былъ генералъ-адъютантомъ государя и губернаторомъ Астрахани. Волынскій безспорно былъ человѣкъ не изъ дюжинныхъ, способный, энергическій, вполнѣ обвѣянный духомъ новаго времени, эпохи преобразованій Россіи, но, въ то же время, далеко не чуждый интригъ и стремленій выкопать яму ближнему и на его разбитомъ счастіи построить свое собственное [1]). Тщеславный, честолюбивый, онъ любилъ интриговать и ужъ съ этого времени сталъ извѣстенъ за „смутника". Честолюбіе было главною пружиною всѣхъ дѣйствій Волынскаго; желаніе выдвинуться впередъ, сдѣлать во что бы то ни стало блестящую карьеру, руководило всѣми его и хорошими, и дурными поступками. „Надобно, когда счастье идетъ, не только руками, но и ртомъ хватать и въ себя глотать", говаривалъ Артемій Петровичъ, и, вѣрный своей цѣли, все-таки старался имѣть въ сильномъ фаворитѣ государыни „сердечнаго и наивѣрнѣйшаго друга и брата". И не мудрено: этотъ „другъ и братъ" спасалъ его отъ разныхъ бѣдъ; выставлялъ его

Бестужевъ брался наблюсти, чтобъ сапожникъ не смѣшалъ колодки, чтобъ башмаковъ было сдѣлано не менѣе дюжины и проч.

[1]) Весьма полную характеристику Волынскаго представилъ покойный другъ нашъ Іоакинфъ Ивановичъ Шишкинъ въ біогр. очеркѣ: „Артемій Волынскій", ч. I, стр. 468—469. См. также изслѣдованіе о Волынскомъ профес. Д. А. Корсакова.

дѣйствія въ лучшемъ свѣтѣ, дѣлалъ „напамятованія“ о наградахъ и проч. Вызывалось это радѣніе у корыстнаго нѣмца не одними комплиментами со стороны Артемья Петровича, но и разными услугами и, болѣе или менѣе, цѣнными подарками; вообще найденныя нами въ государственномъ архивѣ письма Артемія Волынскаго къ Монсу—матерьялъ далеко не безъинтересный для характеристики типической личности будущаго кабинетъ-министра, любопытный въ то же время и для знакомства съ фаворитомъ Катерины Алексѣевны [1]).

Волынскій пріѣхалъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1718 года; какъ человѣкъ, близко знакомый съ внутреннимъ состояніемъ Персіи и отношеніями какъ ея, такъ и кавказскихъ народовъ къ юго-востоку Россіи, Волынскій, по мнѣнію Петра, былъ очень пригоденъ на посту астраханскаго губернатора; вотъ почему государь требовалъ скорѣйшаго его отъѣзда.

Мы уже видѣли, какъ тяжело было Артемью Петровичу разстаться съ дворомъ, среди котораго ему, бойкому, ловкому, красивому и остроумному генералъ-адъютанту, несравненно легче было пожать и чины и награды, нежели въ прикаспійскихъ степяхъ. Надо было однако покориться: предъ государемъ отдѣлываться отъ службы, и притомъ человѣку, для него „потребному“, было трудно, и вотъ, скрѣпя сердце, Волынскій пишетъ (изъ Москвы) къ „другу и брату“: „...далѣ 7 числа сего мѣсяца (февр. 1721 г.) не буду мѣшкать и брося все, поѣду всеконечно... а здѣсь живучи, уже отъ страха сердце надсѣлось... Прости, мой батюшка, другъ мой Виллимъ Ивановичъ, прошу васъ, ежели буду живъ, не оставить, а буде умру, поминать...“. Но готовясь принять смерть въ ненавистной ему Астрахани, Волынскій проситъ доложить государынѣ, что онъ подарилъ въ ея можайскія вотчины для завода „изрядныхъ жеребцовъ“.

Въ обѣщанный „терминъ“ — 7 февраля — Волынскій не выѣхалъ, и еще два дня спустя „доносилъ“ Виллиму Монсу, „только тайно“, объ астраханскихъ вѣстяхъ, будто идутъ къ „Терку незваные гости, которыхъ хотя не хочется, однакожъ встрѣчать надобно, ибо оставить нельзя, чтобъ не потчивать“; жалуется, что

---

[1]) Мы помѣщаемъ эти письма въ Приложеніи № VIII: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; здѣсь остановимся только на мѣстахъ болѣе характеристичныхъ.

для этого потчиванья въ его распоряженіи будетъ не болѣе 3,000 противъ 30,000; проситъ похлопотать о присылкѣ ему войска, о поднятіи въ подмогу донцовъ, но будетъ ли или нѣтъ „ко мнѣ прибавокъ“, „но не иттить (мнѣ) невозможно и пойду конечно, хотя пропаду; а то причтутъ, что у меня матушкино сердце, котораго во мнѣ и съ робятскихъ лѣтъ не бывало“.

Съ худо скрытымъ недовольствомъ явился Волынскій въ свой пашалыкъ; нѣтъ ничего удивительнаго, что все представилось ему въ самомъ дурномъ видѣ и, быть можетъ, дѣйствительно дурное— онъ не полѣнился расписать докладчику государыни въ самыхъ черныхъ краскахъ. Судя по его письму (отъ 23 іюня 1721 г.), Астрахань была въ то время пустою и совсѣмъ раззоренною; стѣны крѣпости во многихъ мѣстахъ развалились, башни были близки къ паденію; въ пяти полкахъ гарнизона едва набралось 2,000 годныхъ фузей, „драгунскихъ лошадей по табелю только одна, а мундировъ какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ ни на одномъ“ и проч. описывалось въ томъ же родѣ.

Такого рода описаніе дѣлалось, разумѣется, не безъ того, чтобъ представить собственные труды затруднительнѣе, а результаты ихъ блестящими: „по истинѣ,—восклицалъ Волынскій,—что ни вижу, все надобно вновь дѣлать! И такая пришла на меня напасть, что не знаю за что приняться...“ [1]). Горько жаловался Волынскій, что вотъ де непріятель все раззорилъ и пограбилъ около Терка и гребенскихъ казаковъ, „о чемъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіи чаю не одну стопу бумаги измарали, но резолюціи ни откуда нѣтъ“. Губернаторъ убѣдительнѣйше просилъ Монса поторопить кого слѣдуетъ высылкой ему подкрѣпленія, безъ чего ему доводится идти противъ непріятеля съ двумя тысячами кой-какъ обмундированныхъ и вооруженныхъ солдатъ, да нѣсколькихъ тысячъ калмыковъ.

Письма Волынскаго вызывали со стороны Монса разныя „дружескія благодѣянія“ и Артемій Петровичъ благодарилъ государыню арапомъ съ арапкою и съ двумя арапченками, а фаворита ея —

[1]) „...Прошу, чтобъ опредѣлить ко мнѣ товарища,—писалъ Волынскій къ Монсу,—понеже какъ вижу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако съ трудомъ дѣла и при мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучиться, то поистинѣ некому вручить будетъ; того ради вездѣ возможно ль одною головою все сдѣлать?...“ См. Приложеніе VIII, 13.

лошадью съ серебрянымъ мундштукомъ и турецкимъ сѣдломъ. О своемъ „каторжномъ житьѣ“ Волынскій доносилъ особымъ прошеніемъ къ государынѣ, въ которомъ излагалъ всѣ свои нужды. „И притомъ васъ, моего государя и друга—писалъ астраханскій губернаторъ, — прошу оное (челобитье) ея величеству наединѣ вручить. А прочелъ бы (ей) Алексѣй Васильевичъ (Макаровъ). Того ради извольте излучить, чтобъ онъ тутъ былъ [1]); а васъ чрезъ бога (т. е. ради бога) прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость въ предстательствѣ къ ея величеству“.

Терскія дѣла кончились удачно. Отряды Волынскаго „порубили и въ полонъ побрали, сколько смогли, и бродили по болотамъ и по степямъ, какъ хотѣли. И такъ счастливо сію начатую на востокѣ компанію окончивъ,—шутитъ Волынскій,—а шпаги изъ ноженъ не вынималъ“.

Изъ взятыхъ трофеевъ Артемій Петровичъ побилъ челомъ Монсу „изряднымъ мальчикомъ“, а Матрену Балкъ полпудомъ кофе; да и было за что дарить: стараніями Виллима Ивановича, въ январѣ 1722 года, состоялся указъ ѣхать Волынскому въ Москву.

„И не знаю—отвѣчалъ губернаторъ—какое благодареніе могу приписать, понеже сіе выше моего ума дѣло... лечу... не токмо руки, но слѣды ногъ ихъ императорскаго величества... радуюся всеподданнѣйше цѣловать!..“ Въ ожиданіи чего посылалъ онъ отъ „простоты своего усердія“ астраханской дичи: драхвъ, фазановъ и кабаньихъ поросятъ.

На лету къ вожделѣнной цѣли съ Волынскимъ случилось несчастье: не доѣзжая Царицына, онъ провалился было въ полынью (февраль 1722 г.) и едва спасся; замочилъ весь багажъ, но забылъ всѣ бѣды и убытки (такъ увѣрялъ въ письмѣ къ Монсу изъ Царицына) при мысли о скоромъ свиданіи съ ихъ императорскими величествами и съ нимъ, сердечнымъ братомъ. „Паче другова убытка — приписывалъ Волынскій — зѣло мнѣ жаль паруковъ, понеже что было все, тутъ же и любимые ваши два, никуда не годятся. Перуки всѣ полиняли, только остались черные, и тѣ безъ глянса. Я, васъ моего друга и брата, прошу потрудиться два перука, тупе и около полдюжины чулковъ (если у васъ цвѣтныхъ нѣтъ) сыскать.

---

[1]) Катерина Алексѣевна и Виллимъ Ивановичъ, какъ извѣстно, читать по русски не умѣли.

Однако-жъ я слышу, что и васъ заставила неволя щеголять, и рубашки, уже слышу, что начали вы съ манжетами носить, что за великое удивленіе почитаю, и вовсе не буду вѣрить, нежели глазами моими увижу“.

Извѣщая о своемъ несчастіи. Волынскій былъ увѣренъ, что оно будетъ доведено до свѣдѣнія государыни и, разумѣется, увеличитъ милость ея къ человѣку, жертвующему жизнью, чтобъ только скорѣе пасть къ ея стопамъ. Съ неменьшею обстоятельностью Волынскій просилъ Монса приготовить ему квартиру въ слободѣ Нѣмецкой, чтобъ только быть ближе къ Преображенскому (гдѣ жили въ это время государь съ государыней) „и къ вамъ бы быть ближе“.

Въ 1723—1724 годахъ Волынскому довелось оправдываться предъ государемъ въ разныхъ астраханскихъ его противностяхъ: тутъ-то помощь Монса особенно явилась необходимою, и Монсъ хлопоталъ съ обычнымъ успѣхомъ за друга-дарителя...

Но особенно сторицею вознаградились Монсу услуги царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.

Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ, какъ глубоко потрясена была старушка ссылкой ея любимца Василія Алексѣевича Юшкова въ 1723 году [1]); судьба, однако, въ лицѣ Виллима Ивановича, дозволила ей увидѣть Юшкова на свободѣ. Свобода была куплена 2,000 рублями наличныхъ денегъ (изъ нихъ половину далъ Юшковъ); кромѣ ихъ царица Прасковья подарила Монсу два мѣста подъ Петербургомъ, близъ Стрѣльны; мѣста эти вытягивались вдоль морского берега по тысячѣ саженъ въ длину, да по сотнѣ въ ширину, и съ пашнею, лѣсомъ, сѣннымъ покосомъ и всѣми угодьями отошли въ вѣчное владѣніе Виллима Ивановича, а промежъ тѣхъ мѣстъ въ рединѣ стоялъ дворъ, также подаренный ему царицей, и на томъ дворѣ было разное строеніе. Юшковъ, кромѣ денегъ, поднесъ своему освободителю серебряный сервизъ.

Мы не перечисляемъ всѣхъ поборовъ Монса, такъ какъ къ этой статьѣ его доходовъ еще возвратимся; но замѣтимъ тутъ, что не всѣ, имѣвшіе нужду въ Монсѣ, рѣшались „утруждать“ его прось-

[1]) См. очеркъ „Царица Прасковья“ въ I-мъ томѣ нашихъ историческихъ разсказовъ, Спб., изд. 1883 г.

бами: съ теченіемъ времени и съ возрастаніемъ своей силы, камеръ-юнкеръ дѣлался разборчивѣе, вступался не за всякаго, то-есть льстился не на всякой презентъ, и тогда нуждающіеся въ немъ прибѣгали къ посредству его родственниковъ. Матрена Ивановна Балкъ, ея сынъ Петръ Ѳедоровичъ, ея зять Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, товарищи дѣтства Монса — Густавъ Функъ, да докторъ Брейтигамъ—всѣ эти лица составляли тѣсный кружокъ довѣреннѣйшихъ лицъ Виллима Ивановича. Кружокъ дѣйствовалъ согласно, преслѣдовалъ общіе интересы; члены его помогали другъ другу совѣтами, указаніями, предостереженіями, деньгами, всѣмъ, что отъ нихъ зависѣло и въ чемъ настояла нужда.

Братъ и сестра Монсъ обставили себя при дворѣ какъ нельзя лучше: такъ, напримѣръ, Матрена Ивановна, пользуясь большою любовью къ ней государыни, въ то же время дѣйствовала на Катерину Алексѣевну еще чрезъ брата и тѣмъ охотнѣе брала на себя порученія разныхъ аристократовъ; хлопоты эти оплачивались... Приведемъ два письма ея къ брату; они свидѣтельствуютъ, что Матрена Ивановна никакъ не хотѣла остаться въ сторонѣ отъ разныхъ порученій:

„Любезный братецъ, — писала она (по нѣмецки) къ Монсу, — Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ радибога похлопотать объ его имѣніи; его туда не пускаютъ; сдѣлай пожалуйста все, что только возможно, потому что старая императрица (т. е. царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ и Олсуфьевъ (исполняя ея желаніе) посылалъ уже туда приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова“.

„...Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій меня просилъ, — писала Матрена въ другомъ письмѣ, — чтобы я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ (князю хотѣлось завладѣть однимъ выморочнымъ имѣніемъ; по дружбѣ онъ успѣлъ подарить Монсу девять лошадей)... Прошу, любезный братецъ, помоги ему; онъ совершенно на тебя полагается...“ и т. п. [1]).

---

[1]) Къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ обращались съ просьбами о покровительствѣ и заступничествѣ лица разнаго сословія. Такъ, художникъ Ведекиндъ просилъ ее объ исходатайствованіи ему прогоновъ до С.-Петербурга, куда онъ ѣхалъ по приглашенію императрицы, просилъ приготовить квартиру и исходатайствовать ему покровительство императрицы противъ Давненгауера

Подобное участіе къ дѣлу того и другого вельможи со стороны г-жи Балкъ будетъ понятно, если мы скажемъ, что Салтыковъ подарилъ ей возокъ, а князь Алексѣй Долгорукій коляску, да шестерикъ лошадей.

Не приводя разныхъ просительныхъ писемъ къ Матренѣ, мы укажемъ только на разнообразіе подарковъ, какими ее осыпали: такъ, Долгорукіе — князь Ѳедоръ, княгиня Анна, также жена Василія Лукича Долгорукова, затѣмъ княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына, дарили ее: кофеемъ, съѣстными припасами, опахаломъ, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; Балкша стала брать еще съ 1714 года деньгами за разныя ходатайства предъ государыней, съ которою она, какъ мы видѣли, и тогда была довольно близка; и вотъ Грузинцовы, Красносельцовъ, капитанъ Альбрехтъ, Ржевскій, царевна Прасковья Ивановна, герцогиня Анна Ивановна, сама царица Прасковья Ѳедоровна дарили ей суммы денегъ отъ 50 до 200 червонныхъ.

Подобнымъ же безкорыстнымъ посредникомъ между челобитчиками и Монсомъ былъ племянникъ его — Петръ Ѳедоровичъ Балкъ; онъ началъ службу въ Воронежскомъ полку солдатомъ, за участіе въ баталіи подъ Лѣснымъ сдѣланъ лейтенантомъ, а по взятіи Эльбинга пожалованъ въ капитаны. За „добрые поступки“ переведенъ въ лейбъ-гвардіи лейтенанты и съ 1715 года, то есть годомъ раньше своего дяди, „по указу, употребленъ былъ въ дворовой службѣ при ея величествѣ“. Государыня постоянно была ласкова къ Балку и этотъ „весьма красивый и пріятный молодой человѣкъ“ былъ одинъ изъ довѣреннѣйшихъ ея приближенныхъ; она его сосватала на дочери одного изъ богатыхъ чиновниковъ своего вѣдомства, Палибина. Балкъ обручился, но, какъ разсчетливый нѣмецъ, и на бракъ смотрѣвшій какъ на аферу, Балкъ сталъ торговаться о приданомъ, не сошелся съ отцомъ невѣсты и бросилъ послѣднюю. Палибинъ съ горечью жаловался Виллиму Монсу на „неподобный“ поступокъ Балка, но Виллимъ Ивановичъ не помѣшалъ племяннику жениться на дѣвицѣ Марьѣ Полевой, послѣдней въ родѣ [1]); Монсъ выхлопоталъ молодымъ приказъ писаться: „Балкъ-Полевы“, былъ

и Монса, которые были недовольны призывомъ его въ столицу (Письмо изъ Ревеля, 20 іюля 1721 г.).

[1]) Полева была дѣвушка богатая, красивая и знатная по происхожденію; партія была блестящая.

очень расположенъ къ нимъ и, какъ истый дядюшка, зачастую помогалъ деньгами.

За то и Балкъ слѣпо былъ преданъ Виллиму Ивановичу; все, что ни говорилось имъ государынѣ и при дворѣ, о чемъ только ни брался онъ хлопотать, все дѣлалось не иначе, какъ по предварительному сношенію съ дядей. Очень часто Петръ Ѳедоровичъ былъ въ долѣ съ нимъ относительно „презентовъ" просителей, такъ какъ принималъ участіе въ хлопотахъ по этимъ прошеніямъ. И въ письмахъ, и просьбахъ разныхъ лицъ къ Монсу мы безпрестанно находимъ глубокіе поклоны, которые просили Монса передать его племяннику и сестрѣ.

Впрочемъ большая доля хлопотъ Балка была устремлена на то, какъ бы побольше выпросить разныхъ „дворовъ и животовъ" отъ „премилостивой матери государыни Екатерины Алексѣевны". Преслѣдуя эту цѣль, Петръ Ѳедоровичъ являлъ необыкновенную заботливость и рядомъ писемъ штурмовалъ дядю, вызывая того на совѣты о тѣхъ или другихъ деревняхъ.

„... о которыхъ я вамъ, государь дядюшка, деревняхъ писалъ, есть ли надежда, что пожалуетъ ли оныя деревни намъ государыня; да о которомъ дѣлѣ я писалъ до васъ, а именно о Дубровскомъ, не извольте, государь дядюшка, забыть и показать къ нему милость" и проч.

Прилагались росписи деревень; Петръ Ѳедоровичъ рекомендовалъ въ какихъ мѣстахъ просить, обозначалъ число дворовъ и проч.: „и о тѣхъ деревняхъ васъ, государь дядюшка, прошу, чтобъ вы изволили постараться, по своей милости, чтобъ оныя деревни мнѣ достались бы; пожалуй, государь дядюшка, не оставь моего прошенія, да изволь оными челобитными не замѣшкать, чтобъ эти деревни у себя не опустить"... такъ какъ онѣ были въ хлѣбородныхъ мѣстахъ и Балкъ уже успѣлъ о состояніи ихъ навести обстоятельнѣйшія справки.

Монсъ, разумѣется, не упускалъ случая побить челомъ о деревняхъ и животахъ. Такъ, просилъ онъ у государя дворцовую волость въ козельскомъ уѣздѣ, состоящую изъ двухъ селъ и семи деревень, а въ нихъ было 423 двора [1]); такъ, билъ онъ челомъ объ отдачѣ ему отписной вотчины Петра Шафирова въ пензенскомъ уѣздѣ, Ломовскую слободу, на томъ де основаніи, что „она никому еще не отдана" и т. д.

---

[1]) Госуд. Арх., Каб. дѣла, II пол., т. LVIII, л. 18; LXV, листы 163, 253.

Подобными же почти основаніями руководствовалась и сестрица его, Матрена Ивановна; прослуживъ въ 1717—1718 годахъ, „полтретья года“, гофмейстершею при дворѣ Катерины Ивановны, герцогини мекленбургской, Матрена Ивановна увѣряла, что „одолжилась на этой службѣ многими долгами“, ради чего, лишь только пріютилась подъ крыломъ государыни, не умедлила просить о пожалованіи ей въ уѣздѣ кексгольмскомъ — Питерскаго погоста, которымъ владѣлъ князь Василій Ѳедоровичъ Долгорукій; да въ козельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, которыми владѣлъ думный дьякъ Артамонъ Ивановъ; да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, потому де, что ею владѣли нѣкогда коменданты города Дерпта, а мужъ ея былъ въ этомъ городѣ комендантомъ, да нѣсколько деревень въ Украинѣ, оставшихся отъ раздачи разнымъ лицамъ по смерти владѣльца ихъ полковника Перекрестова и проч. [1]). Говорить ли о томъ, что просьбы „Modest'ы Balck“, ея братца „де-Монца“, ея сына и проч. имъ подобнымъ иноземцевъ не оставались втунѣ. Деревни — съ крестьянскими душами и животами—сотнями шли въ раздѣлку между этими исчадіями преобразовательной эпохи [2]).

Въ виду подобныхъ порабощеній разными нѣмками и нѣмцами—православнаго народа, въ виду этого наплыва новой татарщины, только не съ востока, а съ запада, не имѣлъ ли права вопіять народъ: „пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприяли и всѣми благими ихъ наградили; а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ податей своихъ гла-

[1]) Госуд. Арх., Каб. дѣла, II пол., кн. LVIII, листы 528, 529, 306, 368.

[2]) Панегиристы Петра, въ родѣ извѣстнаго Нартова, въ доказательство отличнаго правосудія преобразователя, приводятъ между прочимъ то, будто бы онъ отмѣнилъ жестокое „азіатское обыкновеніе“ лишать имѣнія тѣхъ наслѣдниковъ, коихъ отцы учинили измѣну или иную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одно только праведное наказаніе: „Государю зазорно обогащаться,—разсуждалъ Петръ по правосудію и своему великодушію,—зазорно обогащаться стяжаніемъ подданнаго и невинное семейство его лишать имущества и пропитанія. Невинность возопіетъ къ Богу“. Нартовъ. „Москвитянинъ“, 1842 г., № 11.—Но на разсужденіяхъ, какъ кажется, дѣло и останавливалось; никогда такъ не было много конфискацій, какъ при Петрѣ Великомъ: „невинность вопіяла“, а доморощенные и заѣзжіе птенцы нещадно клевали и растаскивали изъ-подъ когтей орла—дворы, деревни, села, цѣлыя волости „отписныхъ“ имѣній.

домъ поморили, до основанія всѣхъ раззорили и отечество наше пресловущія грады и драгія винограды, рѣкше святыя церкви опустошили, и что иное рещи и писанія неудобно извести, удобнѣе устномъ своимъ ограду положить, но вельми... сердце болитъ, видя опустошеніе... и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами...“

Нестерпимо было народу, за то въ весельи, довольствѣ и счастіи проводили вѣкъ свой баловни счастія. Такъ, въ 1723 году мы видимъ нашего героя владѣльцемъ богатыхъ имѣній, онъ неотлучно при дворѣ, въ домъ его идетъ большая дача изъ дворца всевозможныхъ запасовъ: муки разныхъ сортовъ, крупъ, гороху, соли, солоду, ветчины, овса, сѣна, дровъ, вина бѣлаго и краснаго, водки; богато убранный и еще отстраивавшійся изъ дворцовыхъ, жалованныхъ царицею матеріаловъ, домъ его на Мьѣ рѣкѣ (со стороны адмиралтейства), полонъ, какъ чаша, всякихъ благъ; ему пожалованы также отъ щедротъ царицы приморскіе дворы — между прочими на Петровскомъ острову; на его конюшнѣ стоятъ до тридцати прекрасныхъ аргамаковъ и дорогихъ кобылицъ; въ его покояхъ прислуживаетъ двадцать человѣкъ, и кромѣ того къ его услугамъ всегда готовы конюхи, кучера, повара, приказчики и управляющіе государыни; онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ: списки его покупокъ весьма длинны, итоги издержекъ, по своему времени, громадны: они доходили иногда до четырехъ тысячъ рублей, издержанныхъ на бархатъ, шолковыя матеріи, пуховыя шляпы, „перуки“, башмаки, позументы, конфеты и т. п. произведенія роскоши [1]).

Среди богатства и счастья встрѣтилъ счастливый фаворитъ Катерины Алексѣевны новый 1724 годъ; со стороны его друзей и знакомыхъ раздавались льстивыя поздравленія да пожеланія, „дабы Вышній благословилъ (насъ) сей наступающій годъ и впредь много лѣтъ во здравіи, счастливо препроводить...“

Монсъ былъ озабоченъ въ это время приготовленіями къ величайшему торжеству своего „высокаго свѣтила“.

Петръ Андреевичъ Толстой чуть ни съ каждой почтой писалъ

---

[1]) Госуд. Архивъ въ С.-Петербургѣ, бумаги Монса, и Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ.—Реестръ годовыхъ припасовъ и питій В. И. де-Монсу; реестръ лошадямъ его; реестръ людямъ Виллима Ивановича, описи его гардероба и т. п. его бумаги. См. Прилож. № XII: описи гардероба, приходо-расходныя тетради Монса и проч.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

1712—1724 гг.

[illegible] т. III, стр. 128.

[illegible] заготовленія государственныхъ [illegible]магъ.

[illegible] раззорили и отечество наше [illegible] виноградъ, [illegible] святыя церкви опу- [illegible] извести, удобнѣе [illegible] болитъ, ви- [illegible] и людъ [illegible]

[illegible] было [illegible] ги [illegible] ви- [illegible]

[illegible], какъ [illegible] хъ благъ [illegible] пожало- [illegible] ротъ царин [illegible] скіе дворы [illegible] между про- [illegible] острову [illegible] онюшнѣ [illegible] до тридцати [illegible] кобы [illegible] его [illegible] кромѣ [illegible] его услугамъ [illegible] мира, [illegible] управляющіе [illegible] описки его поку- [illegible] длинны, [illegible] времени, громадны: они [illegible] иног [illegible] рехъ [illegible] на [illegible] шелков [illegible] и, пу [illegible] башмаки, [illegible] п. [illegible]

[illegible] Ка- [illegible] и [illegible] „дабы [illegible] много [illegible] прередодить...“

[illegible] въ это время приготовленіями къ вели- чайш [illegible] своего „высокаго [illegible]“.

Петръ Андреевичъ Толстой [illegible] почтой писалъ

[illegible] Госуд. Архивъ въ С.-[illegible] Архивъ Министер- [illegible] Юстиціи въ Москвѣ.—[illegible] питій В. И. де- [illegible] реестръ лошадямъ его; реестръ людямъ [illegible] Ивановича, описи [illegible] гардероба и т. п. его бумаги. См. Прилож. [illegible] гардероба, при- [illegible] тетради Монса и проч.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

въ 1712—1724 гг.

Очерки изъ Рус. Истор. XVIII в. М. Семевскаго, т. III, стр. 128.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

къ Монсу изъ Москвы о своихъ хлопотахъ по устройству предстоящей коронаціи Катерины, спрашивалъ о тѣхъ или другихъ покупкахъ, просилъ совѣтовъ, приказаній, инструкцій [1]); люди Монса уже отправились въ Москву съ его вещами: ему приготовили хоромы въ селѣ Покровскомъ, въ домѣ ея величества; разныя лица били ему челомъ о „напоминаніяхъ“ государынѣ во время коронаціи, о разныхъ милостяхъ [2]), словомъ камеръ-юнкеръ былъ въ апогеѣ своего счастія, новый годъ весело улыбался ему, ни одной тучки не было на его горизонтѣ... Оставляя Монса самоуслаждаться счастьемъ и льстить себя сладкими надеждами на предстоящія награды и отличія, обратимся къ источнику его фортуны,—къ супругѣ Петра Великаго.

---

[1]) Письмо Петра Андреевича Толстого къ Монсу (въ прилож. X. 1, 2); письмо Литвинова отъ 27 декабря 1723 г. и проч.

[2]) Между прочими просила жена Шафирова: приданое и пожитки ея были описаны по дѣлу мужа и она молила о возвращеніи ихъ.

V.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

1717—1723.

Отношенія Петра къ Екатеринѣ оставались прежнія: нѣжная заботливость, ласка, любовь со стороны Петра, и шутливое выраженіе любви со стороны Екатерины — вотъ общій тонъ переписки ихъ съ 1717 по 1723 годъ [1]).

Государь съ самаго начала этого времени, еще въ январѣ 1717 года, жаловался на свою недужность, на обыкновенное безсилье да чечюй. Петръ чувствовалъ, что старѣетъ, что нравиться женщинѣ, почти на-половину его моложе—дѣло трудное, и вотъ въ виду этого обстоятельства, едва-ли для него пріятнаго, онъ чаще и чаще сталъ трунить и надъ своей фигурой, и надъ своими годами:

„Благодарствую за присылку: партреты, а не хари; только жаль, что стара; присланной—кто говорилъ—племянникъ, а то-бъ мочно за сіе слово наказанье учинить; также (благодарю) и за лекарство...“ „Сіе письмо посылаю (27 іюня 1719 г.), чтобъ поспѣло позавтрее къ вамъ къ именинамъ вашего старика“. Или: „Сожалѣю, что розна празднуемъ (годовщину полтавской битвы), также и позавтрешній день святыхъ апостолъ, — старика твоего именины и шишечки“ (Петра Петровича) и т. д.

Грусть попрежнему неминуемо сопровождала у него разлуку съ женой: „...а что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ,

[1]) Переписка императора Петра I съ государынею Екатериною Алексѣевною, изданная Коммисіею печат. госуд. грамотъ и договоровъ. Москва, изд. 1861; стр. 60—141 и 157—166.

что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя, каково и мнѣ безъ васъ (въ Спа, 1717 г.)... когда отопью воды, того же дня поѣду... дай-богъ въ радости видѣть васъ, что отъ сердца желаю...“

Та же тоска разлуки томитъ государя пять лѣтъ спустя: „дай-боже васъ видѣть въ радости, а безъ васъ скучно очень“.

„Я бы желалъ, чтобы и вы... были,—приглашаетъ Петръ Екатерину въ Петергофъ, -- ежели вамъ не трудно — государь уже не приказываетъ, какъ прежде, а проситъ — и лучше бы позавтрее туда прямо проѣхали, понеже лучше дорога, нежели отъ Питергофа, которая зѣло трудна; а пустить воду (изъ фонтановъ) безъ васъ не хочется...“

„Хотя слава-богу все хорошо здѣсь, — близь Ревеля, іюль 1723 г., — только безъ васъ скучно, и для того на берегу не живу“ и проч.

Съ обычнымъ лаконизмомъ въ письмахъ извѣщаетъ Петръ „сердешниинькаго друга“ о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ во время безпрерывныхъ переѣздовъ своихъ съ мѣста на мѣсто, въ особенности въ бытность свою заграницей. Такъ онъ дѣлится замѣчаніями насчетъ видѣнныхъ садовъ, крѣпостей и гаваней; великой бѣдности „людей подлыхъ“ (во Франціи); сообщаетъ извѣстія о битвѣ австрійцевъ съ испанцами, о побѣдѣ своего адмирала надъ шведскимъ флотомъ: высказываетъ желанія по поводу воспоминанія о той или другой побѣдѣ, того или другого событія, словомъ — важное и неважное, дѣло и думы, все сообщается супругѣ. Какъ хозяйкѣ своей, онъ дѣлаетъ порученія прислать то ту, то другую вещь,—портретъ свой, чертежъ корабля, фрукты, разные запасы; въ особенности часто проситъ „крѣпиша“, т. е. водки, „армитажа“ (вино); поручаетъ озаботиться о починкѣ корабля или сдѣлать постели на новое морское судно (предъ скорымъ свиданьемъ, іюль 1717 г.), съ англинскими матрасами, „и чтобъ не богаты были постели, да чистеньки“; напоминаетъ объ устройствѣ пирушки, ради семейнаго праздника или годовщины викторіи.

Недужный „старикъ“ Петръ продолжалъ осыпать свою Катеринушку подарками, не столько цѣнными, сколько выражавшими его любовь къ ней и вниманіе. То онъ шлетъ попугаевъ, канареекъ, мартышку, разныя деревья; то посылаетъ изъ Брюсселя кружева, съ просьбой прислать образецъ, какіе имена или гербы въ оныхъ

дѣлать,—а та, какъ женщина, исполненная большого такта, проситъ его въ отвѣтъ заказать на кружевахъ ихъ общій вензель. Вслѣдъ за кружевами посланъ изъ Кале другой подарокъ—„карло-француженинъ“: „извольте его въ призрѣніи имѣть, чтобъ нужды не имѣлъ“. Изъ ревельскаго дворцоваго сада отправлены Петромъ цвѣты да мята, что сама садила Катеринушка. „Слава-богу—замѣчаетъ при этомъ нѣжный старикъ (1719 г.)—все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно“...

— „И у насъ (въ С.-Петербургѣ) гулянья есть довольно—поэтизируетъ въ отвѣтъ Катеринушка устами своего секретаря:—огородъ (т. е. садъ) раскинулся изрядно и лучше прошлогодного; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалѣю, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ (за цвѣты и мяту). Мнѣ это не дорого, что сама садила: то мнѣ пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай-боже во здоровье кушать!“

Не менѣе нѣжными голубками являлись державные супруги при свиданіи. Вотъ зайдите напримѣръ въ палату къ государынѣ. Докторъ Арескинъ показываетъ ей опыты: онъ вытягиваетъ изъ-подъ хрустальнаго колокола воздухъ; подъ колоколомъ трепещется ласточка.—„Полно, не отнимай жизни у твари безвредной! говоритъ государь: она не разбойникъ“.—„Я думаю дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ“, добавляетъ „Катеринушка“, беретъ ласточку и выпускаетъ ее въ окно... „Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птички! восклицаетъ одинъ изъ панегиристовъ:—кольми жъ паче имѣлъ Петръ сожалѣніе о человѣкахъ!..“

А между тѣмъ подъ воркованье голубковъ и одновременно съ подвигами мягкосердія державныхъ супруговъ идетъ дѣло царевича Алексѣя, а затѣмъ производятся московскіе и суздальскіе нещадные и кровавые розыски...

Воркованье со стороны „сердешнаго друга“ сопровождалось гостинцами и пересыпалось обычными шутками; между гостинцами были апельсины, цитроны (ими, какъ мы видѣли, любилъ угощать Петра и первый другъ его сердца, Анна Ивановна Монсъ), „крѣпишъ съ племянникомъ“ (водка), причемъ предписывалось пить по-малости, ради недужности любезнаго батюшки.

— „И то правда,—отвѣчалъ Петръ,—всего болѣе пяти въ день не пью, а крѣпиша по одной или по двѣ, только не всегда: иное для того, что сіе вино крѣпко, а иное для того, что его рѣдко. Окончиваю, что зѣло скучно, что... не видимся. (Спа, 1717 г.). Дай-боже скорѣе! При окончаніи сего (письма) пьемъ по одной про ваше здоровье...“

„И мы — отвѣчаетъ Екатерина — „Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ“, т. е. выпьемъ про ваше здравіе. Хозяюшка посылала не всегда одно вино да водку: она посылала клубнику и разные запасы, какъ-то сельди; дарила рубашки, галстуки, шлафроки, камзолъ; обѣщала—ежели-бъ былъ при ней хозяинъ, „то-бъ новаго шишеньку здѣлала бы“.

— „Дай-боже,—восклицалъ въ отвѣтъ тотъ,—чтобъ пророчество твое сбылось!“..

„Однакожъ я чаю,—пишетъ Екатерина (апрѣль 1717 г., изъ Амстердама),—что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ; ибо вы всегда можете Ѳоминъ понедѣльникъ тамъ (во Франціи) сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые...“ Достойно вниманія, что подобнаго рода шутки со стороны Екатерины, какъ-то заявленія мнимой ревности и т. п., особенно часто стали повторяться съ 1717 года.

„Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои,—пишетъ она въ маѣ сего года,—однако-жъ и старая не забываетъ...“

— „Другъ мой, ты, чаю, описалась (о портомоѣ), понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ...“ а „Понеже во время питія водъ — отшучивался между прочимъ государь — домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради я матресу свою отпустилъ къ вамъ...“

„...А я больше мню, что вы оную (матресишку) изволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего боже-сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала“.

„Дай-богъ мнѣ, дождавшись,— ласкается Екатерина (въ 1719 году),—вѣрно дорогимъ называть старикомъ, а нынѣ не признаваю, и напрасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить сви-

дѣтелей — старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся“ и проч., въ томъ же родѣ.

Въ какомъ отношеніи интересна дошедшая до насъ переписка Петра съ Екатериной относительно исторіи злополучнаго царевича Алексѣя Петровича? Есть ли въ ней какія-нибудь указанія на тѣ злые наговоры мачихи, въ которыхъ винилъ ее самъ страдалецъ-царевичъ?

Въ извѣстныхъ до сихъ поръ цидулкахъ Екатерины не видно подобныхъ козней противъ пасынка, но за то о немъ почти и не упоминаетъ царица: а ужь и это знакъ недобрый, являющій если не ненависть ея, то полное нерасположеніе къ царевичу; за то своего „шишечку“ Петра Петровича она постоянно называетъ „с.-петербургскимъ хозяиномъ“, забывая, что въ той же столицѣ есть первенецъ—сынъ Петра, за которымъ и должно бы было быть это названье. Итакъ, если не содержаніе, то тонъ, характеръ переписки Петра съ женой немаловаженъ, между прочимъ, и для исторіи Алексѣя: въ общемъ тонѣ писемъ слышна необыкновенная любовь государя къ женѣ, болѣе и болѣе обхватывающая его мощную душу, любовь, которая вела его на всѣ жертвы ради любимой женщины.

И жертвы, чисто въ духѣ Петра, закладываются съ февраля мѣсяца 1718 года.

Одна изъ процессій осужденныхъ нѣкогда важнѣйшихъ лицъ петровскаго синклита слѣдуетъ изъ Москвы въ Петербургъ, гремя цѣпьми и поражая встрѣчныхъ истерзанными своими фигурами... Впереди нея ѣдетъ монархъ и шлетъ цидулку:

„Катеринушка, другъ мой сердешнинькой, здравствуй! Объявляю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которою я изъ Новагорода ѣхалъ, отнюдь не ѣздила, понеже ледъ худъ, и мы гораздо съ нуждою проѣхали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать верстъ отъѣхавъ отъ Новагорода, къ коменданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою. Петръ. Въ 23 д. марта 1718 г.“.

Съ одной стороны страшная жестокость, съ трудомъ оправдываемая духомъ времени, современнымъ законодательствомъ, еще труднѣе—государственными цѣлями; съ другой—тотъ же характеръ являетъ черты нѣжности, необыкновенной предупредительности и любви, обратившейся въ глубокую и сильную страсть. Въ виду этого нельзя не признать въ Петрѣ характеръ полный драматизма, характеръ цѣльный, мощный, заслуживающій вниманія и изученія. И съ какимъ тактомъ примѣняется къ нему „сердешный другъ!"

Петръ казнилъ сына, скасовалъ и скасовываетъ его сторонниковъ—и вотъ Екатерина отводитъ взоръ его, отуманенный кровью, на картинку семейнаго счастія: „прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки (великій кн. Петръ Петровичъ), понеже немалую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а имянно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, что уѣхалъ; но болѣе любитъ то и радуется,—заключаетъ Екатерина (24 іюля 1718 года)—какъ молвишь, что здѣсь папа [1])!"

Папа, бывшій въ это время въ Ревелѣ, послалъ мамѣ остриженные свои волосы, и съ этой „непріятной", какъ онъ выражался, посылкой писалъ, какъ кажется по поводу царевича Алексѣя: „что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ,—когда Богъ изволитъ васъ видѣть: я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего что́ явно явилось..."

Екатерина однако помнитъ слова одного изъ прежнихъ своихъ патроновъ—Меншикова: „слава-де богу, что оный крыющейся огнь (т. е. партія царевича съ ея мнимыми замыслами) по Его, Сотворшаго насъ, къ вашему величеству человѣколюбивой милости, ясно открылся, который уже нынѣ съ помощію Божіею весьма искоренить и оное зло запаленіе погашеніемъ истребить возможно" [2]). Екатерина видѣла, что возможность осуществлена на дѣлѣ, огнь потушенъ, и ея дѣло—„превысокомудрымъ своимъ разсужденіемъ уни-

---

[1]) О здоровьѣ Петра Петровича писались родителямъ доклады отъ доктора Ивана Блюментроста: «...государь-царевичъ слава-богу въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, такожъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно, что и коренные хотятъ выходить" (Іюля 14-го, 1718 г. и т. п. Госуд. Архивъ, Каб. II пол., т. LIII, л. 22).

[2]) Отрывокъ изъ письма Меншикова къ Екатеринѣ. См. „Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ, вновь открытымъ". Изд. подъ ред. М. П. Погодина. Москва, 1861, стр. 365.

чтожить" въ Петрѣ всякое „сумнѣніе". И вотъ она разсѣеваетъ могущее быть „сумнѣніе"—то шутками, то мнимою ревностью, то знаками заботливости и любви, то цидулками о „шишечкѣ"... [1]). На этомъ шишечкѣ съ любовью и надеждой останавливаются взоры Петра...

„Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и, при помощи божіей, во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою..." Этихъ забавъ не любилъ запытанный братъ его Алексѣй: вотъ почему Екатерина рисуетъ картинку, какъ теперешній наслѣдникъ престола тѣшится солдатиками. Это же она повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ; подобныя извѣстія нравятся „сердешному дружечку-старику".

Между тѣмъ, несмотря на всѣ нѣжности и предупредительность Екатерины въ ея письмахъ къ государю, все-таки видно, что съ этого, именно съ этого времени, т. е. около 1718 года, она охладѣваетъ къ старику; что-то такое дѣлаетъ ее, женщину съ такимъ тактомъ, даже неосторожною: она напримѣръ не торопится отвѣчать мужу, и Петръ вынужденъ упрекать ее за молчаніе. Впрочемъ самый тонъ упрековъ долженъ былъ ее успокоить насчетъ чувствъ къ ней супруга; упреки были въ такомъ родѣ: „пятое... письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія о тебѣ, для чего не пишешь. Для-бога пиши чаще" [2]).

„Уже восемь дней какъ я отъ тебя не получилъ письма, чего-для не безъ сумнѣнія, а наипаче что не отвѣтствуешь на письмо (мое) и поелику..." и т. д.

---

[1]) Въ Петровской галереѣ Зимняго дворца виситъ портретъ его. Вел. кн. Петръ Петровичъ представленъ трехлѣтнимъ мальчикомъ, голый, обхваченный кисеей; онъ стоитъ на лѣвомъ колѣнкѣ и правой рукой натягиваетъ лукъ; его русая курчавая головка озарена сіяніемъ; свѣтъ падаетъ и на корону: она вмѣстѣ съ голубой лентой лежитъ подлѣ него на подушкѣ.

[2]) Для собирателей и издателей переписки Екатерины приводимъ счетъ полковницы Кампенгаузенши, что она заплатила за письма къ государынѣ-царицѣ, которыя присылались съ почты. Письма эти были отъ слѣдующихъ чиселъ: 1717 г. октября: 10, 13, 17, 18, 20, 25, 28 (два); ноября: 1 (два), 4, 8, 15, 18, 21, 25; декабря: 9 и 16 (два). 1718 г., февраля: 3, 24; марта: 1, 10, 18 и 23. Сумма за эти письма—24 руб. 76 коп. Подалъ счетъ Генрихъ Готлибъ.

Но вотъ отправляетъ она къ нему „крепиша, (какихъ-то) колечекъ, травачки“, а то вотъ „яблокъ, да орѣховъ свѣжихъ“ или „венгерскаго крѣпкаго и сладкаго по полудюжинѣ и дюжину полпива, также нѣсколько фруктовъ“; проситъ его, „батюшку“ своего, чтобъ тотъ поберечь себя изволилъ, да почаще о здоровьѣ своемъ увѣдомлялъ, „паче же всего—такъ она заявляетъ—самихъ васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ видѣть“.

И „батюшка“ доволенъ, счастливъ и шутливо отписывается съ корабля своего „Ингерманландъ“, отъ Ламеланта: „радъ бы, прося у Бога милости, что-нибудь сдѣлать, да негдѣ и не надъ кѣмъ (государь воевалъ въ то время, въ 1719 г., на Балтійскомъ морѣ со шведами); ты меня хотя и жалѣешь, однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена господина Тоуба (начальникъ непріятельской эскадры), которая его со всѣмъ флотомъ такъ спрятала, что нетолько его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Ваксгольмомъ и всѣми батареями“. Государь прилагалъ реляцію адмирала Апраксина, опустошавшаго въ это время берега Швеціи; изъ приложенія Екатерина могла узнать, какъ „адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ спирономъ“ (копьемъ).

„Всепокорно прошу вашу милость,—отвѣчала супруга—дабы... писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ (письмѣ) изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ-быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю—шутила далѣе Катерина—отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева швецкая желаетъ съ вами въ любви быть; въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому-жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такіе уже толь немалые лѣта да какое счастіе получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ небыло! Для-бога прошу вашу милость—одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привесть“.

Петръ счастливъ, онъ не сердится за молчанье, онъ шлетъ ей взаимно-любезные презенты: „редьку да бутылку венгерскаго“, а иногда вина бургонскаго бутылокъ семь, или краснаго дюжину, и

все это разумѣется съ обычнымъ пожеланьемъ: „дай-боже вамъ здорово пить“. Вино смѣнялось десяткомъ боченковъ сельдей „гораздо хорошихъ и свѣжихъ“; изъ нихъ только одинъ боченокъ государь оставилъ у себя, а девять послалъ женѣ...

Въ персидскомъ походѣ то-же вниманіе: безпрестанно обгоняя ее на обратномъ пути въ Россію, государь то шлетъ „новины—звѣно лососи“, то проситъ свою государыню императрицу „не подосадовать“, что замѣшкалъ присылкой ей конвоя; окружаетъ ее заботами о спокойномъ совершеніи путешествія, указываетъ какою ѣхать дорогою, и все это съ вниманіемъ и нѣжностью; повелительнаго тона не слышно уже ни въ одной строчкѣ: напротивъ, Петръ проситъ жену „не досадовать“, „не гнѣваться“ на него!

Любовь, дошедшая до послѣдней степени, закрѣпляется со стороны государя весьма важными дѣйствіями: такъ, въ началѣ 1722 года [1]) обнародованъ имъ уставъ о наслѣдіи престола. Въ этомъ любопытномъ документѣ вспоминалъ Петръ объ авесаломской злости царевича Алексѣя, строго порицалъ „старый недобрый обычай“—бо̀льшему сыну наслѣдство давать; удивлялся изъ-за чего этотъ обычай людьми былъ такъ затвержденъ, между тѣмъ какъ по разсужденію „умныхъ родителей“ дѣлались ему частыя отмѣны, что-де видно и изъ священной, и изъ свѣтской исторіи. Государь приводилъ примѣры, утверждалъ, что въ такомъ же разсужденіи въ 1711 году было имъ приказано, чтобъ партикулярныя лица отдавали бы недвижимыя имѣнія одному своему сыну—достойнѣйшему, хотя бы и меньшому; а сдѣлано это было для того, чтобъ „партикулярные домы не приходили отъ недостойныхъ наслѣдниковъ въ раззореніе“. „Кольми же паче—гласилъ составитель устава—должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства!“ Это попеченіе выразилось въ уставѣ: отъ воли-де государя зависитъ опредѣленіе наслѣдства; кому онъ захочетъ, тому и завѣщаетъ престолъ. „Дѣти и потомки“ такимъ образомъ, по мнѣнію преобразователя, „не впадутъ въ злость авесаломскую: они будутъ имѣть на себѣ эту узду—уставъ“.

Вся Россія должна была учинить присягу, что не отступится отъ воли монарха: она признаетъ наслѣдникомъ того, кого онъ

---

[1]) Полное собр. зак., томъ VI, № 3893.

похочетъ ей дать, кого онъ ей завѣщаетъ. Уставъ былъ ничто иное, какъ переходная мѣра къ объявленію „Катерины“ преемницей державы: ея малютки „шишечки“ „Петрушеньки“ не было уже на свѣтѣ.

Въ церквахъ у присягъ стояли капитаны и разные чины воинскіе, по городамъ разосланы были солдаты. За „благополучнымъ и изряднымъ принесеніемъ присягъ“ наблюдалъ ревностнѣйшій изъ птенцовъ Петра, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій [1]).

Россія присягнула.

Но ни солдаты и капитаны, ни страхъ истязаній и каторги не зажалъ рты многимъ изъ тѣхъ, которые не считали вслѣдъ за Петромъ старыхъ обычаевъ недобрыми и вредными.

— „Нашъ императоръ живетъ... неподобно... говорилъ народъ: — мы присягали о наслѣдствіи престола всероссійскаго, а именно имъ не объявлено, кого учинитъ (наслѣдникомъ); а прежніе цари всегда прямо наслѣдниками чинили и всенародно публиковали; а то кому присягаемъ — не знаемъ! Такая присяга по тѣхъ мѣстъ, пока императоръ самъ живъ, и присягаемъ-то мы ему лукавымъ сердцемъ“ [2]).

Нарушеніе стариннаго обычая, исполненіе котораго всегда служило къ спокойствію страны и хоть въ выборѣ наслѣдника устраняло произволъ государя, вызвало въ народѣ рѣзкія сужденія; оно усилило общій ропотъ и недовольство.

Народъ и солдатство видѣли, что государь рѣшительно хочетъ упрочить за своей супругой мѣсто на россійскомъ престолѣ, и въ полкахъ слышались такого рода укоризны: „Государь царицу нынѣшнюю взялъ не изъ большого шляхетства, а прежнюю царицу богъ-знаетъ куда дѣвалъ!“ [3]).

Въ эти-то годы, когда царицѣ не изъ высокаго шляхетства расточались государемъ знаки самой пылкой страсти, когда ради ея онъ нарушалъ стариннѣйшіе обычаи, которыхъ не дерзнулъ даже нарушить его прототипъ Иванъ Васильевичъ Грозный, — въ эти

[1]) Письмо его къ Алексѣю Вас. Макарову. Госуд. Арх. Каб. II пол., т. LXI, лл. 870 и 871.

[2]) Госуд. Архивъ, дѣла тайн. канцел., картонъ XXII, д. 46 (1722—1723 г.).

[3]) Госуд. Арх. Вершенныя дѣла розыскныхъ дѣлъ тайной канц., карт. XI, д. 3 (1723 г.).

годы „Катерина не изъ шляхетства“, какъ мы видѣли, дала полную мочь и силу красавцу камеръ-юнкеру. Виллимъ Ивановичъ не встрѣчалъ уже себѣ ни въ чемъ отказу. И немудрено...

Здоровье державнаго супруга Екатерины Алексѣевны было плохо. Какъ видно изъ его же цидулокъ за пять, за шесть лѣтъ до своей смерти, Петръ рѣдко разставался съ лекарствами. Блюментросту, Арескину и другимъ придворнымъ медикамъ была довольно трудная работа съ больнымъ, такъ какъ паціентъ никакъ не могъ выдерживать строгой діеты. Больнымъ возвращался государь и изъ персидскаго похода; птенцы въ заботахъ о его здоровьѣ выслали навстрѣчу барона Бера.

— „Баронъ обнадеживаетъ весьма,—писалъ Ягужинскій—что его лекарство дѣйствительно будетъ, которое онъ нетокмо на собственную похвалу полагаетъ, но предаетъ сверхъ того на экзаминацію медиковъ. Дай всевышній-боже, чтобъ оный его арканумъ къ содержанію многолѣтно вашего величества здравія служилъ“ [1]).

А подлѣ больного Петра—еще блестящѣе, еще эфектнѣе наружность полной, высокой, вполнѣ еще цвѣтущей Катерины Алексѣевны.

Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годы, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи.

Вотъ она—то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, то въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества ништадтскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ; на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка; черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонко-розоваго цвѣта поздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди,—все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Катерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности [2]).

---

[1]) Письма Ягужинскаго. Госуд. Арх. Каб. II, карт. LXI, л. 900, 869 и друг.

[2]) Портреты Екатерины въ Зимнемъ дворцѣ, въ Петровской и Романовской галереяхъ, №№ 1358, 1352 и друг. А вотъ между ними портретъ Екатерины I въ профиль: лицо обрюзглое, багрово-краснаго цвѣта, щеки какъ-то взборождены, подбородокъ отвисъ. Явно, что этотъ портретъ сдѣланъ уже тогда, когда она была самодержавная на тронѣ императрица, незадолго до ея смерти.

Печалуясь въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Катерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурства: дѣло въ томъ, что, по характеру своему, она не была способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьозно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣевалась интимнымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ,—Монсомъ съ его фамиліей.

Но неужели не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги—необыкновенною властью, своимъ вмѣшательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, даетъ пищу неблагопріятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его „сердешнинькаго друга"?

Такой голосъ, казалось, всего скорѣе долженъ былъ раздаться со стороны птенцовъ государя; но птенцы не только молчали, но ползали предъ фаворитомъ: они нуждались въ немъ, нуждались для ходатайства предъ „премилосердой государыней", короче—имъ было невыгодно открывать глаза „старику-батюшкѣ". Довольно сказать, что князь Меншиковъ, этотъ сильнѣйшій изъ птенцовъ Петра, держался въ это время только заступничествомъ Катерины, то-есть—Монса. И это онъ понималъ, лучше-сказать—объ этомъ онъ радѣлъ безпрестанно.

Меншиковъ въ 1722—1723 годахъ былъ обвиняемъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ превышеніи своей власти, въ захватѣ частной и казенной собственности и т. под. преступленіяхъ, которыя такъ были велики, что ихъ бы не искупили всѣ прежнія заслуги „Алексашки" предъ грознымъ монархомъ. Онъ уже въ немилости, о его неправдахъ производятъ слѣдствіе, ему грозитъ не только опала,—нѣтъ, даже казнь — и онъ спѣшитъ за помощью къ Монсу и его сестрѣ. Скупой, гордый и тщеславный, князь не стыдился дѣлать имъ подарки: такъ, напримѣръ, онъ подарилъ Монсу лошадь съ полнымъ уборомъ,—подарки, правда, не цѣнные, но достаточно громоздкіе для того, чтобъ судить о его трусости. Въ 1723 году племянникъ Монса, Петръ Балкъ, женился на Полевой; свадьба была играна въ Москвѣ и при томъ въ чертогахъ Меншикова. Князь самъ предложилъ ихъ къ услугамъ Монса, и мало того: забывая обычную свою скупость, на свой счетъ угощалъ многочисленныхъ гостей своихъ „патроновъ".—Трудъ и издержки не пропали.

Виллимъ и сестра его похлопотали объ опальномъ предъ „премилостивою матерью“. Та неотступно просила государя о прощеніи Меншикова:

— „Если, Катенька,—сказалъ Петръ—онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю“.

— „Его императорское величество и ея императорское величество — поспѣшила извѣстить Меншикова знакомая намъ Матрена Ивановна—паки къ вамъ милостивы, о чемъ паки истинно всесердечною радостью радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости... получить милость отъ ихъ величествъ“ [1]).

Петръ ни въ чемъ не можетъ отказать „Катеринушкѣ“; та въ свою очередь не имѣетъ твердости устоять противъ просьбъ своего камеръ-юнкера. Къ прежнимъ фактамъ приведемъ еще одинъ, впрочемъ не послѣдній.

При Екатеринѣ состоялъ камеръ-пажомъ Павловъ; молодой человѣкъ, гульливый, дерзкій, онъ только и держался милостью Монса, милостью, какъ мы видѣли, закупленной золотыми часами и т. под. подарками. Однажды Павловъ жестоко избилъ, безъ сомнѣнія въ пьяномъ видѣ, одного изъ придворныхъ чиновниковъ. Избіенный взмолился объ удовлетвореніи за обиду [2]). онъ былъ правъ; гуляка и буянъ кругомъ виноватъ; безпутство пажа превзошло терпѣнье Екатерины и, по ея просьбѣ, государь приказалъ выписать буяна въ армію въ солдаты. Казалось дѣло на этомъ и кончилось, но Павловъ нашолъ спасителя: то былъ могущественный Монсъ.

„Всенижайше ваше величество прошу,—писалъ камеръ-юнкеръ— о всемилостивѣйшемъ прощеніи камеръ-пажа Павлова, понеже увѣдомился я, что ваше величество высокоблагоизволили назначить онаго въ солдаты. И ежели оное вашего величества изволеніе не-

---

[1]) Письмо отъ 3 іюня 1723 г. Бумаги кн. Меншикова въ Госуд. Архивѣ.

[2]) „Жаловался я оному Павлову,—писалъ челобитчикъ—на человѣка его въ показанныхъ мнѣ обидахъ... и онъ, Павловъ... училъ меня бранить всякою неподобною бранью, и сталъ меня бить по щекамъ, и ухватя шандалъ со стола со свѣчею бросилъ въ меня и ушибъ меня въ затылокъ. Да въ другой разъ, ухватя стулъ, бросилъ въ меня-жъ и ушибъ меня въ голову, и тѣми разами проломилъ мнѣ голову до крови, отъ которыхъ его ударовъ едва не изошелъ кровью. Отчего не надѣясь себѣ живота и отцемъ духовнымъ исповѣдыванъ; и нынѣ отъ его тазовъ лежу при смерти, и слухъ весь заложило, и великой обморокъ ошибаетъ... и въ разумъ... едва прихожу... и жена моя отъ такого великаго страху нынѣ лежитъ при смерти... Того ради“ и проч., Госуд. Арх., бумаги Монса.

превратно, покорнѣйше всемилостивѣйшую государыню прошу пожаловать онаго сержантомъ отъ двора отпустить. Буде же той милости не изволите съ нимъ учинить, покорнѣйше прошу оное вашего величества изволеніе до благополучнаго прощенія его величества отмѣнить. Вторично всемилостивѣйшую государыню прошу, чтобъ для бѣднаго прошенія моего изволили учинить съ нимъ милость, въ чемъ на великодушіе вашего величества имѣю надежду".

Содержаніе просьбы, лучше-сказать, поводъ, ее вызвавшій, маловаженъ; но тонъ просьбы, та увѣренность, которая такъ и слышится въ каждомъ словѣ челобитья, весьма знаменательны. Говорить-ли, что просьба была принята.

Павловъ не только оставленъ при дворѣ, но даже получилъ награду въ годъ полнѣйшаго торжества Екатерины Алексѣевны и одновременнаго съ нимъ возвеличенія Виллима Монса!

VI.

КОРОНАЦІЯ И КАМЕРГЕРСТВО

1724.

Въ концѣ 1723 года Петербургъ и Москва были очень заняты толками и приготовленіями высочайшаго двора къ предстоящей коронаціи Екатерины.

Одинъ изъ усерднѣйшихъ ея сторонниковъ Петръ Андреевичъ Толстой, въ виду новыхъ наградъ и отличій, уже въ достаточномъ числѣ пожатыхъ имъ за изловленіе, допросы и истязанія царевича Алексѣя Петровича,—этотъ самый Толстой отправленъ въ Москву въ качествѣ главнаго руководителя всѣми приготовленіями. Онъ заказывалъ корону и разные уборы для императрицы; подъ его наблюденіемъ шили ей епанчу съ гербами, обшивали дорогими ливреями придворные чины: пажей, гайдуковъ, трубачей, волтернистовъ; обивали въ грановитой и въ столовой палатахъ стѣны, полы, лѣстницы; вышивали вензеля государыни на всѣхъ уборахъ, воздвигались тріумфальные ворота, производились закупки разныхъ запасовъ и т. п.

По всѣмъ возникавшимъ вопросамъ въ случаяхъ сомнительныхъ П. А. Толстой обращался къ Монсу, и эта переписка знакомитъ насъ съ приготовленіями къ небывалому въ Россійскомъ государствѣ торжеству: коронованію женщины [1]). Между дѣловой перепиской о дѣланіи ливрей, о цвѣтѣ суконъ для нихъ, о величинѣ гербовъ, собесѣдники обмѣнивались любезностями. Монсъ передавалъ

[1]) Госуд. Арх., бумаги Монса. Письма Петра Андреевича Толстого. Москва, 1724 г., января 3, 17, 21, неизв. числа одно, и см. въ Прилож. № X: 1, 2, 3; Ивана Толстого — неизв. числа письмо; Чернышевъ — Москва, 1724 г., 31 января.

Толстому увѣренность государыни, что тотъ ничего не упуститъ изъ виду: „за такую ея величества высокую милость,—отвѣчалъ старый придворный—всеподданнѣйше благодарствую, и воистинно со всякимъ моимъ прилежнымъ попеченіемъ, презря мою болѣзнь, тружданося, чтобъ во всемъ изволеніе ея величества исполнить“.

Петръ Андреевичъ „труждался“ съ необыкновеннымъ усердіемъ и осмотрительностью; ничего-то онъ не упускалъ изъ виду: онъ не дѣлалъ напримѣръ гербовъ на епанчу Екатерины, либо ливрей на ея музыкантовъ безъ того, чтобы не спросить какой ей нравится фасонъ, цвѣтъ, „сколь богато устроить“; предъявлялъ свое „слабое мнѣніе“ о необходимости прислать къ нему, вмѣсто модели, нѣсколькихъ изъ музыкантовъ для обшивки ихъ нарядами, и какъ соизволитъ гербы шить, и выбирать ли изъ столовой палаты рундуки противъ того, какъ это сдѣлано въ Грановитой? „А Грановитая палата безъ рундуковъ,—замѣчалъ Толстой—зѣло лучше и веселѣе стала“. Надписи и тѣ посылались къ Монсу на предварительное его разсмотрѣніе или докладъ государынѣ; къ нему шли рапорты отъ разныхъ помощниковъ Толстого, о свозѣ изъ городовъ въ Москву всякихъ запасовъ для ожидаемаго тамъ двора. „Для господабога,—просилъ Толстой Монса—всему вышеписанному опредѣленіе учинить и меня увѣдомить не умедлите о всемъ обстоятельно“.

Въ виду предстоящаго торжества Екатерины, счастливаго камеръ-юнкера ея засыпали просьбами, порученіями, письмами съ „напамятованіями“ по дѣламъ, наконецъ цидулками съ извѣщеніями о подаркахъ [1]).

---

[1]) Укажемъ на извѣстныя намъ лица, искавшія въ Монсѣ, или дарившія его въ 1724 году любезностями, обѣщаніями, а чаще всего всевозможными презентами: Леонтій Арцыбушевъ, Семенъ Аврамовъ—состоявшій въ посольствѣ при дворѣ персидскаго шаха, графъ Бонде, Вильгельмъ Бергъ—шведъ, Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, князь Михаилъ Бѣлосельскій—офицеръ, Артемій Петровичъ Волынскій, Ларіонъ Головинъ, Никита Грузинцовъ—завѣд. нижегородскими вотчинами Екатерины, фельдмаршалъ князь Мих. Мих. Голицынъ, Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, негоціантка Гутманъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ А. М. Девіеръ, Иванъ Дмитріевъ, дворц. служ. Петръ Еблонскій, Андрей Енгеръ — агентъ въ Шемахѣ, Данила Ефремовъ – старшина въ войскѣ донскомъ, Іонгстейнъ изъ Риги, Климовъ — харьковск. полковой писарь, Ив. Константиновъ — ревизоръ по имѣніямъ Екатерины, Александръ Кайсаровъ—служ. при ея дворѣ, Кузьминъ—тоже, Тимофей Кутузовъ—сборщикъ оброковъ въ имѣн. государыни,

Такъ герцогиня Анна Ивановна чрезъ своего гофмаршала Бестужева просила Монса извѣстить ее о „платьѣ, какимъ образомъ для своего выѣзда (въ день коронованія Екатерины) изволила бы сдѣлать; понеже ея высочество—писалъ гофмаршалъ—изволила слышать, что при коронаціи... при дворѣ платья будутъ особымъ манеромъ, и вы, мой государь, о томъ увѣдомьте подлинно и съ первою почтою ко мнѣ отпишите".

Вотъ аристократка и богачка Анна Шереметева проситъ Монса „предстательствовать" предъ государыней объ освобожденіи изъ тайниковъ преображенскихъ—людей ея: „а тѣ мои люди сидятъ въ исцовыхъ дѣлахъ—пишетъ Шереметева—и лакеи, возницы побраны, и многое время уже держатся, въ чемъ я имѣю заключеніе въ домѣ своемъ, что выѣхать мнѣ изъ двора не съ кѣмъ; понеже ѣздила я къ обѣднѣ до церкви божіей, и въ то время послѣдняго лакея отъ кареты моей взяли... о семъ прошу вашего милостиваго предстательства".

О предстательствѣ же просилъ Арцыбушевъ, правитель вотчинной канцеляріи императрицы: рядомъ писемъ въ началѣ 1724 года онъ вымаливалъ у Монса исходатайствовать о дачѣ ему жалованья, „такъ какъ въ санктъ-питербурхѣ безъ денегъ и безъ хлѣба житіе

Корницкій, Родіонъ Кошелевъ—служ. при дворѣ, Сусанна Люпсъ—негоціантка, Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, Марморъ—управл. имѣн. Екатерины, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, Мелкосаровскій—служ. по имѣн. Екатерины, Михайловъ—помѣщикъ, стряпчій Федоръ Масловъ, Василій и Петръ Мошковы; Новоселецкій, Ярошевскій, Малявкинъ и Кулонъ—крестовые дьяки; Захарій Мишуковъ—морякъ, Борисъ Нероновъ—придворн., Александръ Нарышкинъ, Алексѣй Носовъ—придворн., баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, Иванъ Патрикѣевъ—придворн., Петръ Поспѣловъ—деньщикъ Петра, Георгій Поликола—госуд. докторъ, камеръ-пажи Никита и Федоръ Павловы, главный управляющій имѣніями Екатерины Григорій Полибинъ, Потемкинъ—кораб. мастеръ, князь Борисъ Ивановичъ Прозоровскій, Яковъ Рыцловъ—винный погребщикъ, Степанъ Соболевъ—придворн., Салуци—негоціантъ, придворный факторъ; Ферапонтъ Суровцевъ—синбирскій помѣщикъ, Петръ Андреевичъ Толстой, Иванъ Петровичъ Толстой, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, кн. Василій Хованскій, Дмитрій Чернышевъ—придворн., Челищевъ, Иванъ Максимов. Шуваловъ—комендантъ Выборга, Анна Шереметева, Федоръ Шушеринъ—заводчикъ, капитанъ Иванъ Ивановичъ Шульцъ, кн. Николай Щербатовъ и нѣкот. друг.—Всѣ письма 1724-го года, подобно предыдущимъ, преимущественно на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ. См. въ Государ. Архивѣ, въ С.-Петербургѣ,—бумаги Виллима Монса.

трудное“; а въ то же время убогій правитель щедрою рукою выдавалъ изъ дворцовыхъ амбаровъ въ домъ „милостивца“ рожь, крупу, горохъ, снитковъ, овесъ, сѣно—и выдавалось то въ избыткѣ, сверхъ окладу: это была своего рода взятка.

А вотъ какъ приглашаетъ къ себѣ Виллима Ивановича нѣкто Иванъ Воронинъ: „уповаю, или могу хотя чрезъ многой трудъ я вашу милость къ себѣ получить, того ради милости у тебя, моего государя, покорно прошу: помилуй, помилуй, не оставь убогаго просьбы... Пріѣзжалъ (я) до вашей милости персонально просить... (но) въ домѣ васъ не получилъ. Въ надѣяніи вашего милосердія униженно кланяюся“.

Этотъ униженный поклонъ отдавался кажется однимъ изъ свойственниковъ Ворониныхъ, сосланныхъ по суздальскому розыску. Грядущее празднество вообще давало надежду родственникамъ опальныхъ по дѣлу царевича Алексѣя на милостивое прощеніе; но для полученія его надо имѣть ходатая: его видѣли въ Монсѣ [1]).

Такъ Чернышевъ особенно хлопоталъ, при его посредствѣ, о возвращеніи изъ ссылки княгини Троекуровой, столь нещадно избитой батогами въ 1718 году; просилъ о чемъ-то таинственно кн. Николай Щербатовъ, безъ сомнѣнія о своихъ родственникахъ, также пострадавшихъ въ то страдное время; просилъ и Степанъ Лопухинъ... но нѣтъ, у того были свои заботы: писалъ онъ Виллиму Ивановичу, что-де осматриваетъ онъ, да холитъ лошадей его, своего „дядюшки и отца“, тѣхъ самыхъ лошадей, которыхъ „присовокупилъ“ дядюшка въ бытность свою въ Астрахани въ 1722 году отъ Волынскаго. Хлопочетъ Степанъ Васильевичъ Лопухинъ о покупкѣ позументовъ и другихъ гардеробныхъ принадлежностей опять-таки для дядюшки. Кажется все заботы такія невинныя, столь безкорыстныя, но тутъ же въ письмѣ вложена цидулка другого почерка и безъ подписи: „въ московскомъ уѣздѣ сельцо Суханово съ деревнями—25 дворовъ, въ суздальскомъ уѣздѣ село Слумово съ деревнями—300 дворовъ“. Цидулка

[1]) Впрочемъ по случаю коронаціи Екатерины въ 1724 г.,—Монсъ докладывалъ о прощеніи, о снятіи ареста и о возвращеніи имѣнія многимъ „неполитическимъ“ преступникамъ. Такъ онъ просилъ о бывшемъ комендантѣ Кошкаревѣ, кн. Иванѣ Щербатовѣ, объ оберъ-комендантѣ Карповѣ, о стольникѣ Зубовѣ, поручикѣ Ракитинѣ, стольникѣ Беклемишевѣ, комисарѣ Молчановѣ: всѣ эти лица, въ особенности послѣдніе двое, виновны были и осуждены за взятки. Они прославились воровствомъ въ Сибири при князѣ Матвѣѣ Гагаринѣ и нашли себѣ заступника и предстателя въ Монсѣ.

краснорѣчиво свидѣтельствовала, что и зять камеръ-юнкера не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая поживиться отъ щедротъ государыни.

Соблазнъ вообще такъ былъ великъ, съ коронаціей соединялось столько надеждъ на милости, что даже честный воинъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ—и тотъ не хотѣлъ остаться вдали отъ мѣста торжества: „увѣдомился я—писалъ князь къ Виллиму Монсу изъ Ахтырки — увѣдомился, якобы ихъ величества въ Москву изволятъ прибыть вскорости: того ради васъ, моего государя, прошу, дабы для такого великаго дѣла, которое между всей Европіею надъ ея величествомъ... прославитца, излуча часъ доложить, чтобъ хотя на малое время былъ (я) уволенъ въ Москву... и какой на докладъ изволите получить указъ, прошу приказать меня увѣдомить“.

Подарки между тѣмъ идутъ, да идутъ Монсу; у него правило— ничѣмъ не брезгать. Иванъ Толстой прислалъ собаку „для веселія“; синбирскій помѣщикъ Суровцевъ подарилъ нарочно приведенную изъ своей вотчины лошадь и даритъ на томъ основаніи, что она „будетъ сходна“ съ одной изъ лошадей Монса. Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинѣ, при посредствѣ канцлера, отца своего, презентовалъ Виллиму Ивановичу иноходца, такъ какъ „его милость до такихъ лошадей охотникъ“. Князь Алексѣй Долгоруковъ, какъ мы видѣли, одолжилъ брата и сестру Монсъ двумя шестериками лошадей и коляской [1]).

Причина столь щедраго одолженія состояла въ слѣдующемъ: нѣкто иноземецъ Стельсъ владѣлъ, по указу государя, нѣсколькими дворцовыми деревнями, приписанными къ пороховымъ его заводамъ; по смерти Стельса не осталось прямыхъ наслѣдниковъ, тѣмъ не менѣе шуринъ его Марли продалъ деревни кн. Долгорукову; оберъ-фискалъ протестовалъ противъ незаконной продажи, и вотъ покупщикъ спѣшилъ сдѣлать ее законною щедрыми „посулами“; сенатъ позамѣшкался, рѣшенія не положилъ — и дѣло, стараніями Монса, скоро очутилось въ вотчинной коллегіи.

---

[1]) Ловкій придворный, князь Алексѣй Долгоруковъ, какъ кажется, не забылъ одарить и зятя Монса, Степана Лопухина. По крайней мѣрѣ послѣдній также хлопоталъ о его дѣлѣ: „вамъ самимъ извѣстна — писалъ Степанъ къ Виллиму Ивановичу, убѣждая его порадѣть о дѣлѣ князя — вамъ самимъ извѣстна его любовь ко всѣмъ намъ, такожде и къ вамъ; а что же съ моей стороны, истинно никого не имѣю такого себѣ, какъ его“.

Повидимому скромнѣе другихъ подарковъ была посылочка изъ Вологды иноземки-негоціантки Готманъ. Она хлопотала о жалованной грамотѣ на вольную покупку въ Вологдѣ и въ другихъ городахъ пеньки и другого товара, съ тѣмъ чтобы отпускать его чрезъ архангельскій портъ заграницу. Отпускъ товаровъ заграницу, въ силу указовъ Петра, долженъ былъ производиться чрезъ петербургскій портъ: вотъ почему просьбу Готманъ трудно было удовлетворить; зная это, она для лучшаго „старательства" послала къ высокой милости Монса рыжечковъ мѣленькихъ въ сулѣечкѣ. „Соблаговолите принять—заключила она свою просьбу—и кушать на здоровье, и на сію мою малую посылку подивить не извольте". Не много нужно догадливости, чтобъ понять, что „мѣленькіе рыжички" были ничто другое, какъ голандскіе червонцы.

Они подошли кстати: среди приготовленій къ коронаціи Екатерины Виллимъ Ивановичъ развлекался постройкой обширнаго, богатаго, комфортабельнаго дома—на мѣстѣ дома, купленнаго имъ у доктора Поликола, находившагося на правомъ берегу (къ сторонѣ адмиралтейства) рѣчки Мьи (Мойки). Придворный стряпчій Масловъ принялъ на себя хлопоты о наймѣ и заключеніи контракта съ рабочими, о покупкѣ матерьяловъ, наблюденіи за работами и проч. [1]); изъ вѣдомства кабинета ея величества на постройку дома камеръ-юнкера отпустили даромъ плитняку (12 куб. саженъ), кирпичу (150 тыс.), извести (650 боч.) и прочаго матерьялу; оберъ-полиціймейстеръ Девіеръ хлопоталъ между тѣмъ по дѣлу покупки Монсомъ другого двора, на Васильевскомъ островѣ, у флотскаго поручика Арсеньева. Государевы указы однако строго-

[1]) Не безъинтересно указать во что обходились въ то время постройки деревянныя въ Петербургѣ. Изъ контракта стряпчаго, повѣреннаго Монса, съ плотниками (1724 г., мѣсяцъ февраль) видно, что послѣдніе обязывались, „на приморскаго онаго, господина де-Монса, мѣстѣ сдѣлать плотничною, самою доброю и гладкою работою, безъ всякіе охулки, кромѣ токаренной работы, а именно балясъ,—сдѣлать: по обѣ стороны хоромъ галлереи на 20 саж., двое воротъ рѣшетчатыхъ, погребъ и свѣтлицу на 10 саж.; между обрубами погреба насыпать землею; отъ погреба провести въ прудъ трубу, на 23 саж., выстроить конюшню, сарай, межъ ими ворота; на пруду сдѣлать плотину въ 200 свай въ три яруса, сваи трехъ-саженныя; старую плотину разобрать и землю выбрать; въ хоромы сдѣлать двери, наличники, окна и наличники на окна, и выходъ, и рундуки, и слуховыя окна, и землю на потолки насыпать" и проч. За всю работу плотники должны были получить по контракту 410 рублей.

на-строго запрещали—ничьихъ дворовъ на Васильевскомъ острову, кромѣ излишнихъ противъ указнаго числа, ни подъ какимъ видомъ не продавать и не закладывать [1]), доколѣ тотъ островъ „не удовольствуется строеніемъ". Дворъ поручика не былъ въ числѣ излишнихъ, покупка не состоялась, и, извѣщая Монса о неудачѣ хлопотъ, Девіеръ тутъ же въ письмѣ осторожно вложилъ безыменную, своей впрочемъ руки, цидулку: „объявляю вашей милости: имѣю у себя двѣ лошади — коня да рыскучаю лошадь, и ежели которая вамъ будетъ угодна, изволь ко мнѣ отписать, куда ее къ вашей милости прислать".

Какъ богатъ былъ въ это время Монсъ отъ всевозможныхъ презентовъ, можно судить по тѣмъ вещамъ, какія наполняли его комнаты: такъ у него была статуйка изрядной величины изъ чистаго золота, были часы, одна починка которыхъ стоила 400 рублей, и многіе другіе предметы роскоши [2]). Изъ недвижимыхъ имѣній за нимъ были благопріобрѣтенные дворы съ строеніями въ Петербургѣ, домъ материнскій въ Москвѣ, другой домъ тамъ же, купленный для него государыней у Нарышкина, близь двора Салтыкова [3]); дворъ съ строеніемъ, съ землею и угодьями близь Стрѣльны— подарокъ царицы Прасковьи; земля въ Лифляндіи, какъ досталась ему, неизвѣстно; села съ деревнями, выпрошенныя въ разное время и въ разныхъ уѣздахъ чрезъ государыню; ему же подарила ца-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ: указы 30 іюля 1719 г., 4 іюля и 10 дек. 1720 г., 14 дек. 1721 г.

[2]) Госуд. Архивъ, бумаги Монса. Письмо Мошкова къ Монсу 30 марта 1724 г.—Въ началѣ 1724 года за Монсомъ утвержденъ былъ сенатомъ „шведскій залогъ Смильтенскаго имѣнія въ Лифляндіи, принадлежавшій Венгартскимъ наслѣдникамъ". „Поспѣшите дальнѣйшими распоряженіями по этому дѣлу,—писалъ Монсу нѣкто Вильгельмъ Бергъ 9 февр. 1724 г.,—потому что въ настоящее время—наиудобнѣйшее для принятія (имѣнія), такъ какъ прошлогодніе доходы съ имѣнія находятся еще налицо и не вошли въ раздѣлъ между прежними владѣтелями".

[3]) „А тотъ дворъ—описывалъ одинъ изъ слугъ Монса—всемѣрно хорошъ и на красномъ мѣстѣ стоитъ, съ котораго какъ Москва, такъ и нѣмецкая слобода всѣ видны; лучше красотою двора Василья Ѳедоровича Салтыкова, только что тотъ его дворъ противъ вашего (письмо къ Монсу) очень великъ. И содержится тотъ вашъ дворъ близь самаго лѣтняго дворца во 120 саженяхъ, и пришелъ огородомъ (т. е. садомъ) къ самой Яузѣ рѣкѣ, и зѣло тотъ дворъ..." и проч. Московскій подарокъ Монсу состоялъ изъ слѣдующихъ построекъ: горницъ, кухарни, сарая, хлѣбныхъ амбаровъ, конюшни и двухъ людскихъ избъ. (Письмо Корницкаго 22 сент. 1724 г.).

ревна Праковья Ивановна за ходатайства по ея домовымъ распорядкамъ, кромѣ другихъ „гостинцовъ“, громаднѣйшее имѣніе—село Оршу съ деревнями и 1500 жителей обоего пола, въ пусторжевскомъ уѣздѣ; въ концѣ 1723 года туда уже посланъ отъ Монса одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, который именемъ императрицы долженъ былъ собрать объ имѣніи самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Царевна вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сильно нуждалась въ такомъ могучемъ патронѣ, какимъ былъ для нея Монсъ: вотъ почему она такъ щедро его одаривала [1]). Къ несчастію Виллима Ивановича встрѣтились какія-то формальности, вслѣдствіе которыхъ онъ не могъ сдѣлаться владѣльцемъ Орши; тогда царевна Прасковья Ивановна вошла съ нимъ въ сдѣлку: имѣніе осталось за ней, но оброкъ съ крестьянъ предоставлялся въ распоряженіе ея „милостивца, заступника и ходатая“ [2]).

Въ то время какъ Виллимъ Ивановичъ часы своего досуга отдавалъ пріятнымъ для него хлопотамъ, посмотримъ, что дѣлали въ это время Петръ съ „свѣтъ-Катеринушкой“; какъ проходила жизнь всего двора, какія событія разнообразили обычное препровожденіе времени.

Обычное препровожденіе времени Петра состояло въ его занятіяхъ государственными дѣлами, совѣщаніяхъ въ сенатѣ, разъѣздахъ въ Кронштатъ, въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Сарское село; затѣмъ свободные часы пролетали въ пирушкахъ, въ посѣщеніи нѣмецкихъ „комедій“, въ танцовальныхъ ассамблеяхъ, въ маскарадахъ,

---

[1]) Быть можетъ къ тому убѣдилъ ее кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, задушевный другъ Монса. Съ 1723 года Макарову порученъ былъ отъ государя главный надзоръ за хозяйствомъ царевенъ Катерины и Прасковьи, дочерей царя Ивана Алексѣевича.

[2]) Чтобъ дать понятіе о тогдашнихъ оброкахъ, привожу вѣдомость оброчную: „вотчины боярина Алексѣя Петровича Салтыкова въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ жеребьи, въ селѣ Ижевскомъ было у него 50 дворовъ съ 304 д. муж. пола и 310 душ. жен. пола. Всѣхъ обоего пола 614 чел., на каждый дворъ по 12 чел., остатокъ 14. Оброку платили. Оброчныхъ денегъ по 100 р. За окладной медъ по 25 р. Свинаго мяса по 200 пудъ; гусей по 200 шт.; утокъ по 22; поросятъ по 25; куръ по 50; яицъ по 700; вина по 100 вед.; пшеницы по 25 четвертей; крупъ гречневыхъ по 25 четв.; сукна по 50 арш.; холста по 50 арш.; свѣжей рыбы: щукъ по 500, карасей по 500. А земли въ дачѣ—350 четвертей; да три озера, да притомъ еще два озера общихъ. И ежели положить — сказано далѣе въ вѣдомости—всяку душу по 10 рублевъ, итого будетъ 6,140 руб., кромѣ земли и озеръ“.

въ наѣздахъ на дома вельможъ съ „безпокойною братіею“, т. е. „всепьяннѣйшимъ и сумасброднѣйшимъ соборомъ“; наконецъ время проходило въ устройствѣ фейерверковъ и разныхъ шутовскихъ процессій, хотя бы и по поводу погребенія того или другого лица, состоявшаго при дворѣ. Петръ, какъ извѣстно, былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на подобныя церемоніи.

Полюбуемтесь на него и на его птенцовъ въ ихъ забавахъ 1724 года.

Вотъ государь опаиваетъ худенькаго, невзрачнаго и больно недалекаго герцога голштинскаго; опаиваетъ-то онъ его не въ первый и не въ послѣдній разъ, но въ настоящую пирушку эта спойка производится съ особою цѣлью: Петру почему-то хочется пристрастить герцога къ венгерскому и отучить отъ мозельвейна. Съ пирушекъ и піянственныхъ загуловъ дворъ ѣздилъ въ комедію; спектакли тянулись вяло, скучно, такъ что государь рѣшительно приказалъ, чтобы комедіи имѣли не болѣе трехъ дѣйствій и не заключали бы въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ; но и въ этомъ видѣ онѣ все-таки не развлекали государя, такъ что, сидя въ ложѣ съ семействомъ, Петръ нерѣдко развлекался только шутками надъ своимъ поваромъ.

Гораздо интереснѣе была комедія, сочиненная самимъ Петромъ для забавы себя и своего двора. Главнымъ сюжетомъ потѣхи былъ трупъ государева карлика [1]); похоронная процессія его была обставлена слѣдующимъ образомъ: впереди шли попарно тридцать пѣвчихъ, все маленькіе мальчики; за ними слѣдовалъ въ полномъ облаченіи крошечный попъ; затѣмъ шесть крошечныхъ лошадей въ черныхъ попонахъ, ведомыя маленькими пажами, везли сани особаго устройства; на саняхъ лежалъ трупъ карлика въ гробу, подъ бархатнымъ покровомъ. Маршалъ съ маршальскимъ жезломъ и множество толстыхъ, безобразныхъ, большеголовыхъ карловъ и карлицъ вытягивались въ длинной процессіи въ траурныхъ костюмахъ, причемъ карлицы, игравшія роли „первыхъ траурныхъ дамъ“, были подъ вуалями. Для контраста и бо́льшаго эффекта по бокамъ процессіи шли громаднѣйшаго роста гренадеры и гайдуки съ факелами.

Какъ ни обычны были въ тогдашнее время потѣхи высокихъ

---

[1]) Того самаго карлика, шутовскую свадьбу котораго Петръ устроилъ въ 1710 году. См. нашъ очеркъ: „Царица Прасковья“ въ I томѣ нашего собранія разсказовъ изъ русской исторіи XVIII вѣка.

персонъ надъ личностью низшаго, но при видѣ этого зрѣлища заѣзжіе нѣмцы невольно говорили: „такой-де странной процессіи едвали гдѣ-нибудь придется увидѣть, кромѣ какъ въ Россіи!“ За то здѣсь ихъ было множество.

Такъ, въ первыхъ числахъ февраля 1724 года втеченіи нѣсколькихъ дней по улицамъ Петербурга прогуливались и разъѣзжали голандскіе матросы, индѣйскіе брамины, павіаны, арлекины, французскіе поселяне и поселянки и т. п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенатъ, знатнѣйшія дамы и дѣвицы, генеральсъ-адъютанты, деньщики и разные придворные чины. Члены разныхъ коллегій и сената въ эти дни оффиціальнаго шутовства нигдѣ, ни даже на похоронахъ не смѣли скидавать масокъ и шутовскихъ нарядовъ; въ нихъ они являлись на службу въ сенатъ и въ коллегіи.

„Мнѣ кажется это неприличнымъ,—замѣчаетъ по этому случаю современникъ,—тѣмъ болѣе, что многія лица наряжены были такъ, какъ вовсе не подобаетъ старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Не покориться-жъ волѣ государя было не совсѣмъ благоразумно; тому были ежедневныя доказательства, и еще во время февральскихъ потѣхъ 1724 года одинъ поручикъ, состоявшій при дворѣ, былъ жестоко высѣченъ: преступленіе его состояло въ нарушеніи какого-то маскараднаго постановленія.

Героями маскарадныхъ потѣхъ были „всепьяннѣйшіе и сумасброднѣйшіе члены конклавіи князь-папы“; синклитъ его доходилъ до восьмидесяти человѣкъ и состоялъ изъ князей, бояръ, вообще потомковъ знатнѣйшихъ фамилій; тутъ же были и простолюдины. Кривляньями и забавными выходками они должны были развеселять императора, когда онъ бывалъ не въ духѣ [1]).

Въ эти же мѣсяцы дворъ былъ очень занятъ толками о крупномъ воровствѣ одного придворнаго брильянтщика Рокентина. Мы встрѣчали его уже въ числѣ искателей милостей Монса, видѣли изъ его челобитья, какъ онъ метался, не зная куда дѣться отъ тѣснившихъ его кредиторовъ. Защита Монса видно не укрыла его отъ нихъ и онъ, наконецъ, додумался до средства весьма рискованнаго.

---

[1]) См. наше изслѣдованіе, по д кументамъ Государственнаго Архива: „Петръ Великій какъ юмористъ“ во II-мъ томѣ нашихъ очерковъ и разсказовъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, Спб., изд. 1884 г., стр. 277—334.

Князь Меншиковъ далъ ему, какъ лучшему брильянтщику, множество драгоцѣнныхъ камней, цѣною тысячъ на сто рублей, для сдѣланія изъ нихъ застежки для мантіи императрицы. Князь Александръ Даниловичъ хотѣлъ презентовать застежку Екатеринѣ при ея коронаціи. Вдругъ Рокентинъ объявляетъ, что какіе-то пять человѣкъ, назвавшись посланными князя Меншикова, обманомъ затащили его за-городъ, отняли драгоцѣнный уборъ, раздѣли его, грозили удавить, если тотъ будетъ кричать, и наконецъ избитаго и связаннаго бросили въ лѣсу. Все это оказалось выдумкою самого ювелира.

Скоро заподозрѣнный Рокентинъ былъ арестованъ, и во дворцѣ государя, въ высочайшемъ присутствіи, цѣлый часъ болтался на вывороченныхъ назадъ рукахъ на вискѣ или дыбѣ [1]). Государь, лично занявшись допросомъ, убѣждалъ его сознаться; давалъ слово, что въ случаѣ раскаянья съ нимъ ничего не будетъ дурного и даже, чтобъ лучше вырвать у него признаніе, приказалъ при немъ бить кнутомъ другого преступника. Но и это оригинальное средство привлекать къ раскаянью не достигло своей цѣли, такъ что государь приказалъ дать Рокентину двадцать-пять ударовъ. Но ни въ этотъ разъ, ни на слѣдующей пыткѣ, о которой государь весьма весело и „милостиво“ разсказывалъ герцогу голштинскому, ни на третьей вискѣ Рокентинъ ни въ чемъ не сознался. Наконецъ, только убѣжденія суперинтендента вызвали вора на откровенность. Онъ повинился, что самъ укралъ брильянты и зарылъ ихъ на дворѣ своего дома въ кучѣ песку. Такъ какъ суперинтендентъ добился признанія только тѣмъ, что обѣщалъ вору прощеніе, то Рокентинъ и былъ освобожденъ; но недѣли двѣ спустя опять взятъ въ полицію, допрашиванъ по тому же дѣлу и по другимъ поступившимъ на него жалобамъ; наконецъ, послѣ полнаго сознанія, онъ былъ жестоко истязанъ кнутомъ, заклейменъ и сосланъ въ Сибирь. „Не будь онъ иностранецъ, его бы казнили смертью“,—такъ говорили современники [2]).

---

[1]) Изображеніе виски или дыбы въ XVIII вѣкѣ, въ Россіи, см. во второмъ томѣ нашихъ Очерковъ изъ русской исторіи: „Слово и дѣло“, Спб. изд. 1884 г. къ стр. 9.

[2]) О причинахъ вторичной арестаціи ювелира ходили тогда въ Петербургѣ разные слухи; между прочимъ увѣряли, что его для того взяли въ полицію, чтобъ смотрѣть за нимъ, потому что онъ будто бы въ нѣсколько дней страшно распухъ, и подозрѣвали, что его кто-нибудь пытался отравить ядомъ—

Впрочемъ дворъ не лишенъ былъ и этого рода зрѣлища: утромъ 24 января 1724 года совершены были казни оберъ-фискала Нестерова и его трехъ товарищей-фискаловъ, обвиненныхъ въ страшнѣйшемъ взяточничествѣ. Казни были совершены на Васильевскомъ острову, противъ зданія коллегій, что нынѣ зданіе С.-Петербургскаго университета. Подъ высокой висѣлицей, на которой такъ недавно еще висѣлъ князь Матвѣй Гагаринъ, устроили эшафотъ; позади его возвышались четыре высокихъ шеста съ колесами, спицы которыхъ на полъ-аршина были обиты желѣзомъ. Шесты эти назначались для взоткнутія головъ преступниковъ, когда тѣла ихъ будутъ привязаны къ колесамъ.

Когда декораціи были готовы, стеклась публика; большую часть ея составляли канцелярскіе и приказные чиновники, получившіе строжайшее повелѣніе непремѣнно быть при казни; государь съ множествомъ вельможъ смотрѣлъ изъ оконъ ревизіонъ-коллегіи.

Всѣ три старца-фискала одинъ за другимъ мужественно сложили головы на плахѣ.

Мучительнѣе всѣхъ была казнь Нестерова. Его заживо колесо-

такъ какъ весьма многіе имѣли съ нимъ разныя сдѣлки, и изъ боязни быть имъ оговоренными старались его извести. Любопытно, что 16 января 1724 года, въ тотъ именно день, когда Рокентинъ объявилъ свою выдумку, онъ два раза былъ у Монса: о чемъ они въ дѣйствительности толковали, неизвѣстно. Деньги помогли остаться Монсу внѣ всякаго подозрѣнія по соучастію въ дѣлѣ съ мошенникомъ-иноземцемъ, но едва-ли межъ ними не было какихъ-нибудь тайныхъ сдѣлокъ, если не по этому, то по другимъ дѣламъ. Госуд. Архивъ; письмо Девіера къ Монсу 18 янв. 1724 г. о присылкѣ въ полицію, по указу государя, людей Монса. Послѣ допроса людей, три дня спустя, именно 21-го января 1724 г., былъ допрошенъ и самъ Виллимъ Монсъ. Вотъ его разсказъ, изложенный имъ въ отвѣтахъ па вопросные пункты, сохранившіеся въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи.

— „Сего генваря 16 дня позолоторного ма тера Роконтина, въ исходѣ осмаго часу пополуночи, въ 8-мъ часу, человѣка своего для отдачи ея величества перстня для обтирки. И какъ онъ ко мнѣ пришелъ и я ему тотъ перстень отдалъ и велѣлъ принесть въ скорости. И какъ онъ, Роконтинъ, принесъ ко мнѣ перстень, вынявъ изъ кармана собою алмазныя вещи, сдѣланныя въ петлицѣ, завернутыя въ бѣлой бумагѣ. И вынявъ изъ бумаги, мнѣ показывалъ. И показавъ, по прежнему, завернулъ въ тужъ бѣлую бумагу и положилъ въ карманъ. А ящика я въ то время у него никоково не видалъ. И тѣ вещи я у него смотрѣть не спрашивалъ. И показывалъ онъ, Роконтинъ, собою. И положа, пошелъ отъ меня въ исходѣ девятаго часа, и сказалъ мнѣ, что онъ тое петлицу понесетъ къ свѣтлѣйшему князю. Да нынѣжъ сказывалъ служитель мой Шульцъ на другой день, что онъ, Роконтинъ, какъ

вали: раздробили ему сперва одну руку, потомъ ногу, потомъ другую руку и другую ногу. Послѣ того къ нему подошолъ одинъ изъ священниковъ и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ сознался въ своей винѣ; то же самое, отъ имени императора, сдѣлалъ и маіоръ Мамоновъ; государь обѣщалъ въ такомъ случаѣ оказать милость, т. е. немедленно отрубить голову. Но оберъ-фискалъ съ твердостью отвѣчалъ, что все уже высказалъ, что зналъ, и затѣмъ, какъ и до колесованья, не произнесъ болѣе ни слова. Наконецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ ихъ кровь и также обезглавили.

Девять человѣкъ получили каждый по пятидесяти ударовъ кнутомъ; четверымъ изъ нихъ щипцами вырвали ноздри и т. д.

Весь этотъ кровавый спектакль былъ явленіемъ обычнымъ; съ нимъ свыклись и пришлые нѣмцы, свыклись до того, что напримѣръ Берхгольцъ, безстрастно записавши подробности курьезнаго зрѣлища, сейчасъ же внесъ въ дневникъ замѣтку о погодѣ.

Былъ ли при сказненіи взяточниковъ нашъ смѣлый взяточникъ-любитель, Виллимъ Ивановичъ?

отъ меня пошелъ, генваря 16 дня въ исходѣ девятаго часа, зашелъ къ оному Шульцу. А какимъ образомъ казалъ, о томъ скажетъ онъ, Шульцъ, самъ. А оной Роконтинъ ко мнѣ въ хоромы приходилъ одинъ, также изъ хоромъ пошелъ одинъ же, а на дворъ съ кѣмъ приходилъ того не знаю. И при всемъ вышеписанномъ посторонніе кто былъ ли того не помню; но хотябъ и были и имъ того видѣть было не можно, понеже оную вещь оной Роконтинъ казалъ мнѣ искусно и стоя у окошка, а безъ служителей".

Монса спрашивали: „всѣхъ ли своихъ служителей и постороннихъ, кто у тебя живутъ, въ главную полицымейстерскую канцелярію къ свидѣтельству и познанію оному Роконтину показывалъ?"

— „Служителей своихъ и постороннихъ, кои у меня живутъ въ домѣ, въ главную полицымейстерскую канцелярію къ свидѣтельству и познанію оному Роконтину приводилъ и никого не потаилъ, и тѣ люди ему, Роконтину, показаны. До того какъ учинилась пропажа алмазнымъ вещамъ, а имянно декабря 9-го дня 1723 года, я послалъ служителей своихъ въ Москву: камардинера француза Никласа, да шведа Юрья, Михайлу Дорофѣева, Михайлу Петрова. Изъ нихъ одинъ, Юрья, ростомъ великъ, котораго и онъ, Роконтинъ, знаетъ; а другіе всѣ ростомъ и примѣтами не противъ показанія его, Роконтина. И какъ оная пропажа и учинилась, также и послѣ оной пропажи, и служителей своихъ я никуды изъ С.-Петербурга и по моему приказу никто не отпускиваны и писемъ и пропусковъ я, за своею рукою, не давалъ. И отъ себя отпущать и писемъ и пропусковъ никому давать не приказывалъ. И въ отлучкахъ, опричь выше показанныхъ, которые никто изъ служителей моихъ, также изъ жильцовъ нигдѣ сего генваря по 21-ое число не было".

Едва-ли, такъ какъ государыня не изволила присутствовать; онъ, зная о казни, толковалъ разумѣется о правосудіи великаго монарха и нисколько не думалъ, что и онъ недалекъ отъ такой же катастрофы. Да и могъ ли, имѣлъ ли онъ время думать объ этомъ? Ему все такъ радостно улыбается, его съ такой любовью осыпаютъ любезностями, предлагаютъ услуги и дорогіе презенты; во всей аристократіи, среди всѣхъ наизнатнѣйшихъ персонъ мужского и женскаго пола онъ не имѣетъ враговъ, да и не можетъ ихъ имѣть: такъ всѣмъ онъ нуженъ, всѣ въ немъ ищутъ ходатая, заступника, челобитчика, милостивца по всѣмъ правымъ и неправымъ, честнымъ и нечестнымъ дѣламъ. Ему ли, наконецъ, счастливому фавориту, въ виду полнѣйшаго торжества „премилостивой монархини“ задумываться надъ трагическою смертью русскихъ взяточниковъ!

Торжество близко: съ первыхъ же чиселъ февраля 1724 г. придворные чиновники и служителя отправились въ Москву; въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца „отправили“ дочерей царицы Прасковьи герцогиню Мекленбургскую Катерину Ивановну и царевну Прасковью Ивановну; пріѣхала изъ Митавы герцогиня курляндская Анна Ивановна съ небольшою свитою, среди которой былъ и камеръ-юнкеръ Биронъ; не замедлилъ отъѣздомъ герцогъ голштинскій; наконецъ выѣхали и государь съ государыней: они отправились въ Олонецъ, съ тѣмъ чтобъ проѣхать оттуда въ Москву.

27 февраля 1724 г. всѣ съѣхались въ первопрестольную столицу.

Съ пріѣздомъ въ Москву весь дворъ сталъ нетерпѣливо ждать дня коронаціи. Въ кремлевскихъ палатахъ ежедневно толкались придворные, дивившіеся коронѣ императрицы: она была сдѣлана съ большимъ изяществомъ, осыпана дорогими каменьями; осматривали разныя старинныя короны и драгоцѣнности, какъ-то сосуды и тому подобные дары иноземныхъ посольствъ московскимъ царямъ.

Голштинскій герцогъ съ своимъ дворикомъ съ особеннымъ любопытствомъ распрашивалъ то Монса, то сестру его: когда именно предполагается коронація? Но ничего не было извѣстно положительно, такъ какъ большія приготовленія разныхъ принадлежностей торжества отсрочивали вожделѣнный день.

И тутъ, среди этихъ приготовленій, Петръ заявилъ свой своеобразный взглядъ на личныя права каждаго человѣка: частная собственность, по мнѣнію Петра, всецѣло принадлежала государю.

На основаніи этого убѣжденія, отданъ былъ приказъ, чтобъ всѣ иностранные и русскіе купцы присылали къ князю Меншикову своихъ лошадей; князю поручено было выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ четырехъ до шести лошадей, а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Всѣ придворные съ необыкновенною озабоченностью толковали объ уборахъ, о томъ, кто поведетъ государыню на тронъ и съ трона, какъ разставлены будутъ обѣденные столы и разсажены присутствующіе, будутъ ли приглашены иностранные министры, какія будутъ робы на дамахъ, привезутъ ли изъ Петербурга великаго князя, сына злополучнаго царевича Алексѣя; словомъ—толкамъ, пересудамъ, новостямъ не было конца, пока наконецъ 5 мая 1724-го года все это покрылось трубными звуками герольдовъ.

Москва узнала, что коронованіе государыни императрицы Екатерины Алексѣевны будетъ въ четвергъ, 7 мая.

Мы не станемъ передавать подробности этого дня, быть-можетъ наисчастливѣйшаго и, безъ сомнѣнія, наиторжественнѣйшаго въ жизни бывшей шведской плѣнницы Марты Сковоронской, отнынѣ державною волею Петра коровaнной государыни императрицы всероссійской Екатерины Алексѣевны.

Не станемъ разсказывать о церемоніальномъ шествіи всѣхъ сановниковъ съ разными регаліями въ церковь, о костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, объ убранствѣ кремлевскихъ палатъ, объ общемъ видѣ войска и народа, громаднѣйшими толпами наводнившихъ кремлевскую площадь и улицы, прилегавшія къ Кремлю; не поведемъ читателей нашихъ въ соборъ, не умилимся при видѣ нѣсколькихъ слезинокъ, скатившихся по лицу колѣнопреклоненной Екатерины, когда императоръ возложилъ корону на ея голову; не останемся и на обѣдѣ, на которомъ недурно было бы полюбоваться на ловкость, съ которою услуживали императрицѣ ея камеръ-юнкеры Монсъ и Балкъ,—а предложимъ охотникамъ до высокоторжественныхъ празднествъ развернуть „Дѣянія Петра“ многотомный трудъ Голикова или дневникъ Берхгольца и усладиться чтеніемъ длиннѣйшихъ описаній этого дня [1]).

[1]) Особенно обстоятеленъ разсказъ Берхгольца томъ IV. стр. 44—58. Онъ съ особенною любовью и тщаніемъ, какъ чиновникъ наицеремоннѣйшаго

— „Ты, о Россія! вѣщалъ въ этотъ день Ѳеофанъ Прокоповичъ:—не засвидѣтельствуеши ли о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что прочіимъ раздѣленные дары (т. е. добродѣтели и достоинства Семирамиды вавилонской, Тамиры скифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и другихъ знаменитыхъ жонъ) всѣ раздѣленные дары Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видиши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дщерямъ, великому внуку (т. е. сыну царевича Алексѣя!) и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищимъ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во всесладкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отмещетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!.. великая героиня... о честный сосудъ!.. И яко отецъ отечества, благоутробную сію матерь россійскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верьхъ позлащенъ солнца яснѣе просіялъ“ [1]).

Лучи отъ этого яснаго купола, не согрѣвъ и не ожививъ никакимъ чувствомъ Россію, согрѣли однако и „влили радость въ сердца“ лицамъ, приближоннымъ къ свѣтилу. Въ числѣ первыхъ изъ награжденныхъ былъ Виллимъ Ивановичъ Монсъ.

„Съ 1716 года—гласитъ оффиціальный документъ—по нашему указу, Виллимъ Монсо употребленъ былъ въ дворовой нашей службѣ при любезнѣйшей нашей супругѣ, ея величествѣ императрицѣ всероссійской; и служилъ онъ отъ того времяни при дворѣ нашемъ, и былъ въ морскихъ и сухопутныхъ походахъ, при нашей любезнѣй-

---

Голштинскаго дворика, описалъ всѣ мелочи празднества 7 мая и даже сдѣлалъ планъ Грановитой палаты съ ея обѣденными столами и убранствомъ.

[1]) „Слово въ день коронаціи г. и. Екатерины Алексѣевны, говоренное въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 г. Соч. Ѳеофана Прокоповича“, Спб. 1761, ч. II, 103—111

шей супругѣ ея величествѣ императрицѣ... неотлучно, и во всѣхъ ему повѣренныхъ дѣлѣхъ съ такою вѣрностью, радѣніемъ и прилежаніемъ поступалъ, что мы тѣмъ всемилостивѣйше довольны были, и нынѣ для вящаго засвидѣтельствованія того, мы съ особливой нашей императорской милости, онаго Виллима Монсо въ камергеры всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили... и мы надѣемся, что онъ въ семъ отъ насъ... пожалованномъ новомъ чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму человѣку надлежитъ“ [1]).

---

[1]) Патентъ В. И. Монсу. Одновременно съ нимъ награжденъ былъ званіемъ камергера Петръ Өедоровичъ Балкъ-Полевъ; отецъ-же его Өедоръ Балкъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры.

VII.

ДОНОСЪ

1724.

Между тѣмъ, въ то время, когда Россія, по увѣренію льстиваго витіи Ѳеофана, въ его лицѣ умилялась предъ „неизмѣнной любовью, вѣрностью къ мужу“ и предъ другими превысокими добродѣтелями Екатерины; въ то время, когда фаворитъ ея получалъ „вящее засвидѣтельствованіе особливой милости“, — надъ ними подымалась гроза. Тучи скоплялись не со стороны какихъ-либо сановниковъ, не со стороны, напримѣръ, „великихъ инквизиторовъ“ и тому подобныхъ лицъ, которыя въ другихъ случаяхъ тщательно доносили о всемъ Петру: нѣтъ, туча надъ Монсомъ исходила изъ самыхъ низшихъ слоевъ дворцоваго общества, — со стороны его служителей и мастеровыхъ.

Главнѣйшимъ изъ служителей, лучше сказать изъ чиновниковъ, канцеляріи Монса былъ Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ.

Простой служитель царицы Марфы Матвѣевны, вдовы царя Ѳедора Алексѣевича, — потомъ писецъ ея брата, адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина, малый весьма и весьма не глупый, пронырливый, вороватый, бойкій на языкъ и письмо, онъ съумѣлъ втереться на службу къ Виллиму Ивановичу; и стоило то ему теплое мѣсто недорого: онъ заплатилъ за него Монсу пищалью въ шесть червонныхъ, антелемъ венгерскаго вина, англійскими шолковыми чулками, кускомъ краснаго сукна и лисьимъ мѣхомъ въ двадцать рублей. Всѣ эти издержки онъ поспѣшилъ окупить сторицей.

Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы Монсъ былъ заваленъ все-

возможными просьбами; невѣжда въ русской грамотѣ, весь погруженный въ хлопоты объ устройствѣ своихъ домовъ, скопленіи состоянія, занятый поддержкой своего фавора, онъ естественно нуждался въ человѣкѣ, который бы взялъ на себя трудъ принимать, прочитывать челобитья, входить въ разныя соглашенія съ просителями (разумѣется болѣе мелкими) относительно презентовъ, составлять экстракты и доклады, словомъ—быть его первымъ секретаремъ и чиновникомъ разныхъ особыхъ порученій. Такимъ и сдѣлалъ онъ Егора Столѣтова, „канцеляриста коррешпонденціи ея величества".

Канцеляристъ скоро понялъ въ какой степени нуженъ онъ фавориту и не замедлилъ закрѣпить за собой разныя права, точно обозначавшія степень его власти и значенія; для этого онъ самъ составилъ инструкцію, Монсъ ее утвердилъ: всѣ приходящія и отходящія письма ея величества вѣдать ему одному, а другого къ нимъ не допускать; онъ одинъ являлся въ коллегіи для объявленія разныхъ указовъ государыни,—указовъ, составлявшихся подъ руководствомъ его патрона—Монса; на немъ лежала обязанность составлять докладъ-экстрактъ для государыни изъ разныхъ челобитенъ просителей и просительницъ, и проч.

Подобная инструкція ясно очерчивала сферу дѣятельности и власти Столѣтова; скоро почувствовали это почти всѣ искатели милости Монса; всѣ они, отъ мелкихъ придворныхъ служителей до свѣтлѣйшаго князя Меншикова—въ 1723—1724 годахъ,—отправляя подарки Монсу, не обходили и его дѣлопроизводителя. Хлопоты Столѣтова состояли въ напоминаніяхъ Монсу о тѣхъ или другихъ просьбахъ, въ отводѣ имъ поболѣе мѣста во всеподданнѣйшихъ докладахъ; въ ходатайствахъ у разныхъ предсѣдателей коллегій; эти, въ свою очередь, стали оказывать знаки дружескаго расположенія къ канцеляристу [1]). Служба Столѣтова покупалась разнообразными

[1]) Приведемъ перечень лицъ, оказывавшихъ пріязнь Столѣтову, т. е. обращавшихся къ нему съ письменными просьбами и нѣкоторые изъ нихъ съ подарками: Арцыбушевъ, иноземецъ Амандеръ, Воронинъ, Гладковъ, Грузинцовъ, кн. Юрій Гагаринъ, Брончаковъ, Грибоѣдовъ, Генингъ, Дмитріевъ, Өедоръ Зеленой—другъ и родственникъ Столѣтова, Левъ Измайловъ, Калугинъ, Константиновъ, Кашкаровъ, Литвиновъ, Ст. Лопухинъ, Фед. Масловъ, Мишуковъ, Мошковъ, Нестеровъ, Носовъ, Павловъ, Василій Поспѣловъ, Рукинъ, Родіоновъ, Розановъ, Селетренниковъ, Марфа Столѣтова, Суровцевъ, Стрельниковъ, иноземецъ Хнибицъ, Ив. Максим. Шуваловъ, купецъ Янковъ,

подарками: тутъ были бѣлье, галстухи, камзолы, тулупы, серебряные чайники, кофейники, сукна, мѣха, бахрама, камка, золотая парча, овесъ, дорожная коляска, лошади, наконецъ деньги отъ 50 до 220 рублей единовременно. Въ числѣ просителей и дарителей, кромѣ множества разныхъ слугъ дворцовыхъ, приказчиковъ, поставщиковъ, управителей дворцовыми имѣніями, чиновниковъ, мы встрѣчаемъ Льва Измайлова, Ив. Шувалова, Степана Лопухина, князя Гагарина, кн. Василія Лукича Долгорукова, князя Алексѣя Долгорукова—столь неутомимаго, неутомимаго въ задариваніи семейства Монса, князя Щербатова-глухого, князя Меншикова и царевну Прасковью Ивановну. Подарки Столѣтовъ, какъ наивно увѣрялъ впослѣдствіи, „вмѣнялъ не во взятки, но въ благодѣяніе и въ пріязнь“, за исключеніемъ, впрочемъ, царевны Прасковьи Ивановны, которая жаловала его за то, „чтобъ онъ приводилъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ (царевнѣ и ея сестрѣ Катеринѣ Ивановнѣ) опредѣленіе учинила“.

Секретарь былъ малый хвастливый, тщеславный, болтливый на языкъ, какъ человѣкъ вышедшій изъ ничтожества — чрезвычайно зазнавался и вообще велъ себя крайне неосторожно.

Какъ Монсъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, такъ Столѣтовъ, бродя по разнымъ канцеляріямъ и коллегіямъ по дѣламъ своихъ „милостивцевъ“ и пріятелей, употреблялъ имя Монса въ видѣ понудительнаго средства. Все это сдѣлалось извѣстнымъ родственникамъ камергера; объ этомъ же говорили адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

— Столѣтовъ у меня жилъ, — разсказывалъ адмиралъ Петру Балку, — и Столѣтова я знаю: онъ бездѣльникъ, я имъ былъ недоволенъ и сбилъ его съ двора.

— Брось ты Егора,—убѣждалъ Ягужинскій Монса:—онъ твоимъ именемъ много шалитъ, чего ты и не знаешь.

протопопъ Ярмѣрковскій и другія лица, фамиліи которыхъ не разборчивы. Всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Столѣтову 114; всѣ они на русскомъ языкѣ. Въ нихъ, между прочимъ, просили Столѣтова о передачѣ того или другого прошенія „его высокографскому сіятельству Монсу“, просили похлопотать у П. А. Толстого, А. И. Рѣпнина, Д. И. Татищева, Ф. М. Апраксина, В. П. Поспѣлова и у другихъ лицъ о разныхъ дѣлахъ: о деревняхъ, о вершеніи тяжебъ, о жалованьи, объ отсрочкѣ долговъ и проч. См. въ Госуд. Архивѣ, бумаги Монса и Столѣтова.

— Ради-бога, брось его отъ себя!—со слезами умоляла Виллима Ивановича вся его фамилія, т. е. сестра, племянники: — буде не бросишь, то этотъ Столѣтовъ тебя укуситъ и ты отъ него проему падешь.

— Висѣлицъ-то много!—самоувѣренно отвѣчалъ Виллимъ Ивановичъ: — если Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то... не миновать висѣлицы!

Не одна увѣренность въ своей силѣ мѣшала Монсу „отбросить" болтливаго, вороватаго и заносчиваго Столѣтова: этому мѣшало то обстоятельство, что онъ посвятилъ секретаря во всѣ тайны взяточничества; на его попеченіе возложены были многія дѣла, по которымъ Монсъ уже взялъ презенты и которыя слѣдовательно надо было привести къ благополучному исходу; наконецъ, Столѣтовъ вообще заявлялъ большія способности къ секретарской должности и былъ человѣкъ, по своему времени, довольно образованный: такъ, онъ зналъ языки нѣмецкій, польскій, а на русскомъ кропалъ даже чувствительные романсы:

О, коль тягостно голубю безъ перья летати,
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати. 2.
И теперь я младенька въ слезахъ унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю. 2.
Никакой въ сердцѣ своемъ радости не маю,
Ниже коей утѣхи въ себѣ обрѣтаю. 2.
Только всегда младенька горько болѣзную,
Что я безъ друга мила въ свѣтѣ семъ горюю. 2.
Не могу въ сердцѣ своемъ радости имѣти,
Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти. 2.
Языкъ бо мой не можетъ ни съ кѣмъ говорити
И очи мои не могутъ на инаго зрити. 2.
Точію азъ слезами себя утѣшаю,
Своего мила друга часто вспоминаю: 2.
„Что ты, любезный друже, меня покидаешь,
Никогда мя горькую не воспоминаешь! 2.
Спомяни мя, сердечный другъ, вѣрную дѣвицу,
Аки сгибшую въ темномъ лѣсѣ голубицу, 2.
Азъ такожде по всякъ часъ тебя споминаю
И всегда непрестанно о тебѣ мысль маю!" 2 [1]).

---

[1]) Госуд. Арх. Въ бумагахъ Столѣтова сохранилось много стихотвореній; всѣ они въ чувствительномъ родѣ: въ нихъ воспѣвается супружеская вѣрность, любовь, высказывается ревность дѣвицы-голубицы, тоска, или мольба къ Богу. Въ прилож. XI №№ 1 и 2 помѣщено два образчика имъ написанныхъ стихотвореній. Есть стихотворенія — буквальный переводъ чуть ли не

Несмотря на чувствительность, высказываемую въ романсахъ. Столѣтовъ не являлъ чувствительности въ обращеніи съ низшими; напротивъ, онъ велъ себя съ крайнею заносчивостью и „гордилъ“ съ ними такъ, что его никто не любилъ.

Кромѣ Столѣтова, пособника во взяткахъ, Монсъ имѣлъ другого весьма полезнаго для себя помощника въ дѣлахъ чисто-дворцовыхъ: то былъ извѣстный Балакиревъ [1]).

Стряпчій Хутынскаго монастыря Иванъ Балакиревъ вѣдалъ въ 1703 году сборомъ подушныхъ денегъ съ крестьянъ и монастырскими дѣлами по разнымъ приказамъ [2]); нѣсколько лѣтъ спустя мы его видимъ гвардейскимъ солдатомъ. Солдатская лямка была тяжела Балакиреву; въ неисчерпаемой веселости своего характера, въ остроуміи, въ находчивости и способности ко всякаго рода шуткамъ и балагурству, онъ нашолъ талантъ „принять на себя шутовство“ и этимъ самымъ, при посредствѣ Монса, втереться ко двору его императорскаго величества. Извѣстны многочисленные анекдоты о проницательности, умѣ, находчивости, смѣлости, правдолюбіи, добротѣ, честности и т. под. достоинствахъ придворнаго шута Балакирева. Все это разсказано въ нѣсколькихъ изданіяхъ „анекдотовъ“ и все это болѣе нежели на-половину выдумка досужихъ издателей площадныхъ книжонокъ. Вѣрно одно: что Балакиревъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, умѣлъ дѣлаться полезнымъ разнымъ придворнымъ, былъ дѣйствительно изъ шутовъ недюжинныхъ, но всѣ его высокія добродѣтели и высокое значеніе

съ нѣмецкаго, быть можетъ съ тѣхъ виршей Монса, которые не дошли до насъ въ подлинникѣ; есть, наконецъ, пѣсни малорусскія; вѣроятно Столѣтовъ, какъ любитель поэзіи, записалъ ихъ со словъ какого-нибудь парня или дѣвицы. Въ его же и монсовыхъ бумагахъ сохранился длинный реестръ разныхъ книгъ богословскаго и преимущественно историческаго содержанія на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Кому принадлежали означенныя въ реестрѣ книги — Монсу ли, его ли секретарю, или кому-нибудь другому— неизвѣстно.

[1]) Замѣтимъ кстати, что даже дворецкій Монса, Иванъ Кузьминъ, получалъ иногда подарки, доходившіе до 50 руб. единовременно, за то, что брался обдѣлывать кой-какія дѣлишки чрезъ своего могучаго господина.

[2]) Роспись Хутынь монастыря стряпчаго Ивана Балакирева издержаннымъ имъ деньгамъ по монастырскому дѣлу на приказные расходы; роспись его же о сборѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ. Госуд. Арх., бумаги 1703 г., №№ 491, 504.

его шутокъ—для разсѣянія черныхъ думъ Петра, для спасенія невинныхъ и проч.,—все это разлетается дымомъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами.

Какъ умный человѣкъ, Балакиревъ втерся подъ крылышко Монса; у него онъ былъ домашнимъ человѣкомъ, служилъ разсыльнымъ между имъ и Катериной, высматривалъ и выслушивалъ для него о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, словомъ—былъ его кліентъ, расторопный, но, къ несчастью Монса, подобно Столѣтову—невоздерженъ на языкъ.

Таковы были главные изъ ближнихъ кліентовъ Монса.

Познакомившись съ ними, зайдемъ съ однимъ изъ нихъ, съ Балакиревымъ, къ его пріятелю — обойнаго дѣла ученику, къ Ивану Ивановичу Суворову.

Балакиревъ не въ духѣ.

— Письма я вожу нѣкоторыя изъ Преображенскаго къ Виллиму Монсу нужныя, говорилъ шутъ, — а мнѣ такія письма скучили, и опасенъ отъ нихъ: мнѣ (вѣдь) первому пропадать будетъ.

— Отъ кого-жъ тѣ письма и какія?

— А вотъ Егоръ Столѣтовъ домогается ключи у Монса отъ кабинета его (взять), — продолжалъ Балакиревъ послѣ нѣкотораго молчанія и уклоняясь отъ прямаго отвѣта, — а въ томъ кабинетѣ нужныя письма лежатъ, и Монсъ еще Егору въ томъ не вѣритъ. Я же вотъ—хвасталъ шутъ — въ великомъ кредитѣ у Монса: что хочу у него, то и дѣлаю.

Разговоръ этотъ происходилъ 26 апрѣля 1724 года въ селѣ Покровскомъ, гдѣ проживалъ въ то время Монсъ и куда приносились записки изъ Преображенскаго, резиденціи Екатерины [1]).

Суворовъ зналъ не отъ одного Балакирева объ „опасномъ“ романѣ. Былъ у него однажды „Мишка“, слуга царскаго деньщика, т. е. понынѣшнему—флигель-адъютанта, Поспѣлова. Между прочею болтовнею Суворовъ замѣтилъ:

— Куда-де какія причины дѣлаются во дворѣ! Какъ это Монсъ очень (-то ужъ) силенъ сталъ!

---

[1]) Кто писалъ эти записки отъ имени и по порученію, не знавшей грамоты, Катерины Алексѣевны? Не Матрена ли Ивановна Балкъ, неотлучно бывшая при государынѣ?

— Я еще лучше причину знаю, отвѣтилъ Мишка: — Кобыляковой женѣ (служанкѣ государыни) табакерку дали. И она ту табакерку бросила, говоря: „мнѣ-де въ этомъ пропасть! я-де донесу, какъ хотите!“

Подобныхъ извѣстій Суворовъ, какъ надо думать, понабрался и отъ другихъ служителей и служанокъ; свѣдѣніями своими онъ не замедлилъ подѣлиться съ своимъ товарищемъ Михѣемъ Ершовымъ. Михѣй заночевалъ съ 26 на 27 апрѣля 1724 г. у Суворова; въ ночной тишинѣ между пріятелями завязалась интимная бесѣда.

— Нѣкоторое письмо—говорилъ Суворовъ—перелетѣло нужное изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу. Я самъ видѣлъ у него подмоченныхъ писемъ много; оныя не опасно лежали, такъ что люди, которымъ не надлежало видѣть тѣхъ писемъ, могутъ смотрѣть, чего секретарю, какъ Столѣтовъ, не надлежитъ дѣлать; а когда сушили тѣ письма, тогда унесъ Егоръ Михайловъ (Столѣтовъ) изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боятся. И говорили Монсу сестра его Балкша, Петръ Балкъ и Степанъ Лопухинъ, чтобъ онъ Егора отъ себя отбросилъ.

— А что то за письмо? спрашивалъ Ершовъ.

— Хорошенькое письмо! Написанъ (въ немъ) рецептъ о составѣ питья.

— Какого питья и про кого?

— Ни про кого, что ни про хозяина! И то письмо отдалъ его Егоръ Алексѣю Макарову, а Алексѣй отдалъ Василію Поспѣлову.

Нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая 1724 года, встрѣтился Суворовъ съ своимъ знакомымъ—Борисомъ Смирновымъ, у сената, который былъ въ то время въ селѣ Покровскомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Суворовъ.

— Въ сенатѣ, для подаянія четобитной о себѣ просительной, о причтеніи къ добрымъ людямъ.

— Ты бы челобитную-то подалъ Монсу.

— Опасаюсь, отвѣчалъ Смирновъ;—чаю его себѣ неблагодѣтелемъ, понеже и въ панинѣ дѣлѣ Монсъ его, паниной, стороны былъ.

— Виллимъ (-то Монсъ)? Хорошъ! говорилъ Суворовъ.—Хорошо его поддѣли на арканъ! Живетъ (вишь) у него секретарь его, который все, что онъ ни дѣлаетъ — записываетъ.

— Что во многихъ искать! передавалъ потомъ эту новость Смирновъ Ершову: — что во многихъ искать! И лучшаго-то — Монса — Егорка подцѣпилъ на арканъ.

Странно было бы, если бы въ тогдашнее время изъ всѣхъ этихъ собесѣдниковъ о вещахъ „вельми противныхъ“ не нашлось бы ни одного извѣтчика.

Такимъ объявился Михѣй Ершовъ.

Страхъ ли наказанія за то, что о слышанныхъ словахъ не донесъ въ то время, какъ тѣ слова вѣдомы Смирнову, могли быть вѣдомы и другимъ, а потому могли объявиться; надежда ли на награду, желанье ли погубить ненавистнаго всѣмъ имъ Егорку Столѣтова,— изъ чего бы то ни было—только Ершовъ рѣшился подать доносъ.

Рѣшеніе его однако не могло скоро осуществиться: этому помѣшала коронація. Начался рядъ празднествъ, всѣ были заняты и едва-ли кому охота была принимать, а тѣмъ болѣе розыскивать по доносу.

Но вотъ шумъ и суетня великихъ торжествъ угомонились, придворные заговорили о скоромъ отъѣздѣ царской фамиліи въ Петербургъ, начались сборы; государыня и ея дочери принимали уже прощальные визиты герцога голштинскаго и другихъ знатныхъ персонъ. Ершовъ побоялся далѣе мѣшкать, и во вторникъ, 26-го мая, подалъ доносъ.

„Я, Михѣй Ершовъ, — писалъ извѣтчикъ, — объявляю: сего 1724 года апрѣля 26 числа ночевалъ я у Ивана Иванова—сына Суворова, и между протчими разговорами говорилъ Иванъ мнѣ, что когда сушили письма Виллима Монса, тогда-де унесъ Егоръ Михайловъ изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боятся...“ Затѣмъ извѣтчикъ передалъ слова Суворова о рецептѣ питья про хозяина; о томъ, что рецептъ у Поспѣлова; наконецъ, добавилъ замѣчаніе Смирнова: Егорка-де подцѣпилъ Монса на арканъ.

Допросили Смирнова, тотъ подтвердилъ о своемъ разговорѣ съ Суворовымъ у сената.

Дѣло первой важности.

Тутъ не извѣтъ на какое нибудь пьяное слово, будто бы вредительное къ чести его императорскаго величества: тутъ дѣло идетъ объ умыслѣ на жизнь хозяина, указывается на письменный документъ, называются лица, и лица все близкія, довѣренныя Петру.

Чтожъ, въ тотъ же день ихъ призвали къ допросу, арестовали, застѣнокъ огласился воплями истязуемыхъ?

Ничего не бывало.

Кому поданъ доносъ, кто выслушивалъ объявленіе Ершова, гдѣ происходило съ нимъ объясненіе, наконецъ почему немедленно не допросили оговоренныхъ въ немъ, если не Макарова и Поспѣлова, то менѣе важное лицо—Ивана Суворова,—всѣ эти вопросы остаются неразрѣшенными. Доносъ точно канулъ въ воду. Петръ не узналъ о немъ. Но человѣкъ, рѣшившійся скрыть извѣтъ и наложить молчаніе на Ершова и Смирнова, какъ кажется, немедленно далъ знать о всемъ случившемся Катеринѣ Алексѣевнѣ.

Она въ это время наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ. Каждый день маленькій домикъ Преображенской слободы наполнялся именитыми гостями; угощеніе не прекращалось; самъ государь былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ: все время щеголялъ—ради коронованной хозяюшки — въ новыхъ французскихъ кафтанахъ, и ради веселья и собственнаго счастія радушно поилъ всѣхъ и каждаго изъ собственныхъ рукъ. Словомъ, Екатерина была весела, спокойна, довольна и пользовалась вожделѣннымъ здоровьемъ.

Вдругъ, 26 мая, во вторникъ, когда Петръ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, съ Екатериной дѣлается сильнѣйшій припадокъ, родъ удара. Больной немедленно пустили кровь; она очень ослабѣла, такъ что отданъ былъ приказъ по церквамъ — впродолженіи недѣли пѣть молебны за ея выздоровленіе. 31-го мая ей опять стало хуже.

Государь, не зная причины болѣзни, былъ довольно спокоенъ, ѣздилъ на желѣзные заводы, и 16 іюня, лишь только замѣтилъ, что женѣ лучше, оставилъ ее оправляться, а самъ поспѣшилъ въ дорогой для него парадисъ, а для массы его современниковъ попросту—въ петербургское болото.

Здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя, вновь вынырнулъ страшный доносъ Ершова.

VIII.

ПРЕДЪ РОЗЫСКОМЪ

1724 г.

16 іюня 1724 года, какъ мы видѣли, государь оставилъ Москву, а въ ней недужную супругу. Деньщикъ Древникъ получилъ приказаніе выждать ея выздоровленія, и лишь только она подымется въ отъѣздъ, ѣхать впередъ и извѣстить о томъ императора. По всему было видно, что государь ничего не зналъ о роковомъ доносѣ: Петръ попрежнему былъ внимателенъ, нѣженъ и заботливъ къ Екатеринѣ.

„Катеринушка, другъ мой сердешнинькой, здравствуй! — привѣтствовалъ онъ ее съ дороги въ Петербургъ.—Я вчерась прибылъ въ Боровичи, слава-богу, благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ (т. е. дѣтей) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ; .... зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудетъ; а ежели не прибудетъ и сносно тебѣ будетъ, лучше-бъ до Бронницъ ѣхать (тебѣ) сухимъ путемъ; а тамъ ямы (т. е. станціи) частыя, — не надобно волостныхъ (подводъ). Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовимъ... дай-боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ“. На любительной грамоткѣ, безъ сомнѣнія по желанію Петра, приписывали и „потрошонки“ — Анна и Елисавета.

Въѣхалъ государь въ дорогой для него Петербургъ и не замедлилъ въ нѣжной цидулкѣ подѣлиться чувствами съ „Катеринушкой“. „... Нашолъ все—писалъ онъ между прочимъ—какъ дитя, въ красотѣ растущее, и въ огородѣ (т. е. въ Лѣтнемъ саду) повесели-

лись; только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется: все пусто безъ тебя... и ежели-бъ не праздники зашли (т. е. годовщина полтавской викторіи и день Петра и Павла), уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ.... дай-богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ! Кораблей чужестранныхъ здѣсь 100 въ приходѣ".

Только-что отправился гонецъ съ приведенной нами грамоткой, какъ на другой день государь самъ получилъ письмецо отъ „Катеринушки": та писала, что пришла въ „старое" здоровье, что она отправляется изъ Москвы, и шутила въ прежнемъ родѣ.

Какъ обрадовался государь вѣсточкѣ—можно судить изъ того, что онъ въ тотъ же день послалъ ей навстрѣчу суда, а на нихъ обычные презенты: „венгерское, пиво, помаранцы, лимоны и соленые огурцы".

Та не медлила отвѣтами, писала съ пути, поздравляла съ празднествами 27—29 іюня, заявляла „сердечное желаніе въ радости васъ скорѣе видѣть" [1]).

Между тѣмъ какъ государыня, оправившись отъ неожиданнаго удара, спѣшила въ Петербургъ на радостную встрѣчу, въ теченіи пути въ толпѣ ея многочисленной свиты шло шушуканье о вещахъ, для нея опасныхъ.

— Монсова фамилія, — разсказывалъ придворному стряпчему Константинову знакомый уже намъ болтливый Суворовъ — Монсова фамилія вся приходила къ Монсу просить со слезами, чтобъ онъ Егора Столѣтова отъ себя отбросилъ, а то можетъ онъ, Монсъ, отъ Егора пропасть. Монсъ отвѣчалъ: „висѣлицъ де много!" Егоръ, свѣдавъ про то, сказалъ: „онъ, Монсъ, прежде меня попадетъ на висѣлицу". И достигалъ Егорка у него, Монса, изъ кабинета одного письма, однако не досталъ.

О силѣ того письма Суворовъ, по осторожности, промолчалъ.

---

[1]) На прогоны государынѣ отъ Москвы до Вышняго-Волочка выдано было изъ кабинета 1,000 руб. Макаровъ, препровождая деньги въ распоряженіе Монса, просилъ давать ямщикамъ по 1 деньгѣ на версту за лошадь, а то императрица въ прежнія поѣздки платила по 1 алтыну на 10 верстъ: „итого было гораздо мало, отъ чего бѣдные зѣло скучаютъ". Письмо А. В. Макарова къ Монсу 17 іюня 1724 г.

— Для чего Монсъ такъ долго не женится? спросилъ Константиновъ.

— „Если Монсъ женится, то кредитъ потеряетъ". И помолчавъ, Суворовъ спросилъ у Константинова: „А знаешь ли ты Балакирева?"

— Не очень знаю.

— „Этотъ Балакиревъ хотя и шалуномъ кажется, однако не промахъ".

Разговоръ, какъ кажется, ничего не заключалъ въ себѣ интереснаго, а между тѣмъ кто-то имъ очень заинтересовался; ктò былъ этотъ любопытный, изъ-за чего онъ чутко прислушивался къ подобнымъ толкамъ — неизвѣстно. За то извѣстно, что въ тотъ же день составлена была „записка для памяти, что Иванъ Суворовъ разсказывалъ Андрею Константинову, ѣдучи въ дорогѣ отъ Москвы до Петербурга". Записка спрятана. Кто ее доставилъ, кому подалъ, почему она исчезла до времени,—все это остается загадкой [1]).

Интрига, какъ-видно обдуманная, осторожная, велась противъ Монса; надъ нимъ и его патроной скоплялась гроза. Отношенія же между тѣмъ государя къ государынѣ, а слѣдовательно и значеніе нашего героя оставались прежнія.

Такъ, 8 іюля 1724 г., Екатерина была встрѣчена съ большимъ торжествомъ: цѣлая флотилія буеровъ выплыла къ ней навстрѣчу за Александро-невскую лавру, и не мало пороху было разстрѣляно, немало вина было роспито, прежде нежели окончились поздравленія императрицы съ благополучнымъ пріѣздомъ. Но глазъ наблюдателя легко могъ замѣтить, что эти поздравленья, тосты, пушечные залпы не могли придать силу и бодрость государынѣ; замѣтно было, что необъяснимый для двора припадокъ 26 мая сильно потрясъ организмъ Екатерины; она была еще очень слаба и даже не садилась за столъ. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Скоро послѣдовали обычные пиры съ обычными явленіями; пиры эти въ лѣто 1724 года задавались при дворѣ какъ-то особенно часто, такъ какъ поводовъ

---

[1]) Всѣ эти подробности приводимъ изъ подлиннаго розыскнаго дѣла о Монсѣ, хранящагося въ Госуд. Архивѣ, при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

къ нимъ было много: безпрестанно спускали нововыстроенные корабли, фрегаты, мелкія морскія и рѣчныя суда. Рѣдкая изъ пирушекъ при этихъ случаяхъ, особенно размашистыхъ, обходилась безъ присутствія императрицы. Государь, оживленный явленіемъ „новорожденнаго“ адмиралъ-баса Головина [1]), оживленный участіемъ въ его радости „свѣтъ-Катеринушки“, былъ обыкновенно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что „новорожденныхъ“ окрещивали страшнѣйшими водкоизліяніями. Вино оказывало свое дѣйствіе: возникали ссоры, дѣло не обходилось безъ затрещинъ: то птенцы клевали другъ друга... Если „новорожденное“ судно было невелико, то государыня иногда не принимала участіе въ пирѣ, но, объѣхавъ судно въ своей баркѣ, осушала бокалъ за здоровье „свѣтъ-батюшки“, и этого было довольно: „государь опять былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа“. А запируется онъ и жена ѣдетъ къ нему съ „напамятованіемъ“: „пора домой, батюшка“. Батюшка слушается и оставляетъ сотрапезниковъ.

Бывали ли въ это время свадьбы придворныхъ чиновниковъ и служителей—и на нихъ, по обыкновенію, почти всегда можно было встрѣтить Петра и Екатерину: „ихъ величества бывали очень веселы“. На государя особенно часто въ это время находила шутливость и онъ шутилъ грубо, цинически, но по своему времени остроумно. Что Монсы и Балки [2]) нисколько не теряли „кредита“, видно изъ того, что государь съ государыней посѣщали ихъ семейные праздники: такъ, 11 августа 1724 г., высочайшія особы были на крестинахъ дочери Балка—Екатерины; нѣсколько дней спустя, мать Балка, Матрена Ивановна, фигурировала на свадьбѣ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова въ качествѣ „сестры жениха“; словомъ, положеніе этого семейства при дворѣ, какъ относительно державныхъ супруговъ, такъ и въ кругу вельможъ и дамъ „высшаго общества“, нисколько не умалилось.

30 августа 1724 г., въ воскресенье, все блестящее петербургское общество, вслѣдъ за государемъ и государыней и во главѣ многочисленнаго скопища народа, принимало участіе въ религіозно-политической процессіи. Въ этотъ день Петербургъ вышелъ во срѣтеніе бренныхъ останковъ Александра-невскаго. Страстный охотникъ до катаній

---

[1]) „Новорожденными“ дѣтками Головина назывались новые корабли.

[2]) Петръ Θеодоровичъ Балкъ, какъ уже замѣчено выше, — одновременно съ Монсомъ пожалованъ былъ камергерствомъ.

по водѣ, Петръ и эту церемонію устроилъ на рѣкѣ: многочисленная флотилія пушечными залпами встрѣтила гробъ славнаго князя.

„Звонъ колоколовъ не умолкалъ—повѣствуетъ Берхгольцъ,—необъятное множество зрителей крестились и кланялись. Бо́льшая часть изъ нихъ, проникнутая глубокимъ благоговѣніемъ, горько плакала; но были и такіе, увѣряетъ Берхгольцъ, которые смѣялись или смотрѣли съ сожалѣніемъ на глупую (?) толпу [1]). Императрица съ двумя дочерьми, затѣмъ обѣ герцогини Анна (Курляндская) и Екатерина (Мекленбургская) и всѣ дамы, въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, находились на переднемъ монастырскомъ дворѣ (въ Александро-невской лаврѣ), у архіерейскаго дома, и тамъ ждали приближенія гроба. Увидѣвъ его, онѣ также начали креститься и кланяться, причемъ нѣкоторыя старыя дамы заливались слезами не менѣе простолюдиновъ. Какъ скоро гробъ пронесли мимо ея величества императрицы, она послѣдовала за ними въ часовню со всею своею свитою и впереди духовенства“ и проч.

За религіозными церемоніями слѣдовалъ пиръ; отшельники Невской лавры явились радушными хозяевами. Гостямъ подавалось мясо, провозглашались тосты, въ стѣнахъ мирной обители гремѣли пушки.

Словомъ, всѣ церемоніи, празднества, спуски кораблей, свадьбы придворныя, рѣчныя катанія и прогулки въ „огородѣ“, т. е. въ Лѣтнемъ саду—рѣдко обходились и въ это время безъ присутствія государыни. Ее всегда можно было видѣть подлѣ ласкающаго ее супруга, всегда можно было видѣть и знаки вѣрноподданничества, расточаемые ей вельможами: такъ, напримѣръ, при провозглашеніи тоста за ея здоровье на одной изъ пирушекъ, 25 октября 1724 года, всѣ старые и именитые сановники пали къ ея ногамъ. Подобныя заявленія „рабской преданности“ были нерѣдки.

Въ виду чувствительныхъ сценъ, въ виду нѣжныхъ цидулокъ государя [2]), словомъ, при прежнемъ значеніи Екатерины, не уменьшалась власть и сила ея фаворита.

---

[1]) Вѣроятно, то были иноземцы, толпы которыхъ наполняли тогдашній Петербургъ; они, вмѣстѣ съ Берхгольцемъ, позволяли себѣ заявлять сомнѣніе: были-ль мощи въ привезенномъ гробѣ. Дневникъ Берхгольца, Москва, изд. 1860 г., т. IV, стр. 83—85.

[2]) Послѣдняя (напечатанная) цидулка Петра къ „Катеринушкѣ, другу сердешнинкому“, была отъ 31 октября 1724 года.

Послѣ удара надъ Екатериной и по отъѣздѣ Петра изъ Москвы, Монсъ скоро былъ обрадованъ грамоткой Василья Поспѣлова. Такъ какъ Поспѣловъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ деньщиковъ, т. е. флигель-адъютантовъ государя, то приводимъ его письмо съ буквальною точностью:

„Государь моі братецъ вилимъ Івановичь,—писалъ Поспѣловъ—покорно прошу васъ, моего брата, отдат моі долшій поклонъ моеи милостивоі государыне матушке, императрице Екатерине Алексѣевне; и слава богу, что слышим еѣ величество в лутчемъ состояніи; дай Боже і впред благополучне слышат. Остаюсь вашь моего друга и брата слуга Петровъ Поспелов“.

Кто былъ Поспѣловъ, мы уже видѣли; понятно, что ласковая цидулка отъ него было пріятной вѣсточкой Монсу; „на верьху“ значитъ все благополучно, — могъ думать онъ, — если любимѣйшій деньщикъ царя пишетъ столь любительно.

И Монсъ, безъ сомнѣнія встревоженный вначалѣ доносомъ, мало-по-малу успокоился. Занятія по службѣ, хлопоты по дѣламъ челобитчиковъ, милость государыни и ласкательство двора быстро разсѣяли его опасенія. Служебныя занятія оставались прежнія: онъ вѣдался съ поставщиками какихъ-нибудь „гданскихъ водокъ для двора ея величества“, подряжалъ „живописцевъ для нѣкотораго исправленія комедіи“, разсчитывался съ разными дворцовыми подрядчиками, списывался съ управляющими по имѣніямъ государыни, выслушивалъ ихъ жалобы другъ на друга [1]), отставлялъ отъ мѣста

[1]) Жалобы эти были весьма не мягкаго свойства: напримѣръ, нижегородскій приказчикъ государыниныхъ имѣній, Киселевской, доносилъ, и главноуправляющій Палибинъ подтверждалъ доносъ, что другіе приказчики тѣхъ же имѣній, Грузинцовы, „чинятъ крестьянамъ обиды и разореніе“. Грузинцовы, задаривъ Монса, Столѣтова, Балкшу (послѣдней дано было 100 руб.) и имѣя ходатаевъ въ лицѣ богатыхъ помѣщиковъ Горскихъ, писали къ Монсу въ качествѣ оскорбленной невинности: „со слезами просимъ васъ, своего государя, къ принятію доношенія отъ насъ нижайшихъ на вора и душегубицу Киселевскаго, и разбойника, и церковнаго мятежника, и многихъ показанныхъ дѣлъ при розыскѣ доказано свидѣтельми“, и т. д. въ томъ же родѣ, въ тѣхъ же крѣпкихъ словахъ, ведущихъ къ слезному моленью: „сотвори, государь, съ нами божескую милость, чтобъ отъ такого вора напрасно не разориться; со слезами и рабски просимъ“ и проч. Въ той же надеждѣ „высокой его превосходительства къ себѣ милости, беретъ на себя смѣлость“ (такъ говоритъ Монсу не простой приказчикъ, а князь Хованской)—„по незаслугамъ своимъ утруждать его превосходительство, милостиваго своего патрона Виллима Ивано-

однихъ, принималъ другихъ, и разумѣется чинилъ все то не безъ малыхъ презентовъ.

Въ получкѣ послѣднихъ, какъ уже извѣстно, принималъ участіе, обреченный Монсомъ на висѣлицу, тѣмъ не менѣе все-таки довѣреннѣйшій его секретарь Столѣтовъ:

„Васъ нижайше прошу,—писалъ, напримѣръ, Степанъ Лопухинъ къ Егору Михайловичу,—посланъ человѣкъ отъ моего друга, князь Алексѣя Григорьевича Долгорукова къ дядюшкѣ, котораго прошу не оставить и дядюшкѣ въ дѣлѣ его (Долгорукова; о дѣлѣ см. выше, стр. 102—104) воспоминать... и представь онаго (посланнаго) всегда дядѣ (Монсу) по всякой возможности, чтобъ онъ отъ него все выслушалъ съ покоемъ, за что я вамъ истинно самъ служить потщуся сердечно, и онъ (Долгоруковъ) вамъ будетъ благодарить“.

Знатнѣйшіе аристократы, впрочемъ изъ опальныхъ семействъ, въ лицѣ, напримѣръ, князя Юрья Гагарина, заискивали у „канцеляриста корешпонденціи“: „въ надеждѣ вашей дружеской милости прошу васъ, ежели возможно, вамъ пожаловать облехчитца ко мнѣ сей день откушать; ежели же невозможно, вѣдаю, что вамъ многія суеты (т. е. заботы), то прошу хотя на одинъ часъ...“ и проч. Свиданія этого жаждетъ князь для узнанія о судьбѣ своей и жениной челобитной, вѣроятно по дѣлу о конфискованныхъ имѣніяхъ кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ: „я трижды пріѣзжалъ ко общему нашему милостивому патрону Вилиму Ивановичу, только не получилъ видѣть, и иногда и на дворъ не пущаютъ: по истиннѣ я вѣдаю, что нынѣ дѣло ему суетно“ и пр. Какъ однако ни было суетно, но Виллимъ Ивановичъ все-таки имѣлъ время принимать подарки; такъ, въ теченіи времени съ мая по октябрь 1724 года—помѣщикъ одинъ прислалъ ему изъ Симбирска персидскую кобылу; въ то же время московская купчиха-иноземка просила его „воспріять во благо“ два куска тончайшихъ кружевъ„ да 500 червонныхъ; крестьянинъ подмосковный, по своему дѣлу, поднесъ 400 рублей; другой челобитчикъ, „въ несумнѣнной надеждѣ, послалъ къ Виллиму Ивановичу, отцу и государю, иноходца карева, съ просьбой, какое-то прошенье всенижайшее принять, равно какъ и убогое дарованіе, принесенное отъ усердія...“ Купецъ иноземецъ билъ челомъ

вича“ по одному своему семейному дѣлу. Въ этихъ просьбахъ важно не содержаніе, но тонъ ихъ и безпрестанныя извиненья, „что такъ осмѣлился ваше превосходительство утрудить, ту смѣлость принялъ“ и проч.

сотней бутылокъ понтаку, да нѣсколькими бутылками пива, бочкой базарака, ящикомъ бургонскаго, ящикомъ шампанскаго и проч. винъ; Александръ Нарышкинъ подарилъ ему на заводъ двѣ кобылы; Нарышкинъ дарилъ ради „новой пріязни"; другой нашъ знакомый, помѣщикъ Отяевъ, подарилъ по „старой дружбѣ" двухъ собакъ, да охотника. Мошковъ еще въ маѣ презентовалъ для вновь строющагося дома Монса бесѣдку изъ дома царевича Алексѣя; царевна Прасковья, хлопоча о домовомъ съ сестрами раздѣлѣ, посылала ему постоянно съѣстные запасы. Словомъ Виллимъ Ивановичъ попрежнему не брезгаетъ ничѣмъ, и точно предчувствуя близкій расчетъ, беретъ все больше и больше, чаще и чаще. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!

„Особливому отцу въ нуждѣ" падаютъ въ ноги цѣлыя товарищества, депутаціи: такъ, слезно молятъ его нѣсколько крестовыхъ дьяковъ „не отринуть ихнаго прошенья отъ своего высочества (!)"... о ходатайствѣ имъ за долговременную службишку „жалованья": такъ, пишетъ къ нему и донское казачество въ лицѣ „старшинъ своихъ съ товарищи": „вамъ, нашему премилостивому государю и патрону,—пишутъ казаки,—зѣло благодарствуемъ, что вы насъ милостиво содержите, и впредь покорно просимъ, о чемъ посланной нашъ есаулъ будетъ вашего благородія просить, дабы его прошеніе оставлено не было, за что долженствуемъ вамъ, нашему премилостивому... патрону сослужить".

Дѣло казаковъ, какъ кажется, касалось размежовки земель ихъ съ владѣльцами сосѣднихъ жалованныхъ помѣстій. Виллимъ Ивановичъ не задумываясь хлопоталъ въ пользу казацкихъ старшинъ, и одновременно съ тѣмъ же безкорыстіемъ радѣлъ объ удовлетвореніи просьбы лейбъ-кучера Возжинскаго. Послѣднему пожелалось получить чинъ и дворянство; чрезъ кого достать и то, и другое? ну, разумѣется, чрезъ Монса. Государыня дала указъ, камергеръ отписалъ къ Остерману: „сочините-де патентъ"; тотъ сочинилъ, препроводилъ къ Монсу на разсмотрѣніе, и тутъ же явилъ обычную осторожность: „ежели оный (патентъ)—писалъ Остерманъ Монсу 7 августа 1724 г.,—его величество изволитъ апробовать, то надобно его напечатать, ибо всѣ патенты имѣютъ быть печатные. Впрочемъ вашему благородію доношу, что понеже, по указамъ и регламентамъ его императорскаго величества, на дворянство патенты

опредѣлено давать изъ сената, то не изволите-ль ваше благородіе о помянутомъ лейбъ-кучерѣ, что онъ во дворяне пожалованъ, сообщить прямо въ сенатъ, дабы намъ въ сочиненіи такихъ патентовъ не учинить какой противности указамъ и регламентамъ, въ чемъ я не безопасенъ" [1]).

Но какъ труcливъ и осмотрителенъ былъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, такъ, напротивъ того, самонадѣянъ Виллимъ Ивановичъ; пожалованіе лейбъ-кучера дворянствомъ принадлежало къ числу неважныхъ для него операцій; нѣтъ, онъ не затруднился вмѣшаться въ дѣло первой важности—въ „сочиненіе брачнаго союза единой изъ дщерей великаго государя". Монсъ былъ ревностнымъ ходатаемъ герцога Голштинскаго.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человѣкъ двадцати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста, невзрачный и очень бѣдный; жертва сѣверной войны, лишонный своихъ владѣній королемъ датскимъ, герцогъ сохранилъ за собой только небольшую территорію съ главнымъ городомъ Килемъ. Между тѣмъ Петръ съ исходомъ сѣверной войны дѣлался сильнѣйшимъ государемъ Европы, и вотъ ничтожный герцогъ, въ качествѣ бѣднаго претендента, претендента однако съ большими претензіями, является въ Россію искать денегъ, связей, войска. Претендентъ на отнятыя у него голштинскія владѣнія, претендентъ (въ качествѣ племянника Карла XII) на шведскій престолъ, Карлъ-Фридрихъ искалъ защиты и помощи въ Петрѣ; а чтобъ получить и то, и другое, онъ сталъ добиваться руки одной изъ дочерей государя. Въ годъ его пріѣзда государевымъ дочерямъ: Аннѣ было тринадцать, Елисаветѣ одиннадцать лѣтъ. Гостя приняли хорошо; государь ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, время отъ времени, особенно подъ веселую минуту, являлъ знаки своего расположенія; но дѣла герцога все-таки не подвигались ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Все оканчивалось полуобѣщаніями. Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое

[1]) Всѣ эти письма и вообще вся „корреспонденція", приводимая въ настоящемъ трудѣ, главнымъ образомъ хранится въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ въ дѣлахъ Монса, но мы, кромѣ того, приводимъ много извлеченій и изъ бумагъ Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

можетъ при случаѣ пригодиться, чтобы пригрозить кому-нибудь или запутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія, вопреки желанію самого автора, служитъ лучшимъ матерьяломъ для представленія всей ничтожности голштинскаго претендента и для представленія себѣ той жалкой роли, какая выдалась ему съ 1721 по ноябрь мѣсяцъ 1724 года.

„Во все это время Петръ съ нимъ шутитъ, поитъ и спаиваетъ его, и бо́льшею частью во всемъ этомъ просвѣчиваетъ какое-то небрежное покровительство; а иногда онъ не только не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія... Всѣ (т. е. собственно приближонные герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается неловкими реверансами или этикетнымъ цѣлованіемъ ручки. Вотъ кажется блеснулъ лучъ надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было: внезапно великихъ княжонъ увозятъ куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворецъ за отъѣздомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, обрѣзываетъ содержаніе своихъ придворныхъ, не знаетъ какъ помочь плѣннымъ шведамъ, которыхъ задабриваетъ передъ отправленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много разсчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ яйцѣ, подаренномъ въ свѣтлое воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить, напримѣръ, серенадой въ имянины Екатерины, для чего нужны деньги на музыкантовъ и проч. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоятельная, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для какихъ-нибудь иллюминацій, или готовиться къ немедленному отъѣзду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку, или шуточку, или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому предаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Чтобъ вызвать его, герцогъ напрягаетъ силы на перепойкахъ въ царскихъ пирушкахъ. Онъ совершенно спивается и страсть къ пьянству является главнымъ пунктомъ его соприкосновенія съ русскими вельможами. Многочисленные свои досуги Карлъ наполняетъ или попойками, или пустѣйшими препровожденіями времени, въ которыхъ проявляются нелѣпые вкусы тогдашнихъ каррикатурныхъ и миніатюрныхъ германскихъ двориковъ, фор-

мальность и этикетъ, растворенные казарменностью. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшнейдеръ-коллегію, то тостъ-коллегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ установляется имъ какой-нибудь орденъ „виноградной кисти", а черезъ нѣсколько времени — „тюльпана", или „дѣвственности", и онъ съ важностью жалуетъ шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближоннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ составляетъ изъ своей свиты войско, которое располагаетъ въ лагерѣ и мучитъ ученьями, а иногда играетъ имъ въ войну, и т. п. Таковы были преимущественно... упражненія молодого человѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи или управлять Россіей" [1]).

Въ 1724 году надежды герцога особенно окрылились; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ коронаціи Екатерины, твердо вѣруя съ своими голштинцами, что одновременно съ нею объявятъ его обрученіе. Надежды эти поддерживалъ Монсъ. Голштинцы умѣли снискать пріязнь фаворита, что̀ имъ, какъ нѣмцамъ, было нетрудно; Монса и Балка принимали они съ почетомъ, герцогъ дарилъ какъ ихъ, такъ и Матрену Ивановну золотыми табакерками, лентами, собаками и т. п. игрушками, насколько то позволялъ его скудный достатокъ [2]); ходайству Монса надо приписывать то, что Екатерина также являла чувство любви и расположенья къ герцогу, посылала ему время отъ времени подарки и вообще смотрѣла на него несравненно милостивѣе и была къ нему внимательнѣе, нежели государь.

Льстя себя надеждой, что время осуществленія его желанія близко, эксъ-женихъ съ января 1724 года рѣшился познакомиться съ русскимъ языкомъ. Учителемъ его былъ переводчикъ шведъ; но

---

[1]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721 по 1725 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 ч. 8 д. М. 1857—1860 гг. Критическая статья по поводу этого изданія М. Н. Лонгинова, въ „Русск. Вѣстн." 1860 г., кн. XII, стр. 448—450.

[2]) Любимцу царицы, Виллиму Ивановичу Монсъ — голштинцы постоянно расточали знаки особенной пріязни. Такъ, еще въ 1721 году тайный совѣтникъ Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ и камеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку; наконецъ, самъ герцогъ нерѣдко бывалъ у „генеральши Балкъ", гдѣ онъ по нѣскольку часовъ проводилъ въ пріятной болтовнѣ съ хозяйкой, съ ея прелестной дочерью Натальей Ѳедоровной Лопухиной и съ другими членами этого семейства.

кажется на первыхъ урокахъ занятія остановились, по крайней мѣрѣ аккуратный Берхгольцъ не говоритъ далѣе о нихъ ни слова. Да и до ученья ли было человѣку, котораго, какъ самъ онъ разсказывалъ, съ малолѣтства еще отучили отъ всякаго ученья безсмысленнымъ заучиваніемъ кучи предметовъ; до ученья ли было тому, кто каждый день, не зная чѣмъ убить время, волновалъ себя мечтами: состоится или не состоится соблазнительно выгодное для него сватовство? Но кто же его невѣста? А ему все равно—Анна или Елисавета; послѣдняя даже больше ему нравится, но все равно онъ готовъ, по первому указанію государя, воспылать страстью къ любой изъ его дочерей, а пока онъ одинаково нѣжно цѣлуетъ имъ ручки и отвѣшиваетъ глубочайшіе поклоны.

3 февраля 1724 года, въ день ангела Анны Петровны, на обѣдѣ и на балѣ государь былъ очень ласковъ съ ея величествомъ: этого было довольно, чтобъ дать надежду голштинцамъ, бывшимъ тутъ же съ герцогомъ, что-де въ этотъ день будетъ объявлено что-нибудь положительное о бракѣ Карла Фридриха; „но увы! ожиданія наши не сбылись,—такъ писалъ по возвращеніи домой Берхгольцъ,—и теперь остается только надѣяться, что авось, наконецъ, въ коронацію, съ божіею помощью, все приведено будетъ къ желанному окончанію".

За справками, обнадеживаніями, вообще для переговоровъ по этому и другимъ дѣламъ, голштинцы обращались къ Монсу. Такъ, между прочимъ, 17 февраля 1724 года оберъ-камергеръ герцога, графъ Бонде, отправился къ Монсу, чтобъ узнать, когда его королевскому высочеству можно будетъ пріѣхать проститься съ государыней, по случаю ея отъѣзда въ Москву. Камеръ-юнкеръ самъ явился къ герцогу съ извиненіемъ отъ государыни, что проститься теперь она не можетъ, причемъ Екатерина посылала поклонъ и соболью шубу въ 1,500 рублей. Герцогъ поспѣшилъ отдарить посланнаго золотой табакеркой.

Прошолъ февраль, кончался мартъ,—дворъ давно гостилъ въ Москвѣ, шли оживленныя приготовленія къ коронаціи, но объ обрученіи герцога со стороны государя не было и помину. Тщетно на пирушкахъ Карлъ-Фридрихъ провозглашалъ тосты съ понятными для всѣхъ намеками на его желанія; государь отвѣчалъ на нихъ весьма охотно и смѣялся надъ ними. Тосты эти были: „за успѣхъ

всего хорошаго", „за желанія и надежды наши"; „весна приноситъ розы"; „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше" и т. п.

Тостъ „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше" герцогъ провозгласилъ не иначе, какъ предварительно посовѣтовавшись съ Ягужинскимъ. Послѣдній сказалъ о томъ на ухо императору, который отвѣчалъ на своемъ голландскомъ языкѣ: „почему же нѣтъ?" и тотчасъ же самъ потребовалъ стаканъ вина.

Наконецъ, наступилъ день коронаціи; кончились торжества. Герцогъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчалъ каждый день; вдругъ 21 мая 1724 г. узналъ онъ, и то совершенно случайно, что императорскія принцессы непремѣнно выѣдутъ изъ Москвы въ Петербургъ въ будущій вторникъ. Это было ему очень непріятно, потому что какъ самъ онъ, такъ и почти вся Москва (безъ сомнѣнія только въ воображеніи голштинцевъ) считали за вѣрное, что въ день рожденія императора, т. е. 30 мая, будетъ сдѣлано что нибудь въ пользу его высочества.

„Теперь,—восклицалъ Берхгольцъ,—всѣ наши надежды разрушатся этимъ внезапнымъ отъѣздомъ!"

На другой день голштинцы съ великимъ сожалѣніемъ увѣрились, что цесаревны дѣйствительно уѣдутъ изъ Москвы еще до рожденія императора. Опечаленный герцогъ выплакалъ горе предъ своимъ оберъ-камергеромъ, графомъ Бонде. Тотъ поспѣшилъ къ общему ихъ пріятелю Монсу.

Было 7 часовъ пополуночи.

Бонде не засталъ Монса дома и оставилъ у него на нѣмецкомъ языкѣ записку. Представляемъ любопытный документъ, въ современномъ, т. е. въ тогдашнемъ, переводѣ, кстати сказать, исполненномъ по порученію тайной канцеляріи:

— „Мой любезный братъ! Охъ горе! я теперь у васъ былъ, да не засталъ тебя. Государь мой (герцогъ) во всю ночь въ безпокойствѣ у меня былъ и не можно его утѣшить. Онъ вчерашняго числа слышалъ, что принцессы отъѣзжаютъ, и онъ еще ничего не имѣетъ, и ничего не слышитъ, что къ его спасенію принадлежитъ. Сердечный братецъ! попроси ея величество императрицу, чтобъ она умилосердилась надъ бѣднымъ, опечаленнымъ и влюбившимся (!) государемъ. Онъ по истинѣ исчезаетъ въ сей неподлинности; и остается истинно десперaненъ, ежели до отъѣзду принцесъ объ одной

не будетъ обнадеженъ. Ради Христа, братецъ дорогой, не покинь! И матушку нашу (т. е. Екатерину Алексѣевну) попроси, чтобъ помиловала она. Ей, ей, смерть хозяина моего, ежели милости вашей и божіей не будетъ. Я не могу его утѣшить. И ежели ему и нынѣ изъ Москвы ѣхать, и никоторой изъ принцессъ, которой за нимъ быть нарѣчено не будетъ, и я заклинаю тебя предъ Богомъ и всѣми святыми, доложи о сей нуждѣ нашей всемилостивѣйшей матушкѣ. Генеральша (т. е. Матрена Балкъ) всевозможное здѣсь чинитъ, чтобъ меня съ утѣшеніемъ въ домъ къ государю моему отправить; только я ничего не могу принять, развѣ ты мнѣ дашь лучшее извѣстіе. Я пребываю, дражайшій мой братъ, весь вашъ Бонде. Въ 8-мъ часу".

Монсъ и самъ не думалъ, что дѣло влюбленнаго герцога затянется еще на неопредѣленное время; онъ еще недавно говорилъ князю Бѣлосельскому, да секретарю своему Столѣтову: „вотъ государыня цесаревна (Анна Петровна)—какой человѣкъ хорошій, а отдаютъ за голштинскаго герцога; а онъ ей по человѣчеству не придетъ. То-то чины-то будутъ! шаркать и присядать по нѣмецки станетъ чиновно..." Говорилъ онъ эти рѣчи быть-можетъ и не безъ укоризны, такъ какъ видно, что герцогъ дѣйствительно по человѣчеству не стоилъ цесаревны, хотя самъ же и радѣлъ о его дѣлѣ; а еще вѣроятнѣе говорилъ онъ то не „къ поношенію, но къ одному нѣмецкому обхожденію" [1]).

Какъ бы то ни было, но всѣ толки и хлопоты не повели пока ни къ чему. „Весьма удивляюсь—писалъ не безъ горечи шведской канцеляріи совѣтникъ и сторонникъ герцога, баронъ Цедергіельмъ къ графу Велингу—весьма удивляюсь, что о совокупленіи брачномъ еще ничего не слышно, и два срока: яко коронація и день Петра и Павла въ семъ случаѣ напрасно прошли; сіе возбуждаетъ у нѣкоторыхъ мнѣніе, что все пресѣчется, а у нѣкоторыхъ сумнѣніе и недовѣрку. А какъ оное потребно есть общему интересу, то оставлю мудрѣйшихъ зрѣлому разсужденію. И такимъ образомъ всякъ принужденъ колеблятся, когда объявленія безъ дѣйства оста-

---

[1]) Дѣло Егора Столѣтова 1736 г., показаніе кн. Бѣлосельскаго. Это второе уже дѣло, стрясшееся надъ Столѣтовымъ гораздо позже, именно въ царствованіе Анны Ивановны.

ются. Мнѣ мнится, ежели-бъ я сказать смѣлъ, что императора собственный кредитъ и интересъ въ томъ претерпѣваетъ“.

„Я имѣлъ честь прошлой почты вамъ объявить—писалъ тотъ же Цедергіельмъ три дня спустя [1])—въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь и о неспокойствѣ, которое мнѣ приключаютъ пункты, интересованные о маріажѣ и... Вѣдая такъ, какъ я извѣстенъ его императорскаго величества разумъ и твердость, менѣе бы насъ тревожило въ продолженіи помянутаго маріажу, ежели-бъ не чинились нѣкоторыя интриги, чтобъ опровергнуть взятыя мѣры и публику обольстить такимъ образомъ, дабы доброжелательные не знали, на что имъ надѣяться. А между тѣмъ противники надеждою себя флатируютъ, что по заключеніи (между Швеціей и Россіей) аліанціи, императоръ объ интересѣ герцога болѣе попеченія имѣть не будетъ, отчего онъ можетъ придти въ посмѣяніе и на жертву отданъ быть. И начинаютъ уже сумнѣваться, какое окончаніе дѣла его воспріимутъ. Сіе отъемлетъ куражъ и остановляетъ горячесть, и подаетъ случай къ разнымъ разсужденіямъ, и кажется будто блекнетъ тѣмъ слава монарха, который ему протекцію свою обѣщалъ. Я признаваю, что сіе суть токмо проводы; обѣщанія и паролю императорскаго не держится. Но по что сіе продолженіе? Подается токмо тѣмъ пріителямъ омбражъ, а непріятелямъ случай всѣ свои способы къ помѣшательству употреблять. И во истину, когда непріятели о томъ радуются, то другіе весьма печалятся и неутѣшительны. И тако, которой партіи нынѣ хотятъ угодить, и отъ которой надѣются сентиментовъ сходнѣйшихъ? Никогда-бъ повѣрить не можно, чтобъ коронація и Петровъ день напрасно минулись безъ деклараціи. Во истинно, общій интересъ въ томъ такъ претерпѣваетъ, что словами оное изобразить не можно и экспрессіи на то нѣтъ. Многими продолжающимися выкрутками можно того къ паденію привесть, котораго обѣщано поднять...“

О томъ же писалъ и графъ Велингъ въ мѣстечко Поль къ Бассевичу или къ Бонде [2]); словомъ, вся голштинская партія была огорчена и оскорблена тѣми долгими „выкрутками“, изъ-за которыхъ не объявлялось до сихъ поръ обрученіе герцога. Письма Це-

---

[1]) Медви. Іюля 21 и іюля 24 дня 1724 г., современные переводы писемъ Цедергіельма. Госуд. Архивъ, бумаги Монса.

[2]) Мѣстечко Поль за Нарвою принадлежало Бассевичу, главнѣйшему совѣтнику герцога; въ іюнѣ 1724 г. здѣсь была свадьба графа Бонде.

дергіельма и Велинга были доставлены Монсу кѣмъ-то изъ близкихъ герцога, вѣроятно графомъ Бонде, и безъ сомнѣнія для доклада государынѣ.

Монсъ, какъ можно думать, не переставалъ хлопотать по этому дѣлу. Государыня подъ его вліяніемъ продолжала являть свое расположеніе къ герцогу, но государь попрежнему уклонялся отъ декларацiи. Явно, что она еще не входила въ его политическіе разсчеты. Но вдругъ исканія герцога увѣнчались успѣхомъ: причиной того или, вѣрнѣе сказать, рѣшительнымъ толчкомъ къ тому былъ возникшій въ ноябрѣ 1724 г.—розыскъ.

IX.

РОЗЫСКЪ.

1724.

5-ое ноября 1724 г. было роковымъ днемъ для Виллима Ивановича. Въ этотъ день объявился давнишній доносъ Ершова.

Какъ это случилось, кто былъ передоносчикомъ, изъ-за чего вновь возникло дѣло—эти интересные вопросы рѣшительно остаются загадками. Съ недоумѣніемъ останавливаешься предъ Поспѣловымъ, Ягужинскимъ, Макаровымъ, Меншиковымъ, Толстымъ, Анной Крамеръ: но нѣтъ, никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться доносчикомъ на Монса, а слѣдовательно и на Екатерину. Почему этого не могло случиться, мы уже объясняли; и что они дѣйствительно не были виновниками внезапно возникшаго розыска, это видно изъ наградъ и милостей, которыми ихъ осыпала Екатерина по восшествіи своемъ на престолъ [1]). Быть-можетъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ? Дѣйствительно, онъ не былъ друженъ съ Монсомъ [2]); ему и поручилъ

---

[1]) Такъ, Поспѣловъ сдѣланъ былъ въ мартѣ 1725 г. камеръ-юнкеромъ. Ягужинскій въ томъ же мѣсяцѣ до такой степени пользовался благоволеніемъ Екатерины, что однажды пьяный сильно забушевалъ въ ея комнатахъ и не подвергся за то немилости; Макаровъ изъ ея рукъ получилъ орденъ Андрея-первозваннаго; жена Ягужинскаго сдѣлана статсъ-дамой; о Меншиковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мы не говоримъ: извѣстно, что они были щедро награждены преемницей Петра.—Не забыта была и Анна Крамеръ, одна изъ довѣреннѣйшихъ служанокъ государыни и другъ Монса (она вела черезъ него переписку съ разными лицами). Екатерина пожаловала Крамеръ деревней, что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ справедливы были разсказы иноземцевъ о томъ, что Крамеръ была въ числѣ извѣтчицъ по дѣлу 1724 г.

[2]) Такъ, отъ Ушакова намъ извѣстно только одно письмо къ Монсу, и то совершенно оффиціальное.

Петръ чинить допросы, производить слѣдствіе, но все таки и Ушакова нельзя заподозрить въ доносѣ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы съ воцареніемъ Екатерины, чего, какъ извѣстно, не случилось. Словомъ, вѣрнѣе всего, что государь узналъ объ извѣтѣ Ершова путемъ тайнаго, безъимяннаго письма, т. е. путемъ довольно обычнымъ въ то страшное время, хотя путь этотъ и тогда былъ запретный.

Въ ноябрѣ 1724 г. принесено было одному изъ его лакеевъ, Ширяеву, будто бы съ почты, письмо.

Въ чемъ оно состояло, куда исчезло — неизвѣстно [1]); но что оно было и относилось къ дѣлу Монсу, это видно изъ описи сего дѣла 1727 г. Въ ней рукою Черкасова между прочимъ помѣчено:

„Пакетъ, а на немъ подписано: письмо подметное, принесенное въ пакетѣ къ Ширяеву въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г.; вмѣсто котораго указалъ его императорское величество положить въ тотъ пакетъ бѣлой бумаги столько же и сожжено на площади явно. А сіе письмо указано беречь; а кресты на ономъ ставлены рукою его же императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти [2])".

Какъ ни свѣдалъ Петръ о доносѣ Ершова, но 5 ноября 1724 г., по его повелѣнію, взятъ былъ въ тайную—Иванъ Суворовъ.

Суворовъ, по выслушаніи доноса, показалъ, что Ершовъ дѣйствительно у него ночевалъ, говорилъ онъ съ нимъ про Егора Столѣтова, про то, что письма Монса сушили безъ опаски; что къ камергеру приходила его сестра съ сыномъ съ слезнымъ моленіемъ отбросить Егорку; „говорилъ мнѣ о всемъ этомъ Балакиревъ,—раз-

---

[1]) Ширяевъ былъ однимъ изъ весьма неважныхъ дворцовыхъ слугъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1724 г. къ нему явился незнакомецъ и вручилъ будто бы съ почты письмо на его имя. Податель немедленно удалился. Распечатавъ пакетъ, Ширяевъ нашолъ въ немъ другой на имя государя. Онъ доставилъ его по адресу. Весь этотъ маневръ со стороны неизвѣстнаго извѣтчика былъ употребленъ для того, что подметныя письма строго-настрого повелѣвалось жечь, не распечатывая. Настоящій же способъ „подметыванія" правительствомъ не предвидѣлся и потому увѣнчался успѣхомъ: извѣтъ былъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію. Впрочемъ государь не преминулъ объявить указъ: „если къ кому впредь незнакомые люди станутъ приносить письма, то бы у нихъ просто оныхъ не принимали, но впустя его въ покой, хозяинъ распечаталъ для того, чтобъ ежели такое явится, онаго взять и привезть бы въ полицмейстерскую канцелярію. Сіе накрѣпко заповѣдуется подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкою въ работу".

[2]) Государств. Архивъ при Министерствѣ Иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

сказывалъ Суворовъ—тотъ самый Балакиревъ, что живетъ у Монса. А словъ, что написалъ Ершовъ: когда-де сушили письма Монса, тогда унесъ Столѣтовъ изъ тѣхъ писемъ одно сильненькое, что и рта разинуть боятся, и что хорошенькое письмо, а написанъ въ немъ рецептъ о составѣ питья, и не про кого, что не про хозяина, и что то письмо отдалъ Егоръ Макарову, Макаровъ Поспѣлову— и (ничего этого) я не говорилъ; что-же до того, говорилъ я Смирнову: Столѣтовъ-де Монса поддѣлъ, или поддѣнетъ на арканъ,— того подлинно не упомню, и въ чемъ, того не знаю, только (говорилъ) примѣняясь къ словамъ Балакирева, что Егора не любятъ".

На очной ставкѣ, струсившій Суворовъ и доносчикъ Ершовъ— каждый стояли на своемъ.

Кажется государь еще не предугадывалъ, какое развитіе получитъ это дѣло; едва-ли онъ не посмотрѣлъ на него какъ на обыденное слѣдованіе о противныхъ словахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, глядя на препровожденіе имъ времени въ первые дни ноября мѣсяца 1724 г.

Въ тотъ день—5-го ноября 1724 г.—на свадьбѣ одного нѣмецкаго булочника онъ пробылъ три часа, пируя въ обществѣ своихъ деньщиковъ съ нѣмцами-ремесленниками; и все это время онъ былъ „необыкновенно веселъ". Самъ Монсъ, ничего не предчувствуя, хлопоталъ о составленіи патентовъ на камергерство, пожалованное ему при коронаціи: патенты ему и Балку были написаны, но имъ не суждено было украситься подписями государя [1]).

Розыскъ продолжался. На другой день Суворовъ на новомъ допросѣ передалъ Андрею Ивановичу Ушакову извѣстный уже намъ разговоръ свой съ Балакиревымъ. Ершовъ объявилъ, что онъ слышалъ только то отъ Суворова, что показано въ доносѣ.

День 7-го ноября прошолъ безъ допросовъ. Не въ этотъ ли день донесено было государю о важности начатаго по его указу розыска. Не этотъ ли день таинственное лицо, которое вело интригу противъ Монса, употребило на то, чтобъ раскрыть глаза государю на странность власти и значенія камергера при ея величествѣ?

---

[1]) Такъ они сохранились до нашего времени. Они заканчиваются слѣдующими словами: „Данъ в санктпитерзбурхе лѣта 1724, ноября въ   день". Госуд. Архивъ, дѣло Монса.

8-го ноября 1724 г.

Къ сожалѣнію, ни въ повседневномъ журналѣ того времени, ни въ извѣстномъ намъ рукописномъ календарѣ, гдѣ попадаются отмѣтки о препровожденіи времени государя, ни изъ записокъ, наконецъ, Берхгольца не видно, гдѣ былъ государь и чѣмъ былъ онъ занятъ въ этотъ день.

За то положительно извѣстны его занятія 8-го ноября 1724 г.

День былъ воскресный; государь отстоялъ обѣдню въ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ, и оттуда прошолъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ одномъ изъ ея застѣнковъ Петра ожидали Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Черкасовъ, помощникъ кабинетъ-секретаря Макарова. Черкасовъ призванъ былъ для записыванія показаній; тутъ же трепетали отъ страху Суворовъ, Столѣтовъ и шутъ Балакиревъ. Дѣло было не до смѣху и шутокъ. Отъ него потребовали отвѣта на показанія Суворова.

— „Я говорилъ только—отвѣчалъ Балакиревъ, скрывая все что было опаснаго въ его болтовнѣ съ Суворовымъ—я говорилъ только, что живу я у Монса въ милости, но всегда на посылкахъ, безъ покою; награжденія-жъ не имѣю. А про Столѣтова говорилъ только, что онъ ищетъ въ Монсѣ и чаетъ у него быть въ кредитѣ, и нынѣ письма всѣ у него на рукахъ. Такія слова, что монсова фамилія, вся пришедъ къ нему Монсу, со слезами просила, чтобъ онъ Егора отъ себя бросилъ и проч. (см. выше) я Суворову сказывалъ; говорилъ же ему и про отвѣтъ Столѣтова: что-де они мнѣ сдѣлаютъ? Они-де сами (т. е. Монсъ и Балки) прежде меня пропадутъ; про висѣлицу упоминалъ ли или нѣтъ, того не помню“.

Затѣмъ Балакиревъ, на всѣ показанія Суворова и записку неизвѣстнаго о разговорѣ съ Константиновымъ, отвѣчалъ или отрицаніемъ, или увѣреніями, что не помнитъ, или наконецъ смягчалъ фразы: такъ, по поводу разговора своего съ Константиновымъ, отчего Монсъ не женится? Балакиревъ такъ смягчилъ на допросѣ: „сказывалъ я просто: слышалъ я отъ Монса: на что-де мнѣ жениться, у меня-де ихъ много, лишь бы охота была“.

Дали очную ставку. Суворовъ стоялъ на своемъ; Балакиревъ запирался. Его императорское величество велѣлъ вздернуть придворнаго шута на дыбу.

Шутъ, повиснувши на вывороченныхъ рукахъ, повинился, „токмо

силы письма", привезеннаго имъ (въ апрѣлѣ 1724 г.) изъ села Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказалъ; а вмѣсто того началъ было называть лица, съ кого его патронъ бралъ взятки. Назвалъ Якова Павлова, который за презентъ Монсу сдѣланъ былъ учителемъ царевны Натальи Петровны, жену Люпса; назвалъ купца Мейера, князей Меншикова и Алексѣя Долгорукова, подарившихъ Монсу лошадей, „а о прочихъ—объявилъ допрашиваемый—надлежитъ подробно написать" [1]).

Спросили Столѣтова. „Вѣдалъ я—сказалъ Егоръ, запершись во всемъ, что показалъ на него Балакиревъ — вѣдалъ я только, что фамилія Монсова ко мнѣ недоброхотлива; а Монсу на меня наговаривали. И говорилъ я, вѣдая все это: что они мнѣ сдѣлаютъ? я ихъ не боюсь! А быть-можетъ я и говорилъ, вѣдая ихъ недоброхотство, что сами прежде меня пропадутъ, а причины къ тому не знаю".

Очная ставка съ Балакиревымъ не раскрыла причины.

Откровеннѣе былъ Суворовъ. Онъ сообщилъ и то, о чемъ его и не спрашивали. Такъ, онъ пересказалъ разговоръ свой съ Мишкой, слугой Поспѣлова.

Всего этого было довольно.

Петръ отправился за объясненіями къ Поспѣлову. Что тамъ было — неизвѣстно. Нѣсколько времени спустя государь возвратился въ Зимній дворецъ.

Казалось онъ былъ довольно спокоенъ, по крайней мѣрѣ въ немъ ничего не замѣтили придворные, весело балагурившіе у Екатерины. Государь сѣлъ съ ними ужинать. Монсъ былъ въ ударѣ и „долго имѣлъ честь разговаривать съ императоромъ, не подозрѣвая и тѣни какой-нибудь немилости". „Минуту спустя (послѣ ужина)— такъ разсказываетъ саксонскій посолъ Лефортъ [2])—государь велѣлъ Монсу посмотрѣть на часы.

— „Десятый часъ", сказалъ камергеръ.

---

[1]) Весьма вѣроятно, что самъ государь остановилъ дальнѣйшія показанія Балакирева до новаго допроса, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Петру хотѣлось знать не о взяткахъ Монса, а о предметѣ болѣе интересномъ.

[2]) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1849 г., ч. IV, стр. 441—443. Разсказъ германскаго историка о „казни Монса" основывается на извѣстіяхъ графа Рабутина и камергера Лефорта; первый былъ вѣнскимъ посломъ, второй—саксонскимъ, при дворѣ Петра I.

— „Ну, время разойтись!“ и съ этимъ словомъ Петръ отправился въ свою комнату.

Придворные разъѣхались. Монсъ, придя домой, раздѣлся и закурилъ трубку.

Вдругъ въ комнату вошолъ Ушаковъ.

Страшный инквизиторъ объявилъ фавориту, что съ этой минуты онъ арестантъ; взялъ у него шпагу, ключи, запечаталъ бумаги и отвезъ несчастнаго къ себѣ на квартиру.

Здѣсь ждалъ ихъ самъ императоръ.

„А! и ты тутъ!“ сказалъ онъ, окидывая Монса презрительнымъ взглядомъ. Съ рѣдкимъ для себя самообладаніемъ государь удержалъ порывъ гнѣва, не сталъ и допрашивать. Онъ оставилъ Монса на всю ночь терзаться мученіями страха и угрызеній совѣсти, если та не совсѣмъ заглохла въ красавцѣ-камергерѣ.

Въ ту же ночь арестованы были Столѣтовъ и Павловъ; обоихъ заперли въ Лѣтнемъ дворцѣ [1]).

Вѣсть объ арестѣ Монса какъ громомъ поразила сотни сановниковъ и сановницъ петербургскаго общества. Матрена Ивановна, до которой дѣло слишкомъ близко касалось, до такой степени испугалась, что слегла въ постель и была въ совершенномъ отчаяніи; ея семейство и всѣ пріятели, всѣ имѣвшіе извѣстнаго рода дѣла съ Монсомъ, были въ смущеніи: всѣмъ памятны были розыски Петра надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сторонниками, слѣдствіе и судъ надъ княземъ Гагаринымъ, надъ нѣсколькими важнѣйшими изъ оберъ и провинціалъ-фискаловъ, надъ важнымъ Шафировымъ. Всѣмъ были памятны, что въ каждомъ изъ этихъ розысковъ немногое осталось неподмѣченнымъ, и почти никто изъ лицъ, мало-мальски прикосновенныхъ къ дѣлу, не остался безъ строгой отвѣтственности. Такъ и теперь: никто еще не зналъ, какъ взглянетъ Петръ на взятки Монса—не взмахнетъ ли онъ мечемъ правосудія и по тѣмъ головамъ, которыя, склоняясь предъ фаворитомъ, подкупали его на разныя несправедливости и происки?

Опасенія ихъ были напрасны: Петръ уже былъ не тотъ, что прежде. Эта желѣзная натура сдѣлалась какъ-то мягче, такъ что открытіе главной вины Монса глубоко его поразило; ударъ былъ

[1]) Зданіе у Лѣтняго сада, на набережной Фонтанки и Невы.

такъ силенъ, что государь на всѣ остальныя вины арестанта взглянулъ какъ-то слегка, только какъ на оффиціальный предлогъ къ его осужденію; преслѣдовать же дававшихъ взятки, входившихъ въ постыдныя сдѣлки съ фаворитомъ, это значило протягивать дѣло, откладывать казнь, словомъ — болѣе и болѣе растравлять свое сердце присутствіемъ ненавистнаго соперника.

Петръ рѣшился стереть его съ лица земли, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Въ понедѣльникъ, 9 ноября, въ канцелярію государева кабинета внесли ворохи всевозможныхъ бумагъ Виллима Монса; пришолъ Петръ. Ввели, по его ордеру, арестанта.

Камергеръ не вынесъ взора Петра: въ этомъ взорѣ было столько гнѣва, жажды мести и въ то же время глубочайшаго презрѣнія, что Монсъ не выдержалъ, затрясся и упалъ въ обморокъ. Ему открыли кровь, государь велѣлъ его увезти назадъ подъ караулъ и дать ему время оправиться, а между тѣмъ съ жадностью принялся за пересмотръ его бумагъ.

Надо думать, что при этомъ пересмотрѣ были и пособники, такъ что предъ государемъ скоро поднялась большая куча „противныхъ“ документовъ, которые потомъ и были переплетены въ особую книгу; затѣмъ остальныя бумаги остались въ двухъ громаднѣйшихъ связкахъ.

Книга и связки передъ нами; содержаніе первой особенно разнообразно; были ли подобраны сюда бумаги петровскими помощниками по суду, вплетены ли онѣ въ общій корешокъ гораздо позже такъ, случайно,—какъ бы то ни было, но сюда вошли бумаги всевозможныхъ родовъ [1]).

Такъ, здѣсь находятся челобитья о разныхъ дѣлахъ съ предложеніями презентовъ отъ Хитрово, Люпсовой жены, Льва Измайлова, кн. Алексѣя Долгорукова, документъ о передачѣ во владѣніе Монса деревни царевны Прасковьи Ивановны, письма и выписочки о дѣлахъ Отяева, Малевинскаго, архимандрита Писарева,

[1]) Болѣе столѣтія хранились онѣ съ прочими бумагами Тайной Канцеляріи въ Петропавловской крѣпости; вмѣстѣ съ ея же дѣлами онѣ перенесены, по волѣ императора Николая, въ Государственный Архивъ Министер. Иностр. дѣлъ, въ С.-Петербургѣ.

Петра Салтыкова, Камынина, ростовскаго архіерея Дашкова и многія другія бумаги, касающіяся важнѣйшихъ взятокъ Монса. Тутъ же вплетена и нѣмецкая корреспонденція Монса съ матерью, съ сестрами, съ друзьями изъ нѣмецкой слободы, его стихи, письма „амурныя", гадальная книжка, памятные листки о перстняхъ, о травахъ; вообще содержаніе отобранныхъ „противнѣйшихъ" документовъ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразно [1]).

Нѣкоторые изъ документовъ — таковы всѣ любовныя записки Монса, письма той же матеріи къ нему отъ Петра Балка, Матрены Ивановны или Функа и Бретингама, а также и письма голштинцевъ, относящихся до исканій герцога,—всѣ эти бумаги были, по волѣ Петра, немедленно переведены на русскій языкъ.

Государь, по не вполнѣ ясному разумѣнію нѣмецкой грамоты, боялся проглядѣть какого-нибудь слова, мало-мальски разъясняющаго дѣло. Было ли найдено письмо сильненькое „съ рецептомъ о составѣ питья, ни про кого другого, что ни про хозяина" — неизвѣстно.

Не видно по дошедшимъ до насъ бумагамъ, имѣлъ ли Петръ объясненіе съ Екатериной. Иностранцы, разумѣется, живописуютъ по этому поводу цѣлыя сцены, разсказываютъ какъ государь, въ припадкѣ гнѣва, раздробилъ громадное венеціанское зеркало, какъ грозилъ онъ при этомъ супругѣ, что онъ такъ же въ дребезги разобьетъ и ея существованіе; какъ фельдмаршалъ Рѣпнинъ своимъ

---

[1]) Изъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ здѣсь находится около 30 писемъ, записокъ, стиховъ и разныхъ „амурныхъ" цидулокъ Виллима Монса; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, писаны на русскомъ языкѣ, но нѣмецкими буквами. Тутъ же вплетены 26 писемъ Модесты Монсъ, 23 письма Матрены Балкъ, 10 пис. Петра Балка, 5 пис. Анны фонъ-Кейзерлингъ (рожд. Монсъ), гадальная книжка и листки изъ записной тетради Монса; затѣмъ есть по нѣскольку писемъ: Брейтигама, Бориціуса Ванденбурга, художника Ведекинда (1 п.), Витвера, Герфеля, Гольца, Дугласа Ихамета, фонъ Кейзерлинга (изъ Гарца, 1 п.), Кохена, Лупса съ женой, Мекса, Клинга, Мормора, Фрике, Функа, Фитингофа-Шеля, Шульца и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ они либо родственники и пріятели Монса, либо купцы, ремесленники и вообще разныя лица, имѣвшія нужду въ Монсѣ. Наконецъ, въ книгу вплетены, кромѣ русскихъ и нѣмецкихъ писемъ, рецепты лекарствъ, счеты, росписки, описи, приходорасходныя тетрадки и т. п. бумаги. Общее заглавіе книги: „Уголовная секретная: разные черные отпуски писемъ къ Толстому, Румянцову, Монсу и другіе 1724 г.", листовъ 528. Дѣло въ Госуд. Архивѣ.

заступничествомъ спасъ Екатерину и проч. и проч. Подобными романическими подробностями намъ бы весьма легко было оживить нашъ разсказъ, но мы не хотимъ отступать отъ подлинныхъ документовъ, по которымъ исключительно составлено настоящее изслѣдованіе [1]) и тамъ, гдѣ молчатъ они, смолчимъ и мы. Это будетъ лучше, нежели повторять розсказни иностранныхъ писателей, бравшихъ многіе факты изъ области собственной фантазіи.

Понедѣльникъ, 9 ноября, проведенъ былъ знатью петербургскою крайне смутно. Громовая вѣсть объ арестѣ Монса передавалась шопотомъ, по секрету; въ маленькихъ покояхъ Зимняго дворца (на этомъ мѣстѣ нынче казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка) какъ тѣни сновали испуганные деньщики и перетрусившія фрейлины; императрица заперлась во внутреннихъ апартаментахъ, а въ канцеляріи „кабинета“ въ ворохѣ захваченныхъ бумагъ нетерпѣливо рылся государь. Этотъ день, казалось, не могъ не потрясти его души; въ разгарѣ настоящаго событія Петръ вспомнилъ, что онъ еще не сдѣлалъ никакого распоряженія насчетъ преемства престола, лучше сказать, что дѣти его еще „не пристроены“,—и вотъ съ обычной ему энергіей, онъ въ нѣсколько часовъ рѣшается на то, что откладывалъ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Мы говоримъ объ обрученіи его дочери Анны съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ голштинскимъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что чтеніе переведенныхъ для него писемъ Цедергіельма, графа Велинга и графа Бонде ускорило его рѣшимость.

На другой день, 10-го ноября 1724 г., во вторникъ, въ десять часовъ утра, къ герцогу голштинскому, опечаленному арестомъ его сторонника Монса, неожиданно явился Остерманъ. Въ получасовой секретной аудіенціи съ его высочествомъ, Остерманъ именемъ императора объявилъ, что государь твердо рѣшился покончить дѣло герцога и что обрученіе должно совершиться въ катерининъ день. Назначенье для этой церемоніи дня ангела государыни—дѣло непонятное. Хотѣлъ ли государь сдѣлать удовольствіе супругѣ, давно

---

[1]) Въ настоящемъ трудѣ мы сдѣлали исключеніе только для Берхгольца и Лефорта; и тотъ и другой, какъ современники, писали то, что сами видѣли или слышали отъ очевидцевъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ разсказовъ позднѣйшихъ писателей, во многомъ ошибочные, какъ напримѣръ Гельбига и другихъ, см. въ нашей статьѣ „Наталья Лопухина“ („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., № 17).

уже желавшей этого брака, и въ такомъ случаѣ, кажется, нельзя сомнѣваться, что Екатерина имѣла съ мужемъ объясненіе и оно кончилось для нея какъ нельзя лучше; или же государь имѣлъ какіе-нибудь другіе виды? Вообще надо придти къ одному изъ слѣдующихъ заключеній: Екатерина съ обычнымъ искуствомъ успѣла вновь возбудить любовь къ себѣ государя, съумѣла совершенно оправдаться; Монсъ не показалъ ничего для нея опаснаго, прешолъ многое молчаніемъ, и жизнью запечатлѣлъ къ ней свою преданность, или же, наконецъ, Петръ узналъ грустную тайну, до сихъ поръ извѣстную всѣмъ, кромѣ его самого, но рѣшился не чинить страшнаго розыска надъ той, которой обязанъ былъ многими счастливыми днями своей жизни.

Послѣднее заключенье, какъ оно ни противорѣчитъ мстительному, ничѣмъ не сдерживаемому характеру Петра, тѣмъ не менѣе кажется вѣрнѣе другихъ.

Въ то же утро, какъ Остерманъ сообщалъ герцогу вожделѣнную вѣсть, Монсъ вновь приведенъ былъ къ государю.

Допросъ произведенъ былъ среди величайшей тайны. На бумагу тайна не была передана; письменные допросы, отвѣты и отписки касались только взяточничества. Тѣ и другіе записаны Черкасовымъ. Вопросы очень коротки, дѣлались какъ бы нехотя, невполнѣ, какъ бы единственно только для соблюденія формы слѣдствія; отвѣты Монса многословны, безпорядочны: ему видимо было не легко вспоминать о множествѣ лицъ, его подкупавшихъ, и вспоминая ихъ одного за другимъ, важнаго за неважнымъ, онъ облекалъ получаемые имъ презенты въ форму дружескихъ подарковъ.

Камергеръ не зналъ, что лукавство ни къ чему не поведетъ, что необходимость его казни для Петра до такой степени обозначилась, что даже не станутъ дополнять и провѣрять его отвѣты показаніями лицъ, его дарившихъ.

„Скажи о челобитной Хитрово въ деревняхъ, — спрашивали Монса — о заемномъ письмѣ его тебѣ въ 500 рубляхъ, также о письмѣ Макарова къ графу Матвѣеву, съ требованіемъ прислать то дѣло въ кабинетъ?“

— „Подавалъ ли самъ Хитрово свою челобитную ея величеству, — отвѣчалъ Монсъ, — или я у него принялъ, не помню; но Хитрово (дѣйствительно) просилъ у меня вспоможенія въ дѣлѣ съ

Дашковымъ и обѣщалъ за то 500 рублей... [1]) Изъ нихъ привезъ 200 въ зачетъ даннаго имъ мнѣ заемнаго письма, а по окончаніи дѣла обѣщалъ достальные 300 р. дать. Только я у него тѣхъ денегъ не требовалъ, а привезъ онъ ихъ своею волею съ прошеніемъ, чтобъ принять, и письмо заемное такимъ же образомъ далъ. Что до письма Макарова (по дѣлу Хитрово), того не помню; о дѣлѣ же самомъ нигдѣ не прашивалъ; только государыня-императрица изволила приказывать князю Ромодановскому о рѣшеніи того дѣла по указамъ государевымъ. А какъ дѣло изъ юстицъ-коллегіи перешло къ князю Ивану Федоровичу (Ромодановскому), того не знаю.

„О Любсовой женѣ?"

—„Какъ Любсова жена била челомъ о своемъ отпускѣ (заграницу), тогда я какъ ее, такъ и ея челобитье, по указу государыни, ея величеству представлялъ. Тогда Любша мнѣ ничего не дарила; только въ прошломъ году на мои имянины подарила: кусокъ кружевъ, потомъ еще два куска, да предъ отъѣздомъ своимъ 500 червонныхъ. Тогда-жъ къ имянинамъ прислалъ Мейеръ вина (слѣдуетъ исчисленіе бутылокъ и бочекъ). Послалъ я къ нему въ нынѣшнемъ году роспись, и по той росписи прислалъ онъ мнѣ еще вина (слѣдуетъ исчисленіе). А больше того ни отъ Любши, ни отъ Мейера я ничего не бирывалъ.

„О письмахъ Льва Измайлова, что просилъ объ указѣ въ вотчинную коллегію объ отдачѣ деревень и обѣщалъ деньги?"

—„Тѣ деревни за государыней императрицей; а чьи были, того не помню; только слышалъ отъ Кошелева, что послѣ которой-то царевны ея величеству достались. И о тѣхъ деревняхъ Петръ Измайловъ билъ челомъ ея величеству на Воронежѣ, понеже (не знаю почему) имъ тѣ деревни надлежатъ. Ея величество изволила обѣщать отдать половину деревень, и о той половинѣ Левъ Измайловъ за брата своего просилъ въ Москвѣ. Обѣщалъ (мнѣ) 1000 рублей; но ничего не давалъ, а я не биралъ, и нынѣ тѣ деревни не отданы".

„О псковскихъ деревняхъ царевны Прасковьи Ивановны?"

—„Царевна отдавала мнѣ эти деревни, и я, польстясь на

---

[1]) Мы приводимъ отвѣты Монса съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ сущность дѣлъ, по которымъ онъ бралъ взятки, изложена въ предыдущихъ главахъ.

нихъ, взялъ у нея духовную, которою крѣпки были онѣ ей, царевнѣ, царицею Прасковьей Θедоровной. Однако видя, что ихъ невозможно за собой укрѣпить, я говорилъ царевнѣ: „ими не жалуйте, понеже онѣ не могутъ быть мнѣ крѣпки, а подлогомъ крѣпить опасенъ“. Она на то сказала: „коли деревень не возьмешь, то я тебѣ оброкъ съ нихъ пришлю“. Я и отъ этого отрицался. А потомъ, по прошенію царевны, государыня изволила приказать оныя деревни, хотя она и о всѣхъ просила, въ вотчинной коллегіи справить за ней, царевной, ей же и отсылать съ нихъ оброкъ, что и учинено. 600 руб. оброку на прошлый годъ къ ней отослано, а она прислала ихъ ко мнѣ. Я принялъ. На сей годъ ничего не присылывала. Для отказу же тѣхъ деревень посылалъ надворнаго суда прокурора Тимофѣя Кутузова, для того, чтобъ о нихъ подлинную вѣдомость получить, что они стоятъ: я намѣренъ былъ ихъ купить. Печатныя пошлины платилъ и отправлялъ для отказа изъ своихъ денегъ, и то чинилъ по указу Прасковьи Ивановны“.

„О деревняхъ Стельса, что перешли къ князю Алексѣю Долгорукову и противъ чего есть протестація Нестерова?“

—„Я въ этомъ дѣлѣ никакого старанія не употреблялъ; а просилъ меня онъ же, князь Алексѣй Долгоруковъ, о справкѣ за нимъ, по указу, деревень отцовскихъ, чтобъ ему въ томъ споможеніе учинить. И по тому прошенію говорилъ я Сухотину, президенту вотчинной коллегіи, чтобъ по указу рѣшеніе въ дѣлѣ Долгорукова учинилъ. А понеже — Долгоруковъ мнѣ издавна другъ, то по дружбѣ подарилъ онъ мнѣ девять кобылъ вороныхъ на заводъ; а я ему отдалъ собаку во сто червонныхъ, что подарилъ мнѣ герцогъ голштинскій“.

„О письмѣ Корчмина, что имѣетъ дѣло съ Сумскимъ полкомъ въ земляхъ?“

—„Письмо это далъ мнѣ Корчминъ для памяти того дѣла съ прошеніемъ: доложить о немъ ея величеству. Но я ничего по немъ не дѣлывалъ, понеже изслѣдовать о томъ велѣно полковнику Чернышеву“.

На общій вопросъ: что и отъ кого онъ получалъ? Монсъ отвѣчалъ слѣдующимъ, значительно имъ укороченнымъ, спискомъ:

—„Какъ свободили Василья Юшкова изъ-за караула, тогда государыня послала меня съ вѣдомостью о томъ къ царицѣ Пра-

сковьѣ Ѳедоровнѣ. Царица дала мнѣ 1000 рублей [1]), Юшковъ потомъ далъ другую 1000, да сервизъ серебряный—въ іюлѣ 1724 года, съ прошеніемъ: содержать его въ протекціи у государыни императрицы.

„Бывшій архимандритъ троицкой Писаревъ просилъ доложить императрицѣ объ отдачѣ ему сундука [2]); ея величество указала архіерею Ѳеодосію отдать архимандриту сундукъ; архимандритъ далъ мнѣ (за это) 1000 рублей. Но потомъ, какъ эти деньги спросили въ синодъ, то я ихъ паки отдалъ. Кто же принесъ мнѣ грамотку отъ Писарева съ обѣщаніемъ дать мнѣ 1500 рублей, если я возвращу ему на это время 1000, того не помню, и нигдѣ никакого старанія о томъ не прилагалъ, и отдалъ тому Писареву первые 1000 рублей, а больше ничего не бирывалъ. Интересовался ли въ этомъ дѣлѣ Макаровъ — не знаю, и отъ него о томъ дѣлѣ не слыхалъ.

„Въ нынѣшнюю бытность мою въ Москвѣ крестьянинъ села Тонинскаго — Солениковъ просилъ меня, чтобъ его по торгамъ и по богатству въ посадъ не записывать; понеже онъ заводилъ игольный заводъ, купилъ къ нему деревню и въ магистратѣ подписался, что ничѣмъ не торговалъ. По указу государыни Солениковъ опредѣленъ въ стремянные конюхи и за то онъ подарилъ мнѣ 400 рублей.

„Яковъ Павловъ, какъ взятъ ко двору въ пажи, далъ мнѣ на имянины часы. Я ихъ продалъ.

„Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) прошлаго лѣта подарилъ лошадь съ уборомъ.

„Князь Василій Долгорукой далъ парчу на верхній кафтанъ.

„Александръ Нарышкинъ—двѣ кобылы на заводъ.

„Архимандритъ троицкой Гавріилъ меня ни о чемъ не прашивалъ и ничѣмъ не даривалъ.

„Малевинской просилъ меня по своему дѣлу, чтобъ доимки не править; но я по тому прошенію ничего не дѣлывалъ, ничего не бирывалъ, а что онъ обѣщалъ, того не помню.

---

[1]) Здѣсь, такимъ образомъ, объясненіе освобожденія Василія Юшкова, фаворита царицы Прасковьи Ѳедоровны. См. очеркъ ея жизни и дѣяній въ І-мъ выпускѣ нашихъ монографій.

[2]) Вѣроятно съ вещами, опечатанными при его арестѣ, по извѣстному дѣлу. См. выше, стр. 114.

„Отяевъ просилъ меня въ тяжбѣ его съ Волковымъ; говорилъ я о томъ Ягужинскому. По цидулкѣ своей, Отяевъ 100 червонныхъ не давывалъ, только по старой дружбѣ подарилъ онъ мнѣ двухъ собакъ, да съ ними охотника на время. А Павла Ивановича (Ягужинскаго) просилъ я о неоставленіи Отяева, рекомендуя его только добрымъ человѣкомъ.

„По меморіямъ о Брянчаниновѣ, Войновѣ, о Васильѣ Глѣбовѣ [1]) ничего не дѣлывалъ и они мнѣ ничего не давывали.

„Петръ Салтыковъ просилъ о деревняхъ, взятыхъ у него ко дворцу. Но я ничего для него не производилъ; онъ меня не дарилъ, а дарилъ ли кого изъ моей фамиліи, того не знаю.

„О выморочныхъ деревняхъ Мартемьянова, по челобитной Камынина—нигдѣ не прашивалъ; колпакъ, да камзолъ тканый, да 1000 рублей съ него не бирывалъ; взялъ только, хваля мастерство, кошелекъ работы ихъ домоваго ткача.

„За архіерея Дашкова никого не прашивалъ; двухъ же чалыхъ лошадей подарилъ онъ мнѣ безъ всякаго дѣла [2]).

„О Яковѣ Павловѣ просилъ я государыню, чтобъ отпустила его отъ двора сержантомъ, но за это я ни съ отца Павлова, ни съ него и съ брата ничего не бирывалъ.

„Левъ Челищевъ подарилъ иноходца, чтобъ исходатайствовать ему чинъ и заслуженное жалованье.

„Денегъ моихъ лежачихъ, ни въ торгу, ни у кого нѣтъ, кромѣ того, что обрѣтается въ моемъ домѣ“. Подписалъ: „De Monso“.

Спросили подтвержденія показаній только у одной царевны Прасковьи; потому ли, что взятка, данная ею душами и крестьянскими животами, была крупнѣе прочихъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ—неизвѣстно.

Смущенная царевна призвана была къ государю; въ его присутствіи она должна была вывести своимъ крайне дурнымъ почеркомъ слѣдующія слова:

---

[1]) Монсу представили при допросахъ связку болѣе подозрительныхъ къ нему просьбъ и записокъ съ тѣмъ, чтобы онъ объяснилъ ихъ значеніе.

[2]) Понятно, что вѣрить Монсу никакъ нельзя: если бы онъ ни отъ кого ничего не бралъ, а главное—не усердствовалъ по дѣламъ дарителей, то число ихъ не возрастало бы годъ отъ году. А мы видѣли, что это было такъ: Монса стали задаривать съ 1719 года и это продолжалось, усиливаясь въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ, чуть ни до дня его ареста, т. е. до 8 ноября 1724 г.

„дала я Монцу деревну для того што все в немъ искали штобы добръ...“

На послѣднемъ словѣ государь остановилъ Прасковью: достаточно было для суда и трехъ словъ, остальное царевна могла дополнить устно; притомъ же Петру, въ его нетерпѣливомъ желаніи завершить дѣло возможно скорѣе, было вовсе не до Прасковьи.

Привели между тѣмъ Балка. Его не мучили длинными вопросами; государь удовольствовался однимъ:

„Балакиревъ объявилъ, что вы всею фамиліею приходили къ Монсу и со слезами просили его, чтобы онъ Столѣтова отъ себя бросилъ; буде же не броситъ, то Столѣтовъ его укуситъ и Монсъ можетъ отъ него пропасть; а на тѣ слова Монсъ отвѣчалъ: висѣлицъ-то де много! Вы всею фамиліею къ нему приходили-ли, такія слова говорили-ли, отвѣтъ отъ него былъ-ли и для чего вы ему тѣ слова говорили?“

— „Такія слова говорилъ я со всей фамиліей Монсу для того, что о Егорѣ сказывалъ адмиралъ (Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ), у котораго Егоръ прежде служилъ: „Егоръ-де бездѣльникъ, я имъ былъ недоволенъ и хотѣлъ его сбить со двора“. Такожъ Ягужинскій говорилъ Монсу: „брось Егора, онъ твоимъ именемъ много шалитъ, чего ты и не знаешь“. А я съ фамиліей — продолжалъ Балкъ—за Столѣтовымъ никакой не видали шалости, а говорили такъ со словъ адмирала да Ягужинскаго; на что и отвѣтилъ намъ Монсъ: „ежели Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то висѣлицъ много!“

Монса увели; Балка отпустили.

Государь, утомленный допросами, ушолъ обѣдать; послѣ стола по обыкновенью отдохнулъ и вечеромъ отправился на имянины къ капитану Гослеру. Пирушка длилась долго; государь—такъ свидѣтельствуетъ очевидецъ—„былъ очень веселъ“.

А въ кружкахъ петербургскаго общества не смолкалъ говоръ объ арестѣ и допросахъ Монса; старики говорили осторожно, молодые болтали смѣлѣе.

Такъ, 11 ноября, сержантъ Апраксинъ разсказывалъ любопытному Берхгольцу:

— „Монсъ эти дни сидѣлъ подъ арестомъ въ своей комнатѣ,

стерегутъ его часовые; теперь перевезли его въ Зимній дворецъ, гдѣ засѣдаетъ верховный судъ [1]); допросъ дѣлаютъ подъ большою тайною. Монсъ въ эти дни страшно измѣнился; съ нимъ отъ страху былъ ударъ; впрочемъ онъ стоитъ на томъ, что не знаетъ за собой никакой вины. Матрена Ивановна Балкъ отъ страху все еще очень больна и не встаетъ съ постели".

Такъ разсказывали при дворѣ герцога голштинскаго; другія свѣдѣнія въ тотъ же день собралъ саксонскій посолъ Лефортъ:

— „Сегодня, во вторникъ — писалъ онъ къ своему двору — Монса опять приводили къ допросу. И онъ, какъ говорятъ, тотчасъ во всемъ признался, такъ что не нужно было употреблять пытку. Въ тотъ же день императрица просила у государя помилованія Монсу; ей отвѣчали просьбой разъ навсегда — не вмѣшиваться въ это дѣло. Впрочемъ та велѣла сказать генеральшѣ Балкъ: „не заботьтесь о своемъ братѣ, арестъ его не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій".

Извѣстія Лефорта едва-ли ни достовѣрнѣе: Монсъ вполнѣ повинился. Если показанія его на бумагѣ были не совсѣмъ чистосердечны, то мы вправѣ думать, что онъ былъ искреннѣе на словахъ. Иначе — рѣшительно непонятно, какъ онъ могъ избѣжать пытки? Если пытали по дѣламъ совершенно ничтожнымъ, то могли ли обойтись безъ истязаній „въ дѣлѣ первой важности?" Такимъ, по крайней мѣрѣ считали дѣло Монса. Но немудрено, что пытка на этотъ разъ оказалась дѣломъ лишнимъ; въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто отъ единаго страху упалъ въ обморокъ, тотъ, кто велъ жизнь среди роскоши и нѣги, могъ ли вынести мысль о томъ, чтобы перенести пытку? Понятно, что, не дождавшись ея, онъ принесъ полное сознаніе. Только имъ онъ могъ спасти какъ себя, такъ и придворныхъ служителей и служительницъ отъ кнута на дыбѣ и жженія пылающими вѣниками.

Между тѣмъ допросы продолжались. 11 ноября 1724 г., въ среду, дошла очередь до Столѣтова; поданное имъ своеручное показаніе относилось до взятокъ Монса.

Такъ, Столѣтовъ разсказалъ нѣкоторыя подробности относительно крупной взятки царевны Прасковьи Ивановны.

---

[1]) Подъ этимъ названіемъ съ 1719 года была постоянная коммисія по разнымъ судебнымъ дѣламъ первой важности.

— „Когда царицы Прасковьи Өедоровны не стало,—повѣствовалъ Столѣтовъ,—тогда ея дочь, Прасковья Ивановна, отдала Монсу духовную мамы своей, боярыни Бутурлиной; а въ той духовной мама била челомъ царевнѣ вотчиною своей, селомъ Оршо, съ деревнями, въ пусторжевскомъ уѣздѣ. Виллимъ Монсъ объявилъ духовную мнѣ, да секретарю вотчинной ея величества канцеляріи Арцыбушеву и требовалъ резону: какимъ образомъ по этой бумагѣ можно получить деревню? Я, разсмотря духовную, объявилъ: „надо молъ справиться: закрѣплена ли та деревня за Прасковьей Ивановной, и если еще за ней не справлена, то она васъ жалуетъ чужимъ; а узнать о справкѣ надо въ вотчинной коллегіи“. По моему объявленію, Монсъ докладывалъ государынѣ, и ея величество позволить высокоблагоизволила въ той коллегіи справиться. Я справливался, и нашолъ, что вотчина нигдѣ и никакъ за царевной не справлена. Тогда это поручили сдѣлать Арцыбушеву, понеже весь того дѣла порядокъ чрезъ него обращался. А и я посыланъ былъ, по тому-жъ дѣлу, въ вотчинную коллегію, съ указомъ императрицы, чтобъ (ежели надлежитъ) то за ея величествомъ ту вотчину справить. И вотчинная коллегія о справкѣ чинила немедленно исправленіе“.

Изъ этого разсказа видно, какъ домогался Виллимъ Ивановичъ подарка царевны Прасковьи; никакихъ слѣдовательно отказовъ съ его стороны и особенной навязчивости со стороны дарительницы не было и въ поминѣ. Судя по этому, можно быть увѣреннымъ, что и остальныя показанія Монса по поводу его взятокъ не менѣе имъ смягчены и искажены.

Къ сожалѣнію, о другихъ немного сказалъ его пособникъ и секретарь Столѣтовъ.

Назвавъ князей Алексѣя Григорьевича да Василія Лукича Долгорукихъ, секретарь объявилъ затѣмъ: „что принадлежитъ до взятокъ съ партикулярныхъ персонъ, ничего не знаю, понеже отъ всѣхъ дѣлъ таковыхъ, кромѣ партикулярныхъ ея величества, весьма чуждъ отъ Монса учиненъ, по зависти и обнесенію ему на меня фамиліи его, которая такъ его преогорчила на меня, какъ извѣстно, что онъ и висѣлицу обѣщалъ“.

Уклонившись такимъ образомъ отъ разъясненія продѣлокъ Монса, секретарь пояснилъ, что онъ принужденъ былъ искать своего въ должности опредѣленія. „А опредѣленія сего—писалъ Столѣтовъ,—

и донынѣ у него не сыскалъ. Взялъ меня Монсъ въ свою команду [1]), обѣщалъ всякое благополучіе, вмѣсто котораго и весьма неравнаго обрѣлъ себѣ таковое злоключенія, отъ котораго принужденъ всякой въ моей жизни надежды лишиться, токмо имѣю на великодушное его величества милостивое разсмотрѣніе надежду; и для того, въ чемъ я собственно виновенъ, приношу мое чистѣйшее покаяніе“.

Въ порывѣ покаянія Столѣтовъ представилъ небольшой списокъ своихъ „винностей“, всего только три:

— Принялъ я отъ служителей государыни, двухъ Грузинцовыхъ, двѣ лошади съ тѣмъ, „чтобы современемъ въ приключившихся нуждахъ ихъ, по возможности своей, помогать; что я и чинилъ по совѣсти, безъ утраты антересу ея величества“.

„Князь Алексѣй Долгоруковъ благодарилъ меня за старанія по его дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ (то дѣло и донынѣ за нимъ не справлено для нѣкоторой претензіи одного изъ его братьевъ); прислалъ онъ мнѣ на камзолъ парчи золотной, бахраму и сукно, да потомъ подарилъ жеребчика; а принялъ я все то, не вмѣняя во взятки, но въ благодѣяніе и пріязнь, для того, что услуги мои были ни по его прошенію, „но по указу ея величества“.

„Да царевна Прасковья Ивановна за объявленное мое стараніе (въ дѣлѣ о передачѣ вотчины Монсу) пожаловала мнѣ 320 рублей въ разное время, съ тѣмъ: „чтобы я приводилъ Монса, а онъ бы государыню, чтобъ ее, царевну, содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ опредѣленіе учинила. Въ вышеписанномъ во всемъ—заключалъ исповѣдь Столѣтовъ — прошу у его величества великодушнаго разсмотрѣнія и милостиваго помилованія“.

Помилованія не было.

12-ое ноября проведено было судьями, какъ кажется, въ окончательной переборкѣ захваченныхъ бумагъ, быть-можетъ и въ допросахъ, но онѣ либо не дошли до насъ, либо вовсе не были записаны, либо не попали въ бумаги, нынѣ хранящіяся въ Государственномъ архивѣ, въ С.-Петербургѣ, нами внимательно изслѣдованныя (въ 1862 г.).

Монсъ продолжалъ содержаться подъ карауломъ, по однимъ

---

[1]) Предъ поступленіемъ къ Монсу Столѣтовъ жилъ у царицы Марфы Матвѣевны, рожденной Апраксиной, вдовы царя Өедора Алексѣевича.

извѣстіямъ—въ домѣ Ушакова, по другимъ — переведенъ былъ въ свой собственный домъ, на рѣчку Мью (Мойку). Столѣтовъ и Балакиревъ (послѣдній послѣ прогулки въ крѣпость) все еще заперты были въ пустомъ Лѣтнемъ дворцѣ на Невѣ, у истока Фонтанки, гдѣ еще недавно можно было видѣть темную каморку съ рѣшотчатымъ оконцемъ въ дверяхъ.

Въ пятницу, 13 ноября, рано по утру страшный вѣстникъ несчастія Андрей Ивановичъ Ушаковъ предсталъ предъ Матреной Ивановной, измученной страхомъ и надеждой.

Генеральша волею-неволею должна была подняться съ постели; ее увезли въ домъ „инквизитора“ (такъ назывались тогда въ офиціальной перепискѣ члены страшной Тайной канцеляріи) и — такъ говорили въ городѣ—заперли въ той самой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько дней ея братъ.

Множество часовыхъ оцѣпляло зданіе, видъ котораго невольно внушалъ страхъ и трепетъ въ жителяхъ Петербурга.

Вслѣдъ за Матреной Ивановной арестовали ея сына, придворнаго щеголя и красавца Петра Ѳедоровича Балка. Ему пока объявленъ былъ арестъ въ своемъ домѣ или въ домѣ матери. Вообще нельзя не подивиться той необычной деликатности, если можно такъ выразиться, которую явилъ государь въ настоящемъ случаѣ. Арестаціи были невелики, дѣлали ихъ „безъ великаго поспѣшенія“; взятыхъ подъ арестъ не влекли въ крѣпостные казаматы; ноги взятыхъ персонъ, искусившіяся въ ассамблейныхъ танцахъ, не ставили въ ремень, выхоленныя руки не ввертывали въ хомутъ, кнутъ не бороздилъ ихъ спины. Словомъ, государь или стыдился являть жестокость по дѣлу, слишкомъ близкому его сердцу, или же Екатерина, по народному выраженію, „своимъ волшебнымъ кореньемъ“ продолжала и въ эти страшныя минуты „обводить“, т. е. смягчать, ублажать государя.

Въ чемъ состоялъ устный допросъ Матренѣ Ивановнѣ со стороны государя, мы не знаемъ; то-же, что было записано съ ея словъ, отличается необыкновеннымъ лаконизмомъ. По всему видно, въ такой „объявившейся за ея семействомъ матеріи“, каковы взятки, ей не позволили много распространяться.

Перепуганная до-нельзя, Матрена Ивановна въ теченіи двухъ дней 13 и 14 ноября вспоминала и диктовала Черкасову имена

своихъ дарителей. Въ этомъ спискѣ были лица всѣхъ состояній, званій и обоего пола.

Представляемъ имена ихъ въ нѣкоторой постепенности.

„Брала я взятки—винилась Матрена Ивановна—съ:—

Служителей Грузинцовыхъ 100 рублей съ тѣмъ, чтобъ говорить Монсу о разсмотрѣніи ихъ дѣла.

Купецкой человѣкъ Красносельцовъ далъ 400 рублей за заступленіе въ дѣлѣ князя Василія Долгорукова, назадъ тому лѣтъ десять (вѣрнѣе въ 1718 г.).

Купчина Юринской, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайскій атласъ.

Купецъ иноземецъ Мееръ 300 червонныхъ.

Капитанъ Альбрехтъ долгу своего на мнѣ уступилъ 120 рублей.

Сынъ „игуменьи", князь Василій Ржевскій, закладныя мои серьги въ 100 рубляхъ отдалъ безденежно, въ то время, какъ имѣлъ дѣло съ княземъ Хованскимъ.

Посолъ въ Китаѣ, Левъ Измайловъ, по пріѣздѣ оттуда, подарилъ три косяка камки, да 10 фунтовъ чая.

Петръ Салтыковъ—старый недорогой возокъ.

Астраханскій губернаторъ Волынскій—полпуда кофе.

Великій канцлеръ графъ Головкинъ—двадцать возовъ сѣна.

Князь Юрій Гагаринъ—четыре серебряныхъ фляши.

Князь Өедоръ Долгоруковъ—полпуда кофе.

Князь Алексѣй Долгоруковъ далъ, по моему прошенію, старую коляску, да шестерикъ недорогихъ лошадей.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ на имянины подарилъ мнѣ маленькій перстень алмазный, а потомъ 50 четвертей муки.

Его высочество герцогъ Голштинскій—два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ и ленту".

Неменѣе обильна была жатва генеральши съ прекраснаго пола. Ей презентовали:

„Купчиха Любсъ—парчу на кафтанъ, штофу шолковаго на самаръ.

Баронеса Строганова—балбереку 30 аршинъ.

Баронеса Шафирова, жена бывшаго вице-канцлера, — штофъ шолковый.

Княгиня Черкасская—атласъ китайскій.

Княгиня Долгорукова (жена посла кн. Василія Лукича) — опахало.

Княгиня Анна Долгорукова—запасу разнаго.

Княгиня Анна Ивановна Голицына—то же.

Княгиня Меншикова на имянины ленту, шитую золотомъ.

Царевна Прасковья Ивановна—400 или 500 рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила (въ бытность гофмейстериною при Екатеринѣ Ивановнѣ); отъ нея-жъ кусокъ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные въ разное время; запасы тѣ за то, чтобъ просила о ея домовомъ раздѣлѣ съ сестрами.

Царевна Анна Ивановна, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

Царица Прасковья Өедоровна подарила 200 червонныхъ за убытки мои въ Мекленбургѣ.

Да нынѣ (въ 1724 году),—каялась Балкша—въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылывали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домоваго, а сколько и когда, не помню."

Чтобъ помочь ослабѣвшей памяти сестры и брата, обратились—къ гласности!

Въ ту же пятницу, 13 ноября, пополудни, кортежъ солдатъ, имѣя во главѣ нѣсколькихъ барабанщиковъ и одного чиновника, прошолъ по улицамъ и площадямъ столицы. На барабанный бой сбѣжался народъ; ему велегласно объявили, что такъ-какъ камергеръ Монсъ и сестра его Балкъ брали взятки и за то арестованы, то каждый, кто что-нибудь знаетъ объ этомъ или кому доводилось давать имъ, то тотъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ непремѣнно заявить о себѣ. Такія же извѣщенія прибили на стѣнахъ.

— „Послѣ такихъ публикацій,—въ тотъ же день заговорили въ публикѣ, — послѣ такого объявленія дѣло арестантовъ приметъ весьма опасный оборотъ. Говорятъ, что они во многомъ уличены изъ собственныхъ ихъ писемъ."

Уликъ дѣйствительно оказалось такъ много, что арестантовъ безъ дальнѣйшаго слѣдованія предали „вышнему суду". Непремѣннымъ результатомъ его засѣданій (этого желалъ государь, того же требовали его указы [1]) должна была быть—

---

[1]) Государь продолжалъ вѣрить въ силу своихъ многочисленныхъ указовъ; въ нихъ онъ видѣлъ лучшее средство къ исправленью разныхъ недуговъ окружающаго его общества. Такъ и теперь, 13-го ноября 1724 года, Петръ обнародовалъ слѣдующій указъ: „понеже многіе, покинувъ прямыя судебныя мѣста, опредѣленныя о томъ, бьютъ челомъ придворнымъ служителямъ о дѣлахъ, а иные плуты, бѣгая обличенія, сіе дѣлаютъ и даютъ многія дачи, какъ и нынѣ то въ дѣлѣ Монсовомъ и Столѣтовомъ и прочихъ явилось: того ради е. и. величество указалъ объявить, что если кто впредь дворцовымъ служителямъ о какомъ дѣлѣ станетъ подавать какія письма, кромѣ повелѣнныхъ доношеній, и давать посулы, тѣ будутъ наказаны политическою смертью (кнутомъ и каторгой); а кто изъ дворцовыхъ служителей вступитъ въ то, или его поймавъ, его императорскому величеству не представитъ, тотъ будетъ казненъ смертію. Однако исключаются сіе: ежели кто изъ дворцовыхъ служителей увѣдаетъ о какихъ преступленіяхъ въ чьихъ должностяхъ и донесетъ, сіе не только не запрещается, но и повелѣвается. Однако-жъ, донесши, болѣе въ то никакимъ образомъ не входить, не точію что брать, подъ вышеписаннымъ же наказаніемъ.» См. «Дѣянія Петра Великаго» соч. Голикова, X, 110.

X

КАЗНЬ КАМЕРГЕРА МОНСА

1724.

Утромъ въ субботу, 14 ноября, члены вышняго суда съѣхались въ Зимній дворецъ.

Пока не привели еще подсудимыхъ, назовемъ имена грозныхъ судей; всѣхъ ихъ девять человѣкъ: Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, графъ Яковъ Брюсъ, Семенъ Блеклый, Иванъ Головинъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и нашъ старый знакомый, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Есть ли необходимость знакомиться съ ними поближе? Заглянуть въ ихъ прошлое, узнать значеніе каждаго изъ нихъ при Петрѣ, ихъ характеры,—все это для того, чтобъ вѣрнѣе возможно было обсудить тѣ мнѣнія, которыя услышимъ въ засѣданіи? Едва ли это нужно, и не потому, чтобы это было не по нашимъ силамъ,—нѣтъ, со всѣми этими лицами мы не разъ встрѣчались въ нашихъ очеркахъ петровскаго времени, мы ихъ знаемъ близко, но здѣсь рисовать ихъ портреты было бы совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что мнѣній, толковъ, споровъ, разсужденій мы не услышимъ со стороны вышняго суда. Да не для нихъ онъ и созванъ; разсужденій не долюбливаетъ державный господинъ. Дѣло вышняго суда, какъ и всякаго коллегіальнаго учрежденія преобразователя, было прежде всего слѣпое выполненіе его указовъ. Вотъ все, что отъ него въ сущности требовалось.

„Вышній судъ“ понимаетъ это какъ нельзя лучше. Итакъ, оставя разсужденія, удалимся. Кто-то (безъ сомнѣнія Черкасовъ)

X.

[illegible] КАМЕРГЕРА МОНСА

1724.

Утромъ въ [illegible]

[illegible] зимній дворецъ.

[illegible] Вейдигъ,
[illegible] Бассъ,
[illegible] Мясоедовъ,
[illegible] знакомые. Андрей
[illegible]

[illegible] съ ними поближе? Загл[illegible] каждаго изъ нихъ [illegible] это для того, чтобъ вѣрнѣе возможно [illegible], которыя [illegible] въ заведеніи? Едва ли [illegible], чтобы это было не по нашимъ силамъ.— [illegible] лицами мы не разъ встрѣчались въ нашихъ [illegible] кабинетъ [illegible] ихъ знаемъ близко, [illegible] портреты было бы совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, [illegible] толковъ, споровъ, разсужденій [illegible] со стороны Вышняго суда. Да не для нихъ [illegible] раз[illegible] не долюбливаетъ державный [illegible]. Дѣло Вышняго суда [illegible] коллегіальнаго учрежденія преобра[illegible] было [illegible] выполненіе его указовъ. Вотъ [illegible] отъ него [illegible] требовалось.

„Вышній судъ" [illegible] это какъ нельзя [illegible] разсужденія, [illegible]. Кто-то (безъ сомнѣнія [illegible]

КАЗНЬ КОЛЕСОВАНІЕМЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I.

Очерки изъ Рус. Истор. М. Семевскаго, т. III, стр. 208.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 ноября 1884 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

читаетъ знакомые уже намъ допросы и отвѣты; не станемъ же мѣшать слушать судьямъ.

Чтеніе и засѣданіе заключилось общимъ опредѣленіемъ: „выписать указы его императорскаго величества, по которымъ тѣ дѣла судить, и съѣхаться всѣмъ для того завтрешняго, то есть 15-го числа сего ноября мѣсяца, въ 5-мъ часу пополуночи".

Въ то время, какъ въ одной изъ низкихъ, полутемныхъ палатъ тогдашняго Зимняго дворца идетъ чтеніе „секретно-уголовнаго" дѣла, по улицамъ вновь трещитъ барабанный бой, вновь вызываются доносчики на взяточничество Монса, Балкши и всей ихъ фамиліи.

Отнынѣ никто не сомнѣвался, что дѣло кончится плохо. Въ „публикѣ" говорили, что объявилось много лицъ, дававшихъ Монсу подарки.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, кто именно въ этотъ же день являлся. И являлись ли тѣ бароны и баронессы, князья и княгини, наконецъ царевны и герцогъ, племянницы государя, и, наконецъ, будущій зять его, которыхъ такъ безцеремонно окрестилъ указъ 13-го ноября 1724-го года плутами?

Едва-ли кто-нибудь изъ нихъ дерзнулъ „не объявиться" такимъ плутомъ, послѣ двукратнаго, всенароднаго вызова. Каждый и каждая, сколь плутоваты ни были, а не могли разсчитывать, что съумѣютъ вывернуться въ случаѣ запирательства отъ монаршаго гнѣва [1]).

---

[1]) Таковые государевы вызовы къ доносамъ навели и въ этомъ дѣлѣ такой ужасъ на „публику", что въ теченіи двухъ мѣсяцевъ изъ среды ея шли заявленія къ Спб. полиціймейстеру Девіеру о томъ, кто и когда давали подарки Монсу и его фамиліи. Заявленія эти и переписка по нимъ (сохранившаяся въ дѣлѣ о пожиткахъ и имуществѣ Монса) прекратились лишь съ кончиною Петра (см. Московск. Арх.). Изъ этихъ заявленій, сообщенныхъ Девіеромъ Ивану Антоновичу Черкасову въ кабинетъ его величества, объявились въ дачѣ взятокъ: торговый иноземецъ Еремѣй Маеэръ; лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантъ Ив. Альбрехтъ; флота лейтенантъ графъ Александръ Головинъ; полковничьей Ивановой жены Афонасьевой, жены сына Полозова Акулина Петрова дочь; Александръ Ржевскій; камеръ-пажъ Яковъ Павловъ; придворный трубачъ Барцыюсъ; Алексѣй Салтыковъ; генеральсъ-адъютантъ Василій Ржевскій; гвардіи капитанъ Вас. Ѳедор. Салтыковъ; флота лейтенантъ Вас. Вас. Шереметевъ; флота лейтенантъ кн. Александръ Черкасскій; надворный совѣтникъ и „иллирическій графъ" Савва Владиславовичъ Рагузинскій; княгиня Анна

Ноябрьская ночь покрывала еще своимъ чернымъ пологомъ Питеръ-бурхъ. Въ грязныхъ лачугахъ подымались мужички-работники, десятками тысячъ согнанные со всѣхъ концовъ Россіи на страдный трудъ, да на смерть отъ холода, голода, сквернаго климата и тяжкой работы — созданія новой столицы Россійской имперіи. Сквозь закрытыя ставни деревянныхъ домиковъ рѣдко-рѣдко гдѣ начиналъ брежжить свѣтъ лучины или сальной маканной свѣчи, или лампадки; подъ навѣсами деревянныхъ гостинныхъ дворовъ, да за запертыми воротами лаяли псы. Городъ только что просыпался, а вышніе судьи спѣшили уже на Луговую улицу, что нынѣ Мильонная, въ тогдашній небольшой Зимній дворецъ.

Расторопный Черкасовъ еще наканунѣ подыскалъ приличные дѣлу указы и составилъ по нимъ приговоръ. Подойдемъ поближе, и, прочитавъ его вслѣдъ за судьями, разскажемъ вкратцѣ содержаніе.

Судьи, какъ видно изъ этого документа, признали за Монсомъ „слѣдующія преступленія въ его должности: 1) взялъ онъ у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу съ деревнями; справилъ ихъ сначала за царевной, а потомъ одну деревню перевелъ въ вѣдѣніе вотчинной ея величества канцеляріи; оброкъ съ той деревни бралъ себѣ. 2) Для отказу той деревни посылалъ онъ бывшаго прокурора воронежскаго надворнаго суда — Кутузова, безъ сенатскаго

Ивановна, вдова князя Алексѣя Борисовича Голицына; директоръ надъ строеніями Ульянъ Синявинъ; генералъ-фельдмаршалъ князь Никита Ивановичъ Репнинъ; секретарь Леонтій Арцыбушевъ; полковникъ вотчинной коллегіи президентъ Михайло Андреев. Сухотинъ; баронъ Александръ Строгановъ; л.-гв. Преображ. полку фендрихъ (прапорщикъ) Афанасій Татищевъ; того-жъ полку сержантъ князь Владим. Петров. Долгоруковъ; кн. Алексѣй Иванов. Троекуровъ; генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ Иванъ Дмитріев. Мамоновъ; вдова Марья Ивановна Салтыкова; генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ; графиня Анна Борисовна Головина; Исаія Шафировъ (сынъ бывш. вице-канцлера); княжна Марія Вяземская; гвардіи капитанъ Измайловъ; бывшій архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря Тихонъ Писаревъ; оберъ-прокуроръ Ив. Ив. Бибиковъ (племянникъ Писарева). 18-го января 1725 г. подалъ заявленіе о дачѣ взятокъ кн. Алексѣй Григорьев. Долгоруковъ. Доношенія всѣхъ этихъ лицъ „о дачахъ Виллиму Монсу и сестрѣ его Балкшѣ и подъячему Столѣтову разныхъ вещей во взятки и подарки“ были поданы въ главную полиціймейстерскую канцелярію, во исполненіе публикованнаго государева указу, въ теченіи времени съ 15-го по 27-е ноября 1724 г., а 26-го ноября и 5-го декабря переданы въ кабинетъ государевъ Ив. Антоновичу Черкасову „для относу въ вышній судъ“. (Дѣло въ Архивѣ, о пожиткахъ и дворахъ Монса, лл. 304—340).

разрѣшенія. А по указу 5 февраля 1722 года, безъ повелѣнія сената дворяне ни къ какимъ гражданскимъ дѣламъ не должны быть опредѣляемы; а если къ какому дѣлу опредѣляется дворянинъ, то онъ на то дѣло долженъ имѣть письменный указъ. Кромѣ того Кутузовъ судился, по нѣкоторому дѣлу, въ московскомъ надворномъ судѣ и обязанъ былъ подпиской никуда не выѣзжать; Монсъ на то не посмотрѣлъ и именемъ государыни императрицы послалъ въ Москву указъ: Кутузова по тому дѣлу не истязывать и отлучку его въ вину не ставить. 3) Взялъ онъ, Монсъ, четыреста рублей съ посадскаго человѣка Соленикова, и сдѣлалъ его за то стремяннымъ конюхомъ ея величества; по указу же 13-го апрѣля 1722 г. велѣно всѣхъ выходцевъ изъ посадскихъ выслать въ посады, за которыми ихъ и записать“.

Вотъ три преступленія, которыя, по изслѣдованію вышняго суда, объявились за Монсомъ. Первое изъ нихъ подтверждено было собственноручнымъ показаніемъ царевны Прасковьи, второе—сознаніемъ Монса, третье—свидѣтельствомъ Столѣтова.

Судьи не тратили время на розысканіе о множествѣ остальныхъ статей камергерскаго взяточничества; первыхъ трехъ было достаточно для законности приговора и онъ завершился небольшой выпиской изъ законовъ. Прочтемъ и ее:

„Вышеписанныя преступленія учинилъ Монсъ въ своей должности, понеже онъ надъ всѣми вотчинами ея величества и надъ всѣмъ управленіемъ командиромъ былъ. А въ указѣ его императорскаго величества, 25-го октября 1723 года, написано: кто въ какомъ ни есть дѣлѣ, ему повѣренному, и въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою дѣлать будетъ, по какой страсти, вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителя государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла, и всего имѣнія лишить“.

На основаніи слѣдующей затѣмъ выписки изъ генеральнаго регламента (гл. 50): взяточникъ за великія посулы долженъ быть казненъ смертью или сосланъ вѣчно на галеры съ вырѣзкой ноздрей и отнятіемъ имѣнія.

„А такъ какъ Монсъ—заключалъ судъ — по дѣлу явился во многихъ взяткахъ и вступалъ за оныя въ дѣла, непринадлежащія ему, и за вышеписанныя его вины (мы) согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а имѣнье его,

движимое и недвижимое, взять на его императорское величество. Однако нижеподписавшихся приговоръ предается въ милостивое разсужденіе его императорскаго величества". Подписали:

„Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, Семенъ Блеклой, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Ушаковъ, Иванъ Головинъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Иванъ Бутурлинъ, графъ Яковъ Брюсъ".

Петръ, по милостивомъ разсужденіи, на полѣ доклада, начерталъ собственноручно: учинит по приговору.

Достойно замѣчанія, что подобныхъ конфирмацій немного у Петра; мы хотимъ этимъ сказать, что многочисленныя обреченія на плаху, либо висѣлицу въ его время обыкновенно объявлялись: по словесному указу его величества кѣмъ-нибудь изъ его птенцовъ: Ушаковымъ, Толстымъ и другими лицами. Но здѣсь дѣло было близко сердцу: съ одной стороны являлось желаніе личнаго удовлетворенія за свое оскорбленіе, съ другой — хотѣлось прикрыть непохвальное чувство соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Первое однако рѣшительно выбивалось изъ законной формы; такъ, напримѣръ, боясь замедлить исполненіе приговора, государь не сталъ дожидаться ни опредѣленія, ни доклада суда о соузникахъ ненавистнаго ему камергера; онъ въ то же воскресенье, 15-го ноября, написалъ:

„Матрену Балкшу—бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ".

„Столѣтова—бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ на десять лѣтъ".

„Балакирева—бить батогами и въ Рогервикъ на три года".

„Пажа Соловова—въ судѣ высѣчь батогами и написать въ солдаты".

„Павловыхъ—въ солдаты безъ наказанья".

„Послать указъ въ военную коллегію: Петра Балкова—капитаномъ, а брата его (пажа Балка)—урядникомъ въ гилянскіе новонаборные полки" [1]).

---

[1]) Въ словарѣ Бантыша-Каменскаго имена Балковъ: старшій названъ Павломъ, младшій Петромъ. (Изд. 1836 г., т. I, стр. 82). См. также подробную родословную фамиліи Балкъ-Полевы въ почтенномъ трудѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, нами изданномъ: „Русская родословная книга". Изд. „Русской Старины", Спб. 1873 г., томъ I, стр. 127—128.

Въ этомъ спискѣ мы находимъ четырехъ лицъ, которыхъ даже не допрашивали; по крайней мѣрѣ допросы ихъ не были записаны: это младшій Балкъ, Яковъ да Никита Павловы и пажъ Григорій Соловово. Что первый невинный двѣнадцатилѣтній мальчикъ обреченъ былъ въ ссылку, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то страшное время, если туча государевой опалы разражалась надъ семьей, то громъ и молнія разили, за немногимъ исключеніемъ, членовъ фамиліи винныхъ и невинныхъ; что касается до Павловыхъ, то ихъ, безъ сомнѣнія, ссылали за посулы Монсу, а главное за буйство и драки, о которыхъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, а государь могъ узнать при пересмотрѣ бумагъ Виллима Ивановича. Но за что высѣченъ мальчикъ, пажъ Соловово — неизвѣстно... [1]). Не былъ ли онъ посредникомъ у Монса какихъ-либо интимныхъ сношеній, не приносилъ ли какія цидулы, не онъ ли служилъ Монсу дворцовымъ шпіономъ? Не онъ ли въ часъ какой нибудь сердечной бесѣды стоялъ на-сторожѣ?... Но некогда теряться въ догадкахъ.

Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, проводивши вышнихъ судей, пишетъ указъ въ полицмейстерскую канцелярію Антону Девіеру для „публикованія заблаговременнаго“.

И вотъ, если бы мы могли пройтись въ тотъ день по улицамъ Петербурга, мы бы прочитали на стѣнахъ домовъ слѣдующую публикацію:

„1724 года, ноября въ 15-й день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16-го числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву — за ихъ плутовство такое: что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали винныхъ плутовъ

---

[1]) Соловово Григорій состоялъ первымъ между пажами Катерины Алексѣевны. Такъ въ „реестрѣ пажамъ“, какъ кажется 1724 года, мы читаемъ: „Григорій Соловово“; отмѣчено: „въ Москвѣ“. Далѣе: Петръ Сумароковъ, Андреянъ Шуваловъ, Григорій Самаринъ, Иванъ Кологривовъ, Иванъ Самаринъ, Левъ Кайсаровъ, Федоръ Ватковской, Иванъ Ватковской, Дмитрій Кочетовъ, Петръ Кошелевъ, Петръ Шуваловъ. Итого 12 человѣкъ.

отъ обличенія винъ ихъ, и брали за то великія взятки; и Балакиревъ въ томъ (?) Монсу и протчимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи".

Балакиревъ ни кѣмъ и не былъ обличенъ во взяткахъ; онъ былъ виноватъ въ другомъ: въ переносѣ, да въ болтовнѣ о сильненькомъ письмѣ; предать это гласности нашли неудобнымъ, и вмѣсто того ему присочинили вину.

Одновременно съ извѣстіемъ о предстоящей экзекуціи, арестантовъ перевели въ Петропавловскую крѣпость. Утромъ отведены были Матрена Балкъ, Столѣтовъ и Балакиревъ; послѣ обѣда отправили изъ кабинета Виллима Монса.

Когда проводили его по дворцовому двору, онъ увидѣлъ у оконъ великихъ княжонъ. Камергеръ раскланялся съ ними и благодарилъ за оказанныя ему милости.

Монса посадили въ одинъ изъ домовъ, бывшихъ внутри крѣпости, едва-ли не въ тотъ самый, въ которомъ замучили царевича Алексѣя.

Въ тотъ же день въ городѣ говорили, что самъ государь былъ у Монса.

— „Ich bedauere es sehr—сказалъ ему Петръ—dich zu verlieren, aber es kann nun einmal nicht anders sein" (мнѣ очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не можетъ).

Было уже темно, когда въ комнату заключеннаго вошолъ тотъ, кто бесѣдою во имя милосердаго Христа долженъ былъ усладить послѣднія минуты несчастнаго: этотъ утѣшитель былъ пасторъ Нацціусъ.

Послѣ христіанскаго напутствія въ жизнь загробную [1]) Монсъ остался одинъ.

Кругомъ царствовала тишина; лишь изрѣдка къ арестанту доносились оклики часовыхъ, да бой крѣпостныхъ курантовъ...

---

[1]) Напутствіе изъ устъ Нацціуса едва-ли было хорошо понято Монсомъ: пасторъ имѣлъ чрезвычайно непріятный, дурной выговоръ; онъ къ тому-жъ говорилъ такъ тихо, что даже трудно было разслышать его и понять

Und also lieb ich mein Verderben,
Und heg' ein Feuer in meiner Brust,
Daran zuletzt ich doch muss sterben.
Mein Untergang ist mir bewusst.
Das macht ich lieben wollen,
Was ich gellt verehren sollt;
Dennoch geschiehts mit grosser Lust [1].

Эти стихи, плодъ собственнаго творчества нѣкогда счастливаго камергера, теперь, въ предсмертную ночь, среди тяжкаго раздумья о прошломъ, могли придти ему въ голову. Между тѣмъ надежда на прощеніе весьма естественно не оставляла его. „Неужели премилосердая Екатерина—могъ думать Монсъ—покинетъ меня, столь дорогого ей, нѣкогда, фаворита?.. Но поддастся ли государь ея мольбамъ? Строгость и твердость его извѣстна. Нѣтъ, видно смерти не избыть!..“ И въ думахъ о ней несчастный прощался съ жизнью, съ свѣтомъ:

. . . .
. . . .
Welt, ade! ich bin dein müde,
Ich will nach dem Himmel zu.
Da wird sein der rechte Friede
Und die stolzste Seele Ruh.
Welt! bei dir ist Krieg und Streit,
Nichts denn lauter Eitelkeit;
In dem Himmel alle Zeit
Friede, Ruh und Seeligkeit!.. [2])

Оставимъ Монса одного съ его думами, стихами, его надеждами и отчаяніемъ.

За стѣнами его тюрьмы, въ другихъ казаматахъ и казармахъ той же Петропавловской крѣпости сидятъ колодники и колодницы; они менѣе его имениты, едва-ли сколько нибудь вкусили счастія на бѣломъ свѣтѣ, а выстрадали они не въ примѣръ его болѣе. Мы

[1]) Второй куплетъ одного изъ стихотвореній Монса. Вотъ смыслъ этой строфы: „И такъ любовь—моя погибель! Я питаю въ своемъ сердцѣ страсть: она причина моей смерти! Моя гибель мнѣ извѣстна. Я дерзнулъ полюбить ту, которую долженъ былъ только уважать. Я пылаю къ ней страстью....“ (Прилож. III, № 3).

[2]) „Свѣтъ, прощай! Ты мнѣ наскучилъ. Я стремлюсь на небо, туда, гдѣ истинная отрада, гдѣ гордая душа моя успокоится. Свѣтъ! на тебѣ лишь вражда и ссора, пустая суета, а тамъ, тамъ—отрада, покой и блаженство!“ (Стихи Виллима Монса: см. Прилож. III, № 4).

разумѣемъ страданія физическія: надъ ними „чинили въ застѣнкахъ многіе и долгіе сыски и розыски не малые“.

Войдемте въ эти затхлые подвалы, подъ эти каменные, сыростью пропитанные, своды. Вотъ въ эту же ноябрьскую ночь 1724 года сидятъ здѣсь (что мы знаемъ изъ прочихъ дѣлъ Тайной Канцеляріи эпохи преобразованія Россіи)—боцманская жонка Авдотья Журавкина,—три раза уже нещадно пытанная; весьма болѣзная, дряхлая отъ старости и пытокъ Маремьяна Андреева;—бабы—Афимья Исакова и Акулина Григорьева—послѣдняя ждетъ рѣшенья своей участи съ 1721 года,—а вины всѣхъ ихъ: „непристойныя слова про его императорское величество“, страшное—„Слово и дѣло!“ Вотъ и распопъ Игнатій Ивановъ страждетъ изъ-за болтливыхъ бабъ: онъ слышалъ „вельми противныя къ чести государевой слова“ отъ Афимьи, да бѣда! мало проникся указами, повелѣвавшими о немедленномъ доносѣ таковыхъ словъ, мало усвоилъ требованія сихъ указовъ. А вотъ тутъ-же и раздьяконъ Матвѣй Непеинъ,—протопопъ Семеновъ, ключарь Емельяновъ,—попы: Гавриловъ, Никитинъ, Даниловъ, Осиповъ;—дьяконъ Аврамовъ, іеромонахъ Корнилій, ключарь соборный распопъ Яковъ Никитинъ—всѣ эти лица томятся тутъ же въ крѣпости: привезены они изъ Вологды. На нихъ донесъ свой же братъ попъ; всѣ они либо говорили, либо слышали, да не донесли кому слѣдуетъ: слова, „противныя къ оскорбленію чести пресвѣтлаго монарха“. Розыски, т. е. допросы съ пристрастіемъ, надъ ними идутъ: Никитина уже четыре раза подымали на виску или дыбу... И будутъ идти допросы объ руку съ пытками, и будутъ держать ихъ въ казенкахъ Тайной Канцеляріи до тѣхъ поръ, пока глава оной, Петръ Андреевичъ Толстой, осторожно снесшись съ Синодомъ,—черкнетъ имъ: по указу, молъ, его величества разстричь того или другого, кого еще до того не разстригли, вырвать ноздри, бить... ну и прочее въ извѣстномъ, для того суроваго времени, родѣ... Тутъ же рядъ нескончаемыхъ годовъ томятся въ злоключеніи жертвы, такъ сказать, фискальнаго увлеченія: то ярославецъ Орловъ, да подъячій Поповъ. Доносы ихъ и дѣла, возникшія по нимъ, наполнили многіе картоны розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи; многіе, по ихъ извѣтамъ, были оторваны отъ семей, отъ родителей или дѣтей, многіе были истязаны, были и казни, ссылки; донощики получали награды!... Вниманіе къ ихъ фискальной дѣятельности окрылило ихъ воображеніе:

не сдерживаемое благоразуміемъ, оно привело къ разнымъ измышленнымъ доносамъ; видно награды за доносы были приманчивы... Извѣтчики дерзнули при этомъ коснуться въ своихъ извѣтахъ лицъ вліятельныхъ,—лицъ, у власти стоящихъ... и вотъ прежніе сотрудники „Тайной" сдѣлались ея заточниками... [1]) Не станемъ однако перечислять толпу „политическихъ" и иныхъ преступниковъ, бывшихъ въ описываемую ночь въ Петропавловской крѣпости, скажемъ лишь, что въ ихъ обществѣ провелъ ночь Столѣтовъ и Балакиревъ.

Едва-ли резонировалъ первый,—шутилъ да балагурилъ послѣдній.

Между тѣмъ по ту сторону Невы, близь Лѣтняго сада, въ домѣ, занимаемомъ герцогомъ голштинскимъ, царствуетъ довольство, веселье.

Герцогъ, услажденный вѣстью о предстоящемъ обрученіи, весь исполненъ счастья; его уже поздравили сановники русскіе, до сихъ поръ задушевные его пріятели только на перепойкахъ; теперь и въ трезвыя минуты сдѣлались они привѣтливѣй, любезнѣй. Герцогъ занятъ разсчетами о подаркахъ для невѣсты, увлеченъ мечтами о своемъ значеніи, о тѣхъ средствахъ и томъ могуществѣ, которое получитъ съ русской цесаревной. Одно только непріятно ему, мечта его двоится: онъ не знаетъ еще которую изъ великихъ княжонъ выдастъ за него Петръ—старшую или младшую? Въ грезахъ то о той, то о другой засыпаетъ герцогъ...

Туманилась ли радость голштинскаго гостя мыслью о Монсѣ, главнѣйшемъ виновникѣ его счастія? [2]). Сомнительно, дѣло вѣдь обычное, что тѣ, кому улыбнулось счастье, забываютъ тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась фортуна. Не печалился даже и Берхгольцъ; счастливый счастіемъ своего господина, онъ только дивился внезапности катастрофы, поразившей его бывшаго пріятеля:

„...Извѣстіе о казни Монса — записалъ Берхгольцъ вечеромъ 15 ноября 1724 года—на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе: мы никакъ не воображали, что развязка послѣдуетъ такъ

---

[1]) См. дѣла Тайной Канцеляріи 1719—1724 гг. въ Госуд. Архивѣ, при министерствѣ иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ и книгу нашу: „Слово и дѣло!" изд. 1884 г.

[2]) Мы хотимъ сказать, что дѣло Монса, несомнѣнно, ускорило рѣшеніе государя выдать дочь за Карла-Фридриха.

быстро и будетъ столь опаснаго свойства. Молодой Апраксинъ говорилъ (сегодня) за вѣрное, что Монсу на слѣдующій день отрубятъ голову, а госпожу Балкъ накажутъ кнутомъ и сошлютъ въ Сибирь".

Въ понедѣльникъ 16 ноября, рано утромъ, на Троицкой площади, предъ зданіемъ сената [1]) все было готово къ казни. Среди сбѣжавшагося народа подымался высокій эшафотъ; на немъ лежала плаха, да ходилъ палачъ съ топоромъ въ рукахъ: мастеръ ждалъ своей жертвы. У помоста торчалъ высокій шестъ. Тутъ же можно было видѣть другого заплечнаго мастера съ кнутомъ, да молодцовъ, выхваченныхъ изъ сѣраго народа: они должны были замѣнить, по обычаю того времени, подставки или деревянныхъ „кобылъ" позднѣйшаго времени: на спины ихъ вскидывали осужденныхъ на кнутобойню [2]).

Въ 10 часовъ утра конвой солдатъ показался изъ-подъ „Петровскихъ" воротъ крѣпости; за нимъ слѣдовалъ Монсъ, исхудалый, измученный, если не физическою болью, то нравственными страданіями. Камергеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, шолъ въ сопровожденіи пастора и повидимому былъ довольно твердъ.

Если вѣрить нѣмцу Берхгольцу (а на этотъ разъ въ разсказѣ о казни единоземца онъ могъ, пожалуй, и подкрасить разсказъ), то Монсъ, при выходѣ еще изъ тюрьмы, явилъ замѣчательную твердость. Онъ совершенно спокойно простился со всѣми окружающими. При этомъ очень многіе, въ особенности же близкіе его знакомые и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться отъ слезъ [3]).

На эшафотѣ прочитали тотъ длинный приговоръ, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы. Выслушавъ его, Монсъ поблаго-

---

[1]) На томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда повѣшенъ былъ князь Матвѣй Гагаринъ—царскій намѣстникъ въ Сибири.

[2]) Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ Аббатъ Шаппъ, посѣтившій Россію въ первой половинѣ XVIII вѣка. Обычай этотъ существовалъ и при Петрѣ, хотя есть также свидѣтельства, что преступниковъ для наказанія кнутомъ привязывали къ столбамъ.

[3]) Неизвѣстно, были ли здѣсь хотя нѣкоторые изъ тѣхъ „задушевныхъ друзей и сердечныхъ братцевъ", которые такъ еще недавно расточали Монсу льстивыя завѣренія въ нѣжныхъ къ нему чувствахъ?

дарилъ читавшаго, простился съ пасторомъ, отдалъ ему на память золотые часы съ портретомъ Екатерины, самъ раздѣлся, попросилъ палача какъ можно поскорѣй приступать къ дѣлу и легъ на плаху. Палачъ исполнилъ просьбу...

Нѣсколько минутъ спустя, голова красавца мертвыми очами смотрѣла съ шеста на народъ; кровь сочилась изъ-подъ нея и засыхала на шестѣ...

У братнинаго трупа генеральша, бывшая гофмейстерина и статсъ-дама, выслушала слѣдующее:

— „Матрена Балкова! Понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала черезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, (дѣла) непристойныя ему, и зато брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество: бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье“.

Проводамъ въ ссылку предшествовало пять ударовъ кнутомъ по обнаженной спинѣ.

— „Егоръ! провозгласилъ подъячій тайной канцеляріи, обращаясь къ Столѣтову:—понеже черезъ дачу (т. е. взятку) добился (ты) къ Виллиму Монсу въ подъячіе съ намѣреніемъ дѣлать при дворѣ его императорскаго величества дѣла, противныя указамъ его императорскаго величества изъ взятковъ, что такъ и учинилъ, въ чемъ и обличенъ. И за оное твое плутовство указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ работу на десять лѣтъ“ [1]).

Пятнадцать ударовъ.

— „Иванъ Балакиревъ! продолжалъ чтецъ, обращаясь къ камеръ-лакею:—понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго, по указу его величества, ученія, принялъ на себя шутовство и чрезъ то Виллимомъ Монсомъ добился ко двору его императорскаго величества, и въ ту бытность при дворѣ во взяткахъ служилъ Виллиму Монсу и Егору Столѣтову, чего было тебѣ, по должности

---

[1]) Рогервикъ—нынѣ Балтійскій портъ—въ сорока семи верстахъ отъ Ревеля.

твоей, чинить не надлежало,—и за ту твою вину указалъ его величество высѣчь тебя батоги и послать въ Рогервикъ, на три года".

Дано шестьдесятъ палокъ.

Были ли наказаны тѣ, которые „дачею взятокъ" втягивали фамилію Монса и его слугъ въ дѣла „непристойныя"? На этотъ вопросъ только отчасти можно отвѣтить утвердительно; наканунѣ камергерской казни за архимандритомъ троицкимъ Писаревымъ посланъ былъ гвардейскій солдатъ; архимандрита требовали къ отвѣту въ синодъ; точно также подвергнули допросу Кутузова; затѣмъ остальнымъ „дачникамъ" взятокъ государь устроилъ казнь, дѣлавшую честь и его уму, и его времени.

Допросы, пытки, заточеніе и тѣлесное штрафованіе относительно всѣхъ ихъ замѣнены были характеристическимъ распоряженіемъ:

На особыхъ столбахъ, близь эшафота, въ тотъ же день прибили „росписи взяткамъ". Безъ сомнѣнія, была прибита роспись взяткамъ Монса, но до насъ дошли только Балкши и Столѣтова. Объявленія эти были въ слѣдующей формѣ:

Роспись взяткамъ Матрены Балкши:

1. Съ Еремѣя Меера—300 червонныхъ.

2. Съ Любсовой жены—парчу на кафтанъ, да штофъ шолковый на самаръ.

3. Съ Льва Измайлова—три косяка камки да 10 ф. чаю.

4. Съ царевны Прасковьи Ивановны—500 рублей, да кусокъ полотна варандарфскаго, да всякіе столовые запасы.

5. Съ князя Алексѣя Долгорукова—6 лошадей, да коляску.

6. Съ Петра Салтыкова—возокъ.

7. Съ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова)—перстень золотой, муки 50 четвертей, да съ княгини его ленту, шитую золотомъ, и т. д.

Всѣхъ нумеровъ въ росписи двадцать три.

Здѣсь на публичный позоръ, вполнѣ заслуженный, были выставлены между прочими лицами имена князей и княгинь: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Гагарина, графа Головкина, баронессы Шафировой, Артемія Волынскаго и другихъ лицъ менѣе важныхъ.

Этихъ менѣе важныхъ лицъ больше значилось въ „росписи взяткамъ Егора Столѣтова". Но и здѣсь, въ перечнѣ четырнадцати именъ подъячихъ, управляющихъ, приказчиковъ, купцовъ, чинов-

никовъ, выставлены были на общій съ ними позоръ князья: Алексѣй Долгорукій и Щербатовъ-глухой, да царевна Прасковья Ивановна, столь неудачно расщедрившаяся на всѣхъ, кто только имѣлъ значеніе при Монсѣ.

Что было сильнѣе противъ взятокъ: плеть, кнутъ, топоръ да каторга, или преданіе гласности именъ взяточниковъ и ихъ дарителей?

Въ глазахъ Петра необходимо было и то, и другое средство; и въ настоящемъ случаѣ, если всѣ эти князья и княгини отдѣлались одной оглаской, то это случилось вовсе не потому, чтобы Петръ находилъ излишнимъ припугнуть ихъ допросами и истязаніями (въ случаяхъ запирательства): нѣтъ, а просто потому, что ему въ настоящее время былъ недосугъ, да и истомилась его душа.

Петръ видимо изнемогъ подъ бременемъ заботъ, сильной болѣзни и душевнаго огорченія; ему было уже не по силамъ затѣять новый большой розыскъ, притомъ на этотъ разъ не надъ сторонниками сына, а надъ своими собственными лукавыми и корыстными птенцами.

Какъ бы интересно было послушать толки и пересуды, возникшіе 16 ноября 1724 г. въ тогдашней публикѣ и въ простомъ народѣ надъ обезглавленнымъ трупомъ Монса? Въ этихъ пересудахъ вѣроятно выразилось бы много интереснаго для характеристики того времени, отношеній сѣраго народа къ золотно-кафтаннымъ нѣмцамъ, къ Екатеринѣ, отношеній общества къ правительству и проч... Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ матерьяловъ, мы должны ограничиться тѣмъ, чтó думали и писали о Монсѣ и его дѣлѣ нѣмцы-современники и нѣмцы позднѣйшаго времени [1]).

„Монсу прочитаны были—пишетъ Берхгольцъ—только нѣкоторые пункты его вины... Вообще—продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ—многія лица знатнаго, средняго и низшаго классовъ сердечно сожалѣютъ о добромъ Монсѣ, хоть далеко не всѣ осмѣливаются показывать это. Вотъ ужъ на комъ какъ нельзя болѣе

[1]) Французскихъ баснословцевъ Левека, Леклерка, Вильбоа, Шантеро и даже Вольтера (онъ въ своей исторіи Петра могъ бы сказать правду, такъ какъ имѣлъ много матерьяловъ, но не сказалъ) мы оставляемъ въ сторонѣ.

оправдывается пословица, что кто высоко стоитъ, тотъ и ближе къ паденію! По характеру своему Монсъ хоть и не былъ большимъ человѣкомъ, однако-жъ пользовался немалымъ почетомъ и много значилъ; имѣлъ конечно, подобно другимъ, и свои недостатки; можетъ-быть ужъ слишкомъ надѣялся на милость, которую ему оказывали; но со всѣмъ тѣмъ онъ многимъ дѣлалъ добро, и навѣрно никакъ не воображалъ, что покончитъ такъ скоро и такъ плачевно" [1]).

Берхгольцъ, какъ пріятель, наконецъ единоземецъ Монса, не могъ иначе и отозваться о немъ. Отзывъ его пристрастенъ. Монсъ положительно не могъ вызвать сердечныхъ сожалѣній многихъ лицъ, а тѣмъ болѣе изъ всѣхъ сословій. Такъ, напримѣръ, подъ низшимъ классомъ общества едва-ли можно разумѣть кого-нибудь кромѣ нѣсколькихъ дворцовыхъ лакеевъ, имѣвшихъ въ Монсѣ ходатая по ихъ челобитьямъ; подъ среднимъ классомъ можно ли разумѣть кого-нибудь, кромѣ подрядчиковъ, приказчиковъ, управляющихъ, обкрадывавшихъ императрицу и Монсомъ закрывавшихся отъ преслѣдованія? Жалѣли, наконецъ, птенцы, но жалѣли, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока не нашли другого „патрона", новаго „милостивца" къ ихъ сутяжничеству, воровству, честолюбивымъ и властолюбивымъ проискамъ.

Пристрастный, хотя и осторожный отзывъ Берхгольца въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ раздутъ Гельбигомъ въ выспреннія похвалы. Издатель „Russische Günstlinge" такъ же умилился предъ благороднымъ характеромъ Монса, какъ восторгался нравственностью его сестры—Анны Ивановны фонъ-Кейзерлингъ, рожденной Монсъ [2]).

Спокойно и безстрастно разсказалъ дѣло Монса только одинъ нѣмецъ, новѣйшій историкъ Россіи—Германъ.

---

[1]) „Настоящею причиною казни Монса—замѣчаетъ Бюшингъ, издатель дневника Берхгольца—было обвиненіе его въ неприличной короткости съ императрицею". Изд. въ русскомъ переводѣ И. Аммона, Москва, 1860 г., часть IV, стр. 105.

[2]) Отзывы Гельбига, введшія и насъ въ заблужденіе до знакомства съ подлинными документами, приведены въ статьѣ: „Наталья Өедоровна Лопухина", стр. 20—22. Тутъ же смотр. извѣстіе Гельбига о сохраненіи головы Монса въ спиртѣ до временъ Екатерины II. Пока это курьозное извѣстіе не подтвердится свидѣтельствомъ современныхъ документовъ, до тѣхъ поръ оно едва-ли заслуживаетъ вниманія.

„Въ ноябрѣ 1724 года—говоритъ онъ въ разсказѣ о царствованіи Петра—государь этотъ испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближоннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, вдова генерала Балка. Монсъ пріобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ, наконецъ, о взяточничествѣ Монса, свѣдалъ въ то же время и о близкомъ положеніи его при Екатеринѣ. Отношенія эти не могли показаться Петру дозволительными и невинными. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ — продолжаетъ Германъ—изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры; преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе“ и проч. [1]).

И наказанія вполнѣ заслужонныя постигли преступниковъ. Петръ былъ неумолимъ.

Матрену Ивановну Балкъ, по истеченіи шести дней, еще не оправившуюся отъ страха и боли, отправили въ Тобольскъ. Ее конвоировали сержантъ съ двумя солдатами.

Оба сына ея Балкъ высланы въ Гилянь—одинъ капитаномъ, другой унтеръ-офицеромъ; пажи Соловово и оба Павловы, первый, послѣ сѣченія розгами, послѣдніе, безъ наказанія, опредѣлены рядовыми въ Преображенскій полкъ.

Долѣе другихъ задержали въ крѣпости Балакирева и Столѣтова. Послѣдній, четыре дня спустя послѣ казни своего патрона, представилъ—вѣроятно по требованію—новое добавочное показаніе о взяткахъ Монса. Въ этомъ запоздаломъ обличеніи Столѣтовъ сообщилъ о яхонтѣ въ 15,000 рублей: подарилъ его Монсу Левъ Измайловъ „съ такимъ договоромъ, чтобъ исходатайствовать ему за подарокъ чинъ и деревню“. Измайловскій яхонтъ Монсъ поднесъ въ презентъ Екатеринѣ; камень былъ ограненъ и употребленъ въ коронаціонномъ уборѣ.

---

[1]) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1849. T. IV, отд. V, стр. 441.

Какъ ни интересны были подобные разсказы, но тайная канцелярія не стала требовать новыхъ подробностей, видимо боясь запутать въ дѣло еще нѣсколько вліятельныхъ лицъ — своихъ друзей или милостивцевъ: вотъ почему, не откладывая дѣло дальше, въ декабрѣ того же 1724-го года Столѣтовъ съ Балакиревымъ отправлены въ Рогервикъ въ каторгу [1]).

Тѣло Монса съ недѣлю лежало на эшафотѣ, а когда помостъ стали ломать, трупъ взволокли догнивать на особо устроенное колесо [2]).

Между тѣмъ дворъ оживился оффиціальными празднествами по случаю обрученія герцога голштинскаго съ цесаревной Анной Петровной.

22-го ноября подписанъ былъ свадебный контрактъ; только въ этотъ день женихъ достовѣрно узналъ, что изъ двухъ княжонъ ему достанется старшая. Полный восторга Карлъ на другой же день устроилъ серенаду подъ окнами государыни и невѣсты. Екатерина милостиво пригласила его въ покои, поила изъ собственныхъ рукъ виномъ, а государь ласково звалъ къ домашнему столу обѣдать.

Въ катерининъ день совершено было обрученье [3]).

7-го декабря графъ Петръ Андреевичъ Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, давалъ торжественный обѣдъ. На немъ была императрица съ дочерьми,

---

[1]) Рогервикъ—гавань въ сорока семи верстахъ отъ Ревеля (см. примѣч. выше). Въ послѣдніе годы царствованія Петра здѣсь шли большія фортификаціонныя работы.

[2]) Рисунокъ таковыхъ колесъ съ взволоченными на нихъ тѣлами казненныхъ и съ головою, воткнутою на колъ, помѣщенъ при этой книгѣ; но это изображеніе казни другихъ лицъ, хотя изъ той же эпохи преобразованія Россіи Петромъ Великимъ. Политипажъ принадлежитъ „Иллюстрированной Исторіи Петра Великаго“ изд. А. С. Суворина, изд. 1882 г., и воспроизведенъ съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII-го столѣтія, принадлежащей собранію П. Я. Дашкова.

[3]) „...И былъ въ этотъ день фейерверкъ: на планѣ изображена была Венусъ на колесницѣ, которую везли лебеди съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ, въ зало, до двѣнадцатаго часу при ихъ величествахъ и ихъ высочествахъ всѣ господа, гдѣ была изрядна музыка, и танцовали“. Отмѣтка въ „Календарѣ“ на 1724 годъ, хранящагося въ Госуд. Арх., при Каб. дѣлахъ Петра.

придворными дамами и кавалерами, былъ разумѣется и герой празднества—герцогъ съ своей свитой. Не было только государя, потому что онъ еще наканунѣ обѣдалъ у Толстого. Пиромъ заправлялъ весельчакъ и дорогой собутыльникъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій; слѣдовательно немудрено, что страстно влюбленный герцогъ опьянѣлъ. „По глазамъ императрицы, — отмѣтилъ Берхгольцъ — видно было, съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обоихъ высокихъ обрученныхъ“.

Удовольствіе не могло не омрачиться другимъ зрѣлищемъ: на обратномъ пути изъ дома Толстого, Екатерина, Анна, Елисавета, Карлъ, а за ними и вся свита, проѣзжали мимо колеса, съ котораго виднѣлся трупъ, опушенный снѣгомъ; съ заостреннаго кола угрюмо смотрѣла на пышный поѣздъ голова Виллима Ивановича Монса [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло Монса, какъ мы уже говорили, ускорило рѣшимость Петра выдать дочь за герцога. Но говоря словами Цедеркрейца: кромѣ „возстановленія своего кредита“, не имѣлъ-ли при этомъ государь другой, болѣе важной, цѣли? Неужели онъ обрекалъ любимую старшую дочь на незавидную судьбу быть герцогиней жалкаго клочка Германіи? Не имѣлъ ли онъ въ виду завѣщать ей Россію? Не съ этою ли цѣлью началъ онъ было писать завѣщаніе, изъ котораго сохранилось нѣсколько строкъ? Строки эти, какъ видно, прямо относились къ Аннѣ Петровнѣ:

„1) Вѣру і законъ, въ ней же радилася, сохрани до конца неотмѣнно.

„2) Народъ свой не забуди, но въ любви і почтениі імѣй паче протчихъ.

„3) Мужа люби и почитай, яко Главу, і слушай во всемъ, кромѣ вышеписаннаго...“ [2]).

---

[1]) Очень жаль, что неизвѣстно, сохранился-ли гдѣ-нибудь портретъ Монса? Что онъ былъ, это видно изъ письма старухи Монсъ: „любезное дитя, — писала она къ нему въ 1716 году,—ты меня чрезвычайно обрадовалъ присылкой твоего портрета; я повѣсила его надъ своей кроватью и бесѣдую съ нимъ, проливая горькія слезы. Посылаю тебѣ въ обмѣнъ свой портретъ на память“. Въ описи вещей старухи, заготовленной ею предъ смертью, значится: „портретъ сына моего“.

[2]) Госуд. Архивъ, при министер. иностр. дѣлъ, собственноручная записка Петра. Каб. дѣл., кн. LXIV, л. I.

Намѣренью государя (если только оно было), завѣщать императорскую корону не женѣ, а старшей дочери, не суждено было осуществиться [1]): этому воспрепятствовало событіе, которое и составитъ предметъ слѣдующей главы —

---

[1]) Правда, во второй статьѣ трактата о супружествѣ герцога мы читаемъ: „царевна, равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону россійской имперіи“. Но изъ этого пункта вовсе нельзя выводить заключенія, чтобы Петръ не имѣлъ намѣренія завѣщать Аннѣ корону: онъ только лишалъ ихъ права притязать, и за собой оставилъ произволъ завѣщать.

XI.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА

1725.

Государь сталъ недомогать задолго еще до смерти. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о его болѣзняхъ. То онъ страдаетъ „чечуемъ", то завалами или разстройствомъ желудка, отсутствіемъ апетита, то припадаетъ съ нимъ „рѣсъ", вообще ему „мало можется".

Въ январѣ 1716 года, убѣждая сына или „нелицемѣрно удостоить себя наслѣдникомъ", или быть монахомъ, государь прямо говорилъ: „безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ". По совѣту врачей Петръ прибѣгалъ къ пособію минеральныхъ водъ, пользовался ими и заграницей, пивалъ воды и у себя, въ Олонцѣ, да въ девяноста верстахъ за Москвой „на заводахъ", но вообще мало берегся. Сытныя яства, иль „Ивашка Хмѣльницкій" съ батареями хмѣльныхъ напитковъ сокрушали его твердость. Воздержаніе было не въ его характерѣ; да при его кипучей дѣятельности, при его порывистой, страстной натурѣ, ищущей широкаго разгула, трудно было и совладать съ требованіями діэты и регулярной жизни.

Въ 1722 году, во время персидскаго похода, у него открылись первые симптомы той болѣзни, которая низвела его въ могилу [1]).

---

[1]) Рихтеръ въ сочиненіи: „Исторія медицины въ Россіи", М., 1820, т. III стр. 84—94, опровергаетъ разныя свидѣтельства о томъ, будто-бы Петръ умеръ по однимъ—отъ яду, принятаго имъ въ молодости, по другимъ—отъ каменной болѣзни, по третьимъ—отъ сифилиса, отъ чирья въ мочевомъ пузырѣ и т. д. По мнѣнію Рихтера, основанному на свидѣтельствѣ извѣстнаго Штелина

Съ этого времени недуги государя участились, и въ 1724 году мы особенно часто находимъ его на лекарствѣ, одного, въ теплой комнатѣ, подъ запретомъ выходить на воздухъ.

Трудно было Петру выносить несносный докторскій арестъ: его такъ и тянуло обойти свое хозяйство, полазить по верфи, испробовать ходъ того или другого изъ вновь выстроенныхъ судовъ, либо махнуть куда-нибудь на свадьбу, отвести душу на ассамблеѣ. И вотъ, лишь только чувствовалъ онъ себя легче, тотчасъ запреты забыты, съ крѣпостныхъ верковъ петербургской „бастиліи" раздавались выстрѣлы — сигналъ, что государю легче и онъ разрѣшилъ себѣ кататься по рѣкѣ. Слѣдствіемъ же преждевременныхъ прогулокъ и пировъ было возобновленіе недуга.

Возобновленія страданій дѣлались чаще и чаще; лѣто и осень 1724 года государь очень недомогалъ; волею-неволею онъ не разставался съ лекарствами, но помощь отъ нихъ была небольшая. Извѣстный случай съ нимъ осенью того же года на Лахтѣ имѣлъ слѣдствіемъ сильнѣйшую простуду. До декабря недугъ его то утихалъ, то снова увеличивался. Кажется, не будетъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что дѣло Монса, глубоко оскорбивъ государя, сильно потрясло его организмъ [1]); а тутъ въ день крещенія новая сильнѣйшая простуда—и государь окончательно слегъ въ постель.

Такимъ образомъ смерть сразила его не въ одинъ ударъ. Она подкрадывалась къ этому колоссу исподоволь, въ видѣ разныхъ болѣзней. Народъ это видѣлъ и въ лицѣ своихъ „вѣдуновъ" еще въ началѣ 1719 года предвѣщалъ ему скорую кончину.

Такъ, однажды, въ весенній день 1719 года, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, на кирпичныхъ заводахъ, въ ка-

---

(авторитетъ, впрочемъ, далеко ненадежный), государь умеръ отъ затрудненія мочи, которое обратилось въ воспалительное задержаніе и наконецъ въ мѣстное разстройство мочевого пузыря. Антоновъ огонь ускорилъ смерть.

[1]) Предположеніе это, сказанное нами въ 1862 году, не оказалось слишкомъ смѣлымъ: его подтверждаетъ историкъ С. М. Соловьевъ въ XVIII-мъ томѣ „Исторіи Россіи", вышедшемъ въ 1868 г.; авторъ замѣчаетъ: „дѣло Монса не могло содѣйствовать выздоровленію Петра" (стр. 246). Кстати замѣтимъ, что о дѣлѣ Монса покойный историкъ говоритъ весьма немного, но прямо указываетъ на то, что „черезъ полгода послѣ своей коронаціи Екатерина испытала страшную непріятность: былъ схваченъ и казненъ любимецъ и правитель ея вотчинной канцеляріи, камергеръ Монсъ" и т. д. („Исторія Россіи", т. XVIII, стр. 244—245).

бачкѣ угощалось нѣсколько человѣкъ: тутъ были служители великой княжны Натальи Алексѣевны и пѣвчіе князя Меншикова.

— Здравствуй государь-царь Петръ Алексѣевичъ! вскрикнулъ цѣловальникъ, осушая стопу пива.

— Здравствовалъ бы свѣтлѣйшій князь,—раздался голосъ одного изъ присутствовавшихъ,—а государю недолго жить!...

Или вотъ зайдемте, напримѣръ, въ вольный домъ (т. е. въ трактиръ) на Выборгскую сторону, въ приходѣ Самсонія-страннопріимца. 15-го января 1723 года мы застали бы здѣсь веселую „вечерину" у хозяина заведенія, шведскаго полоненника Вилькина. Множество гостей, угощаемые хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гусляхъ и скрипицахъ императрицыныхъ пѣвчихъ. Съ ними-то и велъ „непотребную" бесѣду Вилькинъ:

— А сколько лѣтъ его императорскому величеству? спросилъ онъ ихъ между прочимъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— Много, много ему лѣтъ! молвилъ въ отвѣтъ шведъ-вѣдунъ, — а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь—продолжалъ Вилькинъ—въ такихъ же трудѣхъ станетъ государь обращаться, и паки такою же болѣзнью занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ былъ болѣнъ, то болѣе трехъ лѣтъ не будетъ его жизни...

— Врешь ты все, дуракъ! изругали вѣдуна испуганные музыканты.

— „Нѣтъ, слова мои не отъ дурости, а который человѣкъ родился на рождество христово или на пасху въ полуночи, и тотъ, какъ выростетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ признавать, сколько кому лѣтъ жить; самъ я, напримѣръ, проживу лѣтъ съ десять"...— И пошолъ говорить отъ библіи...

— Нѣтъ, сказывали межъ тѣмъ въ колодничьихъ палатахъ Петропавловской крѣпости,—императорскому величеству и нынѣшняго года не пережить. А какъ онъ умретъ, станетъ царствовать свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ).

— Смотрите, одновременно шептались солдатики,—государя у насъ скоро изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій князь (сынъ Алексѣя) малъ, стоять некому. И будетъ у насъ великое смятеніе,—пророчески замѣчали вѣщуньи.—Развѣ государь толщину убавитъ, сирѣчь бояръ, то пожалуй не лучше ли

будетъ. А то много при немъ толщины. И кто изведетъ его? Свои! Посмотрите, скоро сіе сбудется!

Съ одной стороны подобныя предсказанья, съ другой разныя видѣнья давали обильную пищу народному говору. Да и какъ было не говорить: на колокольнѣ Троицкаго собора, что на Петербургской сторонѣ, объявилось привидѣніе. То не были сказки, толковала чернь, да духовенство мелкой стати: — часовые-де сами слышали стукъ и бѣготню этого духа: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. „Недѣли эдакъ за три до николина дня (1723 г.) — разсказывалъ одинъ изъ часовыхъ — ночью, подлинно мнѣ довелось слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, яко бы кто упалъ“.

Ночь на 9 декабря 1723 г. проходила спокойно; предъ часовымъ, смѣнившимъ прежняго разсказчика, лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и вольныхъ домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухали огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ „ординарные“ часы глухо прогудѣли полночь.

Вдругъ заслышались странные звуки. По деревянной лѣстницѣ въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжолыми шагами; привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи. „Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганья“ то умолкалъ, то снова начинался. Такъ продолжалось съ часъ.

На утро оглядѣли колокольню; стремянка лѣстница, по которой обыкновенно лазили къ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена наземь; „порозжій“ канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое; наконецъ веревка, спущенная для благовѣста въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

— Никто другой, какъ кикимора! говорилъ въ тотъ же день за обѣдней соборный попъ, относясь къ своему дьякону.

— Не кикимора, возражалъ тотъ, — а возится въ той трапезѣ чортъ.

— Нѣтъ, пожалуй что кикимора, а не чортъ, замѣчаетъ отецъ протопопъ.

— Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ! пророчествуетъ дьяконъ...

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на троицкой коло-

кольнѣ кикимора, не къ добру-де она, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы[1]).

Пророчества вѣдуновъ, вѣщуней, знаменательныя въ глазахъ черни шалости кикиморы скоро осуществились.

28 января 1825 года „Питербурхъ опустѣлъ". Государь императоръ Петръ Алексѣевичъ послѣ мучительной тринадцатидневной агоніи испустилъ духъ.

За нѣсколько дней до роковаго разсчета его съ жизнью „во всемъ дому—такъ повѣствуетъ Θеофанъ—не ино что, токмо печаль общую видѣть было и слышать. Сенаторы, архіереи, архимандриты, фельдмаршалы, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, и отъ коллегій члены первѣйшіе, а иные изъ дворянства знатные присутствовали; словомъ-сказать, множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей, палаты наполняло. И въ такомъ многолюдствіи не было ни единаго, кто видъ печали на себѣ не имѣлъ бы: иные тихо слезили, иные стенаніемъ рыдали, иные молча и опустясь, аки-бы въ изумленіи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печали — по разности, чаю, натуръ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и единъ такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толикаго государя, героя и отца отечествія!

„Печаль же болѣзни — продолжаетъ велерѣчивый Θеофанъ — самой государыни изобразить словомъ не возможно! Всѣ виды страждущихъ и болѣзнующихъ въ ней единой смѣшанные видѣть было: ово слезы безмѣрныя, ово нѣкакое смутное молчаніе, ово стенаніе и воздыханіе; временемъ слова печальныя проговаривала, но честныя и приличныя; иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разнообразно страждущи, день и ночь мужеви больному присѣдѣла и отходить не хотѣла".

Государь межъ тѣмъ леденѣлъ все болѣе и болѣе, и въ началѣ шестаго часа пополуночи 28 января 1725-го года, подъ шопотомъ благочестивыхъ напутствій и молитвъ тверского архіерея, испустилъ послѣдній вздохъ.

На одрѣ лежалъ посинѣлый трупъ, но присутствующіе все еще думали, что въ этомъ тѣлѣ тлѣетъ еще жизнь. Наконецъ, сомнѣніе исчезло.

„И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли; сама государыня

---

[1]) Дѣла Тайной канцеляріи 1719—1725 гг., напечатаны во II-мъ томѣ нашихъ историческихъ очерковъ, въ книгѣ: „Слово и дѣло!"

отъ сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когда-бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться!..“ [1]).

„Вообще всѣ люди безъ исключенія предавались неописанному плачу и рыданіямъ. Въ это утро не встрѣчалось почти ни одного человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ отъ слезъ. Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ (двухъ гвардейскихъ и въ одномъ гренадерскомъ, составлявшихъ гарнизонъ столицы) не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ этой неожиданной и горестной кончинѣ какъ ребенокъ...“ [2]).

Среди „осиротѣлыхъ дѣтей“ сложилась пѣсня:

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не постарому,
Не по старому, не попрежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною!
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ славномъ городѣ,
Во соборѣ петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра-перваго,
Петра-перваго, великаго,
Молодой сержантъ Богу молится:
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра-перваго.
Въ возрыданьи слово вымолвилъ:
„Разступись ты мать сыра земля,
Что на всѣ на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись батюшка, православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилѣли...“

---

[1]) Краткая повѣсть о смерти Петра-Великаго, соч. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Спб., изд. 1831 г.

[2]) Берхгольцъ, томъ IV, 118.

Умолчимъ о другихъ проявленіяхъ печали всего служилаго сословія отъ сената до солдатства включительно [1]). „Но да отыдетъ скорбь лютая, скажемъ словами Ѳеофана: — Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи не оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его и подобнравнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и монархиня и матерь всероссійская! Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру-великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизѣстно?“ [2]).

Кому неизвѣстно и то, что, вопреки широковѣщательнымъ и льстивымъ глаголамъ Ѳеофана, Екатерина не была наименована умирающимъ государемъ его преемницею? „Восшествіе ея на престолъ — по словамъ современника — довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовало, ибо Петръ-великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобы ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ“... А между тѣмъ, государь „еще не охладѣлъ мертвый, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то есть наслѣдство его престола“ [3]).

---

[1]) См. „Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра великаго, написанное Кантемиромъ въ 1730 году“. (Лѣтоп. русск. литературы, М., 1859, I, 16—22). Краткая повѣсть о смерти Петра-великаго, соч. Ѳ. Прокоповичемъ, изд. 1831 г. Берхгольцъ, томъ IV, 118—119. Сахаровъ, изд. Спб. 1839, ч. IV, стр. 139. Порошинъ, стр. 128. Розсказни иноземцевъ см. въ „Russische Günstlinge“, стр. 38—40, также депеши иностр. пословъ при Петерб. дворѣ, изд. Импер. Русск. Истор. Общ. Ѳеофанъ Прокоповичъ: Слово на погребеніе Петра-великаго, 1 марта 1725 г. въ изд. соч. Ѳеофана. Спб. 1761, ч. II, стр. 127—133 и проч. Въ „Памятникахъ велико-русскаго нар. изд. Акад. Наукъ“, стр. 154, см. варьянтъ приведенной пѣсни на смерть Петра Алексѣевича: молодой солдатъ, въ слезахъ о его кончинѣ, приглашаетъ покойника встать, пробудиться, да посмотрѣть на гвардію, да на „армеюшку, хорошо обряженную“, въ ней же всѣ чины на своихъ мѣстахъ, нѣтъ только полковничка преображенскаго, капитана бомбамдирскаго, то-есть Петра I, и проч.

[2]) Слово на погребеніе императора Петра, 1 марта 1725 г. Изд. 14 марта 1725, Спб.

[3]) Кн. М. М. Щербатовъ: О поврежденіи нравовъ въ Россіи, см. въ изд. „Русской Старины“ изд. 1870 года (третье изд.), томъ II. См. также

Такъ или иначе, но бывшая нѣкогда для Петра „свѣтъ Катеринушка“ сѣла на престолѣ, окружонная кн. Меншиковымъ, гр. Петромъ Толстымъ, Остерманомъ, Ушаковымъ, Ѳеофаномъ и другими свѣтскими и духовными птенцами ея предшественника [1])...

Оставимъ ихъ судить, рядить, да править ея именемъ надъ мильонами народа; отправимся въ толпы послѣдняго, остановимся съ его глашатаями, да прислушаемся, что̀ за приговоры изрекаютъ они надъ усопшимъ монархомъ.

Вѣсть о смерти Петра людьми неслужилыми, лучше-сказать, сторонниками старины и врагами реформъ монарха принята была съ великою радостью. Ни ужасы пытокъ, ни кнутобойни и вырѣзки языковъ не могли сдержать заявленій восторга „учителей“ народа.

— Здравствуйте! государь вашъ умре! радостно вѣщалъ попъ Златоустовской церкви въ городѣ Астрахани.

— Государь этотъ,— говорили старѣйшіе раскольники, — приказалъ брады брить, нѣмецкое платье носить, и тѣмъ людямъ (его послушникамъ) тамъ же быть, гдѣ и онъ, государь, обрѣтается, сирѣчь, во адѣ.

Такъ вѣщали упорнѣйшіе изъ „церковныхъ раскольниковъ“. Не останавливаясь на вверженіи Петра въ геенну огненную, эти изступленные изувѣры, по словамъ оффиціальнаго донесенія, изрекали хулы и на церковь...

Нечего и говорить, что никакія „увѣщеванія“ епископа и прочаго духовнаго чина, никакія пытки не могли заставить поборниковъ раскола отступиться отъ своей религіозно-политической пропаганды. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе слабые, сидя въ тюрьмахъ, сами распарывали себѣ брюхо, чтобъ преждевременною смертью спастись отъ грядущихъ истязаній, которыя могли бы поколебать ихъ стойкость въ своихъ дикихъ до полнаго изувѣрства убѣжденіяхъ.

Записку Бюшинга въ „Воронцовск. Архивѣ“ изд. 1882 г., то̀мъ XXV, стр. 13—14, С. Соловьевъ. Исторія Россіи изд. 1868 г., т. XVIII, стр. 264—269.

[1]) Иноземные дворы спѣшили поздравить Екатерину I съ восшествіемъ на престолъ. Особенно интересно поздравлялъ персидскій шахъ: „Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза, подобные рубинамъ, носъ, похожій на карбункулъ, и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постелѣ“ и т. д. Зап. княгини Дашковой, стр. 18—19.

Въ обществахъ подобныхъ фанатиковъ созрѣвали молодые провозвѣстники извѣстнаго ученія объ антихристѣ. „Петръ-де антихристъ! Настали времена послѣднія!“ вотъ съ какими глаголами шли эти учителя изъ деревни въ деревню, изъ одной станицы въ другую въ украинскихъ областяхъ нашего отечества. Прочитанная книга церковная, новое ли распоряженіе правительства, стѣсненіе ли правъ духовнаго сословія, новые ли поборы, преобразованія солдатства, война и прочія событія,—все это давало неисчерпаемый матерьялъ для „охуленій“ народу ненавистнаго монарха. Смерть его, какъ мы видѣли, не примирила съ нимъ народныхъ „учителей“; они изрекли, что Петръ отправился туда, гдѣ уже давно пріуготовлено было ему мѣсто толками народа, т. е. въ адъ кромѣшный. Такова была загробная участь „царя-антихриста“. Но здѣсь, здѣсь-то на землѣ должна прогремѣть надъ нимъ изъ рода въ родъ анафема! такъ думали самые горячіе поборники ученія объ антихристѣ.

И вотъ въ центрѣ Москвы, столь нелюбезной покойнику, въ одной изъ келей Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ-рядомъ, волею-неволею пріютился для книжнаго обученья молодой монахъ. Втеченіи четырехъ лѣтъ до этого времени онъ всюду, куда только ни бросала его судьба, весь преисполненный убѣжденія въ правоту своего ученія, проповѣдывалъ, что антихристъ царствуетъ. Теперь, когда пришла вѣсть о смерти государя, молодой проповѣдникъ своеручно написалъ:

— „Злочестивый, уподоблышійся самому антихристу, мерзости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывый соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель всероссійскаго царства, попущеніемъ божіимъ Петръ, бывый великій, нынѣ всескверный императоръ, со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ!“

„И да будетъ тако, да будетъ тако, да будетъ тако!“ троекратно повторялъ молодой монахъ-изувѣръ, перечитывая и толкуя имъ написанное другому иноку, своему единомышленнику и другу. Такого рода листки имѣлось въ виду разбросать въ народъ.

Но если съ одной стороны страшное слово проклятія такъ жостко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нагло смѣло вырывалось изъ народа въ плачъ и сѣтованія знати и служилаго сословія, то съ другой стороны тотъ же народъ, славный своимъ юморомъ, въ то же время

и въ томъ же городѣ Москвѣ осмѣялъ „плакуновъ придворныхъ“ въ сатирѣ. Народные сатирики и каррикатуристы представили погребеніе ненавистнаго имъ преобразователя и сѣтованія надъ нимъ вѣрноподданныхъ въ рукописной, а потомъ и въ печатной притчѣ: мыши кота погребаютъ.

„Самая аллегорія была не нова [1]), замѣчаетъ проф. И. М. Снегиревъ, но по поводу новаго событія, къ которому ее примѣнили, въ ней прибавились новыя фигуры мышей и весьма замысловатыя объясненія, полныя живыхъ на Петра и его царствованіе намековъ. Цѣль сочинителя была не одна забава и балагурство: онъ олицетворялъ въ каррикатурѣ освобожденіе слабыхъ отъ гонителя, въ утѣшеніе гонимымъ и въ урокъ гонителямъ. Мышамъ онъ присвоилъ человѣческія страсти: лицемѣріе, ненависть; внутренняя радость у нихъ прикрыта наружною печалью. Такъ, „рязанская мышь горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ; мышь татарская Аринка наигрываетъ въ волынку, пѣсни напѣваетъ, кота проклинаетъ“; знатныя крысы, показывая притворную горесть, хотятъ кота утопить въ помойной ямѣ. Они не забыли, что у подновинской сѣдой крысы котъ изорвалъ задъ, у охтенской изранилъ мышонка и т. д. Въ котѣ, чинно растянутомъ съ связанными лапами, въ одномъ рисункѣ—на саняхъ (которыя обыкновенно означали погребальный одръ, на какомъ выносили тѣла усопшихъ царей изъ дворца въ усыпальницу), на другомъ—на колесницѣ, „чухонскихъ дровняхъ“,—въ этомъ котѣ народъ видѣлъ обидчика, въ мышахъ—обиженныхъ, въ смерти же кота вообще освобожденіе и торжество другихъ, отрадный конецъ гоненіямъ“ [2]).

[1]) Какъ волкъ въ отношеніи къ овцамъ, такъ и котъ въ отношеніи къ мышамъ издревле занимали въ басняхъ и притчахъ свойственную имъ роль: тотъ и другой—утѣснителей и мучителей, а овцы и мыши—угнетенныхъ и страждущихъ... Котъ поступаетъ съ пойманною мышкою подобно опытному кату-палачу, который сперва вымучиваетъ у жертвы своей медленными пытками признаніе въ содѣянныхъ и даже несодѣянныхъ преступленіяхъ, потомъ такъ исторгаетъ у нея жизнь, чтобъ чувствовала какъ умираетъ... Мыши — это подданные, утѣсненные котомъ, своимъ владыкою. Свойства и дѣйствія людей перенесены на этихъ животныхъ.—Снегиревъ. Лубочныя картинки, изд. 1861, стр. 125.

[2]) Снегиревъ: Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. М., 1861, стр. 122—132. Въ этомъ интересномъ изслѣдованіи помѣщено, между прочимъ, подробное объясненіе, съ древнѣйшаго оттиска, погребенія кота мышами; тутъ же разъяснены нѣкоторые намеки, относящіеся къ эпохѣ Петра I.

Въ своемъ превосходномъ описанiи и изслѣдованiи „Русскихъ народныхъ картинокъ“ Д. А. Ровинскiй приводитъ, между прочимъ, подробный текстъ картинки, изданной вскорѣ послѣ 1725 года: „Мыши кота погребаютъ“. Вотъ это описанiе.

Погребальное шествiе расположено въ четырехъ, продольныхъ, полосахъ. Надъ мышами поставлены нумера, за которыми они, внизу картинки, обозначены по именамъ и должностямъ.

Надпись на лентѣ, которую поддерживаютъ двѣ летучiя мыши [1]):

„Небылица въ лицахъ найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обверчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемонiею отдавали. Былъ престарѣлый котъ казанскiй, уроженецъ астраханскiй, имѣлъ разумъ сибирскiй, а усъ сусастерской; жилъ славно, ѣлъ, пилъ, лапти носилъ, сапоги, сладко ѣлъ и слабко ....лъ. Умре въ сѣрый мѣсяцъ, въ шестопятое число, въ жидовской шабашъ“.

Вотъ описанiе похороннаго шествiя:

1) Знатныя подпольныя мыши, криношныя блудницы, напослѣдокъ коту послужили: на чухонскiе дровни, связавъ лапы, положили, хотятъ печаль свою утолить, а кота тянутъ лямками въ .....ной ямѣ утопить.

2) На козлахъ сидитъ кучеръ изъ навозной кучи.

3) Съ Бальчуга старая, изъ мучныхъ рядовъ крыса, поминаетъ кота алабрыса збрызгу, по нотной книгѣ воспѣваетъ и малыя ея дѣти тутъ же съ визгомъ провожаютъ.

4) Искусная мышка изъ нѣмецкой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота проклинаетъ.

5) Изъ Рогожской мышь Корча тащитъ бубенъ скорчась.

6) Позади бѣжитъ изъ съ Таганки самая поганка смотрѣть кота на дровняхъ и бьетъ въ бубенъ походъ ему дробью.

7) Деревенская мышь Чюрилка Сарначъ въ свирѣльку играетъ, ладу не знаетъ.

8) Въ балалайку играетъ, на поминки къ коту гостей собираетъ.

9) Тренка съ Дону изъ убогаго дому веселыя пѣсни воспѣваетъ, безъ кота добро жить возвѣщаетъ.

10) Мышь Татарская Аринка тожь наигрываетъ въ волынку.

11) Мышь съ Рязани сива, въ сарафанѣ синемъ, идучи горько плачетъ и сама въ присядку пляшетъ.

12) Мыши елеси, идутъ хвосты повѣся.

13) Идутъ мыши, ермаки, надѣвши валеные колпаки.

14) Отъ вольныхъ домовъ изъ большихъ питейныхъ погребовъ ѣдетъ маленькая мышь въ одноколкѣ на отцѣ, объявляетъ веселiю быть въ ковшѣ.

15) Украинская мышь братинкой гремитъ, переднихъ бранитъ, что скоро бѣгутъ, а старые де и хворые лазарецкiе мыши за ними бредутъ.

---

[1]) Мы не сохраняемъ безграмотность письма, — отсылаемъ читателя къ монументальному, въ высшей степени замѣчательному труду Д. А. Ровинскаго: „Русскiя народныя картинки“, Спб., 1881 г., пять частей и альбомы при ней картинокъ. О картинахъ „Мыши кота погребаютъ“ смотри въ книгахъ I, стр. 391—401; кн. IV, стр. 256—269; кн. V, стр. 156—160.

16) Двѣ мыши съ Рожновой горы отъ чухонки вдовы тащатъ изъ шинка ушатъ мерзлаго пива, лѣтошняго года изъ подъ Маймискаго захода.

17) За ними мышь кружкой гремитъ, возниковъ бранитъ, чтобъ скорѣе везли, поспѣшали съ веселіемъ кота поминать и похмѣльныхъ охмѣлять.

18) Мышь несетъ въ скляницѣ вина, а другая на закуску полтора блина.

19) Старая подъовинная сѣдая крыса смотритъ въ очки, у которой котъ изорвалъ ж..у въ клочки.

20) Мышь Емелька приспѣшникъ идетъ заткнувши за поясъ тряпицу, а самъ наваривает въ скрыпицу.

21) Мышь Охтенская переведенка несетъ раненнаго котомъ своего ребенка.

22) Сельская мышь сива ведетъ на убой свинью.

23) Другая позади идетъ, рыжа, сама говоритъ: я де ночью все вижу.

24) Мышь головна весьма непроворна, оступилась въ яму .....ну, замаралась по горло.

25) Маленькія мыши пищатъ, вонъ ее тащатъ.

26) Мыши изъ Ямской хворыхъ мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ.

27) Мышь Макарка магилякъ, несетъ заступъ яму ковырять.

28) Мыши идутъ, одна съ метлой, другая съ ветлей, по пути дорогу лаптями устилаютъ, а сами по сторонамъ ....каютъ.

29) Мыши изъ подъ татарской мечети промежъ себя по татарски лепечутъ, какъ бы поглубже велѣть про кота яму обрыть и поглубже его зарыть.

30) Сивеньки мышки щиры идутъ у кота править морщины.

31) Мышка, сѣвши на пенекъ, надувается третій денекъ, какъ въ новы лапти обувается.

32) Мыши нашли рака и учинили съ нимъ великую драку.

33) Мышка Ѳарносикъ, красный носикъ, растоптала лапти, ознобила лапки.

34) Лазаретская мышь тащится на костыляхъ, хочетъ присѣсть у кота на копылахъ.

35) Коломенская мышь бѣжитъ гонцомъ, на саняхъ везетъ рогожи коту на саванъ.

36) Лазарецкая мышь цыганка несетъ покрыть кота цыновку.

37) Мышь Барабошка несетъ подослать подъ кота рогожку.

38) Мышь идучи хрюкаетъ, обѣду себѣ нюхаетъ.

39) Мышь съ Арбату, отъ старости очень горбата, велитъ убирать тарелки и подносить по чаркѣ горѣлки.

40) Мыши Алонки, одна несетъ солонку, а другая снопъ соломки.

41) Мыши Корелки, несутъ ложки, да тарелки.

42) Мыши татарскія ханжи несутъ столовыя вилки, да ножи.

43) Мыши маленки, смотрѣть жалки, несутъ колпаки, да чарки.

44) Мышь перша несетъ въ кушанья класть перцу.

45) Мышь несетъ таракана печеннаго, а другая чесноку толченнаго.

46) Мыши идутъ пѣшками, студенное кушанье несутъ мѣшками.

47) Мышь съ полянки старуха, несетъ хлѣба краюху.

48) Мышь смазлива несетъ пироги въ корзинѣ.

49) Мышь отъ чухонки Маланьи везетъ полны сани оладьевъ.

50) Идетъ мышенокъ отшиблено рыло, несетъ жаренную рыбу.

51) Мышь шушера бѣжитъ изъ Шлюшена, несетъ съ Ладоги сиги: ѣшь, да плотно сиди.

52) Мышь палена несетъ ядро калено пиво подогрѣвать.

53) Мыши съ Покровки несутъ морковныя похлебки.

54) Мышь изъ Крыму несетъ кобыльяго молока крыну.

55) Лакомый мышенокъ держитъ въ лапахъ рожекъ калача и ѣстъ въ крину обмоча.

56) Мыши съ Вятки наварили яицъ всмятку.

57) Мыши Новгородки несутъ сковородки съ сладкими похлебки.

58) Идетъ мышь пригорюнясь невесела, что забыла сварить киселя.

59) Мышь съ молотомъ Савка стучитъ да хвалитъ, что пироги ѣстъ сладки.

60) Мышь для смаку несетъ тертаго маку.

61) Мышь бѣжитъ на конькахъ, а сама говоритъ: сидѣть бо ладе мнѣ лучше дома на гороховыхъ комкахъ, а тутъ де за содомомъ гостей не достанется поглодать и костей.

62) Мышь со Вшивой горки послѣ стола крошитъ въ сухари корки.

63) Мышь бѣжитъ на лыжахъ, которая послѣ банкета посуду лижетъ.

64) Молоденькая мышка говорокъ, добрый поварокъ, на чумичкѣ вши бьетъ, а ж.... и тарелки третъ.

65) Послѣдняя мышь полевая поддорожница, чинная пирожница, горазда печь пироги съ саломъ и для знаку ходитъ съ к.....

Д. А. Ровинскій, во всей подробности объясняя всѣ намеки въ этой картинкѣ по отношенію къ императору Петру I-му, между прочимъ, въ своемъ обширномъ изслѣдованіи (превосходно изданномъ въ 1881 году академіею наукъ), между прочимъ, замѣчаетъ: „картинка „Мыши кота погребаютъ"—чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное, вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго обихода. Подробности эти,—продолжаетъ г. Ровинскій,—очень ясно указываютъ на цѣль и происхожденіе картинки: она представляетъ погребеніе Петра I-го и вмѣстѣ съ тѣмъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя онъ такъ любилъ устраивать". Доказывая это положеніе во всѣхъ подробностяхъ, г. Ровинскій, между прочимъ, замѣчаетъ, что „народная сатира обозначила даже мѣсяцъ, день и часъ смерти державнаго преобразователя (сѣрый мѣсяцъ, четвергъ, въ шесто-пятое число, т. е. съ пятаго на шестой часъ); самое погребеніе представляетъ пародію на погребальную процессію 1725 г.: погребальныя дроги тянутъ восемь мышей; за ними слѣдуетъ музыка, точно такъ, какъ это было на похоронахъ 1725 года (съ замѣною 8 мышей восемью лошадьми въ натурѣ, конечно); въ процессіи упоминается и участвуетъ все то, что прямо или косвенно напо-

минаетъ дѣйствія Петра I-го: идутъ мыши, представительницы недавно пріобрѣтенныхъ и сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: Корелки, Охтенки, Шушера изъ Шлюшина съ Ладожскимъ сигомъ въ рукахъ; далѣе, въ четырехъ мѣстахъ помѣщены мыши татарскія, которымъ отъ Петра пришлось особенно солоно; „мыши лазарецкія", которыми переполнили землю Русскую Петровы побѣды и баталіи. Мыши отъ вольныхъ домовъ изъ большихъ питейныхъ погребовъ съ чарками, братинами, корчагами, ушатами и скляницами,—напоминаютъ шутовскія процессіи всепьянѣйшаго собора, а мыши, которыя идутъ „пѣшками, несутъ студеное кушанье мѣшками", — прямо указываютъ на постановленіе князя-папы имѣть всегда на готовѣ холодныя закуски на случай пріѣзда всепьянѣйшаго собора. Нѣкоторыя изъ мышей въ процессіи должны представлять извѣстныя лица петровскаго времени, какъ-то: Савву Рагузинскаго, Стефана Яворскаго и другихъ, объ именахъ которыхъ можно только догадываться. Затѣмъ не представляется надобности распространяться о томъ, кого разумѣлъ составитель картинки подъ именемъ котовой вдовы, чухонки адмиральши Маланьи" [1]).

Прошли года. Умерла Екатерина, скончался второй императоръ, ослабла съ смертью Анны и нѣмецкая партія, такъ глубоко пустившая корни на Руси при Петрѣ, на престолѣ была дщерь послѣдняго, Елисавета, — а ненависть къ Петру со стороны поборниковъ старины не только не слабѣла, но росла и росла. Царствованіе дочери ненавистнаго старинѣ и расколу преобразователя, царствованіе, ознаменованное между прочимъ сильнымъ гоненіемъ раскольниковъ, вызвало съ ихъ стороны не менѣе сильное противленіе. Тюрьма и пытка попрежнему оставались безсильными. Рѣзкому, энергическому и въ высшей степени убѣдительному для черни слову поборниковъ старины жадно внималъ народъ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ „учителей": онъ сидитъ (въ царствованіе Елисаветы) въ палатѣ Петропавловской крѣпости за

---

[1]) Намеки на эту Маланью встрѣчаются и въ росписи приданаго (другія картинки, № 144), гдѣ, при описаніи невѣсты, говорится, что она: „ходитъ по нѣмецки, говоритъ по шведски". Какъ извѣстно, Екатерина была нѣсколько дней замужемъ за шведскимъ капраломъ Раббе; она была взята въ плѣнъ Шереметевымъ, а у него отнята Меншиковымъ; здѣсь-то увидалъ ее Петръ въ первый разъ въ 1703 г.

Прим. Д. А. Ровинскаго.

расколъ. Это петербургскій купецъ, большой начетчикъ священныхъ книгъ; предъ нимъ лежитъ апокалипсисъ: онъ толкуетъ по немъ съ своими союзниками. „Нынѣ“,—говоритъ Дмитрій Гавриловъ,—„въ церковь ходятъ нечистые, и священники неправославное ученіе имѣютъ; а въ церковь ходятъ иноземцы и другихъ вѣръ. И которые люди въ нынѣшней церкви причащаются, тѣ недостойные“, и т. д. въ томъ же родѣ. „И въ нынѣшней церкви образа новые и убраны жемчугомъ, а старые вынесены. Прежде крестились двуперстнымъ сложеніемъ, а нынѣ крестятся триперстнымъ сложеніемъ. И архіереи и попы настоящаго (житія) по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ нынѣ не имѣютъ. Нынѣшніе архіереи и попы и прочіе люди нюхаютъ табакъ, бранятся... и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ. И нынѣ въ церкви не такое пѣніе, какъ прежде было, а люди брѣютъ бороды... И та церковь тѣхъ, которые крестятся двуперстнымъ сложеніемъ и содержатъ старую вѣру, пытаетъ и убиваетъ, которые страждутъ за старую вѣру, и потому они святы“.

На чемъ же основываетъ свою хулу обличитель грѣховъ матери-церкви? На томъ, главнымъ образомъ, что по ученію, послѣдователемъ котораго онъ является, „церковь нестаровѣрческая сидитъ на антихристѣ...“

Антихристъ-же — Петръ!

„Первый императоръ, — вѣщалъ расколъ при Елисаветѣ, — первый императоръ старовѣровъ мучилъ. И которые замучены, всѣ святы! И билъ онъ (первый императоръ) Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ [1]), и тѣмъ заповѣди божіи преступилъ, и потомъ умеръ. И при Елисаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несодержанія старой вѣры...“ А все оттого, что „первый императоръ былъ звѣрь и антихристъ“ и т. д.

Изъ массы старыхъ подлинныхъ дѣлъ, нами пересмотрѣнныхъ, мы могли бы представить множество подобныхъ ужасныхъ заклятій, которыя долго и долго еще раздавались со стороны простого народа, главнымъ образомъ изъ рядовъ поборниковъ раскола, ревнителей старины, раздавались надъ усопшимъ преобразователемъ. Но намъ кажется, что и представленныя черты довольно ярко оттѣняютъ на-

---

[1]) Это мнѣніе раскольниковъ конца первой половины XVIII вѣка особенно интересно: окровавленная тѣнь царевича Алексѣя становилась въ ряды пострадавшихъ за „правую старую вѣру!“

строеніе умовъ сѣраго народа относительно Петра. А потому нельзя выводить того заключенія, чтобы русскій народъ того времени всецѣло видѣлъ въ смерти преобразователя какое-то испытаніе, ниспосланное Богомъ, какое-то сильное, повергающее въ отчаяніе, несчастье. Ничего подобнаго со стороны массы народа не было. Мы видѣли противное... Замѣтимъ при этомъ, что это противное объявлялось не со стороны только раскольниковъ; разумѣется, среди ихъ ненависть была упорнѣе, высказывалась чаще, сильнѣе, въ теченіи бо̀льшаго числа лѣтъ; но „объявлялась" она зачастую и среди „нововѣрныхъ" поповъ, или среди шутниковъ-грамотѣевъ въ родѣ возстановителей притчи: „погребеніе кота мышами"...

Въ то время, когда бушуютъ страсти примученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже опочившему сномъ смерти властелину, что̀ дѣлаетъ его преемница?

Она предоставляетъ первыя необходимѣйшія распоряженія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ сенату, который и собирается въ ея покояхъ; ласкаетъ и осыпаетъ подарками и почестями нареченнаго своего зятя, возвышаетъ друга молодости—князя Меншикова, сидитъ запершись въ своихъ апартаментахъ, куда, по ея указу, никого не допускаютъ безъ докладу, кромѣ Меншикова, Бутурлина, Ягужинскаго, Девіера, Макарова и Нарышкиныхъ; „съ докладу же пущаютъ по регламенту" только „по шестой классъ"; выходитъ же сама Катерина Алексѣевна только къ гробу супруга.

Примѣчаніе. При „Русской Старинѣ" изд. 1876 г. (второе изд.), т. XV, стр. 876, помѣщенъ превосходно выполненный снимокъ съ указа по поводу кончины императора Петра Перваго; напечатанъ 30-го января 1725 г. Особенно хорошо воспроизведены подписи десяти высшихъ сановниковъ, подписавшихъ этотъ достопамятный указъ.

XII.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I

1725 — 1727.

Первые мѣсяцы царствованія, по исконному обычаю, ознаменовались наградами ея приближонныхъ, а также прощеніями преступниковъ и возвратомъ ссыльныхъ прежняго царствованія. Нѣсколько иноземцевъ, затѣмъ извѣстные птенцы Петра, бывшіе въ немилости — баронъ Шафировъ, Скорняковъ-Писаревъ, докторъ Лестокъ получили прежніе чины и отличія. Протопопы, попы и дьяконы покровско-суздальско-дѣвичьяго монастыря, всего шесть человѣкъ, страдальцы за преданность царицѣ Авдотьѣ, были возвращены изъ дальней ссылки и распредѣлены по церквамъ на мѣста. Сторонницы той же царицы Авдотьи и ея сына, вдовы: Варвара Головина, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Марья Львова, разосланныя въ 1718 году по монастырямъ въ заточеніе, нынѣ получили право жить въ какихъ угодно монастыряхъ, хотя бы въ московскихъ. Вологодскимъ шести духовнымъ особамъ разнаго чина, судившимся „по важнымъ противнымъ словамъ“ раздьякона вологодскаго собора Непеина, и нѣкоторымъ другимъ колодникамъ смягчены наказанія, либо и вовсе сказано прощеніе. Изъ Сибири, по свидѣтельству современника, въ мартѣ 1725 года провезли человѣкъ двѣсти ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину: то были лица, пострадавшія за непринесеніе присяги въ 1722 году установленному Петромъ порядку престолонаслѣдія. Надо думать, что прощеніе было имъ объявлено еще по случаю коронаціи Екатерины, въ маѣ 1724 года.

Какъ бы то ни было, но въ числѣ возвращающихся изъ разныхъ мѣстъ ссылокъ неужели не было нашихъ близкихъ знако-

мыхъ — Матрены Ивановны съ ея сыновьями, неужели забыли и другихъ пособниковъ камергера Монса?

Нѣтъ, о нихъ вспомнили, и вспомнили довольно скоро.

Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только-что возвѣщалось по улицамъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина Алексѣевна изрекла милостивое прощеніе своей довѣреннѣйшей подругѣ. Прощеніе дано было въ формѣ указа ея величества изъ сената на имя генералъ-майора и лейбъ-гвардіи майора Андрея Ивановича Ушакова. Что это за ловкій человѣкъ Андрей Ивановичъ! Давно ли на него, какъ на надежнѣйшаго сыщика и застѣночнаго „инквизитора“, возлагалъ Петръ щекотливое дѣло Монса—и вотъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ тотъ же Андрей Ивановичъ не только не вызываетъ на себя мщенія Екатерины,— нѣтъ, его любятъ, ему довѣряютъ, и ему же поручаютъ озаботиться о возвратѣ лицъ, такъ недавно имъ арестованныхъ, допрашиванныхъ и преданныхъ въ руки заплечныхъ мастеровъ!

Прощеніе изрекалось Екатериной подъ обычною формою: „ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышняго суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ. Дѣтей ея, Петра да Якова, вмѣсто ссылки въ гилянскій гарнизонъ, опредѣлить въ армію тѣми же чинами, въ какихъ посылали ихъ въ Гилянъ“.

Не забыли Балакирева; вспомнили также о Столѣтовѣ. Тотъ и другой освобождены отъ каторжной работы и возвращены въ столицу. Иванъ Балакиревъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ въ солдаты, а Егоръ Столѣтовъ освобожденъ на волю, а у дѣлъ ея величества нигдѣ не быть [1]).

---

[1]) Всѣ распоряженія екатерининскаго правительства, относившіяся до дѣйствующихъ лицъ монсовой исторіи, шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1725 г.: 13 февраля возвращены царевнѣ Прасковьѣ ея имѣнія, нѣкогда подарокъ ея Монсу; 22 числа—освобожденъ Балакиревъ; 6 марта—освобожденъ Столѣтовъ; два дня спустя—указъ о возвращеніи двухъ Балковъ съ матерью; 26 марта— извѣстіе изъ Москвы, что за Матреной Балкъ послано, и т. д.

Достойно замѣчанія, что первымъ, по времени, распоряженіемъ новаго правительства относительно Монсовъ былъ словесный указъ ея величества: „изъ пожитковъ бывшаго камергера Монса статую Марсову золотую с каменьи отослать въ кунштъ-камору к господину Блюментросту“. 9-го февраля

Освободили героевъ и героинь трагедіи, но самую хронику, лѣтопись событія, поспѣшили запрятать подъ замки и печати.

Извѣстный уже намъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, выполняя безъ сомнѣнія высочайшую волю, запечаталъ своею печатью четыре пакета. На первомъ изъ нихъ написалъ онъ своеручно: „дѣло Монсово"; на второмъ: „письма, подлежащія къ дѣлу Монсову"; наконецъ въ четвертый кувертъ спряталъ онъ письмо, подброшенное къ Ширяеву въ ноябрѣ 1724 года. Къ сожалѣнію, столь важный документъ не сохранился. Быть можетъ какая-нибудь „высокая

1725 г. (Ук. ея велич. изъ канцел. Вышн. суда). Объ этой статуѣ см. выше, стр. 125. Вообще судьба домовъ и движимаго имущества казненнаго Монса довольно любопытна: свѣдѣнія о ней сохранились въ обширномъ подлинномъ дѣлѣ, часть котораго въ Петербургскомъ, другая—въ Московскомъ архивахъ.

Передача всѣхъ характеристическихъ подробностей изъ этого обширнаго дѣла „объ отписныхъ пожиткахъ и имуществѣ Монса" завлекла бы насъ слишкомъ далеко. Намѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько фактовъ. Все имущество было отписано въ ноябрѣ 1724 г. на государя; ввѣрено, подъ наблюденіемъ Вышняго суда, ближайшему вѣдѣнію и наблюденію гвардіи офицеру капитану Александру Лукину; Лукинымъ, въ декабрѣ 1724 г., составлены обширныя описи всего добра и росписи людямъ и лошадямъ Монса. Описи представлены имъ Вышнему суду. Вещи хранились сначала въ домѣ Монса на Мьѣ рѣкѣ, въ мазанкѣ кладовой, сквозь крышу которой текла вода, поэтому перенесли на Шафировъ дворъ, гдѣ было также заперто въ кладовыхъ отписное на государя имущество бывшаго вице-канцлера. 7-го декабря 1724 г. проданы лошади, 11-го декабря вытребовали изъ его имущества перебранное Монсомъ, какъ оказалось, вдвойнѣ третное жалованье изъ Преображенскаго полка (полагалось поручику 47 руб. 33 коп. въ треть, да на деньщика 2 руб. въ треть-же; Монсъ взялъ 98 руб. 18 к.).—11-го декабря государь приказалъ въ домѣ Монса отвести квартиру инженеръ-поручику Люберасу; въ томъже мѣсяцѣ сдѣланъ разсчетъ плотниковъ, рубившихъ хоромы Монсу; еще 8-го ноября, т. е. за шесть дней до казни, Виллимъ Ивановичъ дѣлалъ распоряженія о продолженіи постройки новаго своего дома на Адмиралтейской сторонѣ рѣки Мьи (Мойки). Въ дѣлѣ интересны цѣны того времени строительныхъ работъ: постройка дома на каменномъ фундаментѣ, крытъ гонтомъ, одноэтажный съ жилымъ чердакомъ (мезонинъ?), въ пять свѣтлицъ—стоилъ плотничною работою 240 руб. и ведро вина (Монсъ уплатилъ 200 руб. и 2 р. на вино). 918 изразцовъ для печей стоили 51 руб. 12-го декабря 1724 года генералъ-фельдмаршалъ князь Рѣпнинъ обратился съ приниженнымъ прошеніемъ къ государю Петру о подаркѣ ему приморскаго мѣста, т. е. дачи съ землею, изъ отписнаго имущества Монса. Просьба была уважена 30-го декабря 1724 года. Еще 2-го декабря охотничьи собаки, нѣкоторыя лошади съ сѣдлами и со всѣмъ конюшеннымъ приборомъ и три канарейки казненнаго камергера Монса императоръ Петръ взялъ себѣ, да три мѣдныя клѣтки. Оказалось, что за канарейки, удостоившіяся высочайшаго вниманія, Монсъ не заплатилъ денегъ, двѣнадцати рублей, иноземцу Кехелю. Кромѣ дома на

персона“ въ XVIII вѣкѣ перебирала для собственнаго любопытства секретнѣйшія дѣла своихъ предшественниковъ и предшественницъ и нашла нужнымъ уничтожить эту бумагу; или же самъ оберегатель высокомонаршей чести — князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, повелѣть соизволилъ сжечь документъ, такъ какъ онъ, быть можетъ, бросалъ тѣнь на монархиню [1]).

Мойкѣ, Монсу принадлежалъ еще домъ Алексѣевскій (послѣ царевича Алексѣя?), да Приморской дворъ (въ Екатерингофѣ?), да еще былъ дворъ на Петровскомъ острову—„и въ обоихъ мѣстахъ имѣется,—писалъ 14-го дек. 1724 г. Лукинъ,—„дворовое хоромное строеніе и приготовленный къ строенію лѣсъ, а на оныхъ дворѣхъ караулу не имѣется“. Приставили караулъ, затѣмъ Рѣпнинъ получилъ свою подачку, приморское мѣсто.

Прислуга Монса—всего девятнадцать человѣкъ,—по резолюціямъ, положеннымъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, была, главнымъ образомъ, отправлена въ военную коллегію для распредѣленія солдатами по полкамъ (10 чел.); нѣкоторые же изъ служителей возвращены тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ были даны либо въ ссуду, либо и въ презентъ казненному камергеру; Иванъ Кузьминъ, дворецкій Монса, служившій при немъ съ 1707-го года и вѣдавшій весь его гардеробъ и хозяйство, возвращенъ, какъ сынъ московскаго торговаго человѣка, въ магистратъ; карла и два калмыка (безъ нихъ не обошелся „дворикъ“ Монса по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ формироваться—съ 1719-го года), сданы въ собственность императрицы Екатерины, такъ какъ ея величество пожаловала, въ 1721 и 1723 гг., покойнаго своего камергера этими самыми „кубанцами“, т. е. съ Кубани „калмыками“. Вообще изъ росписи „людей“ Монса видно, что нѣсколько изъ нихъ были пожалованы ему по указу государыни.

Въ концѣ декабря 1724 г. были призваны свѣдущіе люди для оцѣнки имущества Монса, то были фискалы, отъ генералъ-фискала присланные, да купецкіе люди изъ главнаго магистрата; къ 12 января 1725 г. оцѣнка была окончена, оставалось приступить къ распродажѣ вещей и запасовъ, въ числѣ которыхъ, курьеза ради, замѣтимъ, что еще 8 января 1725 г. оставались запасы мяса, колбасъ и проч. живности (это съ 8-го то ноября!). Запасы эти велѣно, 8 января, отдать въ гошпиталь. Къ 18 январю нѣкоторыя вещи были проданы. Но вотъ 28 января Петръ умираетъ и разматывавшійся клубокъ вновь наматывается! 9 февраля 1725 г. императрица Екатерина указываетъ взять на нее Монсовы дворы, золотую статую (см. выше) отправить въ кунсткамеру и дальнѣйшую продажу его вещей воспретить,—всѣ онѣ поступаютъ изъ вѣдѣнія А. И. Ушакова къ интенданту Мошкову, нѣчто въ родѣ министра двора того времени; ему же передаютъ, по указу императрицы, серебряную посуду Монса. Въ сентябрѣ 1725 г. Столѣтовъ выпросилъ то изъ своего добра, что оставалось не проданнымъ, не расхищеннымъ и не истлѣвшимъ въ мазанкахъ-кладовыхъ; только въ маѣ 1726 г. онъ добился возврата своего „кабинета“ и проч., т. е. бумагъ.

[1]) Запечатаніе документовъ дѣла Монсова произведено было Черкасовымъ въ царствованіе Петра II, 20 іюня 1727 года.

Запрятали бумаги; долго и долго довелось имъ лежать подъ спудомъ; но не зарыли Балки своихъ талантовъ въ землю.

Семейство это, какъ мы видѣли, всосало въ плоть и кровь умѣнье происками, интригами, заискиваніями достигать цѣлей своего тщеславія и честолюбія. Балки, достойные питомцы своей матери и дяди, не упали: нѣтъ, они продолжали скользить среди отмелей и камней придворной жизни. Искушонные опытомъ, они были чрезвычайно осторожны. И вотъ генеральскіе чины, званія камергеровъ, разные важнѣйшіе ордена: Александра Невскаго и друг. все это своимъ чередомъ пришло каждому изъ любезныхъ, ловкихъ, красивыхъ, вкрадчивыхъ сыновей Матрены Ивановны. О заслугахъ ихъ, какъ о подвигахъ истыхъ придворныхъ куртизановъ, не надо судить по наградамъ; заслуги Балковъ были довольно своеобразны. Такъ, извѣстно, что одинъ изъ нихъ, и именно Петръ Ѳедоровичъ [1]), вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Куракинымъ шутками своими имѣлъ способность развеселять императрицу Анну Ивановну, льстить Бирону, и хотя ни къ какимъ уже дѣламъ допускаемъ не былъ, но получалъ за свои способности чины и скончался 4 октября 1743 года въ чинѣ генералъ-поручика, кавалера св. Александра Невскаго и дѣйствительнаго камергера [2]). Младшій братъ Балка, Яковъ Ѳедоровичъ (послѣ крещенія въ православную вѣру сталъ именоваться Петромъ), умеръ въ 1762 году также въ чинѣ генералъ-поручика и кавалера св. Александра Невскаго [3]). Дочери старшаго Балка сдѣлали прекрасныя партіи: Наталья († 1791 г.) была замужемъ за кн. П. М. Щербатовымъ, Марія († 1793 г.) вышла за оберъ-егермейстера Сем. Кирил. Нарышкина, а средняя, Матрена († 1813 г.), вышла за Сергѣя Салтыкова, извѣстнаго дружбою своею съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной въ 1753 г.

Что до сестры Балковъ, дочери Матрены Ивановны—Натальи Ѳедоровны Лопухиной, то трагическая судьба ея извѣстна: знаме-

---

[1]) Это имя Балкъ носилъ, замѣчаетъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій (Русск. Родосл. книга, т. I, стр. 127), до крещенія въ православную вѣру, а потомъ сталъ именоваться Павелъ; род. 1690 г., † 1743 г. Женатъ: 1) Марія Ѳедоровна Полева, отъ чего и пошла фамилія Балкъ-Полевы; 2) княжна Анна Дм. Порѣцкая.

[2]) Описаніе Алекс.-невск. лавры, соч. Павлова. Сбп., 1842 г., стр. 91.

[3]) Въ „Russische Günstlinge“ и запискахъ Екатерины II называютъ его Павломъ, но въ указѣ 8 марта 1725 года о возвращеніи Балка младшаго изъ ссылки онъ названъ Яковомъ.

нитая, въ свое время, красавица, она, по волѣ уже дочери Петра—Елисаветы, бита кнутомъ и ей урѣзанъ на эшафотѣ языкъ 31-го августа 1743 г.[1]): Матрена Ивановна не дожила до катастрофы, постигшей Наталью Ѳедоровну въ 1743 году. Дѣти Лопухиной видѣли возвращеніе матери изъ Сибири и при императрицѣ Екатеринѣ II сами выдвинулись на служебномъ поприщѣ: такъ, второй сынъ Лопухиной былъ генералъ-поручикомъ, третій—дѣйствительнымъ камергеромъ и проч.

Затѣмъ упомянемъ также и о томъ, что фамилія Монса встрѣчается еще разъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Такъ, въ царствованіе Анны Ивановны, на скамьяхъ „рыцарской академіи" (нынѣшній первый кадетскій корпусъ), среди сыновей аристократіи и дѣтей разныхъ иноземцевъ, мы встрѣчаемъ Бернгарда Монса. Поступилъ онъ въ корпусъ въ 1735 году, выпущенъ въ 1741 г. въ армію прапорщикомъ. Какъ доводился новый прапорщикъ знаменитому камергеру: былъ ли онъ племянникомъ его или находился въ болѣе отдаленной связи родственной, намъ неизвѣстно [2]); неизвѣстна также и судьба этого, едва ли не послѣдняго изъ Монсовъ,

[1]) Нашъ очеркъ въ „Русск. Вѣстн." 1860, кн. XVII.—„Русск. Рѣчь" 1861, статья: „Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ". Въ высшей степени интересенъ слѣдующій фактъ, относящійся до Натальи Лопухиной (рожденной Балкъ); сосланная въ 1743 году въ Селенгинскъ, она въ нетерпѣливомъ ожиданіи возврата на родину измѣнила лютеранской вѣрѣ и приняла православіе. Подобное обращеніе, нѣтъ сомнѣнія, совершено было въ надеждѣ привлечь къ себѣ милость государыни, но оно только привлекло вниманіе читателей „Петербургскихъ вѣдомостей", такъ какъ въ нихъ оповѣстили объ этомъ событіи: „1758 годъ. № 24, вторникъ, 24 марта. Извѣстіе изъ синода объ обратившихся въ грекороссійскую вѣру: таковыхъ за 1751, 52, 55 и 57 года было: изъ сибирскихъ инородцевъ 2720 человѣкъ, да въ томъ же 1757 году, 21 іюля, обратилась въ православіе содержащаяся въ Селенгинскѣ Степана Лопухина жена Наталья Ѳедорова".—Указаніемъ на это извѣстіе мы обязаны князю Н. Н Туркестанову. При „Русской Старинѣ" изд. 1874 г., томъ XI, помѣщенъ портретъ Натальи Лопухиной; тамъ-же разсказано все подлинное о ней дѣло, т. XI, стр. 1 и 191.

[2]) Бернгардъ Монсъ получилъ при выпускѣ слѣдующій интересный атестатъ: „геометрію и практику скончалъ, регулярную фортификацію началъ, рисуетъ тушью, по россійски говоритъ хорошо и переводитъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, скопонируетъ легкаго французскаго автора, универсальную исторію до новѣйшихъ временъ обучилъ, всѣ генеральныя карты Гибнерова малаго атласа прошолъ, сочиняетъ нѣмецкія письма безъ диспозиціи хорошо, фехтуетъ въ контру, верховой ѣздѣ и танцовать обучался". См. Имянн. списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сух. шлях. кад. корп. штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ. Спб. 1761 г., стр. 130.

имя котораго встрѣчается въ числѣ именъ разныхъ знатныхъ и старинныхъ дворянскихъ фамилій. Рыцарская академія, какъ извѣстно, съ самаго начала была чисто шляхетскимъ заведеніемъ.

Оставляя главнѣйшихъ членовъ фамиліи Балкши и Монса и ихъ потомство, скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ двухъ невольныхъ виновниковъ монсовой и собственной погибели. Судьбы Балакирева и Столѣтова въ послѣдующія царствованія совершенно различны: на долю перваго выпалъ вѣчный смѣхъ и шутовство во дворцѣ, на долю второго—долгое скитанье по тюрьмамъ и позорная смерть на плахѣ.

Причины этого явленія лежали не только въ обществѣ, въ которомъ они жили, но и въ ихъ собственныхъ характерахъ: Балакиревъ былъ шутъ по профессіи, по страсти; если онъ „принялъ на себя шутовство“ еще при Петрѣ и этою особенностью своего дарованія успѣлъ проложить себѣ дорогу во дворецъ, то въ послѣдующее время, при Биронѣ, онъ тѣмъ скорѣй нашолъ возможнымъ обратиться къ прежней профессіи: она его кормила, одѣвала, вообще съ избыткомъ обезпечивала его содержаніе. Въ это время дѣйствительно житье было разнымъ шутамъ, шутихамъ, дуракамъ и дурамъ, карламъ и карлицамъ. Ими полнились темненькіе и низенькіе покои прежняго „зимняго дома“. Скоморошническій орденъ имѣлъ своими членами представителей разныхъ старинныхъ княжескихъ фамилій. Такъ, среди ихъ разгуливалъ въ полосатомъ кафтанѣ и дурацкомъ колпакѣ князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, пятидесяти-двухлѣтній пажъ; тутъ же нещадно дрался и самъ битъ бывалъ безпрестанно злѣйшій плутъ графъ Апраксинъ; въ компаніи съ ними скоморошничалъ князь Волхонскій... Другіе аристократы не были шутами по профессіи, но въ угоду сильнымъ міра пускались на разныя штуки: такъ, генералъ-поручикъ П. С. Салтыковъ являлъ при дворѣ особенный талантъ: дѣлалъ изъ пальцевъ разныя фигуры и чрезвычайно искусно вертѣлъ въ одну сторону правою рукою, а въ другую правою ногою. Въ обществѣ столь знатныхъ и столь талантливыхъ особъ могло ли быть „досадительно“ Балакиреву? Правда, частенько доводилось ему таскать за волосы сотоварищей, бить другъ друга по щекамъ, колотить другихъ палками и быть въ свою очередь битымъ по икрамъ, кувыркаться, кататься по полу, драться до крови; но вѣдь все это дѣлалось въ высокомъ присутствіи герцога Бирона и другихъ вельми знатныхъ персонъ

для общей потѣхи; въ этой потѣхѣ, наконецъ, принимали дѣятельное участіе многіе аристократы. Впрочемъ и отказываться-то отъ участія въ потѣхѣ было не совсѣмъ удобно: современникъ свидѣтельствуетъ, что Балакиревъ однажды за подобный отказъ былъ „жестоко битъ батоги“. Шутъ же онъ былъ добрый, остроумный, и шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто рекомендовали [1]).

Въ то время, когда Балакиревъ смѣхомъ заглушалъ слезы, шутками облегчалъ боль отъ княжескихъ пинковъ и затрещинъ, кувырканьями и прыганьемъ разминалъ ноги, избитыя палками, въ это время пріятель его Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ короталъ дни въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи изъ Рогервика въ 1725 году Столѣтовъ проводилъ время на „свободѣ“, потомъ служилъ при дворѣ цесаревны Елисаветы и постоянно вращался въ мірѣ сплетень, интригъ и разныхъ козней придворныхъ чиновъ мелкой стати. Съ этимъ міромъ онъ издавна обыкся. Онъ не обращалъ вниманія на то, что аристократы „гордили“ съ нимъ, вообще относились къ нему, къ каторжнику, весьма презрительно, впрочемъ не за то, что онъ былъ въ каторгѣ (въ то время многимъ была она знакома), но за его низкое происхожденіе. Столѣтовъ не обращалъ вниманія на ихъ презрѣніе, онъ все-таки продолжалъ соваться въ кружки князя Бѣлосельскаго,. князя Куракина, князей Долгоруковыхъ и др.; находилъ себѣ милостивцевъ, старался быть имъ полезнымъ. Человѣкъ не безъ способностей [2]), но тщеславный, самоувѣренный, болтливый, онъ скоро поплатился за то, что вновь отдался интригамъ и сплетнямъ дворцоваго міра. Въ 1731 году, по розыску, за вины Столѣтова сослали въ Нерчинскъ. Вины его разсказаны, по подлинному дѣлу, на страницахъ „Русской Старины“ изд. 1873 года, томъ VIII, стр. 1—27. Онъ пострадалъ вообще за связи и службу кн. Долгорукимъ, за болтовню неосторожную, за сплетни.

Въ отдаленномъ Нерчинскѣ онъ пользовался свободой, былъ

---

[1]) „Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны“,—нашъ очеркъ въ журналѣ: „Общезаним. Вѣстн.“ изд. 1857 г., № 16.

[2]) Такъ, Столѣтовъ, какъ извѣстно уже намъ, интересовался современной литературой,—любилъ книги, читалъ, списывалъ разные стихи и самъ кропалъ ихъ въ подражаніе своему покойному патрону—Монсу. Нѣкоторые, по времени, недурны. См. въ Приложеніи XI, №№ 1 и 2, два стихотворенія, писанныя рукой Столѣтова.

принятъ въ домѣ начальника, могъ заниматься чѣмъ угодно, ходить куда угодно; но бездѣйствіе, а главное жизнь вдали отъ той сферы, среди которой онъ взросъ, скоро его озлобили и вызвали на рядъ опрометчивыхъ поступковъ. Онъ сталъ разсказывать важныя тайны дворцоваго быта, хорошо ему извѣстныя. Говорилъ о царевнѣ и герцогинѣ Мекленбургской Катеринѣ Ивановнѣ и князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и герцогѣ Биронѣ, высказывалъ сочувствіе къ цесаревнѣ Елисаветѣ, заявлялъ надежды на ея восшествіе на престолъ, и къ довершенію же собственнаго несчастія поссорился съ комендантомъ Нерчинска, своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Результатомъ всего этого были: доносъ, судъ и пытки въ Екатеринбургѣ и страшный розыскъ въ Петербургѣ; завязалось толстѣйшее дѣло [1]), продолжавшееся болѣе года. Столѣтовъ, столь же малодушный въ бѣдѣ, сколь самонадѣянный и заносчивый въ счастіи, оговорилъ знакомыхъ, пріятелей, приплелъ къ дѣлу родную сестру и зятя, являвшихъ къ нему во время ссылки чувства глубокой привязанности; клепалъ и на себя, то запирался, то приносилъ повинныя не только въ противныхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ, но даже въ мысляхъ, какія только зарождались въ его головѣ и служили „къ умаленію чести ея императорскаго величества“ Анны Ивановны.

Развязка, по своему времени, была обыкновенная: 12 іюля 1736 года колодникъ Егоръ Столѣтовъ казненъ смертью: отсѣчена голова на с.-петербургскомъ островѣ, на (Сытномъ) рынкѣ. Тѣло его зарыто, по указу ея величества, тамъ же на Петербургской сторонѣ, близъ церкви Спаса Преображенія Господня, въ Колтовской [2]).

Читатели наши, надѣюсь, не упрекнутъ насъ за то, что мы такъ долго удерживали ихъ вниманіе на такихъ личностяхъ, каковы камергеръ Монсъ, его сестра, племянники, секретарь, слуги и проч. Безъ сомнѣнія, достаточно было ясно, что герой настоящаго очерка заинтересовалъ насъ не потому, что самъ по себѣ заслу-

---

[1]) Госуд. Арх. въ С.-Петербургѣ, дѣло о Столѣтовѣ на 367 листахъ; въ немъ довольно много весьма яркихъ подробностей для знакомства съ дворомъ императрицы Анны Ивановны. См. „Русскую Старину“ изд. 1873 г., т. VIII.

[2]) При постройкѣ новой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1861 году найдено нѣсколько скелетовъ въ цѣпяхъ.

живалъ бы вниманіе изслѣдователя старины; нѣтъ, а потому, что разсказъ о немъ и о его семействѣ выдвигаетъ нѣкоторыя новыя стороны въ жизни и характерахъ Петра и Екатерины, а главное— новыя черты для знакомства съ петровскимъ обществомъ.

Такія личности, какъ Виллимъ Монсъ, болѣе или менѣе ничтожныя въ нравственномъ отношеніи, но брошенныя случайностью въ водоворотъ дворцовой жизни, поднятыя счастіемъ и интригами придвинутыя къ императорскому престолу—всегда интересны именно въ томъ отношеніи, что характеристики ихъ даютъ возможность ближе ознакомиться съ обществомъ того времени, заглянуть, такъ сказать, за пышныя декораціи и вообще перенестись въ ту среду, въ которой подвизались того времени полководцы, деньщики, министры, посланники, важныя духовныя лица и т. под. дѣятели, т. е. всѣ тѣ лица, которыя дѣлаютъ исторію того или другого государства. Въ отношеніяхъ своихъ къ фавориту всѣ они, стоящіе, по оффиціальнымъ источникамъ, на какихъ-то ходуляхъ, разоблачаются— и мы видимъ предъ собою не автоматовъ, начиненныхъ громкими фразами панегиристовъ,—нѣтъ, а людей изъ плоти, костей и крови, живыхъ, то-есть съ человѣческими страстями и слабостями.

Наша русская историческая литература, вообще говоря, мало еще представляетъ очерковъ и разсказовъ, преслѣдующихъ одну цѣль: вскрывать завѣсу надъ частнымъ бытомъ нашего общества за ту или другую эпоху и лицомъ къ лицу ставить съ характеристическими его представителями и представительницами. Мы съ недоумѣньемъ и даже съ насмѣшкой смотримъ иногда на изслѣдованіе о какой-нибудь личности, имя которой не попало въ тѣ учебники да обзоры, по которымъ мы узнали родную исторію [1]).

Мы осуждаемъ подчасъ этихъ дерзкихъ, которые осмѣливаются „останавливать просвѣщенное вниманіе достопочтенныхъ читателей и читательницъ“ на какихъ-то фрейлинахъ, статсъ-дамахъ, мелкихъ сторонникахъ какого-нибудь царевича или посвящать мно-

---

[1]) Писано въ 1862 г.; съ тѣхъ поръ въ двадцать два года литература отечественной исторіи обогатилась нѣсколькими замѣчательными монографіями о XVIII-мъ вѣкѣ; основанныя нерѣдко на подлинныхъ архивныхъ матеріалахъ и свидѣтельствахъ современниковъ, онѣ во многомъ освѣтили и время, и нравы, и событія, и дѣятелей, у власти стоявшихъ въ Россіи прошлаго столѣтія. 1884 г.

гія главы на знакомство съ безвѣстнымъ выродкомъ какой-нибудь нѣмецкой слободы.

Но мы забываемъ одно: что наша исторія рано или поздно должна же обхватить общественный и частный бытъ каждой эпохи со всѣми ея характеристическими мелочами, повидимому, но только повидимому, неважными; что при этомъ неминуемо должны же мы будемъ приблизиться къ личностямъ, хотя и не заявившимъ себя государственною дѣятельностью, но за то игравшимъ роль въ обществѣ своего времени; мы забываемъ, что очень часто какой-нибудь, теперь неизвѣстный, камергеръ или забытая фрейлина, или царица, не игравшая роли политической, въ лицѣ своемъ несравненно скорѣе дадутъ намъ возможность ознакомиться съ образованіемъ, съ нравственнымъ развитіемъ, съ тѣмъ кодексомъ правилъ и взглядовъ тогдашнихъ дѣятелей на общественныя приличія, отношенія другъ къ другу, къ низшимъ и къ высшимъ себя и т. под., нежели всѣ „патентованныя" историческія лица. Словомъ, мы не хотимъ вѣрить въ ту истину, что первыя лица зачастую несравненно ярче знакомятъ насъ съ общимъ видомъ той среды, надъ которой подымались только нѣкоторыя исключительныя личности.

Къ такимъ-то вполнѣ характернымъ, для освѣщенія всего современнаго ему общества, хотя, повидимому, и весьма второстепеннымъ лицомъ былъ герой нашего разсказа, очерка, почти исключительно основаннаго на подлинныхъ архивныхъ матеріалахъ. Скажемъ же ему, Виллиму Ивановичу Монсу, наше послѣднее прости.

Трупъ Монса убранъ съ колеса, снята и голова съ позорнаго кола, и мы, невозмущенные страшнымъ зрѣлищемъ, можемъ съ спокойнымъ духомъ сказать слѣдующее:

Монсъ есть одинъ изъ первыхъ по времени нумеровъ въ той длинной фалангѣ фаворитовъ-временщиковъ, которые отъ времени до времени являются въ русской исторіи XVIII вѣка. Для нихъ, за немногими исключеніями, ничего не существовало кромѣ произвола, направленнаго къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, предъ ними все кланялось, все ползало; для нихъ не было законовъ, не было правды, не было отчизны...

Монсъ еще дѣйствовалъ сравнительно съ своими преемниками скромно, робко; онъ не могъ вполнѣ развернуться, не потому, что та, которая дала ему силу и значеніе, связывала бы иногда ему руки, нѣтъ, — а потому, что въ глазахъ его постоянно гуляла по

спинамъ именитыхъ птенцовъ дубина царская, либо брызгалъ кровью кнутъ заплечнаго мастера, сверкала сѣкира палача, да болталось на висѣлицѣ гніющее тѣло какого-нибудь вора-сановника. И все-таки, при этихъ нравственныхъ сдержкахъ, фаворитъ Екатерины Алексѣевны восемь лѣтъ неустанно нарушалъ указы, былъ приточникомъ и прибѣжищемъ всякой неправды, имѣвшей только возможность повергать къ его стопамъ богатые презенты... Кто бы могъ подумать, что все это было возможно при Петрѣ, въ его, такъ сказать, внутреннихъ апартаментахъ, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, подъ сѣнью тѣхъ многочисленныхъ, одинъ суровѣе другого, указовъ, которыми онъ мечталъ создать новую Россію и которые должны были служить руководящими звѣздами его птенцамъ, его сподвижникамъ.

Петра не стало. И вотъ главнѣйшіе птенцы его и ихъ ставленники, сильные тѣмъ, чѣмъ силенъ былъ Монсъ, повели было Петровское общество все дальше и дальше отъ народа русскаго въ „мрачную область антихристову“, — какъ выражались поборники старины, но заключимъ словами величайшаго русскаго поэта А. С. Пушкина [1]):

...... государство
Шатнулось будто подъ грозой.
И усмиренное боярство
Его могучею рукой
Мятежной предалось надеждѣ:
Пусть будетъ вновь, что было прежде,
Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ,
Примѣромъ намъ не будетъ шведъ! —
Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
Стояла грозна средь вельможъ,
Что было,— не возстало снова,
Россія двинулась впередъ,—
Вѣтрила тѣ-жъ, средь тѣхъ-же водъ.

Михаилъ Семевскій.

КОНЕЦЪ.

---

¹) „Русская Старина“, изд. 1884 г., томъ XLIII, августъ; рукописи поэта въ Румянц. музеѣ въ Москвѣ, стр. 325.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо попа Александра 17 іюня 1698 года къ Петру I о стрѣлецкомъ возстаніи [1]).

Къ стр. 2.

Милостивый Государь! ... достоинству вашему писалъ, государь, къ Москвѣ изъ полку своего князя Михаила Григорьевича, о непослушаніи и о зачатіи воровства четырехъ полковъ стрѣлецкихъ, о чемъ уже чрезъ прежнюю почту милости вашей отсюда не безъизвѣстно; нынѣ же государь та ихъ окаянныхъ зачатая воровская злоба ясно ими показана. Писали, государь, тѣхъ четырехъ полковъ всѣ полковники, что они, вышедъ изъ Торопца, пошли къ рѣкѣ Двинѣ, и стали быть всѣмъ полковникамъ во всемъ непослушны, и случась всѣ четыре полка въ одно мѣсто, забунтовали: на указныя мѣста, гдѣ имъ велѣно стоять, до указу не пошли, и полковниковъ отъ себя отбили, и выбрали ко всякому полку по четыре человѣка выборныхъ своихъ стрѣльцовъ, кому ихъ въ томъ воровствѣ управлять. И пошли всѣ къ Москвѣ, и здѣсь, государь, бояре приговорили, видя ихъ всеконечное воровство, послать противъ такихъ плевосѣяльниковъ и враговъ креста Христова твои государевы рати за ихъ бунтъ; и если не покорятся, то мечъ гнѣвомъ твоимъ

---

[1]) Въ одинъ день съ этимъ письмомъ духовника государева отправлено донесеніе князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго. Послѣднее помѣщено въ III т. соч. Устрялова: „Исторія царствованія Петра Великаго“ стр. 474.

Письмо попа Александра, приложеніе къ I главѣ нашего очерка, является впервые въ печати, также какъ и всѣ послѣдующіе документы, служащіе риложеніями къ нашему труду: „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“, каковой трудъ почти исключительно основанъ на матеріалахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ. (1862 г.).

Въ настоящемъ новомъ изданіи этого труда (1884 г.) приложенія къ оному дополнены многими, доселѣ неизданными еще, документами, таковы вся серія документовъ, соединенвыхъ въ приложеніяхъ: №№ II, XII и друг.

да смиритъ ихъ. И Алексѣй Семеновичъ (Шейнъ) съ ратными людьми, которые прилучились при семъ зломъ случаѣ на Москвѣ, и которые поспѣшили по грамотамъ изъ ближнихъ городовъ, да съ ними жъ, государь, съ пѣхотными полки генералъ Петръ Ивановичъ, и пошли съ Москвы іюня «16» дня; а станъ былъ сего, государь, числа въ Тушинѣ, и сего жъ числа пошелъ съ того стана Алексѣй Семеновичъ къ Воскресенскому монастырю; а про нихъ, бунтовщиковъ, слухъ есть, что они сего числа будутъ на Волокъ ламскій отъ Москвы за девяносто верстъ; а Воскресенскій, государь, монастырь на половинѣ, какъ отъ Москвы, такъ и отъ Волока, по 45 верстъ; а котораго, государь, случатся числа, и что въ томъ дѣлѣ учинится, и то время покажетъ; и отъ насъ милости вашей о томъ впредь небезъизвѣстно будетъ, и о всемъ пространнѣе донесено тебѣ, премилостивому моему государю, будетъ чрезъ другія письма. И въ которыхъ приказѣхъ то дѣло обрѣтается со всякою вѣдомостью хотѣли послать выписки до лица милости вашей. Пространно, государь, писать о возвращеніи къ намъ милости вашей за склонною волею твоею не смѣю, понеже приспѣло время для избавленія христіанскаго народа ко устроенію въ лучшую пользу, тебѣ, моему премилостивому государю, нынѣ быть при послахъ, для совершенія зачатаго своего дѣла.

Однако-же, государь, отъ всего своего сердечнаго рвенія, тебѣ, моему государю, по должности моей, доношу, что зѣло, государь, и здѣсь крайняя нужда зоветъ тебя, премилостиваго моего государя: не остави насъ сирыхъ своихъ до конца, дабы намъ не погрязнуть во глубинѣ сіи нашедшія на насъ напасти, и чтобъ воровскіе бунты и всѣ ихъ замыслы разорвать безмедленно, не дождався къ нимъ предводителя, и чтобъ впредь долѣе то ихъ воровство множиться не попустилось.

О корабельномъ, государь, здѣшнемъ поведеніи, о всемъ къ тебѣ, моему государю, писалъ прежь сего числа. Пожалуй, премилостивый государь, прикажи о манжерахъ (мортирахъ) меня по милости своей увѣдомить: мастеровъ ли мнѣ отъ милости вашей, кому ихъ лить, ожидать, или готовые ихъ за моремъ промышлять, и каковымъ быть нашихъ бомбандирахъ и на галерахъ, а объ иномъ корабельномъ дѣлѣ пространнѣе донесетъ тебѣ, государю, господинъ адмиралъ комисаръ.

За симъ желая здравія твоего, премилостиваго моего государя, попъ Александръ, Бога моля, челомъ бьетъ.

Съ Москвы, іюня 17 дня (1698 г.).

II.

Анна фонъ-Кейзерлингъ и Карлъ фонъ-Миллеръ.

Къ главѣ I, стр. 61—62.

Осушивъ довольно скоро слезы по своемъ мужѣ, представителѣ прусскаго короля при русскомъ дворѣ, Георгѣ Іоаннѣ фонъ-Кейзерлингъ († 1711 г.), Анна Ивановна вынуждена была, волею царскою, оставить домъ, нѣкогда подаренный ей Петромъ и нынѣ отобранный на «имя государево» и переданный нѣкоему доктору Шаубу. Перейдя въ домъ полковницы Марчеліуши въ той же ново-нѣмецкой слободѣ, Анна Ивановна продолжала жить безъ матери, одна;—посѣщала семьи слобожанъ-нѣмцевъ, — бывала въ киркѣ и скоро встрѣтилась тамъ, въ 1713 году, съ шведскимъ полоненникомъ капитаномъ Карломъ фонъ-Миллеромъ, жившимъ съ прочими полоненниками на шведскомъ подворьѣ.

Миллеръ поселился на наемной квартирѣ у золотаря напротивъ Анны Ивановны и сталъ посѣщать ее почасту. Возгорѣлась любовь; со стороны Анны Ивановны она настолько была сильна, что вдовушка стала осыпать своего возлюбленнаго дорогими подарками. Между ними были: сердечко алмазное, колечко золотое, крестъ маленькій алмазный, три кольца золотыхъ, зубочистка алмазная, маленькая шпажка алмазная, часы серебрянные, рукомойникъ серебрянный, блюдечко серебрянное, коробочка черепаховая угольчатая, а въ ней: мелкой осыпной жемчугъ и простые алмазцы и запоны золотыя съ алмазцы,— и иныя всякія отъ золота, и отъ камней, и отъ жемчугу вещи.

Карлъ Миллеръ просилъ руку и сердце фонъ-Кейзерлингъ и та, отдавая ему то и другое лѣтомъ 1713 г. «на полюбовномъ сговорѣ», изъявила согласіе сочетаться съ нимъ бракомъ — тогда, когда оправится отъ овладѣвшаго ею недуга. Дѣло въ томъ, что Анна Ивановна въ концѣ 1713 года и въ началѣ 1714 года все болѣе и болѣе

стала недомогать. И болѣзнь та была очень серьезная. По свидѣтельству одной изъ ея прислужницъ, Марьи, барыня недомогала «болѣзнью падучею и опухолью въ ногахъ», видимо водянкою — отъ каковыхъ болѣзней зачастую и подолгу оставалась на постели въ забытьи, безъ чувствъ. Между тѣмъ, смотря на Миллера какъ на своего суженаго-жениха, она продолжала ему дарить разныя вещи и, между прочими, подарила ему свои вырѣзные барельефомъ портреты. Одинъ былъ «серебрянная ея персона, мѣрою противъ россійскаго полтинника», и другой «персону-жъ свою, а она вырѣзана на слоновой бѣлой кости»; да она-жъ подарила Карлу Миллеру «камзолъ лазоревой штофовой, по немъ травки золотыя».

Счастливый полоненникъ—былъ человѣкъ бѣдный, къ тому-жъ, какъ всѣ свейскіе (шведскіе) въ то время полоненники числился въ арестантахъ, состоялъ въ вѣдѣніи Московскаго коменданта и при немъ—Миллерѣ—постоянно были два часовыхъ драгуна. Денегъ у него не было и онъ—какъ впослѣдствіи самъ разсказывалъ, «живучи на помянутомъ золотаго дѣла мастера дворѣ, распродалъ разныхъ чиновъ людямъ, русскимъ и иноземцамъ, тѣ даренныя ему Анною фонъ-Кейзерлингъ вещи — на нѣсколько сотъ или тысячъ рублей; и на тѣ деньги онъ, Миллеръ, покупалъ себѣ платье, и обувь, и пищу, и платилъ долги, и держалъ на всякія свои домовныя потребы,—съ того числа какъ онъ на Аннѣ сговорилъ жениться»....

Не разстался онъ только съ двумя изображеніями ея «персоны, которыя вырѣзаны одна на серебрѣ, а другая на кости», а «штофовой камзолъ лазоревой» самъ износилъ.

Между тѣмъ Анна Ивановна таяла не по днямъ и часамъ—свадьба ея уже отложена по августъ 1714 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя близость и неминуемость кончины, она, по уговору ли жениха или, что вѣрнѣе, по собственному побужденію, дабы оградить права своего возлюбленнаго отъ хищничества и притязаній на ея имущество со стороны старухи-матери и братца Виллима Ивановича, составила и собственноручно переписала, 10 февраля 1714 года, духовное завѣщаніе, которое мы и приводимъ здѣсь въ переводѣ того времени съ копіи, снятой съ нѣмецкаго подлинника:

«Во имя Господне. Я, Анна-Маргарета, вдова фонъ-Кейзерлингъ, рожденіемъ Монсова. Понеже мя Господь Богъ всегда болѣзнеми посѣтилъ и мнѣ всегда смерть око мгновенно представляетъ, сего ради я произволила, въ доброй памяти и совершенной, и своимъ особымъ произволеніемъ, духовную или тестаментъ сей написать. И хощу по моей смерти, даждь Боже мнѣ благой конецъ получить, тако содержану быти: когда Вышній Господь произволитъ мя изъ сего многомя-

тежнаго свѣта преселить, тогда подобаетъ мое злато, серебро, жемчугъ и ювелерныя или алмазныя вещи моему предбудущему сожителю, сирѣчь господину Карлу Ягану фонъ-Миллеру, представляю сему и наслѣдникомъ оному. А что надлежитъ объ моемъ платьѣ, такожде и о полотняномъ платьѣ-жъ, то да возметъ моя любимая мати. Пачеже моего умершаго мужа вещи да возметъ мой любимой, предбудущей сожитель, господинъ Миллеръ. И все, что я ему отдала собственною рукою, то ничего изъ того отъ него да не возмется; а что надлежитъ о деньгахъ, которые у господина Коксуля обрѣтаются, сирѣчь 16 сотъ рублевъ, и тѣми бы я погребена была; а достальныя половину съ матерью моею. А ежели мой любимый предбудущей сожитель прежде умретъ матери моей, то все да будетъ матери моей. И сіе мое послѣднее произволеніе, и, для крѣпчайшаго утвержденія, то я хощу моею рукою подписать и приложить мою печать. «Анна-Маргарета, вдова фонъ-Кейзерлингъ, рожденная фонъ-Монсъ».

„На Москвѣ 1714 года въ 10 день февраля“ [1]).

Переводилъ Матвѣй Витте.

Болѣзнь все усиливалась и усиливалась. Женихъ являлся почасту, попрежнему, къ вдовушкѣ-невѣстѣ, но та лежала безъ чувствъ и сознанія и онъ удалялся въ сосѣднія свѣтлицы, гдѣ и короталъ время въ бесѣдѣ съ своею единоплеменницей—Гертрудой. То была шведская же полоненка, взятая дѣвочкою къ Аннѣ Монсъ, ради сиротства и бѣдности, взросла при ней и оставалась служить въ ключницахъ. И о чемъ шли у Миллера съ Гертрудой разговоры—на ихнемъ языкѣ, про то, бывавшая здѣсь другая служанка Анны Ивановны, Марья, понять не могла.

Въ началѣ іюля 1714 г. старуха мать, Модеста Монсъ, жившая отдѣльно, многіе годы не оставлявшая комнаты, такъ какъ по случаю болѣзни ногъ не могла двинуться, приказала перенести себя въ квартиру умирающей дочери...

15-го августа 1714 года — Анны Ивановны не стало...

Еще тѣло ея не остыло, еще погребеніе не было совершено, а уже завязалось сутяжническое дѣло. И тянулось то дѣло по приказамъ, канцеляріямъ и въ Сенатѣ—полтора года.

---

[1]) Это завѣщаніе, вмѣстѣ съ другими бумагами, здѣсь соединенными (прилож. № II), сохранилось въ Москвѣ въ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлѣ о пожиткахъ Монсъ. Въ другомъ архивѣ, въ Москвѣ же, именно въ Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, г. Александровъ нашелъ другой списокъ этого же завѣщанія, который и помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ изд. 1875 г., стр. 251—253.

Дѣло это въ главнѣйшихъ документахъ, его составляющихъ, предъ нами. Интересъ его несомнѣненъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ немъ выступаютъ не только Модеста Монсъ и сынъ ея Виллимъ Монсъ, но и такія лица, какъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, генералъ Боуръ и страхъ наводившій на все и вся — князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Глава Преображенскаго приказа, этой юдоли плача и всѣхъ ужасовъ истязаній—пытается, изъ угожденія гвардіи лейтенанту Виллиму Монсу, захватить въ свою «собственную» какую-то особенную казенку Карла фонъ-Миллера. И вотъ шведскій полоненникъ, герой любви покойной Анны Ивановны Кейзерлингъ— арестантъ Преображенскаго приказа. Съ помощью однако друзей и при поддержкѣ сильныхъ людей, у власти стоявшихъ, Миллеръ бѣжитъ изъ Преображенскаго приказа...

Но разскажемъ это дѣло. Оно не «государево», т. е. не по первымъ двумъ пунктамъ, «не къ поношенію чести его величества», тѣмъ не менѣе весьма характерно и по отношенію къ лицамъ и времени, а потому и заслуживаетъ того, чтобы быть переданнымъ здѣсь. Разскажемъ словами подлинныхъ документовъ.

1714 г., августа 17-го, по указу великаго государя и по приказу генерала-пленипотенціера кригсъ-коммисара и тайнаго совѣтника князя Якова Федоровича Долгорукова, велѣно дьяку Ивану Молчанову, да фискалу Алексѣю Нестерову, ѣхать въ Нѣмецкую слободу на дворъ умершей иноземки Анны Монцовой и въ домѣ ея всякіе ея пожитки переписать, а до указу запечатать и поставить караулъ.

И потому его величества государеву указу въ домѣ ея, Аннином, по осмотру явилось: два сундука, двѣ скрыни и баула—съ разными вещами, а именно:

Въ скрыняхъ, обитыхъ красною кожею и бѣлымъ желѣзомъ и въ баулѣ, обитомъ нерпью—найдены простыя и золотныя ленты, полотняныхъ и другая разная мелочь и деньги сорокъ рублей и 4 ефимка,—и разныя нѣмецкія письма. Деньги отдали матери Монсовой на издержки для погребенія, а вещи и письма снова сложили въ скрыни и запечатали.

Письма были на нѣмецкомъ языкѣ отъ мужа Анны, посланника Кейзерлинга, отъ 1707, 1709, 1710, 1711 гг. изъ Варшавы, Минска, Вильны, Петербурга, изъ Кенигсберга; также найдена подлинная духовная, данная на имя Кейзерлинга августа 22-го, 1711 г. Письма и духовная отданы подъ росписку Виллима Монса.

Въ одномъ сундукѣ—обитомъ нерпью и бѣлымъ желѣзомъ, была серебряная посуда, всего вѣсомъ 1 пудъ 17 фунтовъ 13 золотниковъ съ полузолотникомъ, зеркало, двѣ небольшія шкатулки, футляръ съ серебряною посудою, фанташи и манжеты.

Въ другомъ сундукѣ—нашли разное бѣлье. Прислужница Авдотья объявила, что это бѣлье принадлежитъ ей, но ей не отдали.

Въ свѣтлицѣ, въ шкафѣ, найдено: серебряная посуда: кружка, стопа, два стакана, 10 ложекъ; хрустальная посуда и виницѣйскіе чашки и блюдцы. Шкафъ и съ посудой отданъ матери Монсовой «для погребенія ея дочери Анны».

Скрыни, сундуки и баулу запечатали и поставили въ чуланъ, къ которому приставили часового.

Всѣ эти вещи были подробно описаны. Во время описи Модеста Ефимова Монсъ объявила, что при смерти своей дочь ей говорила, что всѣ пожитки (переданы будутъ) ей матери, которые у нея хранились въ цѣлости; но что при осмотрѣ ихъ не оказалось на многія тысячи рублей—и эти пожитки изъ дому ея вывезъ шведъ капитанъ Карлъ Ивановъ Миллеръ, который живетъ на наемномъ дворѣ противъ дома Анны Монсъ, — а духовной дочь ея не писала, а можетъ быть есть какая духовная у капитана.

Жившій у Анны Монсъ служитель, иноземецъ, Исакъ объявилъ, что капитанъ Миллеръ многое имущество бралъ.

Дьякъ Иванъ Молчановъ и фискалъ Алексѣй Нестеровъ отправились въ домъ Миллера, не застали его, запечатали все его имущество и приставили караулъ.

19-го августа 1714 г. допрошенъ слуга Миллера, тоже шведъ, который объяснилъ, что у господина его изъ имущества Анны только и есть, что камзолъ штофовой, да кувшинецъ и блюдо, что бороды брѣютъ, «а больше, что есть или нѣтъ, того онъ, слуга Карлъ Ивановъ, не вѣдаетъ».

Миллеръ, допрошенный, показалъ, что служилъ онъ шведскому королю въ солдатскомъ полку капитаномъ; взятъ въ плѣнъ въ 1708 г. въ сраженіи подъ Лѣснымъ и привезенъ къ Москвѣ, гдѣ и находился подъ арестомъ до 1713 г.; въ 1713 г. посланъ былъ съ другими плѣнными подъ арестъ въ Вологду; а въ 1714 г. опять возвращенъ въ Москву, гдѣ и живетъ за «паролемъ шведскихъ генераловъ». По возвращеніи изъ Вологды онъ жилъ въ Нѣмецкой слободѣ противъ двора вдовы прусскаго посланника Кейзерлинга, Анны Ивановны Монцовой — нанималъ квартиру у иноземца серебряныхъ дѣлъ мастера; по возвращеніи же изъ Вологды онъ познакомился съ вдовою Анною по сосѣдству, а потомъ, поговоря они межъ себя полюбовно, что было ей Аннѣ за него замужъ идти, а ему было на ней жениться въ то время, когда-бъ она отъ болѣзни своей выздоровѣла. И съ того времени и по смерти ея, для свиданія съ нею, хаживалъ онъ къ ней въ домъ почасту; а она къ нему въ домъ не хаживала для того, что была

больна. А при сговорѣ былъ у него съ нею договоръ такой: ежели она за него выйдетъ замужъ, то-де во всякихъ ея пожиткахъ наслѣдникомъ будетъ онъ; а ежели она до женитьбы умретъ, то ему изъ тѣхъ ея пожитковъ взять посуду серебряную и низанныя и алмазныя вещи всѣ, что послѣ ея не останется, да послѣ перваго ея мужа платье. И о томъ дала ему, вмѣсто духовной, своею рукою письмо, и то-де письмо нынѣ у него. А достальные свои пожитки, а именно платье и мѣдную, и оловянную посуду, и всякой домовной заводъ въ томъ письмѣ написала матери своей родной, иноземкѣ вдовѣ Матренѣ Монсовой. А изъ того обѣщаннаго отдала она, Анна, ему, Карлу, въ подарокъ: блюдо серебряное, что бороды брѣютъ, да кувшинчикъ умывальной серебряной же, да патретъ слоновой бѣлой кости, на которомъ вырѣзана персона ея Аннина нѣмецкой работы, а та-де персона ничѣмъ не обложена; — отдала ему эти вещи послѣ сговору, а въ какое время былъ сговоръ того не упомнитъ; кромѣ поименованныхъ вещей она ему ничего не дарила и онъ самъ изъ дому не вывозилъ; что обвиненіе матери Монсовой о вывозѣ имъ вещей на многія тысячи несправедливо,—да и вывезти онъ не могъ потому, что мать Анны Монсъ, за пять недѣль до ея смерти, переѣхала къ ней и жила у нея до послѣдней минуты ея жизни.

25 августа 1714 года осматривали все имущество капитана Миллера.

Дьякъ Иванъ Молчановъ, да отъ купечества фискалъ, Степанъ Васильевъ, осматривали пожитки его, а по осмотру явилось:

Въ запечатанномъ подголовкѣ денежной мѣшечекъ, шитъ золотомъ и серебромъ, по зеленому атласу, мѣстами и варворки низаны жемчугомъ, а въ немъ двѣ медаліи серебряныя, въ томъ числѣ одна вызолочена, двои подвязки, однѣ шиты золотомъ, другія тканыя золото съ шелкомъ, ленты съ аршинъ, золото съ серебромъ.

Въ скрынкѣ, обитой черною кожею, блюдо серебряное, что бороды брѣютъ, да умывальной кувшинчикъ серебряной, пара пистолетовъ, чюшки, да чапракъ, краснаго сукна, съ позументомъ серебрянымъ. И вышеписанное все, такъ же и изъ подголовка, мѣшечекъ съ медаліями, и подвязки, и лента, и письма положены въ тое-жъ скрынку, да въ тое-жъ скрынку положенъ багинетъ въ ножнахъ, черенокъ слоновой.

А въ баулѣ, обитой нерпью, по осмотру явилось бѣлье, а именно: рубашки съ порты, платки, галстуки, чулки, и та баула съ тѣмъ бѣльемъ отдана ему, капитану Карлу Мюллеру.

Да у него-жъ въ свѣтлицѣ платья: кафтанъ штофовой красной; камзолъ штофовой красной; камзолъ штофовой лазоревой, штофъ золото съ серебромъ: кафтанъ суконной свѣтлосѣрой, обложенъ позументомъ, золото съ серебромъ, обшлаги красные бархатные, пугвицы обшивныя, золото съ серебромъ; камзолъ того-жъ сукна, пуговицы такія-жъ: кафтанъ суконной свѣтлоголубой, обложенъ позументомъ серебрянымъ, пугвицы обшиты серебромъ; камзолъ тогожъ

сукна, съ позументомъ серебрянымъ, пугвицы такія-жъ; трои штаны: одни красные штофовые, другіе суконные свѣтлосѣрые, третьи суконные-жъ свѣтлоголубые.

При этомъ осмотрѣ Миллеръ объявилъ, что вещи, поименованныя въ духовномъ завѣщаніи Анны Монсъ, она собрала въ два сундука и запечатала своею печатью и поставила для вѣрности къ лютеранскому пастору Руловсу — за шесть недѣль до своей смерти—и послѣ ея смерти вскорѣ тѣ сундуки у пастора взяла мать ея, Маргарита Монсъ.

На это показаніе мать Анны Монсъ объяснила, что пасторъ за два дни до смерти Анны спрашивалъ ее, Анну, кому отдать сундуки въ случаѣ ея смерти и Анна велѣла отдать ихъ матери своей, вслѣдствіе сего она въ день смерти дочери своей сундуки взяла у пастора, распечатала и хотѣла было разобрать вещи, но не успѣла, потому, что вскорѣ, а именно черезъ часъ, наѣхали изъ канцеляріи сената дьякъ Молчановъ и фискалъ Нестеровъ и они уже описали и запечатали эти сундуки—«изъ которыхъ она ничего не вынимала и что въ тѣхъ сундукахъ чего порознь, того она не вѣдаетъ».

25 августа, Миллеръ представилъ въ сенатъ копію съ духовной Анны Монсъ.

30 августа мать Монсовъ подала прошеніе въ сенатъ. Въ немъ она объяснила: дочь ея въ 1714 г. «болѣзновала въ домѣ своемъ многіе мѣсяцы, а она, Модеста, не могла навѣстить ее» за ножною болѣзнію своей. Въ это время посѣщалъ дочь ея шведскій плѣнный капитанъ Миллеръ, безъ ея «Модесты вѣдома», и въ той ея (Анны) несносной и безъязычной болѣзни, знатно по стачкѣ шведскаго полону дѣвицы Гертруды, которая принята была въ домъ къ дочери моей за сиротство для прокормленія и работы, имѣла та дѣвка отъ всякаго скарбу и всего дому ключи. И оной капитанъ, по стачкѣ съ дѣвкою Гертрудою, пріѣзжалъ къ дочери ея, бралъ, по передачѣ дѣвкою, многіе пожитки Анны Монсъ и брата ея лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка генеральсъ-адъютанта Виллима Монца, который обрѣтается безотлучно при его царскомъ величествѣ. Модеста Монсъ утверждала, что про сговоръ не знаетъ никто, «ни свойственники ихъ, ни отецъ духовный, ни хлѣбосольцы знатныя персоны». Наконецъ Матрена указывала на то обстоятельство, что, по новоуказнымъ статьямъ, всякія крѣпости и духовныя русскимъ людемъ иноземцамъ запрещено своеручно писать, кромѣ приказа крѣпостныхъ дѣлъ—а дочь ея Анна родилась въ Москвѣ, и вѣдала всѣ завѣщательные указы—и потому явно духовная (представленная Миллеромъ) «составная».

Наконецъ, въ своемъ прошеніи Модеста Монсъ просила допросить

Миллера и дѣвку Гертруду, а если будутъ запираться—то розыскивать, т. е. пытать. Пожитки дочери ея она просила распечатать и выдать ей и сыну ея, Виллиму Монсу.

При прошеніи приложена была слѣдующая роспись вещамъ, которыми завладѣлъ Миллеръ:

Роспись вещамъ алмазнымъ, которыя были у дочери моей въ черепаховомъ ларцѣ.

Большой нагрудникъ золотой съ алмазы, цѣна пятьсотъ рублевъ.

Да мужа ея, Кейзерълинка, золотая персона съ алмазы, цѣна семьсотъ рублевъ.

Золотое сердце съ алмазы, цѣна триста рублевъ.

Золотыя серги съ алмазы, цѣна четыреста рублевъ.

Золотыя-жъ серги съ алмазы, цѣна двѣсти рублевъ.

Крестъ золотой съ алмазы, цѣна двѣсти рублевъ.

Крестъ золотой съ алмазы, цѣна сто рублевъ.

Перстень золотой съ алмазы, цѣна сто рублевъ.

Перстень же золотой съ алмазы, цѣна сто рублевъ; да перстень же золотой съ алмазы сто рублевъ; перстень большой золотой съ алмазы, цѣна двѣсти рублевъ.

Трехъ лапчетой золотой перстень съ алмазы, цѣна сто рублевъ.

Перстень золотой съ алмазы, цѣна семьдесятъ рублевъ.

Одинъ рядъ кругомъ шеи большого жемчугу нитка, цѣна 200 руб.

Десять рядовъ кругъ запястей нитокъ жемчугу, цѣна 200 руб.

Подпоясныя золотыя пряжки съ алмазы, цѣна 100 руб.

Золотые часы съ алмазы, цѣна двѣсти рублевъ.

Золотые-жъ часы, цѣна двѣсти рублевъ.

Персона золотая, осажена разными каменьями, цѣна тысяча рублевъ.

Три запоны золотыя съ алмазы, цѣна сто шестьдесятъ рублевъ.

Зарукавья черныя съ золотыми пряжками съ алмазами, цѣна сто рублевъ.

Красной яхонтовой перстень, цѣна двадцать рублевъ.

Перстень золотой съ однимъ большимъ алмазомъ, цѣна сто рублевъ.

Перстень золотой съ алмазы цвѣточной, цѣна сто рублевъ.

Перстень золотой алмазы сердцемъ, цѣна тридцать рублевъ.

Пять колецъ золотыхъ, цѣна двадцать рублевъ.

Зубочистка золотая съ алмазы, цѣна шестьдесятъ рублевъ.

Малая булавчестая золотая шпага съ алмазы, цѣна шестьдесятъ рублевъ; малой сундучокъ золотой цѣна сто рублевъ; порошковой досконъ (флаконъ?) золотой цѣна семьдесятъ рублевъ; часы карманные серебреные цѣна двадцать рублевъ; большой серебреной рукомойникъ съ крушкой серебреной, да алмазной большой камень охваченъ серебромъ, а цѣны знать не почемъ, понеже то посланникъ вывезъ съ собою и та записка нынѣ запечатана, двѣ булавки золотыя съ алмазы фантажныя, цѣна десять рублевъ.

Помѣта: 5720 руб., противъ Монцовой росписи приписано лишку 80 руб.

Князь Яковъ Ѳед. Долгоруковъ, по прошенію Модесты Монсъ, приказалъ допросить всѣхъ: и мать Монсовъ, и Миллера, и дѣвку—какіе у нихъ пожитки покойной Анны Монсъ.

Модеста Монсъ показала, что у нея пожитковъ дочери никакихъ нѣтъ—что у пастора Руслова хранится сундукъ за печатью Анны Монсъ, съ платьемъ покойнаго ея мужа Бранденбургскаго посланника Юрія Кейзерлинга. При предъявленіи же ей духовной Анны Монсъ, представленной Миллеромъ—она подтвердила, что духовная писана рукою ея дочери, и печать приложена ея, Анны, но просила духовной этой не вѣрить, потому, «что она писана не по обычаю, какъ пишутъ духовныя, и безъ вѣдома ея матери и свойственниковъ ихъ».

Миллеру предъявили роспись вещамъ, представленную матерью Анны Монсъ. Онъ объявилъ, что нѣкоторыми вещами, показанными въ росписи, Анна Монсъ его дарила, но не всѣми, а какими порознь не упомнитъ—и тѣ дареныя вещи онъ продавалъ разнымъ людямъ, а кому не знаетъ; а вырученными деньгами питался онъ полтора года и всякія домовныя нужды исправлялъ и долги платилъ; нѣкоторыя вещи еще остались, но онѣ въ закладѣ—а у кого, того сказать не для чего, потому, что хотя бы ему было подарено и больше чѣмъ въ росписи—то въ своемъ добрѣ онъ воленъ.

27-го сентября 1714 г. полученъ былъ въ Москвѣ указъ изъ сената:

«Царское величество указалъ, по именному своего величества указу, пожитки иноземки вдовы Анны Кейзерленковой, которые изъ канцеляріи сената, по челобитью шведскаго капитана Миллера, въ новонѣмецкой слободѣ въ домѣ ея запечатаны, отдать брату ея отъ гвардіи поручику Монсу съ роспискою, а когда и что чего будетъ въ отдачѣ о томъ увѣдомить».

4-го октября 1714 г. все имущество Анны Монсъ пересмотрѣно, описано, оцѣнено и отдано поручику Монсу—исключая блюда и кувшинчика серебрянаго и двухъ медалей—которыя отданы подъ росписку капитана Миллера съ обязательствомъ «никуда не утратить до указу и беречь».

Казалось бы и конецъ дѣлу. Все, что оставалось на лицо отъ даренія покойницею ея жениху, а оставалось, какъ мы видѣли выше, не мало,—одного серебра болѣе пуда,—то передано Виллиму Монсу. Но онъ не удовлетворенъ этимъ: ему желательно вернуть все, что подарено его покойною сестрою, Анною Ивановною, ея суженому.

26 октября 1714 г. гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Виллимъ Монсъ подалъ челобитную въ Преображенскій приказъ, въ которой объяснилъ: въ 1714 г. августа 15 сестра его вдова Анна умерла во время его отсутствія; при ея жизни, въ послѣднее время, прихаживалъ къ ней шведской полоненникъ Миллеръ, и во время болѣзни

сестры его, по согласію съ дѣвкою, которой довѣрены были ключи— съ шведкою Гертрудою, выкралъ многія пожитки сестры его и матери его и его собственныя алмазныя и другія вещи. Мать его, во время смерти сестры, была больна и теперь больна, но о пожиткахъ, выкраденныхъ Миллеромъ, подала челобитье въ сенатъ и Миллеръ при допросѣ въ сенатѣ сперва запирался, а потомъ винился въ нѣкоторыхъ вещахъ, и объявилъ, что продавалъ ихъ для своей нужды, но кому именно не сказалъ. Принимая во вниманіе, что по указу царскому вещи сестры его велѣно отдать ему, Виллиму, «за его службы»—онъ просилъ перенести дѣло изъ Сената въ Преображенскій приказъ, потому что онъ, Виллимъ, по указу вѣдомъ въ этомъ приказѣ.

При этомъ прошеніи Монсъ представилъ реестръ вещамъ.

Роспись алмазнымъ вещамъ, которыя были въ скрынкѣ, черепахами оклеенной.

Лацкенъ алмазной, цѣна 500 руб.
Умершаго г. фонъ Кейзерлинка персона въ алмазахъ, цѣна 700 руб.
Алмазное сердечко, на верху корона алмазная, цѣна 300 руб.
Пара алмазныхъ серегъ большихъ, цѣна 400 руб.
Пара алмазныхъ серегъ меньшихъ, цѣна 200 руб.
Крестъ алмазной, цѣна 200 руб.
Крестъ маленькой алмазной, цѣна 100 руб.
Перстень алмазной, съ семи алмазами, цѣна 100 руб.
Перстень алмазной, въ немъ семь алмазовъ, цѣна 100 руб.
Перстень алмазной, въ немъ семь алмазовъ, цѣна 100 руб.
Перстень алмазной, въ немъ семь алмазовъ, цѣна 200 руб.
Перстень трехъ-угольной алмазной, съ семи алмазами, цѣна 100 руб.
Перстень алмазной, цѣна 70 руб.
Нитка жемчугу большого около шеи, цѣна 200 руб.
Десять нитокъ жемчугу, около рукъ, цѣна 100 руб.
Пряжка алмазная большая поясная, цѣна 100 руб.
Часы въ алмазахъ, цѣна 200 руб.
Часы золотые, цѣна 200 руб.
Образъ съ разными съ дорогими каменьями около охваченъ, цѣна 1000 р.
Три алмазныя запонки, цѣна 160 руб.
Пара черныхъ бархатныхъ алмазныхъ пряжекъ, цѣна 100 руб.
Красной изумрудной перстень, цѣна 20 руб.
Четверо-огранной алмазной перстень, цѣна 100 руб.
Круглой алмазной перстень, цѣна 100 руб.
Перстень съ сердечкомъ алмазнымъ, цѣна 30 руб.
Пять колецъ золотыхъ, цѣна 20 руб.
Зубочистка алмазная, цѣна 60 руб.
Маленькая (булавкою) шпажка алмазная, цѣна 60 руб.

Алмазной перстень съ краснымъ сердцемъ, на верху корона, цѣна 20 р.

Двѣ серебреныя пришпилочныя булавки съ алмазами, цѣна 10 руб.

Большой перстень алмазной золотой, въ серебрѣ охваченъ, а цѣны того камня несвѣдомо, потому что та записка о цѣнѣ того камня не пріискана, а когда пріищетъ о томъ впредь прошеніе будетъ.

Маленькой золотой досканецъ цѣна 100 руб.

Золотой табачной досканъ цѣна 70 руб.

Серебреные часы цѣна 20 руб.

Всего на все на 5740 руб.

Рукомойникъ серебряной и блюдечко серебреное-жъ, что бороду брѣютъ.

Четыре нитки жемчугу, которой надлежитъ сиротѣ нѣкоторой.

На прошеніе Монса состоялась резолюція князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго:

«Въ сенатъ послать указъ: велѣть то дѣло прислать въ Преображенскій приказъ и иноземца Миллера и дѣвку, по сему челобитью, сыскавъ, распросить».

4-го ноября 1714 г. прислана копія со всего дѣла изъ сената.

6-го ноября послали подъячаго Преображенскаго приказа Томилова съ солдатами и понятыми въ Нѣмецкую слободу «взять Миллера» въ домѣ золотаря, гдѣ онъ жилъ.

Томиловъ привелъ Миллера и объявилъ, что онъ взялъ его въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ капитана Функа, куда Миллеръ пришелъ съ полоннымъ шведскимъ поручикомъ Кноррингомъ; когда подъячій взошелъ въ горницу къ Функу—тогда Миллеръ сидѣлъ съ Кноррингомъ и при нихъ караульныхъ солдатъ не было. Миллеръ, догадавшись, что пришли за нимъ, вмѣстѣ съ Кноррингомъ хотѣли уйти,—но Томиловъ захватилъ Миллера въ огородѣ и сказалъ ему, что велѣно его «сыскать» въ Преображенской приказъ. Миллеръ отвѣчалъ, что онъ въ приказъ не пойдетъ, потому что онъ подъ вѣдѣніемъ комендантскимъ; затѣмъ, когда взошли въ хоромы, по призыву Миллера, явились два солдата, о которыхъ Миллеръ объявилъ, что это его караульщики—и съ ними вмѣстѣ пошелъ въ Преображенской приказъ.

Миллера отдали «за караулъ»—караульному капитану Рогульскому.

7-го ноября 1714 г. Миллеру предъявили роспись вещамъ—и допросили. Онъ сказалъ, что онъ ходилъ къ Аннѣ Монсъ во время болѣзни ея потому, что она была его невѣста. Вещей, по стачкѣ съ дѣвкою Гертрудою, никакихъ не бралъ.

Миллеръ не умѣлъ говорить по русски; его допрашивали черезъ полоненника поручика Магнуса Кнорринга—со словъ котораго и записали допросъ. Монсъ въ тотъ же день объявилъ, что дѣвка Гертруда, жившая у матери его, теперь находится въ домѣ генерала Боура.

14-го ноября 1714 г. подъячаго Томилова послали къ Боуру съ требованіемъ высылки дѣвки Гертруды въ Преображенскій приказъ.

Томиловъ возвратился безъ дѣвки и доложилъ кн. Өедору Юрьевичу, что генералъ Боуръ бранилъ его матерно «для чего они воруютъ и взяли капитана Миллера». Томиловъ объяснилъ ему, что это сдѣлано по приказанію кн. Ө. Ю. Ромодановскаго и просилъ выдать дѣвку Гертруду,—но генералъ Боуръ въ отвѣтъ билъ Томилова своими руками и закричалъ, чтобъ его бить до смерти! Томиловъ побѣжалъ со двора. Свидѣтелемъ побоевъ былъ генералъ Польманъ.

Боуръ съ своей стороны обратился въ Петербургъ съ жалобой къ кн. Өедору Юрьевичу на подъячаго.

Генералъ писалъ: «Сіятельнѣйшій князь, премилосердый мой государь. Здравіе вашего сіятельства да сохранитъ вседержаща десница Божія на лѣта многа.

«Велми о томъ имѣю мнѣніе, что, при отъѣздѣ вашего сіятельства отсель въ Питербурхъ, я съ вашимъ сіятельствомъ не видался, въ чемъ прошу, дабы не благоволилъ имѣть на меня своего гнѣву. Покорнѣ вашему сіятельству доношу: Преображенскаго приказу подъячей Томиловъ приходилъ ко мнѣ на дворъ и не обослався, вошелъ ко мнѣ въ палату; много предо мною невѣжствовалъ и хотѣлъ, противъ нѣкотораго челобитья, о которомъ я не знаю и не слыхалъ, взять съ двора моего отъ дворовыхъ Белогловую сильно. И я за тотъ его ко мнѣ безопсылной (безобсыльной) приходъ и за невѣжество вытолкалъ за двери вонъ. И послѣ того онъ ни съ какимъ оправданіемъ ко мнѣ не прихаживалъ. Покорнѣ вашего сіятельства, моего древняго милостиваго благодѣтеля, прошу, дабы впредь домъ мой отъ вышепомянутаго всего ваше сіятельство благоволилъ приказать охранить; а ежели кто изъ людей моихъ какую непотребность кому учинитъ, я имъ въ томъ не потаковщикъ. Впрочемъ пребываю, вашего сіятельства, моего премилосердаго государя, покорный слуга Боуръ».

„16-го ноября 1714 изъ Москвы“.

Послали къ Боуру капитана Преображенскаго Алешкова, но и этотъ вернулся съ донесеніемъ, что генералъ отвѣчалъ, что «оной дѣвки не пришлетъ, для того что онъ, генералъ, и люди его судомъ и расправою въ Преображенскомъ приказѣ не вѣдомы».

15 ноября комендантъ жаловался о захватѣ Миллера въ Преображенскій приказъ—сенату.

«Доношеніе высокоправительствующему сенату.

«По указу в. г. свейскіе арестанты, которые обрѣтаются въ Москвѣ, вѣдомы въ московскомъ гварнизонѣ.

«А ноября въ... д. въ канцеляріи московскаго гварнизона явились гварнизоннаго драгунскаго шквадрона драгуны два человѣка, которые были на караулѣ у свейскаго арестанта капитана Миллера, и оные драгуны доносили, что-де того арестанта изъ за караулу, присланные изъ Преображенскаго приказу, взяли у нихъ сильно многолюдствомъ и отвезли въ тотъ приказъ; а для какого дѣла не вѣдомо; а ихъ, караульныхъ драгунъ, отъ того арестанта отослали; и ежели оный арестантъ, по взятіи въ тотъ приказъ, явится на свободѣ или въ какой причинѣ, дабы чего не причлось къ гварнизону.

«Правительствующій сенатъ что повелитъ. Комендантъ Измайловъ».

„1714 г., ноябрь 15".

Миллеръ съ своей стороны также подалъ жалобу царю Петру, и сверхъ того подалъ записку кн. Өедору Юрьевичу.

Въ прошеніи, поданномъ на высочайшее имя, Миллеръ жаловался что—по домогательству сопротивниковъ—отвели его, яко вора, въ Преображенскій приказъ, что это насильство противно обѣщанной полонянникамъ оборонѣ; что уложенное судебное раззнаніе переступлено, и просилъ освободить его изъ-подъ ареста въ Преображенскомъ, судить по дѣлу съ Монсомъ въ сенатѣ, гдѣ онъ уже отвѣчалъ и готовъ отвѣчать, наконецъ поступать съ нимъ такъ, какъ поступаютъ съ русскими плѣнными въ Швеціи.

24-го ноября 1714 г. дежурный капитанъ Яковъ Стечкинъ донесъ, что Миллера изъ-подъ караулу увезли неизвѣстные люди на лошади, въ саняхъ.

Допросили караульнаго солдата Моисея Бороздина; онъ показалъ: «на караулѣ у колодниковъ у пяти человѣкъ, въ Преображенскомъ приказѣ въ особой свѣтлицѣ, поставлено: сержантъ Осипъ Евсевьевъ, съ нимъ солдатъ шесть человѣкъ, въ томъ числѣ онъ, Моисей; и былъ у нихъ за карауломъ иноземецъ Миллеръ. И сего числа, въ обѣденной благовѣстъ, тотъ иноземецъ изъ свѣтлицы вышелъ въ приказъ; а онъ, Моисей, пошелъ за нимъ. И тотъ иноземецъ пошелъ къ мосту, что чрезъ рѣку Яузу, и онъ-де, Моисей, того иноземца сталъ останавливать, и тотъ иноземецъ чинился силенъ и бросился на сани, которые стояли близъ мосту, впряжены были двѣ лошади вороныя, съ крышкою. За другими санми на лошади-жъ рыжей извощикъ, да верхомъ одинъ человѣкъ на гнѣдой лошади; а въ саняхъ, которые съ крышкою, сидѣли два человѣка, да съ извощикомъ на саняхъ одинъ человѣкъ; знатно тѣ люди иноземцы, потому съ нимъ иноземцомъ говорили по нѣмецки. И какъ онъ (Миллеръ) на сани бросился; онъ, Моисей, сталъ кричать, и ухватилъ того иноземца

поперегъ, и тотъ шведъ вырвался у него Моисея изъ рукъ; а другой, которой былъ въ зеленомъ кафтанѣ, вынялъ на него Моисея шпагу, хотѣлъ колоть и ускакали по Язѣ, позать покровскаго мосту. И какъ поскакали, съ того иноземца, которой былъ въ зеленомъ кафтанѣ, и съ тѣхъ пріѣзжихъ спала шапка. А другой иноземецъ собою высокъ, въ бѣломъ кафтанѣ, въ парикѣ, называли его поручикомъ Кноринкомъ. И по приказу караульнаго капитана съ солдатами бѣгали они въ погоню въ нѣмецкую слободу. И какъ они бѣжали нѣмецкою слободою и вышеписанныхъ иноземцовъ, которые пріѣзжали и увезли того иноземца, да извощика усмотрили на дворѣ генерала Боура, ходили по двору. А съ вышеписаннымъ колодникомъ иноземцомъ изъ приказу вышелъ онъ, Моисей, безъ вѣдома капитанского и сержанского, потому что тотъ иноземецъ съ ево братьею съ солдаты-жъ и съ нимъ, Моисеемъ, прежъ караулу Якова Стечькина изъ приказу къ рѣкѣ Яузѣ ходилъ; приказалъ ему Моисею къ мосту съ нимъ выттить для гулянья, караульной капитанъ Михайло Сметковъ; а другимъ ево братьи отъ него капитана такой приказъ былъ ли, того не знаетъ. И вышеписанныхъ иноземцовъ и извощика, которые подъѣзжали, онъ, Моисей, въ лицо знаетъ, потому что они въ приказъ къ тому шведу прихаживали не въ одну пору и съ нимъ шведомъ сиживали. А того шведа онъ, Моисей, собою и за взятку не отпускивалъ».

Князь Ромодановскій былъ въ это время въ Петербургѣ; ему донесли о поступкахъ Боура. Князь написалъ дьякамъ Преображенскаго приказа Нестерову и Былинскому: «къ Боуру съѣздить, для чего онъ противится государеву указу, винныхъ не отдаетъ и подъячаго присланнаго бьетъ».

1-го декабря 1714 г. изъ Преображенскаго приказа послали указъ московскому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову о присылкѣ Миллера и Кнорринга для розыску. Губернаторъ рѣшилъ такъ: «о томъ шведѣ утяглицѣ (т. е. бѣглецѣ) справиться, буде или его съ другими полонянниками написано велѣть его сыскивать, а какъ сысканъ будетъ, велѣть его отослать въ Преображенскій приказъ».

4-го декабря повторили указъ Салтыкову. На бумагѣ онъ положилъ резолюцію: «послать вѣденіе въ гарнизонъ, велѣть иноземцовъ шведскихъ полонянниковъ Миллера и поручика Кнорринга сыскать тотчасъ; а какъ сысканы будутъ и ихъ отослать съ указомъ въ Преображенскій приказъ».

Бумагу эту отнесъ къ коменданту Измайлову подъячій Преображенскаго приказа. Комендантъ, прочитавъ бумагу, объявилъ подъячему, что тѣхъ шведовъ, безъ вѣдома тайнаго совѣтника генерала-пленипотенціера кригсъ-комисара князя Якова Өедоровича Долгорукова,

въ Преображенскій приказъ онъ не пошлетъ, а доложитъ о томъ князю для того, что, по имянному в. г. указу, тѣхъ шведовъ вѣдаетъ онъ, князь Яковъ Өедоровичъ; а о присылкѣ тѣхъ шведовъ въ Преображенскій приказъ имяннаго в. г. указу въ присланномъ указѣ не написано.

Въ тотъ же день комендантъ объявилъ подъячему, что князь Яковъ Өедоровичъ не велѣлъ отсылать тѣхъ шведовъ въ Преображенскій приказъ, говоря: какъ де плѣнныхъ шведовъ къ розыску отсылать!

Дьякъ Преображенскаго приказа Нестеровъ, согласно полученному приказанію кн. Ромодановскаго, 7-го декабря 1714 г. отправился съ объясненіемъ къ генералу Боуру; но требованіе дѣвки Гертруды осталось безъ успѣха. Боуръ отвѣчалъ, что дѣвки не пришлетъ, потому, что-де не «государево дѣло»; а подъячаго Томилова изъ передней палаты вытолкнуть онъ, Боуръ, велѣлъ для того, что онъ, Томиловъ, передъ нимъ невѣжничалъ.

Между тѣмъ кн. Өедоръ Юрьевичъ заботился по дѣлу Монса: 6 декабря 1714 г. писалъ онъ къ дьяку Нестерову, чтобъ о дѣвкѣ писать въ иноземскій приказъ.

9-го декабря посланъ указъ къ кн. Якову Өедорову Долгорукову о высылкѣ дѣвки; но князь 8-го декабря выѣхалъ въ Петербургъ, а генералъ-аудиторъ Иванъ Кикинъ объявилъ, что онъ, безъ приказа князя, исполнить требованіе не можетъ, а напишетъ немедленно князю.

Отъ кн. Ө. Ю. Ромодановскаго опять письмо къ дьякамъ:

— «Къ Боуру съѣзди Василій (Нестеровъ) самъ и скажи ему: для чего онъ подъячаго билъ, хотя бы какое было и невѣжество подъяческое, ему было бить челомъ, а самому было не управливаться, и хотя бъ подъячій въ невѣжествѣ и виноватъ, для чего онъ противенъ... а что станетъ говорить, отпиши ко мнѣ».

Поѣхалъ Василій Нестеровъ и передалъ Боуру о содержаніи письма Ромодановскаго. Боуръ отвѣчалъ: «служительницы дѣвки, жившей у Монсовъ, а теперь живущей у него, въ Преображенскій приказъ не отдастъ, потому что онъ въ Преображенскомъ приказѣ не судимъ, да и для того, что до той дѣвки дѣло не государево. А шведской капитанъ Миллеръ къ нему, Боуру, на дворъ пріѣхалъ на извощикѣ и сказалъ ему, что онъ изъ Преображенскаго приказа уѣхалъ. И онъ, Боуръ, въ тотъ же день, отправилъ его къ кн. Якову Өедоровичу Долгорукову. А князь безъ своего вѣдома и безъ имяннаго его царскаго величества указу Миллера не велѣлъ отдавать никому; а о побояхъ подъячему онъ кн. Өедору Юрьевичу писалъ, а когда кн. Өедоръ Юрьевичъ пріѣдетъ въ Москву, онъ съ нимъ увидится».

Боуръ отстоялъ дѣвку Гертруду и Миллера — и кн. Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій на время притихъ.

Февраля 4-го 1715 г. снова отъ грознаго князь-кесаря письмо съ дьякомъ: «которая дѣвка въ Монцовѣ дѣлѣ у Боура пошлите къ женѣ, чтобы отдали».

Послали подъячаго Бурмина.

Боуръ отвѣчалъ: «Виллимъ Монцъ бьетъ челомъ государю неправдою, и та дѣвка не злодѣйка. И безъ указу царскаго вел. и безъ письма ко мнѣ кн. Ѳедора Юрьевича дѣвки въ Преображенскій приказъ не отдамъ».

21-го февраля 1715 г. дьяки получили опять письмо отъ кн. Ѳедора Юрьевича отъ 16-го февраля: «Монсова дѣла не забывайте, чтобы взять у Боура дѣвку; также и иноземца-шведа сыщите же: одному безъ одной быть нельзя».

23-го февраля подъячій Бурминъ снова ѣздилъ къ генералу Боуру съ требованіемъ выдать дѣвку и генералъ отвѣчалъ, что дѣвки не отдастъ, а что шведъ Миллеръ отданъ подъ караулъ г-ну коменданту московскому.

Въ тотъ же день послали указъ коменданту съ подъячимъ Патокинымъ. Комендантъ Иванъ Петровичъ Измайловъ прочелъ указъ и возвратилъ его подъячему, говоря, что «по этому указу плѣнныхъ шведовъ, безъ имяннаго великаго государева указу, въ Преображенскій приказъ къ розыску отсылать не смѣетъ, для того, что они люди честные».

Строгости Преображенскаго приказа оказывались безуспѣшными— не давались ему въ руки ни Миллеръ, ни дѣвка Гертруда.

7-го іюля 1715 г. капитанъ преображенскій Стечкинъ, бывшій дежурнымъ въ тотъ день, когда увезли изъ подъ его караула Миллера— обратился съ доношеніемъ въ Преображенскій приказъ, что онъ слышалъ, что Миллеръ «является въ Нѣмецкой слободѣ и на Москвѣ». И чтобъ ему дать десять человѣкъ солдатъ для поимки Миллера, когда онъ его встрѣтитъ. Просьба его была исполнена.

Съ своей стороны заинтересованная въ дѣлѣ старуха Модеста Монсъ прошеніемъ объявила, что Миллеръ живетъ на Чистомъ прудѣ, въ наемномъ домѣ.

Августа 8-го 1715 г. она-же, Модеста Монсъ, передала въ Преображенскій приказъ прошеніе, поданное ею государю Петру Алексѣевичу въ мартѣ того года о передачѣ дѣла изъ сената и о взятіи въ Преображенское капитана Миллера, а также дѣвки Гертруды отъ генерала Боура.

На прошеніи была собственноручная резолюція Петра: «взять въ Преображенское».

Преображенскій приказъ, заручась этимъ повелѣніемъ, 9-го августа 1715 г. послалъ строжайшее предписаніе, съ угрозами, къ московскому коменданту Ивану Петровичу Измайлову: немедленно прислать хищ-

ника, иноземца капитана Миллера, и капитана Кнорринга, который увезъ его изъ подъ караула. А 29-го августа посланъ указъ къ фельдмаршалу гр. Борису Петровичу Шереметеву объ истребованіи отъ генерала Боура дѣвки Гертруды и о присылкѣ ея за крѣпкимъ карауломъ, потому что генералъ Боуръ уѣхалъ изъ Москвы, не выдавъ ее и неизвѣстно куда онъ ее дѣлъ.

Комендантъ прислалъ Миллера 11-го августа 1715 г., а о Кноррингѣ увѣдомилъ, что до присланнаго изъ Преображенскаго приказа указу Кнорринга отдалъ на пароль генералъ-лейтенанту Боуру и потому посланъ къ Боуру указъ о выдачѣ Кнорринга.

Кн. Өедоръ Юрьевичъ приказалъ собственноручнымъ письмомъ дьяку Былинскому: «Миллера посадить въ мою казенку, отдать за караулъ; сыскать лучшихъ людей изъ солдатъ Преображенскихъ; ковать не вели и скажи солдатамъ, подъ смертною казнію, чтобъ берегли недреманнымъ окомъ; кромѣ заходу никуды бы изъ казенки не выпускали; а откуды пришлютъ кормъ, принимали бы осматривая, и въ корму бы никакой неволи не было, а иныхъ бы никого постороннихъ къ нему не пропускали; а ежели упустятъ, безъ всякія милости будутъ смертью казнены. Князь Өедоръ Ромодановскій».

Миллера посадили въ казенку его сіятельства; приставили четырехъ надежныхъ часовыхъ изъ преображенцевъ, прочитавъ имъ угрозы и наставленія кн. Өедора Юрьевича; надъ солдатами велѣно еще присматривать караульному капитану Сидору Волжинскому.

18-го августа 1715 г. Миллеръ предсталъ предъ лицо кн. Өедора Юрьевича для объясненія какъ о своемъ побѣгѣ изъ-подъ караула, такъ и о вещахъ, яко-бы захваченныхъ имъ отъ Анны Монсъ. Миллеръ объявилъ, что по русски говоритъ мало, а говоритъ нѣмецкимъ языкомъ.

Послали за переводчикомъ въ посольскую канцелярію; но, какъ водится, послали письменное требованіе и дѣло пріостановилось, и опять неудача. 20-го августа посланный въ посольскую канцелярію возвратился съ отвѣтомъ, что судья посольскаго приказа Михаилъ Шафировъ памяти изъ Преображенскаго приказа не принялъ, а сказалъ, что онъ по той памяти толмача (переводчика) не отпуститъ, потому что «дѣло не государево». Послали еще разъ, и опять тотъ же отказъ. На выручку явился драгунскій маіоръ Гейдлингъ и предложилъ себя въ переводчики. Спросили Миллера, вѣритъ ли онъ Гейдлингу—онъ отвѣчалъ, что вѣритъ.

Миллеръ показалъ въ распросахъ: «во время содержанія его подъ арестомъ въ Преображенскомъ приказѣ съ 6-го по 24-е ноября 1714 г. къ нему приходилъ ежедневно поручикъ шведскій плѣнный Кнор-

рингъ и онъ ему поручалъ просить кн. Якова Ѳедоровича Долгорукова и коменданта Измайлова объ освобожденіи его изъ подъ ареста. И всякій разъ, когда бывалъ у него Кноррингъ, онъ, Миллеръ, провожалъ его до р. Яузы. 24-го ноября 1714 г., послѣ обѣденнаго благовѣста, онъ вышелъ изъ приказу провожать Кнорринга и за ними шолъ караульный солдатъ. Выйдя на дворъ, онъ увидѣлъ противъ Хамовнаго двора у воротъ стоятъ сани съ крышкою, запряжены двѣ вороныя лошади, на саняхъ сидѣлъ человѣкъ, неизвѣстный, а на другихъ саняхъ извощикъ. Миллеръ сказалъ Кноррингу, что онъ на извощикѣ уѣдетъ съ нимъ къ Якову Ѳедоровичу Долгорукову, потому, что его, Миллера, взяли въ Преображенскій приказъ изъ-за караулу безъ указу и безъ вѣдома кн. Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, и держутъ съ ворами и разбойниками. И изъ того приказа скоро не освобождаютъ, а онъ, Миллеръ, отъ тѣхъ воровъ опасенъ, чтобъ не учинили надъ нимъ какой притчины. Кноррингъ отговаривалъ его, увѣряя, что его скоро изъ приказа освободятъ. Но онъ не послушался его и когда Кноррингъ сѣлъ въ сани къ извощику, то и онъ, Миллеръ, съ нимъ вмѣстѣ сѣлъ и ускакали въ Нѣмецкую слободу черезъ село Покровское; а за ними скакалъ на вороныхъ лошадяхъ и неизвѣстный человѣкъ до Нѣмецкой слободы. Миллеръ съ Кноррингомъ въѣхали на дворъ генерала Боура, а куда исчезъ человѣкъ на вороныхъ лошадяхъ, онъ, Миллеръ, въ торопяхъ не замѣтилъ. Кноррингъ съ Миллеромъ явились къ Боуру, и Миллеръ просилъ генерала, чтобъ онъ отвезъ его къ кн. Якову Ѳедоровичу Долгорукову подъ караулъ попрежнему; генералъ обѣщалъ, Кноррингъ уѣхалъ, а Миллеръ ночевалъ у Боура. На другой день утромъ генералъ Боуръ отвезъ Миллера къ князю Якову Ѳедоровичу; а князь отдалъ Миллера генералу на пароль до указу. И съ того дня Миллеръ жилъ у Боура до отъѣзда его изъ Москвы. У Боура же жила и шведская дѣвка Гертруда. При отъѣздѣ своемъ изъ Москвы Боуръ передалъ Миллера московскому коменданту Измайлову, а дѣвку Гертруду взялъ съ собою. Комендантъ приставилъ къ Миллеру двухъ караульныхъ солдатъ, съ которыми онъ и жилъ на наемныхъ квартирахъ, а именно: на дворѣ кригсъ-коммисара Луки Чирикова, а потомъ на Чистомъ прудѣ у торговаго иноземца Гизеля. И здѣсь женился на дочери бригадира корпуса Иваницкаго, и теперь жена его на той же его квартирѣ, откуда, по приказанію коменданта, его привезли теперь въ Преображенское. Кнорринга онъ не видалъ съ того самаго времени, какъ вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ изъ Преображенскаго. Когда онъ садился съ Кноррингомъ въ сани, то караульный солдатъ не кричалъ, его не перехватывалъ и онъ, Миллеръ, изъ рукъ его не вырывался, и колоть его не хотѣлъ. А въ то время караульный,

отойдя отъ него, противъ застѣнка, катался на льду. И караульные ни съ нимъ, Миллеромъ, ни съ Кноррингомъ въ согласіи не были и за побѣгъ свой онъ скупу никакого никому не давалъ.

«Съ Анною Кейзерлингъ онъ познакомился въ Москвѣ, когда былъ взятъ въ плѣнъ, на шведскомъ подворьѣ и во многихъ, въ Нѣмецкой слободѣ, у иноземцовъ бесѣдахъ, и въ киркѣ. И познакомившись, ходилъ къ ней въ домъ, гдѣ и видѣлъ и дѣвку Гертруду.

«Въ 1713 г., не помнитъ въ какомъ мѣсяцѣ, лѣтомъ, состоялся между ними полюбовной сговоръ, что Анна выйдетъ за него замужъ. И подарила ему на томъ сговорѣ золотой перстень; при сговорѣ никого не было, а вѣнчаться уговорились въ 1714 г. въ августѣ.

«Послѣ этого онъ, Миллеръ, нанялъ квартиру въ слободѣ у золотыхъ дѣлъ мастера иноземца; какъ зовутъ его, не знаетъ, противъ того двора, гдѣ жила Анна. И для свиданія съ Анною ходилъ къ ней часто, но она къ нему не хаживала. И въ то время Анна дарила ему многія алмазныя вещи и жемчугъ мелкій и крупный и мелкія деньги, рубля по два и по три и больше, но какими именно вещами не помнитъ».

Тяжкое заключеніе Миллера «въ собственной кн. Ромодановскаго казенкѣ» (должно быть хороша была эта особенная казенка въ страшномъ Преображенскомъ приказѣ!) вызвало у его покровителей большія за него хлопоты. Между прочимъ была составлена и подана защитительная въ его пользу «юридическая» записка. Вотъ изъ нея отрывокъ:

Нѣкія статьи на память покорно возведены про повезеніе капитана Миллера подъ крѣпкій арестъ въ Преображенскомъ.

Ежели сіе учинилося по указу его царского величества изъ С.-Петербурга: то убо надлежитъ такой указъ высоко почитать, съ тѣмъ упованіемъ, что милостивѣйшая перемѣна будетъ, повнегда его царское величество собственное качество сего дѣла уразумѣетъ.

Аще же сіе бывало безъ указу имяного его царского величества, и токмо съ коварства противниковъ капитана Миллера, яко истинно подобно кажется, для того, что это въ тай и хитро сдѣлалося: то сіе великое прегрѣшеніе есть, еже по правамъ и обычаемъ иныхъ народъ тяжкому наказанію обинуется, потому, что не токмо капитану Миллеру великое поношеніе да обиду дѣлали въ правдѣ его, но и противъ его царскаго величества высокости и верхного суда согрѣшили.

Что про правду капитана Миллера, то присемъ подумать надобно, что тяжба его не criminalis, сирѣчь не главная, за кое нибудь злодѣйство. . . . . civilis, гражданская, весма о раздѣленіи нѣкоего наслѣдія, о которомъ объявилъ онъ въ высокомъ его царского величества сенатѣ свои доводы, да всегда готовъ былъ тамъ ставлятися, самъ когда либо попросится. Того ради неприлично было до него поступать, яко до вора или измѣнника.

При семъ же насильствѣ изъявляется лютѣе еще преступленіе. Ибо:

1) Разрѣшена мирская безопасность, о которой полонянникъ радоватися

имѣетъ подъ его царского величества карауломъ, иже въ сей случай ни во что же почитанъ.

2) Не честили, яко подобаетъ, власть, которую его царское величество высокому своему сенату вручилъ,—гдѣ сіе дѣло вѣдано и распрошено было, яко въ большомъ судѣ, надъ которомъ оные себѣ болшій судъ поставить попытали.

3) Согрѣшили оны противъ царственныхъ правъ и благочинія въ томъ, что хотѣли себѣ самымъ месть и правду промышляти еже страшный даетъ прикладъ, аще бы попущено было самоволно съ судомъ играть, и развратити и препинать благочинной его ходъ.

4) Презрѣли оны и непочитали его царского величества болшого и полномочного совѣтника (кн. Я. Ѳ. Долгорукаго). И согрѣшивши противъ его, купно согрѣшили противъ самаго его царского величества, увѣрившаго ему такую власть.

5) Во всемъ христіанствѣ знатно и обычно, что воинскій полонянникъ великого государя есть, и никто можетъ съ нимъ сдѣлать опричь того, что государь самъ повелѣваетъ, иже своимъ плѣннымъ милостивую оборону сулилъ подъ приставленнымъ имъ карауломъ. Яко же сію оборону не почитали оны, но капитана Миллера отъ царского караула похищали, тако сіе насильство учинено противъ всенародныхъ правъ, да противъ его царского величества высокости и вышняго суда.

На иныхъ мѣстахъ такія самовольныя поступки жестокому подлежатъ наказанію. И не удобовѣрно, что кто подъ высокою областью его царского величества такое безчинство и самоволіе чинить можетъ безъ штрафа, на развращеніе да на презорство общей безопасности закона, великого государя высокости и верхныхъ судъ.

Индѣ обычно о такихъ самоволныхъ начинаніяхъ велми ревновать, да отъ фискаля причиняются, ему же надлежитъ бережливо потщатися, чтобы всякія безчинія отъ государства отвратилися, и дабы такія преступленія, яко сія вышеозначеныя, по достоинству наказаны были и проч.

31 августа 1715 г.—капралъ и четыре солдата, составлявшіе караулъ при Миллерѣ, донесли въ Преображенскомъ приказѣ, что «Карлъ Ягановъ сынъ Миллеръ, будучи въ Преображенскомъ приказѣ у нихъ и до нихъ у ихъ братіи подъ карауломъ, заболѣлъ, и лежитъ боленъ. И въ той своей болезни для испражненія въ отходъ ходить не сможетъ, а испражняетца въ томъ приказѣ подъ себя и о томъ Великій Государь что укажетъ...»

И того-жъ числа, по указу великаго государя и по приказу ближняго стольника князя Ѳедора Юрьевича Рамодановскаго съ товарыщи, велѣно того Миллера изъ Преображенского приказу, за тою болѣзнію, отослать въ Московской гварнизонъ съ памятью. А въ памяти написать, чтобъ того Миллера, до указу изъ Преображенского приказу, имѣть за арестомъ на Москвѣ и, неосвѣдомясь съ Преображенскимъ приказомъ, ни по какимъ указамъ съ Москвы никуды не отпускать; а какъ впредь по тому дѣлу что Миллера потребуютъ и его въ Преображенской приказъ присылать немедленно .

Сентября 13 1715 г. Миллеръ объяснилъ въ прошеніи Преображенскому приказу, что обо всѣхъ пожиткахъ Анны Кейзерлингъ знаютъ хорошо двѣ дѣвки, жившія у нея—Гертруда и Машка—и теперь Машка живетъ у Модесты Монсовой—просилъ допросить ее и прибавилъ, что всѣ шведскіе генералы и офицеры знаютъ, что онъ, Миллеръ, «не отъ (такой) фамиліи, чтобъ пожитки кражею брать».

Сентября 26-го, 1715 г. допросили Машку.—Она показала, что она шведка лютерной вѣры, привезена четырехъ лѣтъ въ Москву, но кѣмъ не помнитъ; выросла въ домѣ вдовы Матрены Монсовой,—потомъ когда Анна Монсъ вышла за Кейзерлинга,—то она перешла къ ней и жила у нея до ея смерти. Послѣ смерти мужа Анны, посланника Кейзерлинга,—домъ его, въ которомъ они жили, былъ взятъ «на государя» и отданъ доктору Шоубу—и потомъ Анна нанимала квартиру въ домѣ полковницы «Марчеліуши»;—дѣвка Гертруда имѣла постоянно ключи отъ всего имущества Анны Кейзерлингъ.

— Тому два года познакомился съ Анною шведскій капитанъ Миллеръ—приходилъ къ ней часто—и когда бывали у нея гости,—то Миллеръ съ Гертрудою сиживали въ другой свѣтлицѣ, а что говорили между собою не знаетъ. Въ то время Анна была больна падучею и опухолью въ ногахъ; объ сговорѣ Миллера съ Анною она ничего не знаетъ. Недѣль за шесть до своей смерти, въ одинъ день, когда Анна Кейзерлингъ была въ безпамятствѣ, Гертруда, поговоривъ тайно съ Миллеромъ, передала ему черепаховую коробочку, въ которой лежали золотыя и алмазныя вещи. Миллеръ хотѣлъ снести потихоньку эту коробочку, закрывъ полою кафтана—но такъ какъ это могло быть аамѣчено, то по его просьбѣ она, Марья, отнесла къ нему коробочку на квартиру—и Миллеръ спряталъ ее у себя въ баулѣ. Черезъ три дня Анна Кейзерлингъ отъ своей болѣзни «очнулась»—и сундукъ, въ которомъ лежала прежде черепаховая коробочка вмѣстѣ съ серебрянными вещами, а также сундукъ съ платьемъ, отвезла (отослала?) къ своему отцу духовному, пастору Руловсу. Спустя съ недѣлю пріѣхала къ Аннѣ мать ея и спрашивала, гдѣ сундуки съ серебряною посудою и алмазными и жемчужными вещами?—Анна сказала ей, что отвезла къ пастору Руловсу,—а когда она, Марья, объявила Аннѣ, что Миллеръ взялъ черепаховую коробочку, то Анна послала къ нему прислужника иноземца Анца съ требованіемъ, чтобъ Миллеръ возвратилъ коробочку; но Анцъ возвратился, объявивъ, что Миллеръ коробочки не отдалъ, а сказалъ, что поговоритъ самъ съ Анною. Послѣ того, дня за два до смерти Анны, Гертруда передала Миллеру, безъ вѣдома Анны, рукомойникъ и блюдечко серебряныя; а ночью того же дня выкинула въ окно шлафрокъ прежняго ея Аннина мужа штофный, шелковый; — а подъ окошкомъ

стоялъ служитель Миллера шведъ Индрекъ, который поднялъ шлафрокъ и отнесъ на квартиру Миллера — и это видѣли Аннины люди Анцъ и Яганъ. Дѣвка Гертруда, послѣ смерти Анны, жила еще двое сутокъ у матери Анниной, а потомъ ушла жить къ генералу Боуру.

Въ это же время Модеста Монсъ объявила, что Миллеръ продалъ перстень золотой и другія вещи Аннины торговому иноземцу Индреку Виллерсу, — что, узнавъ объ этомъ, она выкупила перстень, но просила допросить Виллерса о другихъ вещахъ.

Виллерсъ сперва объявилъ, что дѣйствительно Миллеръ отдалъ ему перстень золотой, прося продать его, а вырученныя деньги взять въ уплату его, Миллера, долга Виллерсу за разные забранные у него напитки, и что вдова Модеста Монсъ у него выкупила за 100 р., но другихъ вещей Виллерсъ не получалъ отъ Миллера. Но ему пригрозили смертною казнію, если онъ что нибудь скроетъ, и, при вторичномъ допросѣ, онъ показалъ:

«И онъ, Виллерсъ, въ другомъ своемъ допросѣ сказалъ по своей вѣрѣ въ правду: сего де 1715 г. въ Рождественской мясоѣдъ, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ неупомнитъ, выше писанной швецкой арестантъ Миллеръ, какъ уволясь изъ Преображенского приказу, живучи у господина генерала Боура въ домѣ, призвалъ ево, Виллерса, въ тотъ домъ. И говорилъ ему, Виллерсу, чтобъ онъ промыслилъ ему, Миллеру, на алмазные вещи купца; а на какіе вещи и чьи тѣ вещи того онъ, Миллеръ, ему, Виллерсу, въ то число не показалъ и не сказалъ. И онъ де, Виллерсъ, послѣ того спустя дня съ три привелъ къ нему, Миллеру, въ тотъ генеральской домъ для покупки тѣхъ вещей арменина Павла Петрова. И тотъ Миллеръ при немъ, Виллерсѣ, объявилъ тому армянину черепаховую коробочку четвероугольную съ нутрянымъ замочкомъ, мѣрою напримѣръ безъ мала въ полъ аршина, въ ширину въ четверть аршина, а въ вышину сколько мѣрою и на ношкахъ ли того онъ, Виллерсъ, не усмотрилъ. И отомкнувъ въ той коробочкѣ при немъ, Виллерсѣ, казалъ тому арменину алмазные вещи: перстень съ алмазомъ большимъ. И просилъ онъ, Миллеръ, у того арменина за тотъ перстень 14,000 рублевъ; образъ обложенъ алмазами и всякими каменьями разныхъ цвѣтовъ, а какой тотъ образъ незнаетъ; лацкенъ съ алмазами-жъ, перстень о семи алмазахъ, другой перстень о семи-жъ алмазахъ, третей перстень съ краснымъ алмазомъ, четвертой перстень о семи-жъ алмазахъ дѣломъ троегранной, пятой перстень съ алмазами-жъ дѣломъ сердечкомъ, шестой перстень въ немъ камень алмазъ, на четырехъ львовыхъ лапахъ, часы золотые, съ алмазы зубочиска золотая, съ алмазы-жъ пряжка большая бантовая, съ алмазы-жъ двѣ или три булавки, съ алмазы-жъ, а подлинно неупомнитъ, а тѣ алмазы въ нихъ висящіе; пара зарукавей бар-

хатныхъ черныхъ, у нихъ пряжки съ алмазы; двѣнатцать золотниковъ жемчугу, другіе часы золотые небольшіе, доскапъ золотой безъ алмазовъ, двои часы серебреные, три запонки одинакіе золотые съ алмазами, въ томъ числѣ жемчугъ; большой рукомойникъ да блюдечко, что бороды брѣютъ серебреные; полпета золотника жемчугу мелкого и иные многія алмазные и отъ другихъ камней вещи, а какіе подлинно порознь и какъ ихъ назвать не упомнитъ. И показавъ всѣ вещи тому арменину онъ, Миллеръ, не продалъ ничего и взялъ къ себѣ, по прежнему.

«И послѣ того въ томъ же мясоѣдѣ, по велѣнію ево, Миллерову, онъ, Виллерсъ, вышеписанной двѣнатцать золотниковъ жемчугу продалъ въ серебреномъ ряду рускому купецкому человѣку, а какова чину и какъ его зовутъ незнаетъ; цѣною взялъ за золотникъ по четыре рубли, да мелкого жемчугу полпята золотника, цѣною взялъ по три рубли за золотникъ, и тѣ деньги онъ, Виллерсъ, отдалъ ему, Миллеру.

«Да онъ же, Миллеръ, сказывалъ ему, Виллерсу, что онъ, Миллеръ, серги алмазные большіе заложилъ въ двухъ стахъ рубляхъ галанской земли торговому иноземцу Дипіеру, который и нынѣ на Москвѣ; а тѣ серги цѣною стоятъ четырехъ сотъ рублевъ, и тѣ серги у того иноземца онъ, Миллеръ, выкупилъ, а гдѣ дѣлъ незнаетъ.

«Да онъ же, Миллеръ, при немъ, Виллерсѣ, отдалъ перстень съ алмазами иноземцу аглинской земли Меску, которой ныне у города Архангельского, за долговые его денги, а за сколко рублевъ незнаетъ и сколко въ томъ перстнѣ алмазовъ неусмотрилъ.

«А гдѣ тѣ вещи онъ, Миллеръ, досталъ того онъ, Виллерсъ, не вѣдаетъ.

«И окромѣ вышеписанного перстня о семи алмазахъ, да двѣнатцати и полупята золотниковъ жемчугу онъ, Виллерсъ, иного ничего отъ него, Миллера, не продавалъ и ничего не принимывалъ, и у него, Миллера, кромѣ вышеписанныхъ вещей онъ, Виллерсъ, невидалъ и о всѣмъ де онъ, Виллерсъ, въ семъ допросѣ сказалъ самую сущую правду».

Послали отыскивать армянина Павла Петрова, но не нашли,—онъ уѣхалъ въ Архангельскъ для торговаго дѣла и долженъ былъ возвратиться въ Москву только къ зимѣ.

1716 г. февраля 16, армянинъ возвратился и показалъ, что дѣйствительно Виллерсъ привозилъ его къ Миллеру, что Миллеръ показывалъ ему въ черепаховой коробочкѣ перстень съ алмазомъ, за который просилъ 14,000 р., а также другія вещи — но онъ ничего не купилъ.

Дѣло принимало неблагопріятный оборотъ для Миллера—и потому

вѣроятно онъ сдѣлалъ какую нибудь выгодную уступку вдовѣ Модестѣ Монсъ—потому что 2-го марта 1716 г. она подала, за общимъ съ нимъ подписаніемъ, мировую челобитную о прекращеніи дѣла. Можетъ быть еще и потому дѣло закончилось, что февраля 12-го 1716 г. получено въ Преображенскомъ приказѣ на имя кн. Ѳедора Юрьевича письмо князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, въ которомъ было объявлено, что, по именному указу государя, шведской арестантъ капитанъ Миллеръ принятъ въ государеву службу—и чтобъ его выслать въ дивизію господина генерала Вейде,—по дѣлу исковому Монса собрать по Миллерѣ поручную запись и Миллера освободить изъ Преображенскаго приказа.

9-го марта 1716 г. Миллеръ былъ освобожденъ, подъ поручительство тестя его, бригадира Иваницкаго.

Примѣчаніе. Извлечено изъ Архива Министерства Юстиціи, въ Москвѣ, дѣло о пожиткахъ Анны фонъ-Кейзерлингъ, рожденной Монсъ.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ Аннѣ Ивановнѣ Монсъ,—впрочемъ немногія,—см. далѣе въ прилож. № XVIII, въ разсказѣ покойнаго историка С. М. Соловьева.

III.

Стихи камеръ-юнкера Виллима Монсъ.

1.

Wo ist Mein freier sinn
Ach das ich nicht mehr Mein Eigen bin
Balt gehe ich, balt steh ich
Und weiss doch nicht wohin
Wass hat der Völker Macht
Vor ein Verhängniss auf mich bedacht
Hier sindt zur Stelle, all Unglücksfälle
Die mich allein, erregen solchen Pein, и т. п. [1]

На слободскомъ языкѣ, т. е. по русски, но нѣмецкими буквами.

2.

Ach sto gest swet i fswete, ach fso pratifnaje,
ne magu schit ne umerty, sertza tasklywaji,
Dolgo ty mutzilsa, net upokoy sertza,
Kupido wor proklaty, welmy radagitsa.

Probil streloyu sertza, leschu bespamety,
ne magu ja atznutza, i otzi my plakaty,
taska welykaja, schnotze krawawaja,
rudoju sapeklosa, i fso praditaja [2].

---

[1]) Госуд. Арх., дѣло о Монсѣ, изъ записной тетради Монса; приводится одинъ первый куплетъ изъ длиннаго произведенія, какъ образчикъ его стихотворства на нѣмецкомъ языкѣ; всѣ ошибки орфографіи подлинника сохранены.

[2]) Госуд. Арх. Изъ записной тетради Монса; приведено какъ образчикъ его стихотворства на русскомъ языкѣ; за незнаніемъ автора писать порусски написано имъ нѣмецкими буквами.

Стихи камеръ-юнкера Виллима Монса.

3.

Welche Hoffnung, dass zu Kriegen,
Was mich mit Flammen überstreut
So gewillet dennoch Mein Vergnügen,
Auch noch auss der Unmöglichkeit.
Den darf ich gleich den platz nicht nennen,
Will ich doch in gedanken Brennen,
Biss an Mein Letzes Lebens Zeit.
Und allsso Lieb ich Mein Verderben,
Und heg ein Feuer in Meiner Brust
Daran zu letzt ich doch muss sterben
Mein Untergang ist mir Bewusst.
Dass Macht ich Lieben wollen
Wass ich Gelt Verehren sollt,
Dennoch geschiehts mit grosser Lust...

4.

Welt ade ich bin dein müde
Ich will nach dem Himmel zu
Da wird sein der rechte friede,
Und die stoltze seele ruh;
Welt bei dir ist Krig und streit
Nichts denn lauter eitelkeit.
In dem Himmel alle Zeit
Friede ruh und seligkeit.
. . . .

IV.

Письмо Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ Монсу.

3 августа 1717 г. [1]).

Благородный господинъ камеръ-юнкеръ государь мой Вилимъ Івановичъ.

Униженно вашему благородию благодарствую за комплиментъ вашъ, который отъ васъ господинъ Бестужевъ Дмитрей Петровичъ мне справилъ; при семъ прилагаю писмо от оного господина Бестужева по которому прилежно прошу его и меня одолжит не замешкав сто червонных изходатайствоват и такие деньги вручит сему листоподателю с роспискою а имянно господину Абраму ѳан Нотену (dem H. Abraham van Notten), онымъ ваше благородіе по премногу меня обяжете, за что напротив вам государю моему отслужит потщуся, і всегда неотменно со многимъ почтениемъ пребуду вашим государь мой всепокорно послушным слугою Алексей Р. Бестужевъ.

Гамбурхъ августа 3-го s. n. [2]) 1717.

P. S. (Помѣщенъ адресъ Алексѣя Бестужева).

На оборотѣ: «A monsieur Monsieur de Monss gentil homme de la Chambre de la Majesté Czarienne. à Amsterdame».

100 dut:

P. S. Мой адресъ: bey Mons. Gobert treteur auff drei wall.

---

[1]) Всѣ приводимыя письма тщательно провѣрены нами въ 1861 и 1862 гг. съ подлинниками, хранящимися въ Госуд. Архивѣ, въ С.-Петербургѣ, въ дѣлахъ Монсъ.

[2]) Новаго стиля.

V.

Письма Александры Салтыковой, рожд. княжны Долгоруковой, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ, рожд. Монсъ:

1719—1720 гг.

1.

17 окт. 1719 г.

Гасудараня мая матрена ивановна много летно здравъствуй купно са всеми вашіми! Писмо миласти вашей получила, въ каторомъ изволите ответъствавать на мое писмо, каторое я къ вамъ писала из кепезъ берха; за что я вамъ, матушъка мая, благодаръстъвую и въпреть васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радастію ожидать буду токъмо прашу на меня и неизволте прогневатъца, что умешъкала за нещастіемъ моимъ на оное ваше писмо ответъствавать, понежа у меня батюшъка канешъно боленъ огневаю [1]) четыря недели истенъно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели дастъ Богъ батюшъку лехъча, буду писать простъранно на будущей почте. Сердешъно свѣтъ мой сожелею о вашей балезъне изволь ка мъне отъписать если вамъ лехъча до сего времени; изволте ка мъне отписать—писмо мое отъ егана изволили ль получить? такошъ надеюса, что онъ вамъ данесетъ обавсемъ простъранъно, каторая челабитъная послана къ царскому величестъву такошъ и всемилаcтивой гасударыне царице екатерине алекъсевне, изволте осведамитца и ка мъне отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сваихъ инова претъстательства неимею кромя ея величестъва; ныне ка мне пишутъ, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса, извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что брать, я неимела въ чемъ г батюшъке доехать, принуждена была себе делать до последъней рубашъки все; онъ увесъ ссобою ту бабу, которая завъсемъ ха-

[1]) Огневою, т. е. жаромъ.

дила; она снимъ уехала; ссабою ли ане забрали или у людей оставили—пускай его людей стой бабаю пытаютъ; мне была ничаво негде брать, я уже была давъно савъсемъ обрана и отъ нево зъ дъва разъ бита токъмо имела при себе несколка из маихъ алмазавъ и то у меня паследняя аграбилъ, какъ поехалъ въ Петеръбуръхъ, сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ да смерти убить, я ему с великаю радастью и то отдала толка бы жива была на что есть свидетели. Въ протъчемъ остаюсь на миласть вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизъволите служебно должна.

Другою рукою: Ізваршавы октября 17, 1719 г.

2.

14 ноября 1719 г.

Гасударання мая матрена иванавъна многолетъно зъдравствуі купно со въсеми вашими! о себе моя гасударання донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюса. Писмо ваша чрезъ господина Белашицъкова каторое послано, я здесъ получила; за что вамъ, матушъка мая, благодарстваю и прошу меня неоставить въпреть, чево срадастию моею желаю; токъмо выразумела ис писма вашева, что вы еще въ болезне своей обретаитесь, о чемъ серъцомъ моимъ сажелею и желаю, светъ мой, какъ наискорее притъти до савершенънаго здаровья; а что вы изъволите писать, что писма ка мнѣ будите посылать чрезъ Белашицкова, я чаю лутче чрезъ господина Бестужева, понежа я ево просила, и каторые писма вы изволили чрезъ нево посылать веръно ка мъне дохадили, а что вы мне изволите писать, что бы я остерегаласа дашъкова, его ныне у насъ нетъ, отпушъченъ къ москве, желею, что я прежде не ведала, я бы нарошъно при немъ гаварила, что надлежитъ другимъ ведать.

Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать, по своему обещанию, веръно такошъ где вазъможъно упоминать въ милости ее величеству, гасударане ц. К. А. [1]), въчемъ на миласть вашу безсумненъною надежъду имею. Такошъ прашу матушъка мая изволте ка мъне писать пространъней, что изволите услышить въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будутъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видѣть

остаюсь вамъ веръная до смерти александра.

Прошу от меня покъланитъца і ее миласти анъне ильинишъне.

---

[1]) Надъ этими буквами поставлены титла, и они означаютъ: царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ.

Оба письма собственноручныя.

3.

25 октября 1720 г. [1])

Государыня моя матрена ивановна многолѣтно здравствуй купно со всѣми своими!

Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, симъ моимъ писаніем трудить и просить, дабы, по своей ко мне склонности, сіе приложенное мое просителное писмо еѣ величеству всемилостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрез которое я ее величеству рабски доносила о приезде моемъ к москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая о отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петеръбурха, ради великой нужды, а именно чтоб мне сыскат верных свидетелей, и очистит себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челом; о которой моей нуждѣ прошу донесть словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я об оной выше помянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила. При семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня в прежней любви вашей, и упоминат в милости всемилостивѣйшей государыне царице, такожде и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ, понеже я ныне, кромѣ васъ, приятелей въ санктъ-петеръбурхѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомит меня, какъ еѣ величество всемилостивѣйшая государыня царица изволитъ принят от васъ мою нижайшую суплику, зачто вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду. Впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю в волю вашу; прошу неизвольте оного ко мнѣ отпущать напрасно без всякой ведомости, понеже его безъ всякой вѣдомости приездъ, токмо мне принесетъ пущую пѣчаль. Такождѣ васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске оного человѣка согласитца съ анной ѳедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду.

Из Москвы октября „25“ 1720 г.

---

[1]) Все письмо—за исключеніемъ подписи—рукою секретаря.

VI.

Виллимъ Монсъ, подъ видомъ женской персоны, къ Александрѣ Салтыковой [1]).

1719 или 1720 г. [2])

Sdrawstwoy matuska alessandra grigorgefna, bose dai wam dobrago sdorofge; sof fse Famil... wassei, selaju dabie piessange mage was maiju goschudarinu fdobrom strafge sastalla, a katorrom at fsewo sfagewo sertza selaju, praschu wass maiju gaschudarinu, dabie ja ne astaflenna biela piesangem wasiem, kotoraja prinimaju sebe sa weliekaje staszie, kogda ja uwieschu at wass ksebe piesmo wasche, to bog moi swiedetel, sto ja sweliekoi radassju wosprimaju i trut sfoi stolka prilagaju getlu [3]) wasemu, sto bogu annamu fsedam [4]), i storajuscha stobie fskore akanssat fdobrom sastajange kfasemu selanju, i nadejusa sto fskore posle prasnika, tokmo was praschu ne iswolde pezalliesa, i sebä beswremena sakrusat ab onom dele, fso bogom budet isprafna, ponese gege weliezeswo welmi kwam millasliewa, i ni wies kak saselegiet ab was, takkosde i ob radiedele wassem, pri schem astajus wam magei gaschudareine wernaja wam uschlusnesza

---

VII.

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ къ Виллиму Монсу.

1719—1722 гг.

1.

2 ноября 1719 г.

Государь мой Вилимъ Ивановичь! Прошу васъ, государя моего, быть о мнѣ всенадежным, и во всепочтѣннѣйших писаниях вашихъ неоставить меня, въ чем есть весьма благонадеженъ. Изволте, государь мой, мнѣ поверить, что я зело обязуюсь верным ко услугам вашим быть при вашей корошпанденцiи, изволте оныя писма ко мне при всеприятном вашем писанiи присылать; я оные в надлежащее место верно

[1]) Верхняя строка этого письма въ документѣ отвалилась.

[2]) Собственной рукой Монса, на слободскомъ языкѣ.

[3]) Вѣрно описка; слѣдуетъ сказать: къ дѣлу.

[4]) Тоже: sfedam.

1

и во всякой охранности отправлят буду, понеже мнѣ оное извесно и весма секретно содержать буду, в чем изволте быть паки всенадежны и я в том вам весма услужит почтусь и сестру вашу, государыню мою, утруждать оным неизволте [1]). При сем же полученное писмо прилагаю и со многим почтением пребываю вам государю моему слуга вѣрный Петръ Бестужевъ.

Из Митавы «2» ноября 1719 г.

Примѣчаніе. Это письмо писано все, кромѣ подписи, рукою секретаря.

2.

6 февраля 1722 г.

Государь мой, Вилим Иванович! Понеже здеся каргополского драгунского полку при дворѣ государыни царевны весма плоха і еѣ высочества повелела мне вас просит, чтоб вы ізволили доложит еѣ імператорскаго величества государыне царице Екатерине Алексеевне і о томъ вашем старание приложит чтоб его імператорского величества доложить дабы повелено было на смену каргополской роты із гранадерскихъ конных полков роту с афицеры определит в осабливую службу еѣ высочества, которую-б могли називат здеся еѣ высочества гвардиею і чтоб до генералитету так и до полку дела неимела, но толкоб под еѣ высочества указом была, а правиантом і фуражем доволствоват оную роту изволит от своих амтов, но толкоб жалованье афицеромъ і редовымъ із военной колегіи или от камисариата в год без вычету присылалос понеже і мундир іс того хотя своего прибавит здеся полутчи делат; во истинну еѣ высочеству не без стыда, что оборраты употребляют за собою княжескую гвардию с ызрядным убором; за что еѣ высочество обещает васъ удоволствоват і что посему учинитца покорно прошю какъ скоряй уведомит і пребываю ваш государя моего слуга верныі Петър Бестужев.

Із митавы 6 фе: раля 1722 г.

Примѣчаніе. Это письмо собственноручное.

---

[1]) Дѣло идетъ о секретной корреспонденіи Монса съ А. Г. Салтыковой; какъ видно, Матрена Ивановна Балкъ писала къ ней отъ имени брата, доколѣ Бестужевъ не предложилъ безопаснѣйшаго способа къ передачѣ писемъ непосредственно отъ самого Виллима Ивановича.

VIII.

Артемій Петровичъ Волынскій къ Виллиму Монсъ

1720—1724 гг.

1.

14 іюня 1720. г.

Государь моі і любѣзныі другъ. Я за особлівое несщастіе себѣ прічітаю, что неведалъ вашего отъезду и зело удівляюся, что вы такъ тайно збѣжалі, і что за прічіна не знаю! Прошу васъ, государя моего, уведоміть, когда ихъ велічество сюда изволятъ прібыть, чтоб мнѣ о томъ вѣдать а я зело жалѣю, что невідалъ васъ прі отезде, понеже и яб неотсталъ, также изволтѣ с моей стороны попенять Петру Ѳедоровічу (Балкъ), чтоб онъ забылъ мою прозбу; сімъ окончавъ остаюсь вашъ Государя моего вѣрно обязанныі слуга А: Волынской.

Із S. P. B. іюня 14-го 1720 г.

Прі сем кланяетца вамъ слѣпоі бандорка и с репортом ожідаетъ, куда повѣлено будетъ репортовать, однакож за слѣпотою одному ему невозможно ехать, но просіт, чтоб мнѣ проводіть.

2.

30 декабря 1720 г.

Государь мой любезныі другъ и братъ вілімъ івановичь. Письмо ваше, государя моего, от 21 декабря, я получилъ, за которое зело благодарствую, а о себѣ доношу, что я нещастлівъ моімъ сюда приездом, понеже такъ немогу, что девятои день, и надворъ не могу выттит, нетокмо куда ездить, от чего в превелікомъ страхе, чтоб не причлося мнѣ въ іное, однакожъ свідѣтелствуюся богом і всеми, кто меня видел, понеже жалеютъ, хто здес есть все посещаютъ істінно такова себѣ мученья нікогда не видалъ: заваліла у меня мокротою горло і груди,

такъ что нетокмо свободно есть і спат немогу, и уже от сідѣня спіною тронутца немогу, а ежели лягу, то такъ заліваетъ мокрота, что и духъ захватітъ, і такъ в сутки мнѣ разве достанетца уснуть два часа, и то сідя, оклався подушкамі, однакож хто у вас можетъ поверіть, еще бъ ежелі сия болезнь мнѣ пріключілася в петербурхе, тобъ пред глазами відімо было; пожалуй мой батюшка донеси премилостівой матери, всемилостивейшей царіце Государонѣ, что сотворіла со мною рабомъ своім милость, ежелі случітца к слову, чтоб милостиво предстателствовала, кленуся богом, что неімѣю німалой прічіны, за чем бы могъ до сего времени здес медліть; однакож какъ скоро нетокмо свобожусь, но хотя мало полехче будетъ, поеду, а теперь сижу какъ уродъ, облепленъ в пластыряхъ, і голова, и горло, и на грудяхъ и обвязан весь. Пожалуй, мой батюшка, неоставить меня писмамі своімі, ибо мнѣ ніхто такъ неудевителенъ, что андреянъ, которой такъ меня забылъ, какъ недоброй человѣкъ, сколко пропустілъ оказей, хотябъ от него строку видел; между тем же приехал к неронову человѣкъ, с которым онъ к нему писалъ, а ко мнѣ нічево. Изволте меня по совесті разсудіть с ним, такъ же и сестре изволь обявіт, которой прошу отдать з благодареніемъ мой нижайшей поклонъ, прітомже и всей ваше любезной ѳамилии, а на особлівые писма чтоб непрогневаліся, истинно і к вамъ пішу черезъ силу, также пожалуй поклонись от меня дмітрею андреевичу [1]), которой с вамі водномъ списке здес запісанъ в бѣглецахъ, а протчіе во временщікахъ, о чемъ изволіте уведомітца от других, а паче от князь андрея [2]). Также разглашено здес про василья дмітреѣвича, что онъ лішенъ весма милости Государыни царіцы, і бутто уже нікуды не годітца, что ему извол сказать, і от меня отдать поклонъ.

Что же, Государь мой, изволіли писать об лошеді, по которую я нарочно в деревню послалъ, толко какъ слышу, сказывал мнѣ матвей и люді мои, что очень хороша стала і чиста, і ежелі такову увижу, то я человеку степана василевича [3]) неотдамъ, ибо какъ бы нісмотрели, однакож такъ нелзя, какъ в глазех, того ради посмотрю, ежелі мошно, то пошлю к вам; будеже еще неіскрепчала, то отдам князь андрею вязимскому, у котораго бережняе будетъ, а онъ прішлетъ к вам по лѣту, о калмыке князь Ніколаю я посылалъ, а сам ево невідалъ, понеже и онъ спостелі невстаетъ, такъ боленъ, также і князь александру черкаскому посылал, и сверхъ того князь грігорью алексѣвичу го-

---

[1]) Шепелеву; „путевой маршалъ" двора царицы Катерины.

[2]) Вяземскаго.

[3]) Лопухина.

ворілъ и своімъ людем пріказалъ, чтоб искалі. Инаго вамъ, моему государю, доносіть неімею, токмо прошу непременно меня в вашей милості і любви содержат, почітая істінным і вѣрным вашим слугою, яко есмь і пребуду.

Вашъ, Государя моего, покорный і вѣрнообязанный слуга і братъ А: Волынской.

Изъ москвы. Декабря «30» дня 1720 г.

На томъ же листкѣ записка къ Петру Балку [1]):

Государь мой Петръ Өедоровичь. Сего часу прислал ко мнѣ князь Ніколай, что люді ево калмыка твоево поімалі, я ево велѣл к себѣ привесть, і буду держатъ скованова у себя в домѣ, а когда будетъ оказія велю к вам отослать.

Вілім Івановічь изволь покрічат на андреяна полѣхче, ибо я тепер получилъ от него письма, только чтоб впредь так недѣлалъ и оказей непропускалъ.

3.

2 февраля 1721 г. [2]).

Государь мой и любезный другъ и братъ Вилимъ Ивановичь! Ваше, государя моего, благопріятнѣйшее писаніе, отъ «21» прошедшаго генваря отправленное, исправно принять получилъ, за которое вамъ, государю моему, зѣло благодарствую, такожъ и за показанные ваши заочные мнѣ дружескіе милости и благодѣяніи; прошу и впредь меня неоставить въ горестномъ моемъ отлученіи, въ чемъ я на васъ моего друга вѣрную надежду имѣю. О себѣ доношу, что я намѣренъ былъ конечно ѣхать отсюды тридесятаго или тридцать перваго числа прошедшаго, какъ и къ ихъ величеству чрезъ мои всеподданнѣйшіе доносилъ, однакожъ еще удержала меня покупка лошадей и протчаго, что мнѣ здѣсь принять надлежитъ, для посылки въ Персію. О чемъ хотя ежедневно посылалъ къ здѣшнимъ управителямъ, которымъ то отправить и отдать мнѣ повелѣно, однакожъ немогъ и по се время сдѣлать, того ради принужденъ здѣсь затѣмъ остаться, но хотя отда-

---

[1]) Письмо это на 3-хъ почтовыхъ листахъ. Въ томъ же письмѣ приписки къ Балку и къ Монсу.

[2]) Письмо писано рукой секретаря.

дутъ или нѣтъ, только далѣ седьмаго числа сего мѣсяца не буду мѣшкать, и бросяи все поѣду всеконечно, понеже, слава вышнему, отъ болѣзни моей имѣю нѣкоторую свободу, а здѣсь живучи уже отъ страха сердце надсѣлось. Однакожъ прошу васъ, моего государя и друга, въ томъ меня охранить, что я послѣ того термина здѣсь остался, въ чемъ вѣрно васъ обнадеживаю, что ниодного дня больше жить небуду, токмо сіе для прочихъ прошу умолчать; симъ окончивъ остаюсь вашъ, государя моего, вѣрный другъ и покорный слуга.

Артемей Волынской [1]).

Із москвы 2 февраля 1721 г.

Прі сем прошу ѣе велічеству доложіт понеже я увідѣлъ, что в можайскіх вотчінахъ бѣзделные жеребцы, того раді отдаю грузінцову [2]) двухъ жеребцовъ, которые нынѣ покупаютца, ибо обѣ лошеді изрядные, а сторгованы за триста за трітцеть рублевъ, вместо которыхъ беру у нево такіх коі тамъ негодны, обѣ серые и грівы свалились, а отдаю одінъ вороной а другой саврасоі, от которыхъ чаю обновітца тамошнѣі заводъ.

Прості [3]) мой батюшка, друг мой вілімъ івановічь, прошу васъ ежелі буду жівъ, неоставіть, а буде умру помінать.

Також прошу отдат поклон мой сестре вашеі милостивой Государынѣ моей і всеи вашей любезной фамілі.

4.

9 февраля 1721 г.

Государь мой и любезныі другъ и братъ вілімъ ивановичь. Увѣдав нашу истінную дружбу и любовь, просілъ меня іванъ петровичь талстой, чтоб я его вамъ, государю моему и другу, рекомандовалъ и просілъ васъ; того раді прошу, дабы вы, государь мой, изволілі его в свою дружбу и любовь прінять, і такъ содержать, за котораго я безъ сумнѣнія обѣщаюсь порукою быть, что онъ вашу дружбу, какъ і со мною имѣетъ, чісто содержать будет и можетъ быть впротчем верным вамъ слугою, вчем и тядя твоі слепецъ общей наш камратъ вам порукою будетъ; ибо я здес между имі дружбу добрую сосводнічелъ; а слышал я, что и с вамі у него хотя прямой дружбы, однакож пріи-

---

[1]) Отсюда собственноручно.

[2]) Управляющему можайскихъ вотчинъ государыни.

[3]) Отсюда на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ, вложенныхъ въ письмѣ.

телями былі, того ради дай боже, чтобъ я впрямую дружбу васъ сосводнічалъ, какъ и надѣюсь, что может быть постоянна собѣ стороны, сім прекратя остаюсь, вашъ, государя моего, вѣрно обязанный и чістосердечный другъ і братъ і покорный слуга А. Волынскоі кланяюся. в москвѣ 9 ѳеврала 1721.

доношу вамъ толко тайно

Получилъ я ведомость из астарахані, что идутъ къ терку незваные гости, которыхъ, хотя нехочетца, однакожъ встречать надобно, ибо оставіть нельзя, чтоб непотчівать, хотя у меня и мало такіхъ с кем потчівать, только конечно надобно ітіть туда, хотя мнѣ і небѣзътруда будетъ, понеже слышу, что ихъ немало, о чемъ донесено и военной колѣгиі, которой бы надлежало послать указ к кропотову, чтоб онъ комнѣ хотя два полка отправіл, также чтоб і к донскім казакам послалі указ послушной; а безъ того я могу и пропасть, ежелі ітить толко своімі, понеже у меня болше 3000 нѣтъ, а іхъ съ 30,000, однакожъ хотя ко мнѣ прібавокъ будетъ іли нет, однакож мнѣ нейтіть невозможно и пойду конечно, хотя пропаду; а то прічтут, что у меня матушкіно серце, которово во мнѣ и с робятскихъ лѣтъ небывало.

5.

23 іюня 1721 г.

Государь мой и любезныі другъ вілімъ ивановичь. Хотя я от васъ чрез андреяна пісма і неполучілъ, однакожъ несумнѣваю премены в вашей, государя моего, любві і пріязні, но імею всегда на вас верную надѣжду; о себѣ доношу, что вастарахань прібылъ, которую нашолъ пусту і совсем разорену, а іменно крепостей здешніхъ стены во многихъ местахъ развалілісь, а худы все; также и башни некоторые чаю изволятъ упасть скоро; гварнізонъ здешней такъ справенъ, что в пяті полкахъ выбралъ я с неболшим с 2000 годныхъ ѳузей, и то на сілу; драгунскихъ лошедей по табѣлю толко одна, а мундіры, какъ на драгунахъ, такъ и на салдатахъ ні на одномъ, и адіннатцет лѣт недавано; от чего многие ходят в балахонахъ, а вычтено у ніх съ 34,000 которые денги в казані и селі; также провианту по пріезде моем нашол я толко съ 300 четвертей, да прі мнѣ вывезлі съ 5000; и тако, по істиннѣ, что нівіжу, все надобно вновь дѣлат і такая прішла на меня напасть, что незнаю, за что прінятца, ктомуж особліво на меня божей гневъ, что аѳіцеры здесь такіе, что въ редком путь, а протчие и дуракі, и пьяніцы, которымъ невозможно быть ні надъ бѣстіею, нетокмо надъ людмі, і ктому теперь прішло, что ні послат, ні пріказать нічего невозможно. Еще ж ведомості здес непрестанно изъ терка

подтверждаютъ, что непріятелі такъ прішлі в сілу, что уже и проездъ струдом; которых (непріятелей) [1]) сначала было несколко сотъ, но нынѣ умножілос и до 6000 которые какъ около терка, такъ и около гребѣнскіхъ казаковъ все разорілі и пограбілі, о чем какъ в сенат, такъ і в каллегіи чаю не одну стопу бумаги измарали, но резолюціи о томъ ніоткуды нѣтъ; но знат што не нашу тысечу рубятъ! однакож я нехотя оставить прінужденъ зделат туда транспорты забравъ отсюды всех салдат і драгунъ, і сам с німі, а здесь покіну толко для караулу и то ссоломеным ружьемъ; я васъ, мой батюшка, прошу показат ко мнѣ милость і внушит о томъ всемилостивейшей царіцѣ государынѣ чтоб показала надомною, рабомъ своімъ, мілость, о чем я і чрез мое всеподданнѣйше просілъ, которое прі сем посылаю и прошу вручіт; ибо я віжу, что нарочно такъ делаютъ і оставілі, чтоб я пропалъ, чего и искат сам еду; я віжу, что идолы [2]) тѣ болше делают добра, нежелі господа наши, ибо хотя я неімел указу, однакож відя сію напасть, прінужденъ просить аюку хана, чтоб онъ помогъ мнѣ, которой тотчас обѣщалъ мнѣ, от пяти и до шти тысечь калмыкъ послать тудаж к терку, на что у меня и лутчая надежда, а что там зделаю, незнаю; по істіннѣ я теперь в такой дісвераціи, что сам себѣ нерад, понеже здесь дѣл тьма, а там пропадаетъ; однакожъ оставя все прінужденъ туда ехат, чтоб там і всего непотерять; болше сего пісать к вам неімѣю, токмо прошу показать ко мнѣ какую нібудь милость. Нынѣ Кропотов скомандою бѣз всякаго дѣла, хотяб от него мнѣ уже далі одінъ полкъ, понеже я ні с чем еду, то бъ я с помощію вышняго надѣялся, что нібудь зделать, а теперь, хотя и еду, токмо напрасно, понеже у меня регулярныхъ и дву тысечь небудетъ, которымі можетъ быт от терка отбіть мочно, но чтож в том ползы. Ежелі на ніх неітіть і неучініть им такова разоренья в жіліщахъ ихъ, какое чінят оні нам; то чем я от терка отступлю, а оні паки тожъ будут делать, того раді, по моему мнѣнію, ежелі на ніхъ не ходіть, то бы мнѣ луче и на терке быть уже незачемъ, понеже когда я им пріездом моим нічего неучіню, то відімой будет знакъ, что мы ихъ бутто боімся, что увідя могутъ к нім и другие многи пристат, которые теперь бутто еще держатца, бутто под страхом, и тако, Боже сохрані, может оттого прямая война родітца, однакож у нас того несмотрятъ что впередъ будет; сімъ окончавъ остаюсь вашъ, моего государя, верныі другъ і покорныі слуга Артемей Волынскоі. Із астарахані іюня «23» 1721 г.

[1]) Что въ скобкахъ — этого слова въ документѣ нѣтъ, также и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) Въ документѣ ідолаты; безъ сомнѣнія описка, слѣдуетъ: идолы-то.

6.

25 сентября 1721 г. [1]).

Государь мой вѣрный другъ и любезный братъ! Въпервыхъ благодарствую вамъ, государю моему, за ваши учиненныя мнѣ заочныя дружескія благодѣянія, и потомъ доношу, понеже послалъ я къ ея величеству, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ арапа съ арапкою и съ двумя арапченки, съ поручикомъ Карцовымъ, который посланъ съ нѣкоторыми репортами въ военную коллегію, а при томъ и мои ему нужды поручилъ; того ради, васъ моего государя и друга, прошу, о чемъ оный васъ будетъ просить, въ томъ меня неоставить, такожъ и его въ вашей милости содержать. А что здѣсь дѣлается, ссылаюсь на его вамъ изустное доношеніе, ибо оный на здѣшнее на все самовидецъ, а и на постороннія дѣла отчасти извѣстенъ, между тѣмъ и о моемъ каторжномъ житьѣ онъ вамъ донесетъ; симъ окончивъ, паки васъ, государя моего и друга, прошу меня въ прежней вашей милости и дружбѣ содержать, въ которую вручая мя и тако остаюсь вашъ государя моего и друга вѣрный и покорный слуга А. Волынскоі. Изъ Астарахани, сентября «25» дня 1721 г. [2]).

P. S. «Прі семъ которую я подарилъ вам лошедь, надѣюся, что на весну мошно вамъ на ней будетъ ездить, того раді посылаю вамъ, моему другу, турецкоі муштукъ серебреной і с наперстью и с решмою; прошу в память услугъ моіхъ и верноі любви прінят.

«За тем прошу вас, государя моего, обявить моі должноі поклонъ, хотя я и словесно пріказывалъ государю моему Петру Өедоровичу, такожъ государю моему и Степану Василевичу съ Натальею Өедоровною [3]).

7.

5 декабря 1721 г.

Государь моі і любезныі другъ і братъ! Не роспространяя инаго, токмо прілагаю прі сем мое всеподданѣйшѣе прошеніе ко всемилостишей матері царіцѣ государонѣ, ис котораго все моі нужды изволіте увідеть, и прітом васъ, моего государя и друга, прошу, оное ѣе велічеству на едінѣ вручіть; а прочелъ-бы алексѣй васильевичь [4]), того раді, изволте излучить, чтоб онъ тутъ былъ; я сам чрез Бога прошу

---

[1]) Рукой секретаря.
[2]) Отсюда собственноручно.
[3]) Лопухинымъ.
[4]) Макаровъ.

показать свою дружескую ко мнѣ милость въ предстателствѣ къ еѣ величеству; а о делахъ здешніхъ пропастныхъ много васъ трудіть нехочу, токмо ссылаюся на посланные моі пісма к алексѣю васільечу, общего нашего друга, також и княз Грігорья алексѣевича, которые изволіте увідеть, чаю и узнат, каково мое бѣдное жітье; за тем немогу вас много трудіть, толко прошу для милости божьей, зделайте со мною милость, чтобъ я вечно воотчаяніи непропалъ, сімъ прекратя остаюсь вашъ, государя моего и друга вѣрный і покорныі слуга А. Волынской із гребѣнскова казачья щадріна городка. 5 декабря 1721 г. Прі сем прошу отдать поклонъ моі милостивой моей государынѣ, сестре вашей, і всей вашей ѳамиліи моімъ милостивымъ.

Намеренъ я былъ подъ вашимъ ковертом послат государонѣ царіцѣ мое пісмо, но сказалъ мнѣ блеклой, что вы посланы к городу, того раді оное послалъ под ковертомъ Алексѣя василевича (Макарова).

8.

28 янвapя 1722 г.

Государь мой любезныі братъ і верный другъ вілімъ івановичь, дружеское ваше, государя моего и брата, пісаніе из москвы здесь прінято, я получилъ, онемогу напісать, чтоб беспечалі было, тогда однакожъ всегда вамъ, моему другу, благодарствую за ваше дружеское істінное неоставленіе, за что всевышній саміхъ вас милостіво неостави. Прі сем доношу, что я по окончаніи известныхъ вам терскіх дѣлъ, съ которымі доволно было труда, но, слава вышнему, відітца что надобно было, то все неупущено. Чего и я поістиннѣ нечаялъ, ибо незапное дело было и вооженося (?) рядъ дѣлу. Однакожъ порубилі и вполонъ побралі сколко смоглі и броділі по болотам и по степямъ, какъ хотелі и такъ сщастліво сію начатую на востокѣ компанію окончал, а шпаги из ноженъ невынімалъ (однакожъ трудовъ моіхъ і вамъ из взятыхъ въпленъ малчіка изряднаго челом бью) потомъ, мнѣ прішло ктому, что ні там зімовать стало (бес хлеба дурно), ні сюда итіть с малымі людмі нелзя, і такъ уже прішла мнѣ бѣда не шутка, понеже ѳакціею детакъ моіхъ калмыковъ намеренъ былъ итіть на меня бахта гирей бѣшеной салтанъ кубанскоі, вчемъ меня одінъ владелецъ престерегъ, что я уведавъ, прінужденъ политічно дать знат хану, что я ѳакцію ихъ знаю, и чтоб онъ ведал, что если будетъ мнѣ от кубанцевъ пакость, то онъ в томъ ответъ дастъ: і с темъ отважася, положілся на волю божію и 22 декабря (с свірепым войском убрався) пошелъ, что ні будетъ; и хотя по істиннѣ с таким трудом, какова еще сроду невідалъ, однакож бѣзбѣдно, и сюда сего, генваря 8 числа, со

всеми, слава вышнему, прибылъ, токмо дня праздніка рождества до смерті мнѣ незабыть, а день новаго года прілучілося торжествоват на голой степі бѣзводы и бѣздровъ; но за все прошедшіе труды и бѣзпокойствы нынешняя почта прінесла мнѣ велікую радость, а то уже со всемъ было укоренілся здесь зімовать і для того прінасать было сталъ и местічко теплінкое, понеже моі хоромы зело бѣспокойны. Но слава всевышнему, что мілостію всемілостівѣйшеі Государони нашей милостиво свободілъ; за что незнаю, какое благодареніе могу пріпісать, понеже сіе выше моего ума дѣло; и то(ль)ко неотменно отсел с первой недели поста поеду; естлі дастъ богъ, поуправясь, неотложилбы я ні до завтрея, токмо некоторые бѣзделіцы навязаліcь, которые неучредя, ехать нехочетца; дай всевышній прібыть и чтоб уже не токмо рукі, но слѣды ногъ ихъ императорскаго велічества получить радуюся всеподданнѣйше целовать; болѣе сего распространять нехочу ні о чемъ нынѣ, понеже самъ буду к вам непісанная, но живая грамотка, тогда изволте читать о всемъ беспотпіси, а сказывать есть что, хотяб кто былъ і на том свѣтѣ, столко ж сталъ бы сказывать, а я и терекъ держу нелутче ада, около котораго жівутъ илі звері илі черті; о чемъ донесетъ вам пространно Господінъ блеклой; сімъ окончавъ, остаюсь вашъ, государя моего і друга, верныі братъ і покорныі слуга Артемей Волынской. Із астарахани 28 дня генваря 1722.

9.

8 февраля 1722 г. [1]).

Государь мой благонадежный другъ и братъ! Нынѣ инаго вамъ государю моему доносить не имѣю, токмо посылаю ко всемилостивѣйшей императрицѣ государынѣ ко употребленію стола здѣшней дичи; сколько сыскать могъ, пять драпъ и 21 фазанъ, да кабаньихъ поросятъ шесть, которой заводъ у меня въ домѣ отъ дикихъ кабановъ завелся. И ежели въ цѣлости сіе привезено будетъ, прошу васъ государя моего пристойнымъ образомъ ея императорскому величеству донесть, и экскузовать меня, дабы не прогнѣвалася, что такую бездѣлицу дерзнулъ послать, въ надеждѣ ихъ величества ко мнѣ рабу матерней милости, и отъ простоты моего усердія, чтобъ милостиво изволила принять и кушать, о чемъ я просилъ и Алексѣя Васильевича; симъ окончавъ, остаюсь вашъ, государя моего и друга, верный и покорный слуга Артемей Волынской. Изъ Астарахани. Февраля 8 дня 1722 г.

---

[1]) Рукой секретаря.

10.

28 февраля 1722 г. [1]).

Государь мой и истинный другъ и братъ Вильгемъ Ивановичь! Доношу вамъ, что я сего февраля 21 дня, изъ Астарахани выѣхалъ и сюда въ Царицынъ вчера прибылъ, до котораго, верстъ за десять не доѣзжая, дошолъ было конца такимъ образомъ, что я ночью спалъ, и такъ привезли меня къ полынье, подлѣ которой подъ моими санми съ двумя коренными лошадьми ледъ проломился, и понесло меня, какъ бы на плоту въ полынью прямо, но еще тѣмъ Богъ спасъ, что переднія лошади удержалися на крѣпкомъ льду, и потомъ вытащили и сани; токмо такихъ я добрыхъ товарищей имѣлъ, что не хотѣли отстать отъ меня, кои за мною ѣхали, одни за другими пятеро сани вляполися въ воду и поплыли, и такъ билися нѣсколько минутъ, доколѣ прибѣжали оставшіе съ оглоблями и съ вожжами, и такъ славабогу вытаскали людей и возы; однако-жь что было перепортило такъ, что рѣдкое что годится, а прочее все пропало; и такъ мнѣ сдѣлало убытка около 400 рублев; чего ради принужденъ перемѣшкать здѣсь два дня, а потомъ такимъ же путемъ ѣхать до Саратова; но что дѣлать, хотя съ убыткомъ и бѣдами, однако-жъ дай только Боже видѣть ихъ императорское величество; и потомъ васъ, чему обрадуяся все сіе забвенію предамъ; симъ прекратя и остаюсь вашъ, государя моего и друга, вѣрный и покорный слуга А. Волынской.

Изъ царіцына. Февраля 28, 1722 г. [2]).

P. S. Паче другова убытка зело мнѣ жаль перуковъ, понеже что было все, тутже и любимые ваши два, никуда негодятца. Тутже и чулки все поліняли, толко осталис чорные и те без глянса; я вас, моего друга и брата, прошу, потрудитца два перука, туне [3]), и около полъдюжины чулковъ (естли у васъ цветныхъ нѣт) сыскать, однакож я слышу, что и вас заставіла неволя щеголять и рубашки уже слышу, что почали вы сманжетами носить, что за велікое удівление почитаю и вовсе небуду верить, нежели глазами моимі увижу.

Ежелі, государь мой братецъ, не сыщетца для меня інова двора в слободе, не мошноль вам поговоріть господину бідлоу, чтобъ он переѣхалъ на загородной свой двор, а мнеб слоботцкой уступил, понеже, какъ вам известно, что мнѣ конечно надобно быть к преображенскому

---

[1]) Рукой секретаря.

[2]) Отсюда собственноручно.

[3]) Туне (т. е. даромъ) вѣроятно онъ даритъ.

бліже; а ктому ж, когда буду (въ) слободе, то надеюся, что и выб со мною жіли. однакожъ, какъ і вы знаете, что доктор скупъ, то невозможноль, хотя с наймомъ, яб и тѣмъ былъ благодаренъ, толко чтоб быт к вам бліже.

11.

28 іюля 1723 г.

Государь мої и благонадѣжныі другъ і братъ вилімъ івановичь. Я за особлівое несщастіе себѣ причитаю, что ніединаго писма от вас, государя моего, неполучилъ, хотя многократно к вамъ писал, однакожъ віны моей нікакой незнаю, что отдаю на ваше разсужденіе. Прі сем доношу анета моя ротіла мнѣ трепіцу, котороі далі имя анна, и девка изрядная естлі будет жива, чаю карліца будетъ, чемуб я и рад былъ, понеже когда будетъ неглупа тоб уповал, что будетъ вместо авдотьюшки [1]) в милости, и яб болше нежелал, чтоб она со всемъ была такова, какъ она, чтобъ себѣ за особлівое сщастіе прічитал, мнеж бы бѣзубытку. Пред сим я просил всеподданнѣйше всемилостивѣйшую государыню нашу императріцу о милостівом позволеніи, чтоб государыня цесаревна анна петровна соізволіла оную под свою высокую протекцию принят от купели, о чемъ такожъ и еѣ высочество всеподданнѣйше просил, однакожъ до сего времені несподобилис того высокаго указу получит, что за особлівое несчастие причитаю; и імею великую печаль, непрогневал лі тѣмъ? того ради, васъ, государя моего і друга, прошу уведомит меня о том, по милости своей, нет ли на меня гнева, от котораго, боже сохрані, куда я годенъ буду-лутче хочу умерет, нежелі чем прогневат; и пакі вас, государь мой, прошу пожаловат ко мнѣ отписат и из сего сумненія меня вывесть; вашъ, государя моего и друга, верныі і покорный слуга А. Волынской. Из астарахани іюля 28 дня 1723 г.

При сем отдаю должной поклон моі милостивоі государинѣ моей, матренѣ івановнѣ и всей вашей любѣзной ѳамиліи.

Надѣюся я, что вы, государь мой, извѣстны о проізшедшеі здес бѣзделицѣ, понеже какъ слышу, что уже ихъ веліčеству донеслося, того раді прінужденъ я всеподданѣйше трудіть еѣ величество, всемілостивѣйшую императріцу государоню и донесть подробно, какъ было из чего; і вы изволіте увидет, естлі моя хотя малая віна, богъ сведетель, что я сіе за особливое несчастіе почітаю, паче же печалюся смертелно, можетъ быть, что их императорскому велічеству нетакъ донесено, какъ было; того ради, боюся ихъ величества гнева.

[1]) Любимая карлица царицы Екатерины.

12.

28 мая 1724 г. [1]).

Мой милостивый государь, Вилимъ Ивановичъ! Который пакетъ я вамъ, государю моему, при отъѣздѣ моемъ, вручилъ, для самаго бога пожалуй, государь мой, покажи со мною милость, изволте не умедля вручить всемилостивѣйшей государынѣ, и притомъ побить челомъ, чтобъ показала надо мною, рабомъ своимъ, божескую милость, изволила бы подать его императорскому величеству и притомъ милостиво объявить: что понеже я желалъ, чтобъ его величество, по первому моему меморіалу, изволилъ спросить меня, однако-жъ такъ сдѣлалось, что изволилъ подписать, въ такой силѣ, что ни правды, ни вины моей знать неизволитъ, кромѣ лѣсу и людей [2]).

И тако сіе склоняется къ тому, чтобъ я показалъ, что моя правда, и что моя вина [3]). Того ради, какіе я посылалъ жестокіе указы о лѣсу въ Сінбирскъ, и сколько разъ посылалъ, и зачѣмъ оный лѣсъ въ Астарахань не бывалъ, тому всему въ прошломъ еще году прислана отъ меня въ кабинетъ обстоятельная вѣдомость, чтобъ изволилъ приказать, кому изволитъ вѣрить, а собливо желалъ бы я, чтобъ высмотрелъ Павелъ Ивановичъ [4]).

Людей, что я оставилъ 1000 человѣкъ въ Астарахани: первое не для моей прихоти, а если то сыщется, приказалъ бы меня за то хотя четвертовать; второе, такая крайняя нужда была, что Михайла Аѳанасьевичь людей у меня побралъ съ 700 человѣкъ, и есть-ли-бъ не онѣ, то-бъ ни провіянтъ отправлять, ни судовъ таскать было не кѣмъ; третье, что я и оставилъ не собою, но по письму Михаила Аѳанасьевича, съ съ котораго копію тутъ приложилъ [5]), а въ прочихъ дѣлахъ я такъ дѣлалъ, какъ вѣрному рабу надлежало; и для того и правду и вину мою написалъ тутъ, чтобъ показала государыня божескую милость, изволила бъ его императорскаго величества попросить, чтобъ самъ изволилъ прочесть, а потомъ какъ его воля, ибо изволитъ изъ того усмотрѣть: добрый ли я человѣкъ или нѣтъ?

Также прошу и о другомъ меморіалѣ, который я, по приказу всемилостивѣйшей государыни, вручилъ вамъ, о томъ припомянуть [6]), а

---

[1]) Рукой секретаря.
[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
[4]) Ягужинскій.
[5]) То-есть приложилъ при меморіалѣ.
[6]) Отсюда собственноручно.

что с шуръями зделается о томъ вамъ жена моя донесетъ і паки васъ, государь мой милостивой, прошу показат надо мною милость вчемъ я благонадѣженъ пребывая и остаюсь вашъ, государя моего, покорныі і верныі слуга А. Волынской. Изъ села Петровскаго. Мая 28 дня. 1724.

13.

Года и числа неизвѣстнаго.

Государь моі, любезныі братъ и істінныі другъ вілгельмъ ивановичъ.

Прошу вас, государь моі, пріпомнить о поданіи меморіала, і по немъ о ісходатайствованіи мнѣ жалованья: понеже управляю я свое дѣло уже 16 мѣсяцовъ, а жалованья нікакова не получаю, того раді, чтоб оное повелено было выдать, и впред учініть мнѣ окладъ денежноі и хлѣбноі, дабы могъ себя там содержать, ибо как вам известно, что мнѣ бес того содержать себя невозможно, к томуж будутъ мнѣ непрестанные отлучки, которые требуютъ особліво излишніхъ росходовъ.

Второе прошу, чтоб опредѣліть ко мне таварыща, понеже какъ віжу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежелі умныхъ. И тако с трудомъ дѣла и прі мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучітца, то по істіннѣ, некому вручіть будетъ. Того раді, везде возможноль одною головою все зделать, естлі не будетъ несколкіхъ добрыхъ помошніковъ; а я-бы уже и одному радъ былъ. Также, моі батюшка, прошу вас особліво пріпамятовать о том, что мнѣ прі отпускѣ обещано, понеже мнѣ нічто такъ непотребно, какъ сія милосџь.

А затем уже прошу і о извезстном вам дѣлѣ, чтоб о склонности дѣвушкіноі доложіть, і к совѣршенію сіе прівесть, такъ какъ вам с тоі стороны говорено; а больше и я нынѣ не требую... [1]).

---

[1]) Конецъ письма отрѣзанъ.

IX.

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ къ Виллиму Монсъ.

13 апрѣля 1722 г. [1]).

Милостивый государь мой, Вилимъ Ивановичъ! Доношу вамъ, моему государю, въ Лапстрандѣ съ господиномъ Левеномъ обрѣтаемся всегда въ спорахъ а о зачатіи границы надлежитъ начать отъ кирки Виролаксъ, понеже другова мѣста такимъ званіемъ нѣтъ; а онъ толкуетъ, называя отъ себя заливъ Виролаксомъ по приходу тое кирки; такожъ новыми милями продолжать границы не хочетъ, а представляетъ старыя мили, которыя въ половину новыхъ или мало больше. Прошу, милостивый государь, не оставить меня въ своей милости. Иного къ доношенію не имѣю, токмо остаюсь въ вашей милости моего государя нижайшій слуга Иванъ Шуваловъ. Лапстрандъ. въ 13 день апрѣля 1722 года [2]).

---

[1]) Рукой секретаря, кр мѣ подписи.

[2]) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, отецъ знаменитаго фаворита Елисаветы Петровны—Ивана Ивановича, отправленъ былъ Петромъ въ Выборгъ въ 1718 г. для описанія и положенія на планъ морскихъ береговъ до устья рѣки Урпалы и чрезъ рѣку Воксу до Ладожскаго озера. Въ 1722 году онъ былъ оберъ-комендантомъ Выборга и размежовывалъ земли между Швеціей и Россіей согласно нейштадскому договору.

X.

Петръ Андреевичъ Толстой къ Виллиму Монсъ.

1.

9 декабря 1723 г.

Государь мої Вилим Ивановичь! Прошу вас, государь мой, вначе ея величеству всемилостивейшеі наше государынѣ императрице при моем рабском поклонѣ донесть, что для каторых дѣлъ я отправлен в москву, оные начал изправлят и с помощию божию уповаю быт исправным, токмо зѣло мнѣ печално, что по се время вещи, каторые выписаны из италиі в москву, еще непривезѣны; однакож ожидаемъ их вскоре, а прочие здѣс начали дѣлат; и прошу вас, государь мой, неумедля прислат ко мнѣ рисунокъ кавалериі ея величества, безмерно трудно здес сыскат мастерицъ, каторые шит умѣютъ, хотя и есть некоторые, токмо плохи, однакож буду и о том старатся повозможности; еще мой государь, прошу донесть, что, по указу ея величества, дворы, где стоять государынямъ царевнамъ, по требованию Василья Салтыкова, очищены и ему оные вручены, а имянно: на чистом пруде двор полковника Петра Иванова сына Лачинова, на которомъ жилых теплых 9 покоевъ, другой подле тогож, иноземцовъ Вахрамея да Петра Меллеровъ, на котором 8 покоевъ. Я опасаяся, либо вещи из италиі умедлятся, сыскал здес в запас бархатов красныхъ одного цвету с шесть сот аршин также и других цвѣтов немало и заказалъ их до указу продават. Грановитая полата, хотя и сделана была до моего сюда пріезду, но нынѣ все велел переделат, и вскоре чаю поспеетъ, также и другие полаты для ея величества будут готовы. И впрочем сколко Богъ поможет уповаю изправится и пребываю вашего благородия покорной слуга Петръ Талъстой.

Из москвы, декабря „9“ дня 1723 г.

2.

18 декабря 1723 г.

Государь мой Вилим Ивановичь! Свеликою моею горестию услышал я здѣс, что их величествы неизволят быт в москву к празнику рожества христова, и по истиннѣ, государь мой, от тяжких размышленей едва жизнь моя нескончевается. Того ради, свеликим прилежанием вас, мой государь, прошу отписат ко мнѣ причину, для чего их величествы походъ свой изволили отложить, притом же прошу донесть ея величеству, всемилостивейшей нашей государынѣ императрице, что здесь предуготовление чинится с великим поспешением, и вещи из италиі привезены преизрядные, токмо неможем кроит платья на пажеі и на гайдуковъ без мѣры, такъже, прошу неумедля прислат ко мнѣ рисунокъ кавалериі ея величества, за тем остановилось дѣло, о чем я к вам, государь моі, писал и напред сего; впрочемъ с почтением пребываю покорной вашъ слуга Петръ Талъстой. Изъ москвы, декабря «18» дня 1723 года.

3.

Безъ года и числа.

Государь мой Вилимъ Ивановичъ. Сего часа были у меня дербенцы, каторые присланы от тамошняго наипа, и обявили мне, что наипъ прислалъ сними къ ея величеству, всемилостивой нашей государынѣ императрице, одну девочку горского народа; того ради прошу вас, моего государя, доложить ея величеству, понѣже оные дербенцы желают, чтобы им самим оную девочку ея величеству придставитъ, а присланной от наипа — племянникъ ево, каторого и ея величество знать изволитъ. И что ея величество изволитъ повелет, прошу, государь мой, меня уведомить. Покорной слуга П. Талъстой.

Примѣчаніе. Напечатанные выше документы, стр. 285—306, №№ IV—X, при печатаніи ихъ здѣсь — особенно тщательно сличены съ подлинниками, хранящимися въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

XI.

Стихи, писанные рукой Егора Столѣтова.

1.

Охъ свѣтъ мой горькій моей молодости,
Печално терпѣть, не имѣю радости,
Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,
Тяжкая туга мене сокрушаетъ,
Злая же печаль жизни мя лишаетъ,
Хоть пойду въ сады или въ винограды,
Не имѣю въ сердцѣ ни малой отрады,
Другъ мой сердечный прочъ отъѣзжаетъ,
Меня бѣдную въ горѣ оставляетъ,
Иже обязанъ союзомъ сердечнымъ,
Въ любви сопряженъ, въ вѣрности нелѣстной,
Которой во всемъ хотѣлъ быти вѣрнымъ,
Мнѣ же до смерти никакъ неотмѣннымъ,
Нынѣ отъ очей моихъ онъ сокрылся,
Ахъ горе, горе, уже удалился.
Кого бѣдная сердечнѣ любила,
Того несчастьемъ своимъ утратила,
Возьму съ печали преострые мечи,
Промолвлю въ горѣ такіе азъ рѣчи:
Безчасный той день, въ онь же азъ рожденна
Почто на свѣтѣ тако сотворенна,
За вѣрность мою лехко мнѣ умрети,
Вѣчной слухъ будетъ ахъ! объ моей смерти.
Пробью на мечи свои бѣдные перси,
Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси.

2.

Охъ! жалю несносны, гдѣ златыя лѣта
Очи, которыя заживаютъ свѣта
Зѣло убо тяжко оныхъ погубити
О коль есть прискорбно безъ зрѣнія жити.
Не жаль ли то тяжко утраты зраки
Да быся вернули во обитель паки,
Кто убо-бы не радъ сицевой годинѣ,
Кто убо-бы зѣло не тѣшился нынѣ,
Днесь-же азъ презѣлно оными страдаю,
Серцемъ, всѣми члены, въ полы умираю.
Понеже вся радость отъ мене лишенна
Яко глава моя лютѣ уязвленна,
О злобное время не полно-ль ти было,
Что и въ прежнія лѣта тѣмъ мене язвило.
Нынѣ наипаче горесть мнѣ являешъ,
Ясности пріятной отлучить желаешъ.
Убо-азъ надежду полагаю въ Бозѣ,
Онъ мя да врачуетъ въ милости на мнозе,
Аще и зла болѣзнь мене обложила,
Главу, умъ, мысль, волю жестоко смирила,
Аще и никто мнѣ о семъ не поможетъ,
Но Ты, о прещедрый и всекрѣпкій Боже,
Ибо всю надежду на тя полагаю,
И отъ тебе пріяти всяку благость чаю.

3.

О коль тягость голубю без перья летати
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
И теперь я младенка в слезахъ унываю
Что я друга сердечна давно не видаю.
Никакой в серцѣ своемъ радости не маю
Ниже коей утѣхи в себѣ обретаю
Токмо всегда младенка горко болѣзную
Что я безъ друга мила в свѣтѣ семъ горюю.
Не могу в серцѣ своемъ радости имѣти
Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти
Языкъ бо мой не можетъ, не съ кѣмъ говорити
И очи мои не могутъ на иншего зрѣти.
Точію азъ слезами себе утѣшаю
Своего мила друга часто споминаю.
Что ты, любезный друже, мене покидаешь
Никогда мя горькую не воспоминаешь
Спомяни мя, сердешный другъ, вѣрную дѣвицу,
Аки згибшую въ темномъ лѣсѣ голубицу
Азъ такожде по всякъ часъ тебе споминаю
И всегда непрестанно о тебѣ мысль маю

XII.

Экстрактъ изъ поданныхъ ея величеству всепресвѣтлѣйшей государынѣ императрицѣ всероссійской Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ разныя числа челобитенъ

1724 г.

Гвардіи лейтенантъ Вилимъ Монсо: по указу ея величества пожаловано ему крестьянъ сто дворовъ, а въ которыхъ уѣздахъ неозначено, а есть во владѣніи ея величества вотчина въ московскомъ уѣздѣ село Петровское и Іевлевское, по переписи 1719 году сто четырнадцать дворовъ, которая была подъ владѣніемъ подполковника Карпова, чтобъ оными селы ево наградить

Гвардіи лейтенантъ Дмитрій Шепелевъ, чтобъ ево наградить вотчинами въ Московскомъ уѣздѣ село Ильинское—осмнадцать дворовъ, да въ Коломенскомъ уѣздѣ село Преображенское тритцать пять дворовъ, въ Суздальскомъ село—Сваино сорокъ дворовъ, итого девяносто три двора.

Оборъ-гофмейстера Василья Олсуфьева, жена Евва, по смерти мужа ея явилось задержанныхъ изъ казны отъ расходу стряпчего Ѳедора Маслова денегъ въ домовой ихъ расходъ тысяча шесть сотъ дватцать шесть рублевъ; да изъ кабинету отъ Петра Мошкова пятьсотъ рублевъ, итого 1826 рублевъ, чтобъ, за службу мужа ея и для ея пропитанія и оставшихъ малолѣтныхъ дѣтей, означенныхъ денегъ на ней неправить, и помянутымъ Мошкову и Маслову зачесть въ росходъ.

Черкасской сотникъ Данила Налѣтовскій, чтобъ ево обрѣтающимся въ селѣ Бахмачѣ въ куренѣ шинкованнымъ строеніемъ.

Василей Украинцовъ чтобъ ему быть въ домѣ ея величества въ служителяхъ.

Церкви Воскресенія Христова, что въ преображенскомъ дворцѣ, попъ Петръ Алексѣевъ, съ причетники, чтобъ имъ выдать денежное и хлѣбное жалованье на прошлыя 722, 723 и на сей 724 годы.

Комнаты блаженныя памяти государыни царевны Екатерины Алексѣевны стряпчія конюхи, Яковъ Зеленцовъ, Нефедъ Исаевъ, чтобъ имъ быть на конюшнѣ ея величества въ стряпчихъ конюхахъ, и опредѣлить денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ.

Кормилицы Прасковьи Яковлевой сынъ ея Иванъ Шараповъ, чтобъ ему быть при домѣ ея величества, въ служителяхъ.

Московской акцизной каморы подканцеляристъ Андрей Мазалевской проситъ на Алексѣя Носова, что онъ ему бѣглыхъ ево Мазалевскаго крестьянъ неотдаетъ, которыя живутъ за ея величествомъ въ Алаторскомъ уѣздѣ, и о томъ ему, Носову, подавалъ онъ доношеніе, по которому резолюціи никакой неучинилъ, чтобъ о томъ учинить рѣшеніе.

Служитель Андрей Соколовъ, въ прошломъ 1718 году отданъ онъ въ команду Алексея Носова къ вотчиннымъ дѣламъ. И определено ему денежного жалованья денегъ по десяти рублевъ, да по осми четвертей хлѣба въ годъ и онымъ жалованьемъ ему съ женою и съ дѣтьми прокормитца невозможно, чтобъ ему прибавить ко оному ево окладу жалованья.

Ѳедоръ Серебряковъ, чтобъ ево приписать къ вотчиннымъ ея величества дѣламъ, или дать свободной пашпортъ.

Служители Кирила да Петръ Бобровскіе, Иванъ да Петръ Саблуковы о выдачѣ на сей 724 годъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Домовыхъ ея величества дѣлъ портные мастеры Антонъ Мокѣевъ, Якимъ да Андрей Даниловы, работали они при государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ портную работу; а по преставленіи ея высочества денежнаго и хлѣбнаго жалованья неполучаютъ съ 718 году, а работу всякую портную нынѣ потомужъ отправляютъ, чтобъ ихъ жалованьемъ опредѣлить.

Верховые конюхи Михайла да Иванъ Владистовы, Иванъ Аршаневской, Андрей Икосовъ, Алексѣй Товарыщевъ, чтобъ ихъ опредѣлить денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ противъ ихъ братьи верховыхъ конюховъ.

Служитель Михайло Теляковской, по преставленіи ея величества государыни царевны Екатерины Алексѣевны опредѣленъ онъ въ команду Алексѣя Носова и жалованіемъ неповерстанъ, чтобъ ево жалованіемъ поверстать и послать по достоинству къ дѣламъ.

Команды Носова служители Григорей Саблуковъ, Иванъ Тугариновъ, чтобъ имъ къ прежнимъ ихъ окладомъ прибавить жалованья.

Служители Иванъ Бочкаровъ, Иванъ Усачовъ; Давыдъ Зайцовъ, Климъ Штенниковъ, чтобъ за всеконечною ихъ скудостію, прибавить денежного и хлѣбного жалованія и противъ другихъ служителей выдать мундиръ.

Служитель Иванъ Хитровъ, чтобъ за службу его удостоить ранъгомъ.

Служитель Илья Городецкой: въ прошлыхъ годѣхъ служилъ онъ при ея высочествѣ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ за стряпчего, а по преставленіи ея высочества опредѣленъ онъ въ команду Алексѣя Носова и отправляетъ за стряпчегожъ. И въ прошломъ 719 году указомъ вашего величества велѣно ему давать денежного жалованья по 16 рублевъ на годъ, а о хлѣбномъ велѣно просить впредь. И, по тому вашего величества указу, получалъ онъ денежного жалованья по 721 годъ половину, а второй половины за три, а полного за четыре года, а хлѣбного за семь лѣтъ неполучалъ; чтобъ за вышепоказанныя годы жалованіе ему выдать, а впредь опредѣлить вновь окладомъ, или отослать ево въ приказъ большаго дворца, для опредѣленія въ дворцовыя волости.

Иванъ да Василей Голиковы, въ прошлыхъ годѣхъ служили они при комнатѣ государыни царевны Екатерины Алексѣевны и получали жалованія

по дватцати рублевъ на годъ, а въ 719 году, по преставленіи ея высочества, по указу вашего величества, опредѣлены для посылокъ въ вѣдомство Алексѣя Носова и съ 720 году по сей 724 годъ денежнаго и хлѣбнаго жалованія неполучали, чтобъ для ихъ скудости опредѣлить денежное и хлѣбное жалованіе.

Алексѣй Пироговъ, отецъ его Григорей Пироговъ служилъ въ стремянныхъ конюхахъ, а онъ нынѣ ни у какихъ дѣлъ, чтобъ его пожаловать въ чинъ, на мѣсто отца его.

Копеистъ Иванъ Стрельниковъ, въ прошломъ 716 году опредѣленъ онъ на казенныя винокуреныя заводы къ камисару Александру Сергѣеву копеистомъ и былъ при немъ по 722 годъ; а съ 722 года за отлученіемъ онаго камисара въ С.-Петербургъ онъ отбылъ и нынѣ ни укакихъ дѣлъ, чтобъ его пожаловать къ дѣламъ на каменномосткой отдаточной дворъ въ подканцеляристы.

Гвардіи Преображенскаго полку банбандирской роты солдатъ Лука Фроловъ, чтобъ ему быть при дворѣ въ стрѣлкахъ.

Служитель Лаврентей Елчинъ, чтобъ сына его Василья опредѣлить во служеніе ко двору.

Служитель Крискентій Гавриловъ, служилъ онъ при комнатѣ государыни царевны Екатерины Алексѣевны, а по преставленіи ея высочества опредѣленъ къ дѣламъ вашего величества, и былъ управителемъ въ нижегородскихъ вотчинахъ съ 721 году по 724 годъ безъ жалованія; а нынѣ изъ того села смѣненъ, чтобъ его опредѣлить жалованьемъ и пожаловать въ вотчины, по прежнему, къ дѣламъ.

Варвара Назарова, изучена она шить золотомъ и серебромъ, чтобъ ее опредѣлить въ мастерскую полату въ мастерицы.

Иноземецъ Годфридъ Ребижъ, чтобъ ему быть при домѣ вашего величества въ каменно гранильныхъ мастерахъ, понеже онъ тому изученъ.

Стряпчей Федоръ Знаменской, чтобъ его окладомъ какъ денежнымъ, такъ и хлѣбнымъ опредѣлить въ вотчинной канцеляріи.

Прапорщикъ Михайло Лодыгинъ, чтобъ его изъ военной коллегіи взять въ домъ вашего величества.

Кузнецъ Лаврентей Ивановъ, служилъ онъ при ея высочествѣ государынѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ на конюшнѣ, въ кузнецахъ; а по преставленіи ея высочества, опредѣленного ему жалованья нейдетъ, чтобъ его опредѣлить къ кузнечной работѣ и давать жалованье противъ прежняго.

Гвардіи сержантъ Осипъ Лихачевъ, чтобъ его пожаловать на приданое дочери его.

Поручика Потѣхина жена вдова Аксинья Григорьева о милостыни на пропитаніе.

Горняго дѣвичья монастыря игуменія Досиѳея, о награжденіи милостыни.

Села Воздвиженскаго попъ Иванъ Алексѣевъ о милостыни на пропитаніе.

Того-жъ села церковного сторожа мать Катерина Абросимова, чтобъ ей пожаловать на приданое дочери ея.

Солдатская жена Авдотья Иванова, чтобъ пожаловать дочери ея на приданое и ей съ другими дѣтьми на пропитаніе.

Семеновскаго полку салдатская дочь дѣвка Авдотья Тимофѣева, чтобъ ей пожаловать на приданое.

олку салдатскія дочери Катерина Алексѣева, Дарья Яков-
іъ пожаловать на приданое.

палаты мастерица Акулина Володимерова, чтобъ пожа-
...ори ея на приданое.

Преображенскаго полку салдатскія дочери Степанида Степанова, Анна Семенова, чтобъ имъ пожаловать на приданое.

Салдатская жена Дарья Васильева, чтобъ ей пожаловать на приданое дочери ея.

Салдатская жена Мавра Иванова, чтобъ пожаловать дочери ея на приданое.

Подъяческая дочь дѣвка Лукѣрья Никитина, чтобъ ей пожаловать на приданое.

Драгунская мать, вдова Татьяна Федорова, о награжденіи на пропитаніе и на оплату пожилого, а внукамъ ея на приданое.

Вдова Катерина Ермолаева, о награжденіи дочери ея на приданое.

Преображенскаго и Семеновскаго полковъ салдатскія дочери, дѣвки Надежда Артемьева, Катерина Иванова, да малолѣтная дѣвка, о награжденіи на приданое.

Семеновского полку салдатская дочь дѣвка Маремьяна Ѳеоѳанова, о награжденіи на приданое.

Подъяческая жена Ѳедосья Алексѣева, о награжденіи дочери ея на приданое.

Преображенскаго полку салдатская дочь, дѣвка Марья Иванова, о награжденіи на приданое.

Ивана Бибикова жена, о награжденіи дочери ея на приданое.

Драгунская жена вдова Марья Иванова, чтобъ для ея скудости дочери ея наградить на приданое.

Драгунская жена Василиса Афтамонова, чтобъ для росплаты долговъ, которыя остались послѣ мужа ея 50 рублевъ заплатить; такожъ и дочерямъ на приданое пожаловать.

Морскаго флоту капитана Ерофѣя Лапшинскаго жена, вдова Матрена Никитина, чтобъ наградить, для ея скудости, двумъ дочерямъ ея на приданое.

Салдатская жена, вдова Агафья Кандратьева, чтобъ для ея скудости наградить ея на пропитаніе, а дочерямъ ея на приданое.

Комнаты блаженныя памяти государыни царевны Екатерины Алексѣевны постельница, Акулина Никитина, чтобъ, для ея скудости, наградить дочери ея на приданое.

Ростовскаго уѣзду села Ново-Рожественного умершаго попа дочери дѣвки Ѳедосья, Дарья, Катерина Петровы, чтобъ на пропитаніе и на приданое имъ пожаловать.

Вдова Наталья Алексѣева, о награжденіи, для скудости, дочери ея на приданое.

Балкова полку прапорщикова жена вдова Лукѣрья Федорова, о награжденіи дочери ея на приданое.

Воскресенского монастыря дьячкова дочь, дѣвка Авдотья, чтобъ для ея скудости наградить на приданое.

Преображенскаго полку салдатская дочь Ирина Соколова, чтобъ для ея скудости наградить на приданое.

Преображенскаго полку салдатская дочь дѣвка Наталья Байбухтова, чтобъ для ея скудости наградить на приданое.

Салдатскіе дочери дѣвки Наталья, Марфа, Федора Алексѣевы, чтобъ для ихъ скудости, наградить на приданое.

Салдатская жена вдова Ирина Иванова, чтобъ ее наградить на пропитаніе и на оплату долгу трехъ рублевъ, такожъ и дочери ея на приданое.

Вдова Прасковья Иванова, чтобъ для ея скудости, наградить двумъ дочерямъ ея на приданое.

Попъ Емельянъ Копаповъ, чтобъ наградить для скудости на приданое дочери его.

Полковница вдова Марья Васильева, чтобъ для ея скудости, наградить на приданое дочери ея, также и ей на пропитаніе.

Салдатская жена Акулина Алексѣева о награжденіи на пропитаніе.

Салдатская жена Прасковья Осипова о награжденіи на пропитаніе.

Стадного конюха Матвѣя Игнатьева дѣти дѣвки Дарья, Устинья, Алена, Ѳедора, чтобъ имъ пожаловать на пропитаніе.

Преображенскаго полку салдатская жена, вдова Аксинья Тимофѣева, съ дѣтьми, чтобъ ея пожаловать на пропитаніе.

Пряжнаго дѣла мастерицы, Зачатѣйскаго дѣвичья монастыря, Анна Степанова, Алексѣевскаго—Ирина Мартинова, Акулина Агафонова, Георгіевскаго — Катерина Макарьева, Ржевскаго—Анна Калинина, Страстнаго—Аксинья Ѳеоктистова о выдачѣ имъ опредѣленного жалованья.

Вдова Авдотья Иванова, чтобъ ея наградить для пожарного раззоренія на оплату долговъ [а сколько въ прошеніи не показано].

Салдатская жена вдова Катерина Васильева; чтобъ за скудостію ея пожаловать на оплату долгу семи рублевъ, да за покупку двора восемь рублевъ, которыхъ ей платить не чѣмъ.

Пушкарская жена вдова Авдотья Афонасьева, чтобъ ей пожаловать, за скудостію ея, денегъ пятнатцать рублевъ въ платежъ салдатской женѣ за ленту, которую она въ городѣ утеряла.

Кормового Дворца, бывшаго повара Яковлевская жена Пенюгина, вдова Татьяна Алексѣева, чтобъ ей выдать денежное и хлѣбное жалованіе за прошлыя 721, 722, 723 и на сей 724 годы, такожъ и впредь давать.

Дворцового села Никольского крестьянка Марья Иванова съ дѣтьми, о награжденіи милостыни на пропитаніе.

Дмитревской сотни Никифоръ Васильевъ, о награжденіи на искупленіе долговъ тринатцати рублевъ.

Соборнаго сторожа жена Авдотья Ильина, о награжденіи на оплату долговъ 15 р.

Салдатская жена вдова Афимья Яковлева, о искупленіи долговыхъ денегъ сорока рублевъ, которыми она должна стольнику Тимофѣю Ададурову и въ тѣхъ деньгахъ въ закладѣ дворъ ея и помѣстная земля.

Дворянская дочь дѣвка Степанида Савельева о искупленіи долговыхъ денегъ трехъ рублевъ съ полтиною.

Подьяческая дочь дѣвка Марфа Якимова о искупленіи долговыхъ денегъ четырнатцати рублевъ, которыми должна послѣ отца ея.

Салдатская жена Федора Кузмина о искупленіи долговыхъ денегъ десяти рублевъ да о награжденіи дочерямъ ея на приданое.

Преображенского полку салдата Федора Звонарева жена, съ дѣтми

о награжденіи на оплату долговъ 4 рублевъ, и себѣ съ дѣтьми на пропитаніе.

Тогожъ полку сержантская жена вдова Агафья Тимофѣева, о искупленіи долговыхъ денегъ дватцати рублевъ, которыя остались на ней послѣ смерти мужа ея.

Афросинья Григорьева, Акулина Юдина, Дарья Дорофѣева; въ прошлыхъ годехъ служили они при комнатѣ Блаженныя Памяти Государыни Царевны Екатерины Алексѣевны и получали себѣ жалованіе, а по преставленіи ея высочества пропитанія себѣ, за невыдачею жалованія, неимѣютъ, чтобъ для ихъ скудости, опредѣлить жалованіемъ.

Дмитрей Калмыкъ: въ 713 году былъ онъ въ Можайской помѣщика его вотчинѣ въ селѣ Порѣчье, на приказѣ. И въ бытность его Орловского уѣзду, дворянинъ Петръ Жилинъ съ товарыщи собрався многолюдствомъ его разбили, а разбоемъ взяли пожитковъ и деньгами на 550 рублевъ; — чтобъ для такого его раззоренія пожаловать ему на пропитаніе.

Гвардіи сержанты Никита Золотаревъ, Павелъ Козловъ, имѣютъ они дворы свои въ селѣ Покровскомъ на землѣ ея величества; а съ оной земли спрашиваютъ съ нихъ поземельныхъ денегъ, чтобъ съ нихъ оныхъ поземельныхъ денегъ не брать.

Драгунская жена вдова Аграфена Фролова; на похороны мужа ея заняла она денегъ пять рублевъ, а заплатить оныхъ денегъ нечѣмъ, чтобъ на оплату оныхъ денегъ ей пожаловать.

Села Покровского оброчной крестьянинъ Антонъ Колотиловъ, въ прошломъ 720 году въ преображенскомъ приказѣ по розыскному дѣлу иноземца Моркварта, за покупку зачисто у салдата Якова Милюкова серебра, коложенъ на немъ штрафъ по иску 139 рублевъ, 15 алтынъ, 4 деньги, въ поторой искъ онъ заплатилъ одолжасъ 99 рублевъ, 15 алтынъ, четыре денги; а достальныхъ 50 рублевъ, да положенныхъ пошлинъ 25 рублевъ—ему заплатить нечѣмъ; чтобъ, для ево скудости, на оплату оныхъ денегъ ево пожаловать.

Остоженной конюшни, каретного дѣла мастера жена Анна Кирилова, да стадного конюха жена Анна Максимова: мужья ихъ служатъ въ С.-Петербургѣ при конюшнѣ лѣтъ съ десять, а они безъ нихъ пропитанія неимѣютъ, чтобъ, для ихъ скудости, на пропитаніе пожаловать.

Вдова Настасья Сергѣева: сынъ ея служилъ на кормовомъ дворцѣ курятникомъ и умре, а на погребеніе его заняла она денегъ (а сколько въ прошеніи неупомянуто), чтобъ заслуженое сына ея жалованіе, котораго онъ неполучалъ съ 713 году по 720 годъ и на росплату долговъ ея наградить.

Стряпчей конюхъ Иванъ Шубинъ, въ прошломъ 723 г. дворъ его и скотъ погорѣлъ безъ остатку, а денежного и хлѣбного жалованья третей годъ ему недается, чтобъ, для объявленнаго раззоренія, ему пожаловать на пропитаніе.

Садовой слободы Иванъ Кузнецовъ: въ прошломъ 721 году отдана ему изъ домовой ея величества канцеляріи мельница въ оброкъ по 150 рублевъ на годъ; а послѣ той отдачи построилъ мельницу вновь Гаврила Карташовъ, разстояніемъ, въ трехъ верстахъ; отъ которой явилось ему помѣшательство въ молотьѣ хлѣба, и для такого помѣшательства недоплатилъ онъ 140 рублевъ, и держитца подъ карауломъ, чтобъ для его скудости, оныхъ денегъ на немъ не править.

Салдатская жена вдова Авдотья Матвѣева, о приданомъ дочери ея,

а именно: заняла она денегъ 15 рублевъ, чтобъ на расплату оныя деньги ей пожаловать.

Вдова Федора Васильева: въ прошломъ 718 году мужъ ея въ С.-Петербургѣ умре; а нынѣ по порукѣ мужа ея, правятъ на ней денегъ 75 рублевъ, чтобъ для ея скудости на росплату оныхъ денегъ пожаловать.

Комнаты государыни царевны Екатерины Алексѣевны дѣвица Катерина Степанова; о награжденіи для ея скудости, денежного жалованья за прошлые годы и впредь, чтобъ опредѣлить для пропитанія.

Подъяческая жена Анна Кудрова, чтобъ ея наградить на расплату долгу пятнатцати рублевъ, которыми она должна князь Петра Голицына человѣку Григорью Комарову.

Салдатская жена вдова Прасковья Григорьева, чтобъ ея наградить на расплату долгу 16 руб. которые она заняла на выдачу въ замужство племянницы ея.

Комнаты государыни царевны Екатерины Алексѣевны постельница Ульяна Алексѣева, чтобъ ее пожаловать къ ея величеству въ служеніе, или наградить на пропитаніе.

Солдатская жена вдова Наталья Евдокимова, чтобъ ея пожаловать на росплату долговъ 5 рублевъ.

Подъяческая жена вдова Федора Потапова; о награжденіи на платежъ долговыхъ денегъ 25 рублевъ.

Вдова Анна Мартынова, на приданое дочери ея заняла она денегъ 5 рублевъ; чтобъ для ея скудости, на платежъ вышеписанныя деньги пожаловать.

Салдатская мать вдова Дарья Козмина, да салдатская жъ дочь дѣвка Настасья Федорова, чтобъ, для скудости, на росплату, пожилого имъ пожаловать.

Конюхова жена вдова Катерина Иванова, должна она деньгами 15 рублями, а заплатить, за скудостію, оныхъ денегъ ея наградить.

Иноземецъ Михайло Григорьевъ, чтобъ его наградить на пропитаніе, да на откупъ пожилого 4 рублевъ.

Преображенскаго полку капральская жена, вдова Катерина Козмина, да солдатская жена вдова Настасья Кирилова, о награжденіи, для росплаты долговъ, которой на нихъ имѣется 12 рублевъ.

Стаднаго конюха Ивана Семенова, жена вдова Афросинья Евдокимова, чтобъ для ея скудости, пожаловать на пропитаніе.

Посадского человѣка Ивана Лукина жена, вдова Дарья Насонова: послѣ смерти мужа ея осталась на ней долгу 10 рублевъ, 20 алтынъ, а за скудостію, заплатить нечѣмъ, чтобъ на росплату долговъ и на пропитаніе ей пожаловать.

Полковника Веда (?) жена Хрестина Павлова, чтобъ для скудости и росплаты долговъ ея, пожаловать.

Пѣвческая жена вдова Василиса Ларіонова, чтобъ ея наградить на оплату долговъ 20 рублевъ, которыми она должна посадскому человѣку Ивану Мелентьеву, да пѣвческой женѣ Соломонидѣ Софоновой.

Вдова Пелагѣя Афонасьева, чтобъ наградить, на выкупъ деревни ея, которую она заложила, князь Алексѣю Долгорукому, для оплаты ему пожилыхъ денегъ 220 рублевъ, за пріемъ бѣглова ево крестьянина, котораго держалъ пасынокъ ея.

Матроская жена Марфа Яковлева, чтобъ ея наградить, на оплату матросу денегъ 7 рублевъ, которыя онъ положилъ у нее для сбереженія, и оныя деньги отъ воровскихъ людей похпщены.

Салдатъ Якимъ Ивановъ; чтобъ его наградить на перевоску изъ Козловского уѣзду въ С.-Петербургъ жены ево.

Гвардіи сержантъ Осипъ Лебедевъ; чтобъ за службу его наградить отписнымъ дворомъ на С.-Петербургскомъ острову посацкого человѣка Сергѣя Ильина, которой отписанъ на его императорское величество за непоставку дровъ, за 56 рублевъ.

Крѣпостной конторы надсмотрщикъ Алексѣй Стрельниковъ, о искупленіи начетныхъ денегъ 400 рублевъ, которыя на немъ явились въ С.-Питербургѣ въ крѣпостной канторѣ, и чтобъ его опредѣлить къ домовымъ ея величества дѣламъ, за которыя повиненъ онъ заслужить.

Гранильной мастеръ Граверо, чтобъ ему выдать достальныя деньги 125 руб. за граненіе камней, которыя ему отдавалъ для огранения господинъ Мошковъ.

Кирилова монастыря Новоезерского монахъ Іосифъ Ивановскій: чтобъ повелѣно было съ Тырпицкихъ желѣзныхъ заводовъ отпустить къ достройкѣ церкви 350 плитъ, да 150 клиновъ чугунныхъ—безденежно.

Горицкого дѣвичья монастыря игуменія Панфилія съ сестрами: въ прошлыхъ годѣхъ, по 711 годъ давано имъ на церковныя требы и жалованья на оной монастырь по 267 рублевъ по 7 алтынъ по 4 денги. А съ 711 году по 721 годъ давано имъ, противъ вышеписаннаго, въ полы. А съ 721 года по сей 724 годъ ничего имъ недаетца; чтобъ повелѣно было о выдачѣ онаго жалованія указъ учинить.

Шхиперъ Виллитъ: въ прошломъ 720 году опредѣлено ему жалованья денегъ по 10 рублевъ на годъ. И онымъ жалованіемъ съ женою и съ дѣтьми пропитатца ему невозможно, чтобъ ему ко оному опредѣленному жалованію прибавить по контракту его, или опредѣлить правіантъ.

Ростовскія соборные церкви протопопъ Семіонъ съ братьею, чтобъ ихъ наградить, на покупку суконъ на рясы, изъ проданныхъ послѣ бывшаго фискала Савы Попцова.

Гвардіи сержантъ Кондратей Чижовъ, чтобъ его наградить на покупку двора въ С.-Петербургѣ, которой онъ купилъ у попа Ивана Степанова за 50 рублевъ и въ то число уплатилъ половину, а другой платить нечемъ.

Марина да Аграфена Петровы, чтобъ ихъ наградить на поминовенія брата ихъ Ферапонта Петрова.

Черепаховова дѣла мастеръ Матвѣй Новиковъ, въ прошломъ 723 году опредѣлено ему жалованія по 10 рублевъ на мѣсяцъ, да ему жъ шла столовая пища и онымъ ему жалованіемъ пропитатца невозможно; да у негожъ столовая пища отнята, чтобъ для его скудости, къ прежнему окладу прибавить.

Садовникъ Леонтей Филиповъ, опредѣлено ему жалованья по рублю на мѣсяцъ. И онымъ ему жалованьемъ съ женою и съ дѣтьми пропитатца невозможно, чтобъ ему къ оному опредѣленному жалованію прибавить.

Вдова Марфа Зажарская, чтобъ ея съ дочерьми наградить на пропитаніе.

Истопникъ Иванъ Кормилицынъ, служилъ онъ при комнатѣ государыни царевны Ѳеодосіи Алексѣевны, а нынѣ ни у какихъ дѣлъ, чтобъ отослать его въ губернскую канцелярію для отправленія къ дѣламъ въ сторожи.

Галандской пряжи мастерица дѣвка Татьяна Матвѣева, о награжденіи на приданое.

Подъяческая жена вдова Прасковья Кирилова, о искупленіи ея въ иску въ 40 рубляхъ, по челобитью вдовы Аграфены Климовской.

Пушкарская Афонасьевская жена Дементьева вдова Алена Иванова о искупленіи долгу ея, которой на ней имѣется по дѣлу и по челобитью на нея въ надворномъ судѣ Пушкарской жены Дарьи Евсигнѣевой, въ товарныхъ, потеряныхъ отъ нея деньгахъ, въ 23 рубляхъ.

Пушкарская Петровская жена Скорнякова, Дарья Евсигнѣева о искупленіи долгу, которой имѣется на мужѣ ея посадскому человѣку Никитѣ Павлову 20 рублевъ.

Просвирница Өекла Савастьянова, чтобъ, для ея скудости, наградить на милостыню.

Златоустовского монастыря крестьянинъ Пименъ Леонтьевъ, которой переведенъ въ село Сарское, чтобъ ему во ономъ селѣ во крестьянствѣ не быть, а быть бы въ вѣдомствѣ Златоустовского монастыря, по прежнему.

Псаломщикъ Иванъ Юрьевъ, чтобъ, для скудости, его опредѣлить въ вотчину Новодѣвичья монастыря, въ село Богородцкое, на приказъ, на перемѣну слуги Михайлы Кривецкого.

Дворцовой Даниловской волости пашенные крестьяне Петръ Гавриловъ съ товарыщи: въ 715-мъ году выписаны они изъ помянутой волости пятнатцать семей для переведенія въ село Сарское, и въ 717-мъ году по указу выслано отъ нихъ отъ каждой семьи по два человѣка, въ Кузмину слободу для строенія домовъ, чтобъ повелѣно оставшимъ за высылкою для продажи дворовъ и всякихъ крестьянскихъ заводовъ и для сбору посѣяного хлѣба въ нынѣшнемъ 724-мъ году быть въ прежнихъ ихъ домехъ въ Даниловской волости до указу.

Дворцовагожъ села Даниловскаго безъпашпортные бобыли Федоръ Серебрениковъ съ товарыщи; чтобъ ихъ уволить отъ выводу въ село Сарское и быть имъ по прежнему въ помянутомъ селѣ на оброкѣ.

Стольникъ Гаврила Жеребцовъ, сынъ его Александръ, по указу посланъ онъ для обученія во Францію. А нынѣ сынъ его пишетъ, что ѣхать готовъ, токмо не заплатя забранныхъ долговъ 300 червонцовъ, ѣхать не можно, чтобъ на окупленіе сына его помянутыми деньгами наградить и изо Франціи взять.

Вдова Акулина Потапова, чтобъ, для ея скудости, наградить на оплату долга 7 рублевъ.

Василей Украинцовъ, чтобъ ему быть при домѣ ея величества, въ служителяхъ.

XIII.

Гардеробъ и нѣкоторыя вещи Виллима Монсъ

въ 1723—1724 гг.

Печатаются здѣсь не вполнѣ, а въ извлеченіи, описи платья и вообще гардероба Виллима Монса, послѣ его казни, составленныя чинами гвардіи и подъячими канцеляріи Вышняго Суда, по порученію Андрея Ивановича Ушакова. Вещи эти были частью въ Москвѣ, но болѣе въ Петербургѣ и сложены, до продажи ихъ, въ разныхъ баулахъ и ящикахъ.

1.

Камзолъ черной зъ бахрамою, да шуба мѣхъ кошечей.

Кафтанъ камзолъ и штаны серые съ позументомъ золотнымъ.

Пара кофейная, петли мѣтаны серебромъ.

Пара кофейная, камзолъ и у кафтана обшлага шитыя.

Пара васильковая съ позументомъ золотнымъ.

Пара коришневая насыпная.

Кафтанъ красной насыпной, камзолъ и на кафтанѣ обшлага штофные серебреные по зеленой землѣ.

Пара китайская, красная, подбита бѣлымъ отласомъ.

Камзолъ парчевой съ бахрамою.

Пара голубая, подбита бѣлымъ моромъ (муаре).

Пара бархатной китайской.

Кафтанъ кофейной галанской фондишпаніи.

Пара: красной кафтанъ, фіолетовы обшлага.

Пара васильковая, бархатомъ подбитъ.

Пара васильковая-жъ шитая золотомъ.

Пара: бархатной кафтанъ, простой китайской.

Пара черная суконная.

Камзолъ золотной, насыпной, бахрама серебреная.

Два камзола шитые серебреные, бахрамы-жъ серебреные.

Камзолъ парчевой съ серебреною бахрамою.

Пара Ивана Козмина камзолъ парчевой, другой полотняной.

Чапракъ и чушки красные съ серебренымъ позументомъ и съ кисьми, чапракъ и чюшки, малиновые бархатные шитые серебромъ.

2 чапрака съ чюшки бархатные жалованные отъ государыни императрицы, да двѣ тесьмяные уздечки.

Чапракъ и чюшки аглинской суконной, шиты золотомъ.

4 дюжины рубахъ и двѣ рубахи.

8 паръ гарусныхъ пунцовыхъ чулокъ новыхъ.

2 дюжины чулковъ шелковыхъ всякихъ цвѣтовъ, шитыхъ и простыхъ, одна пара черная шита серебромъ, отдана Ивану Максимовичу Шувалову.

3 дюжины платковъ шелковыхъ.

5 калпаковъ шитыхъ.

16 платковъ бѣлыхъ.

Позументъ серебреной да себра 4 цевки, волосяные косы, табакерка серебреная вызолочена, болшая спрошкомъ, что чистятъ зубы.

13 ложекъ серебреныхъ.

26 пуговицъ, алмазные, въ каждой пуговицѣ по одному алмазу.

24 пуговицы алмазные, а въ нихъ въ каждой пуговицѣ по искрѣ.

Кортикъ егорской, евесъ серебреной.

Двѣ пары пряжекъ золотые.

Двѣ пары серебреные.

Двѣ натруски хозовые, въ оправѣ серебреной.

Трупка большая пѣнковая въ оправѣ серебреной.

16 паръ перчатокъ, одни съ бахрамою серебреною, шапка переная, арапская, да перо.

15 паръ граненыхъ камешковъ.

Кашелекъ тканой золотной.

4 рубахи шелковые.

2.

4 пары ливерейнаго платья.

1 пара егарская.

Бешметъ желтой съ позументомъ серебренымъ.

Бешметъ черной.

Душегрейка Байберековая.

5 кортиковъ.

Бешметъ Ивана Козмина (дворецкій Монса).

Епанча красная суконная, на лисьемъ мѣху.

3.

4 мужтука серебреныхъ.

Сабля съ оправой себреной.

2 муштука съ пахми и съ паперстьми съ наборомъ большимъ серебрены мъ шулдибантъ серебреной.

Пистолетъ съ налишниками серебреными.

Муштукъ да уздечка съ наборомъ серебренымъ.

6 портупѣевъ тканыхъ серебреныхъ и золотныхъ.

Штаны кофейныя.

Чапракъ и чушки красные съ позументомъ и съ бахрамою, золотнымъ

Лядунка серебреная, вызолочена.

Шуба венгерская.

Канфоръ да горшечикъ съ крышкою серебреные.
3 лисицы, 2 арсамаха.
Крушка серебреная съ чернью, вызолочена.
Да стаканъ съ крышкою на ношкахъ, вызолоченъ.
2 передачи съ крышками серебреные чеканные бѣлые.
Чаша серебреная, вызолочена.
Крушка чеканная, возолочена.
2 простыни, 3 наволочьки.
1 простыня простая.
6 паръ чулковъ гарусныхъ красныхъ.
Бострогъ штовной, по зеленой землѣ серебреной.
4 бострога бѣлыхъ.
Бешметъ холодной отласной красной съ пуговицами серебреными.

4.

2 седла бархатныхъ съ олстры съ стременами и съ потпругами.

5.

Матроское и арапское уборство все.
2 построка парчевыхъ, подбиты байкой.
Бострогъ тафтяной бѣлой, на бумагѣ стеганъ.
Бострогъ шитой полотняной, пуговицы раковые.
Кушакъ персидцкой, съ бахрамою серебреною.
2 построга тафтяные черные, стегоные на бумагѣ.
Душегрѣйка полосатая на лисьемъ мѣху
Штаны оленьи новыя.
Пологъ зеленой флеровой.
2 настульника китайскихъ, шитыхъ золотомъ и шелкомъ.
Китайское одѣяло, шито золотомъ и шелкомъ.
Кусокъ тафты лазоревой.
Остатокъ тафты французской пурпоровой полосатой съ травы.
Кусокъ французской тафты полосатой по бѣлой землѣ, безъ травъ.
Кусокъ байбереку пунцовова.
Кусокъ байбереку песошнова.
2 остатка тафты францской красной полосатой.
Остатокъ камки алой виноградной.
2 куска парчи золотной.
Остатокъ парчи серебреной бѣлой.
Кусокъ бѣлой обери.
Кусокъ бабереку темного.
Остатокъ байбереку алава.
Остатокъ тафты зеленой.
Табакерка серебреная съ винифтью.
Стальной перочинникъ.
Табакерка въ серебрѣ яшмовая.
Табакерка въ золотѣ, каменная.
5 кусковъ кружева манжетнова.

Волосы бѣлыя съ калмыка, которые привесъ господинъ Измайловъ.
2 темляка плетеные съ золотными съ кистьми.
Головка на трость каменная, китайская, съ травки золотными.
Бахрама камзольная золотна.
Готовалня съ лошкою, съ ножемъ и съ вилками серебреная.
Камень въ коркѣ не граненой китайской.
Пластырь, который прикладывается къ мозолѣ императору.
4 портища пуговицъ золотыхъ.
2 кружева серебреныхъ на шляпы.
2 цѣвки золота.
Кусокъ позументу серебренова.
Тесма красная серебреная.
Бахрама съ позументомъ съ рукавицы серебреные.
Нашивки на чулки серебреные и золотные.
2 подвяски съ пряшки серебреными.
Цѣпочка серебреная подъ персидскій муштукъ.
Да мѣлочи: пуговицы, запонки серебреные.
Табакерка ентарная.
3 шапки собольи, 2 лисьихъ, 2 соболя.
Рукавицы бархатные, зеленые, соболемъ опушены.
Полумашъ бѣлой, другой красной.
Пологъ флеровой желтой.
Спинка лисицы чернобурой.
Тулья изподшапки лисья-жъ, чернобурая.
Полька бѣлья.
Егарская перевезь и портупей зеленые съ себренымъ позументомъ, съ бляхами и съ пряжками серебреными-жъ.

6.

9 шляпъ.—Манжеты кружевные и простые все: бострочки шитые, бѣлые.

7.

16 паръ башмаковъ.
Одна рысь.
Сапоги съ усами.
3 пары руковицъ теплыхъ.
2 пары пистолетъ.
Уздечка тесмяная.

8.

Въ моржевомъ маленькомъ баулѣ, которой оставленъ въ Москвѣ у Василья Ивановича Мошкова.

27 паръ башмаковъ.
4 пары сапоговъ въ томъ числѣ одни съ усами.
1 сапоги оленьи.

9.

Роспись бѣлью Вилима Ивановича Монсъ.

7 рубашекъ безманшетъ.
9 рубахъ съ маншеты новыми.
4 простыни.
7 порты.
9 наволокъ подушечныхъ.
4 утиральниковъ.
4 бострока полотняныхъ шитыхъ.
1 бострокъ парчевой серебряной.
7 паръ чулковъ всякихъ разныхъ съ серебряными нашивками.
10 паръ всякихъ простыхъ чулковъ.
3 пары нитяныхъ чулковъ.
9 платковъ шолковыхъ всякихъ цвѣтовъ.
6 салфетокъ.
5 паръ рукавицъ бѣлыхъ.

Примѣчаніе. Безъ сомнѣнія это лишь часть бѣлья; соотвѣтственно прочимъ статьямъ гардероба, бѣлья должно было быть гораздо болѣе.

XIV.

Приходо-расходная книга

по хозяйству Виллима Монса

за 1723 г.

Эти нѣсколько тетрадей приходо-расходной книги по хозяйству Виллима Монса, за время полнаго развитія его значенія при дворѣ царицы Екатерины Алексѣевны,—ведены были или его дворецкимъ Иваномъ Кузьминымъ, или его стряпчимъ Ѳедоромъ Масловымъ. Онѣ свидѣтельствуютъ о порядкѣ, въ какомъ велось хозяйство счастливаго камеръ-юнкера, вводятъ насъ въ среду его домашняго обихода и знакомятъ не только съ различными мельчайшими его сторонами, но, и это особенно интересно, указываютъ тѣ цѣны, какія существовали тогда на жизненные припасы въ С.-Петербургѣ.

Печатаемъ эти тетрадки, сохранившіяся въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, въ извлеченіи, опустя нѣкоторыя повторяющіяся данныя, или слишкомъ мелкія, не имѣющія того интереса, на который мы указываемъ.

Ред.

1.

Приходъ.

1723 года января 5 дня, принято у князя Андрея Ѳедоровича Вяземскаго денегъ 200 руб.

Тогожъ 1723 года генваря въ   день полковаго жалованья январьской трети принято денегъ Вилиму Ивановичу 47 рублевъ 9 алтынъ 2 деньги.

Тогожъ 1723 года, февраля въ 20 день, принято у Вилима Ивановича денегъ 2,000 рублей.

Тогожъ 1723 года мая   день принято денегъ у Дмитрія Андреевича Шепелева 736 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги.

Всего по вышеозначеннымъ пріемамъ въ нынѣшнемъ (1723-мъ) году въ пріемѣ денегъ 2,983 руб. 16 алт.

2.

Расходъ деньгамъ въ Москвѣ.

	Руб.	Коп.
Купленъ мѣхъ черной кошечей у Греченина, дано.	6	—
Куплено на бешметь снурку серебренова 16 аршинъ, вѣсомъ 11 золотниковъ, по 19 коп. золотникъ, итого	2	8
На оной же бешметь куплено 40 пуговокъ серебреныхъ, дано.	1	5
Сдѣланъ къ санямъ щитъ, дано	—	80
За подковку подъемныхъ лошадей, которыя кованы, въ разные числа, у русскихъ кузнецовъ, дано	—	83
Къ хомутамъ 4 кольца мѣдныхъ, даны	—	25
За починку хомутовъ и на ремень, что лошадямъ подъ брюхо, дано	—	28
Фельдшеру Степана Васильевича (Лопухина?) дано. . . .	—	10
2 воза сѣна, дано.	—	50
Соломы 6 возовъ по 11 копѣекъ возъ, итого	—	66
Конюху государеву, которой привелъ изъ Царицена игренѣю лошадь, дано	3	—
Конюхамъ государевымъ именинникамъ Афанасью Бушуеву да Афанасью Шубину дано	1	—
2 дюжины пунтаку (вино) взято у Тамеса, дано	12	—
Овса куплено въ Преображенскомъ 7 четвериковъ да въ Покровскомъ 6 четвериковъ по 42 деньги четверикъ, итого . . .	1	69
Суконщику Григорею Прокофьеву за сукна на либерею людемъ и за прикладъ къ той ливереи и за шапки и за черное сукно противъ его росписи дано ему съ роспискою денегъ . . .	59	45
Поварамъ дворцовымъ, которые про государыню императрицу держали кушанье въ Покровскомъ дворцѣ, дано	4	—
Да по приказу генеральши (М. И. Балкъ) имъ же, поварамъ, дано	2	—
Да приспѣшникомъ дано.	2	—
Куплено трубокъ 4 дюжины по 10 алтынъ, итого.	1	20
Въ дорогу куплены трои саней подъ багажъ, даны	1	20
Къ санемъ 5 ценовокъ да 6 концовъ веревокъ лычныхъ, дано.	—	40
5 бутылъ на чай, дано	—	40
На обшивку платья бумаги 3 дести, дано.	—	27
Михайлу портному на шубу и рукавицы дано	1	50
Крючья 2 дюжины для платья и париковъ, дано	—	60
Оружейному мастеру, которой дѣлалъ къ штуцеру ложу новую и другіе фузеи чистилъ, за фурмы и за починку дано.	4	60
За кортикъ, которой взятъ у Самарина, дано	7	—
За хребтуги (подпруги?) крашенинные, дано.	—	40
Людямъ, которые отпущены въ Санктъ Питербургъ, Дидрику Михайлу да Михайлужъ портному, дано по 2 рубли, итого . . .	6	—
Ящикъ сдѣланъ въ дорогу для фузей, другой для паруковъ, дано.	—	50
Отъ Нарышкина приведена сука арапка, человѣку его дано.	1	—

	Руб.	Коп.
Поварамъ Дмитрею да Дементею жалованье дано	10	—
Женамъ ихъ поварскимъ на харчъ дано	1	—
Сапожнику Андрею за людскіе сапоги и за чулки, противъ его росписи, дано съ роспискою	9	90
За часы золотые Горнову, за починку дано	5	—
За починку серебренныхъ часовъ, которые присланы отъ (кн.) Щербатова, дано	1	50
Отъ Ивана Корчагина взято позументу на бешмети стеганое красное да на полукафтанье мѣрою 20 аршинъ вѣсомъ 76 золотниковъ съ полуцѣною золотникъ по 25 копѣекъ, итого	19	12
По письму Александра Кайсарова за черную тафту купецкому человѣку Алексѣю Квасникову дано	8	10
Томужъ Квасникову за черную бахраму дано	7	80
Парикмахару, которому въ ученье отданъ Ларцъ, дано ему	10	—
Гранодеру Медвѣдеву на извощика дано	—	20
Дано Григорію деньщику, который оставленъ на Москвѣ	1	—
Гранодеромъ Сонину съ братомъ дано	2	—
Солдатомъ, которые дѣлали либерею людямъ въ Покровскомъ дворцѣ, дано	3	60
Госпожѣ генеральшѣ Матренѣ Ивановнѣ (Балкъ) дано	40	—
Нѣмецкому кузнецу за оковку лошадей вашего сѣдла дано	2	—
2 фунта пороху, дано	—	30
Портному Михайлу Мартынову Рексу за работу и за прикладъ всякой мелочи, по его росписи, дано съ роспискою	40	80
За 3 пары соболей, по 25 рублевъ цѣною, дано Ивану Андреевичу Кобылякову, итого	75	—
Серебренику за работу муштука по ево росписи дано	54	—
Дидрику золотарю за работу патрета и перстня дано	3	—
За тюфякъ красной суконной и медвѣдню Петру Бобровкому дано	8	—
Дмитрею Андреевичу Шепелеву дано	100	—

3.

Расходъ деньгамъ въ Санктъ-Петербургѣ.

	Руб.	Коп.
За стѣнные часы дано Шмиту	25	—
Ивану Ивановичу Шульцу дано	35	—
Присланному изъ дворца Григорію Самарину дано	30	—
Бывшему въ Коростинской волости при лошадяхъ Петру Терентьеву дано	10	—
Фершалу Шмиту дано	4	—
За взятую изъ дворца на шляпу пондишпанію (?) дано	5	50
Отъ Клина до Санктъ Питербурга прогоновъ на 3 лошади, за телѣгу и за починку телѣгъ дано	22	70
Гранадеру Степану Медвѣдеву въ Москву отъ Санктъ Питербурга дано прогоновъ	4	78

	Руб.	Коп.
За двѣ штуки полотна, присланные изъ дворца съ скороходомъ, дано	29	—
Изволилъ самъ (т. е. В. И. Монсъ) взять въ наугольной горницѣ	3	50
Левъ Васильевичъ (Измайловъ?) взялъ	1	80
Квартермейстеру Ларіону по приказу дано	4	—
За поздравленіе въ свѣтлое Христово Воскресеніе гребцам государевымъ и государыни императрицы дано	4	—
За поздравленіе въ свѣтлое воскресеніе своимъ людямъ 3-мъ человѣкамъ дано	—	60
Конюху Кудаеву на именины дано	—	50
Конюху Гаврилу Суханову на именины	1	—
За дѣло кровати мастеру дано	6	21
Парусины къ оной кровати куплено на	—	24
На либерею Михайломъ двумъ куплено сукна зеленаго 8 арш. съ полу цѣною по 38 а. 2 д. аршинъ, итого за 8½ аршина дано	9	77
Краснаго сукна имъ же 5 аршинъ по той же цѣнѣ.	5	75
Красной байки 9 аршинъ по 8 алтынъ 2 деньги аршинъ, итого	2	25
Пугвицъ 9 портищъ по 6 алтынъ, итого	1	62
Камзольныхъ пугвицъ 6 портищъ по 3 алтына портище, итого	—	54
Гарусу 25 золотниковъ по 4 копѣйки, итого	1	—
Крашенины 27 аршинъ по 5 копѣекъ, итого	1	35
Клеенки 6 аршинъ по 5 копѣекъ, итого	—	30
Холста 9 аршинъ по алтыну аршинъ, итого	—	27
Нитокъ 3 петинки, дано	—	18
За работу за двѣ пары дано	3	50
Всего на оную либерею здержано денегъ 26 р. 17 ал. 4 ден.		
На либерею гребцамъ 4 человѣкомъ куплено зеленаго сукна 19 аршинъ да на картузы полъ 2 аршина цѣною по 26 ал. 4 д., итого за 20 аршинъ сполу дано	16	40
Крашенины куплено 50 аршинъ по 1 ал. 2 д. аршинъ, итого	2	—
Холста 15 аршинъ по алтыну, итого	—	45
Клеенки 2 аршина по 5 копѣекъ, итого	—	10
Пугвицъ 8 портищъ по 6 алтынъ, итого	1	44
За работу оной либереи дано	2	—
Да за работу картузовъ дано	1	60
Имъ же дано на рубахи, башмаки и чулки	5	80
Имъ же на пряжки дано	—	40
Всего гребцамъ за либерею здержано денегъ 30 р. 19 к.		
Куплено самому сукна зеленаго 8 аршинъ по 2 р. 10 ал. аршинъ, итого	18	40
Портному иноземцу за работу бархатнаго кафтана и за прикладъ по росписи ево дано денегъ	12	—
Принето у Петра Ивановича Мошкова пунтаку 100 бутылокъ, дано денегъ	27	—
У Дистравалиши взято понтаку 2 бутели, по 50 копѣекъ бутель	—	—
У нея жъ взято 10 плетенокъ шанпанскаго цѣною по рублю плетенка	—	—

	Руб.	Коп.
У нея же взято водки Гданской 8 бутилокъ по 1 р. 16 ал. 4 д. бутилка, итого	—	—
У нея же взято 4 бутыли вина бѣлаго по 6 алт. бутыль . .	—	—
Всего у нея забрано питья на	23	70
У Маріота взято дюжину бургонскаго по 80 к., итого . . .	9	60
У Маріота же взято 2 дюжины бургонскаго цѣною по 80 к. бутель, итого	19	20
Всего забрано питья у господина Мошкова, у Дистраваллиши и у Маріота на 79 р. 16 ал. 4 ден.		
Куплено 6 аршинъ сукна сѣраго на буеръ на швабры по 2 алт. аршинъ, итого	—	36
Куплено на чайникъ серебра одинъ фунтъ, данъ	13	—
Куплено черныхъ широкихъ лентъ 4 аршина по 8 копѣекъ аршинъ, итого	—	32
Сапожнику Кондратею за сапоги дано	2	25
Куплено на сѣдло на наметъ 2 козлыны, за работу и козлыны дано	1	75
Куплено втулокъ въ пивныя бутылки на	—	40
За грамотку на почтовой дворъ дано	—	8
Бумаги почтовой 2 дести дано	—	45
Работникомъ 5 человѣкомъ, что кололи ледъ въ погребъ, дано	1	20
За починку сѣдла, которое съ краснымъ сукномъ, и за прикладъ дано.	1	20
На двои штаны бархатные 3 портища куплено пугвицъ по 3 алт. 2 ден., итого.	—	30
За крашеніе коляски маляру дано	—	80
За перевозъ припасу, которой принятъ отъ господина Олсуфьева, дано.	2	—
Самому (т. е. В. И. Монсу) куплена шляпа матросская, дано	—	80
Раковыхъ камешковъ для лошадей на	—	15
Человѣку, которой носитъ грамотки съ почтоваго двора, дано	—	25
Человѣку, которой привелъ изъ дворца собаку Деяну, дано	—	50
За полуду посуды и за починку дано котельнику	—	93
Весло къ верейкѣ, дано	—	40
Соха пахать огороды дана	—	40
Куплено леберейные 4 шляпы по полъ 2 рубля, итого . . .	6	—
На душегрѣйку красную сребреную куплено серебра 2 золотника, итого	—	50
За провозъ овса изъ смолянаго двора 10 четвертей дано . .	—	40
Куплено свѣчь сальныхъ 300, дано.	1	—
Дистравалише по ея росписи заплочено за чулки и шляпы .	28	—
Портному аглечепину на подкладку епанчи и на пуговицы дано.	12	—
Куплено коля 200 на огородъ, дано	1	50
Французу, которой каменья гранилъ, дано	64	—
Камардинеру Никласу дано	4	—
Ему же на шлифованье бритовъ дано	—	30
За чулки черные, у которыхъ вставили пяты, дано	—	33

	Руб	Коп.
За работу 5 рубахъ мастерицѣ дано	2	50
Государыни императрицы конюху Ивану на именины дано	—	50
Коновалу за чищенье ногъ лошадямъ и за метанье руды и на вино для замывки ногъ дано	—	80
За оковку 4 лошадей нѣмецкому кузнецу дано	1	40
Двумъ гребцамъ, которые на верейкѣ, Ивану да Максиму, въ жалованье дано	6	—
Куплено 30 пуговицъ къ щибелетамъ, дано	—	65
Собакѣ за ошейникъ дано	—	30
Портному Михайлу для обшивки петели полотнянаго камзола дано на сребро	—	25
Куплена свѣтлица съ сѣнми на Охтѣ на загородной дворъ, дана	30	—
За перевозъ оной свѣтлицы дано	2	25
Куплено полтораста бревенъ 3-хъ саженныхъ въ отрубѣ 6 и 5 вершковъ, дано	16	50
За струбъ пятистѣнной дано	9	50
За 2000 паръ гонтовъ дано	15	—
Да работникамъ 4 человѣкамъ, что бревна вытащили	—	60
Конюху Тихону Алексѣеву дано на именины	1	—
Куплено 5 аршинъ выбойки на перины, дано	1	25
Купленъ топоръ, данъ	—	25
Оглобли къ телѣги, даны	—	6
Нитокъ, маншеты пришивали, куплено на	—	20
Дидрику на сапоги дано	1	50
Ему-жъ на чулки дано	—	37
Шелферу французу на шлифованье бритвъ	—	50
Куплено зеленыхъ лентъ къ подушкамъ 7 аршинъ, дано	—	37
Рулеву дано за ящикъ табаку картузнаго	10	—
Ему же, Рулеву, за 10 рубахъ, которыя шили изъ новаго полотнв, дано за работу	6	—
У Васильевны куплено муштукъ да 2 недоуздка 5 паръ подковъ, дано	—	25
У нея-жъ куплены щибелеты, даны	—	25
Станъ колесъ окованныхъ, даны	2	50
Полатка съ полами, дана	1	20
За двое головы сапоговъ Михайлу портному да мнѣ дано	1	30
Портному агличенину дано бѣлой тафты на подбой бархатнаго кафтана, что съ обшлагами штофными и къ камзолу 11 аршинъ, цѣною аршинъ по 43 алт. 2 ден., итого	14	30
Ему же 5 портищъ пуговицъ кафтанныхъ дано портище по 2 руб. 16 алт. 4 ден., итого	12	50
Да камзольныхъ 4 портища по 44 алт. 4 ден., итого	5	—
Куплено Вилиму Ивановичу сукна синяго 8 аршинъ по 2 руб. 10 алт. аршинъ, итого	18	40
Къ золотному камзолу, что шитъ серебромъ, куплено бѣлой бѣлой тафты 5 аршинъ по 46 алт. 4 ден., итого	7	—
Къ тому-жъ камзолу 2 портища пуговицъ по 41 алт. 4 ден., итого	2	50

	Руб.	Коп.
Портному агличенину на подкладку насыпнаго кафтана и камзола куплено тафты бѣлой 11 арш. цѣною по 43 алт. 2 ден., итого.	14	30
Подъ машкаратной желтой камзольчикъ куплено крашенины бѣлой 4 аршина по 5 копѣекъ, итого	—	20
Да шелку полъ золотника	—	4
На либерею Петру Терентьеву взято сукна зеленаго и краснаго полъ осьма аршину по 30 алт. аршинъ, итого.	6	75
Масла шешменнаго въ разные числа куплено 3 фунта по 1 р, итого	3	—
Пудры куплено 2 пуда по 8 копѣекъ, итого	6	40
Сапожнику Кондратею за 3 пары башмаковъ самово да за пару машкаратныхъ дано.	3	30
Работникамъ 4 человѣкамъ на дачѣ на недѣлю дано по 10 алт., итого.	1	20
Французу Никласу дано. . . . -	4	—
На буеръ куплено 3 щетки, дано.	—	50
Весло на верейку дано	—	40
Орѣховъ сырыхъ куплено на	—	5
Сѣдельнику за сѣдло дано за людское сѣдло	1	10
Петру Терентьеву на камзолъ дано	—	30
Свѣчь сальныхъ русскихъ 200, дано	—	66
Маканыхъ свѣчь 30 фунтовъ по 5 копѣекъ, итого	1	50
На верейку отъ Потемкина брезентъ взятъ, дано.	1	30
Дидрику на перешивку кафтана и камзола камлотова дано .	—	50
Комедіянщику въ наугольной дано.	—	10
Драгуну отъ г-на Волынскаго дано.	1	—
Вальтронесте Матису дано	12	—
Юрье Ленвоеву дано жалованья.	4	—
На шпору серебреную Рокондину серебренику	3	20
Миките на приморское мѣсто дано	2	—
Веревокъ куплено на.	—	20
Работникомъ же на дачи на полторы недѣли четыремъ человѣкамъ дано по 15 алт., итого	1	80
Своимъ людямъ на дачи дано на мясо	1	—
На шелкъ къ матроской шапкѣ дано	—	4
Вилимъ Ивановичъ (Монсъ) изволилъ взять въ наугольной .	10	—
Да онъ же изволилъ взять	—	50
За присланную отъ графа Дукласа тафту бѣлую 41½ аршинъ, по 85 коп., итого	35	27
Барону Леволду отдано денегъ	1400	—
Отпущено 4 человѣкамъ для дровъ на перевозъ рѣкъ имъ дано	—	38
Топоръ, данъ.	—	15

Всего въ расходѣ денегъ на всякіе большіе и мелочные покупки, кромѣ харчевыхъ припасовъ, генваря съ 5 числа сего 1723 года по сентябрь первой день 2,726 руб. 32 алт. 4 д. [1]).

---

[1]) Итогъ не выражаетъ сумму напечатанныхъ нами чиселъ, такъ какъ многія изъ статей расхода мы опустили. **М. С.**

4.

1723 года марта съ 5 числа расходъ деньгамъ на столовые харчевые припасы по 1 августа 1723 г.

	Руб.	Коп.
Марта съ 5 числа по августъ 1 число:		
Забрано лучей говядины у месниковъ про господское кушанье 15 пудъ 39 фунтовъ, цѣною за пудъ по 40 алтынъ; да 44 пуда 31 фунтъ, цѣною по рублю пудъ, итого за 60 пудъ 30 фунтовъ дано денегъ	63	94
Да про людей куплено говядины 7 пудъ 17 фунтовъ, цѣною за пудъ по 70 копѣекъ, итого	5	20
Зарѣзовъ 17 фунтовъ по 3 деньги фунтъ, итого	—	25¼
Солонины про людей куплено 20 пудъ по 27 ал. пудъ, итого	16	20
Баранины куплено пудъ 34 фунта по 4 копѣйки фунтъ, да 2 пуда 1 фунтъ по алтыну фунтъ, итого.	5	29
Куплено 14 козленковъ, дано	4	40
Ветчины 20 фунтовъ, дано	—	60
Куплено по полутеленку два раза, дано	2	40
4 барашка, дано	1	36
Куплено врознь 40 курыцъ да 73 цыпленка, за все дано	14	60
За 9 гусей дано	3	70
За 10 утокъ да 21 утенокъ дворовыхъ да за 2 утки дикихъ да за 2 зайца и за кулика дано	5	25
2 пары рябчиковъ, дано	—	30
Масла коровья покупано въ разные числа въ фунты, по 6 и по 5 копѣекъ фунтъ, итого всего куплено пудъ 33 фунта съ полуцѣною на	4	22
Колбасъ копченыхъ 5 дано	—	20
Яицъ свѣжихъ въ разные числа покупано десятокъ по 2 алтына, итого за 725 дано	4	35
Смѣтаны въ кушанья въ разные числа куплено на . .	—	90
Соленой рыбы коренной куплено про гранодеровъ и про своихъ людей 4 пуда, дано	4	80
Семги 4 прута, дано.	1	50
Рыбы свѣжей куплено въ разные числа на	4	83
200 раковъ, дано сто по 40 копѣекъ, въ томъ числѣ одно сто 10 алт., итого	1	50
Снятковъ куль, дано	1	75
Еще 2 четверика снятковъ, дано.	1	20
Сельдей капченыхъ 600, дано	—	96
Изъ овощей покупано въ разные числа.		
Сахару куплено 7 головъ по 8 алт. фунтъ, итого за 25¼ фунтовъ дано.	6	6
Изюму куплено 6 фунтовъ по 6 копѣекъ фунтъ, итого. .	—	36
Корицы въ кушанье и на водку куплено фунтъ 7 золотниковъ, дано	2	14

	Руб.	Коп.
Гвоздики куплено 12 золотниковъ по алт.	—	36
Перцу куплено полъ 5 фунта, по семи алтынъ фунтъ, цѣна	—	96
Збитню куплено фунтъ, дано.	—	24
Инбѣрю четверть фунта, дано	—	6
Мушкатныхъ орѣховъ 27, дано	—	87
Цвѣту мушкатнаго 9 золотниковъ, дано.	—	30
Шафрану 3 золотника, дано	—	36
Миндальныхъ ядеръ 2 фунта, дано	—	30
Коринки фунтъ дано.	—	10
Черносливу 4 фунта, дано	—	26
Краски нашареи куплено на	—	24
Лимоновъ въ кушанье и помаранцовъ въ разные числа куплено 58, цѣна	1	77
Корки лимонной куплено на	—	15
Масла деревяннаго фунтъ, дано.	—	16
Тмину куплено на	—	8
Луку въ кушанье въ разные числа куплено 400, цѣною на	1	94
Снити, крапивы, хрѣну и редьки молодой въ разные числа куплено на	1	43
Капусты бѣлой 4 ведра, дано	1	—
Сыру галанскаго 8 фунтовъ, дано	—	48
Уксусу 4 ведра безъ четверти, дано	1	56
Соли 3 пуда, дано	1	20
Вина бѣлаго 6 бутылокъ по 18 копѣекъ да рентвейну 5 бутылокъ по 50 копѣекъ, за все заплочено	3	58

Всего марта съ 5 числа по августъ 1 число на харчевые столовые припасы издержано денегъ 175 р. 66 к.

Да съ 1 числа августа по сентябрь 1 число что издержано денегъ на столовые харчевые припасы и то значится ниже сего:

	Руб.	Коп.
Куплено циплятъ порознь и куръ 40, дано	3	18
Яицъ 100, дано.	—	50
Масла пудъ 20 фунтовъ, дано	3	—
Крупъ четверикъ, дано.	—	60
Рыбы свѣжей на	1	30
Мушкатныхъ орѣховъ 10, дано	—	30
Сахару голова въ 3 фунта, дана	—	60
Лимоновъ 13, дано	—	39

Которые отпущены для дровъ 4 человѣкамъ:

	Руб.	Коп.
Крупъ овсяныхъ куплено четверикъ, дано	—	46
Да на приморское мѣсто куплено 2 четверика крупъ овсяныхъ, дано	—	92
Забрано въ августѣ мѣсяцѣ говядины про столовой обиходъ по сентябрь первое число 16 пудъ 33 фунта, по 3 деньги фунтъ, итого	10	10

	Руб.	Коп.
Да баранины въ августѣ забрано жъ одинъ пудъ 36½ фунтъ, цѣною по алтыну фунтъ, итого	2	22
Сала 13 фунтовъ куплено по алтыну фунтъ, итого . . .	—	39
3 рубца, дано	—	30
Итого въ августѣ мѣсяцѣ издержано денегъ на харчевые столовые припасы	24	26
А марта съ 5 числа по сентябрь 1 число издержано денегъ на всякіе столовые припасы харчевые	199	92
Всего въ расходѣ на всякія покупки и столовые припасы по сентябрь по первое число сего 1723 года	2925	98
А въ остаткѣ на лицо денегъ	57	50

XV.

Катерина Василевская-Михайлова-Скавронская тожъ,

въ 1703—1707 гг.

Письма отъ ея имени къ царю Петру I [1]).

1.

Господинъ капитанъ, здраствуй.

Милости твоей мастеръ нашъ велѣлъ донести: съкамъповея совъсемъ отделана. Къ милости твоей прислать еѣ или нетъ.

Ерьмолаи Скворъцовъ поехалъ отъ насъ Сеньтября 16 числа. При семъ писала невеска, Алена челомъ бьетъ.

С Ладеiной верьѳи Сеньтября 17 числа.

2.

Государь мой батюшка, господинъ шаубенахтъ, здравствуй на множества лѣтъ.

Благодарствую за презентъ. Наипаки благодарствую за писанiе ваше, что жалуешь, пишешь о здоровьѣ своемъ. Пожалуй и впредь прошу не остави своимъ писанiемъ, о чемъ всечасно сердечно слышать желаю. Получила я отъ милости твоей три письма. Только намъ радости, что получимъ твое писанiе; а про меня изволишь милостiю своею напаметовать, и я, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, съ тетушкою. Пожалуй, дорогой мой батюшка, прiѣзжай поскорея. Охъ мой батюшка, скучила безъ милости твоей, впредь ты меня не обманешь:

---

[1]) Письма эти печатаемъ по списку, сообщенному намъ въ 1874 г. покойнымъ К. С. Сербиновичемъ, для уясненiя начала и характера сношенiй царя Петра съ его будущею супругою. Къ сожалѣнiю, мы не имѣли случая свѣрить этотъ списокъ съ подлинниками, поэтому быть можетъ въ первыхъ четырехъ грамоткахъ есть описки въ копiи г. Сербиновича. **М. С.**

хотя гнѣвъ приму, а отъ милости твоей не отстану. Намъ кажится годъ, какъ милости твоей отстали. Дай Боже мнѣ скоро в радости съ тобою видѣться. Доношу вашей милости: отъѣзжаемъ мы изъ Ковны сего числа, а что ты изволилъ писать объ Кирсанѳовичѣ, что ушибъ ево Ивашка Хмельницкій, и тетушка зѣло печалилась, сама стала хуже, або строкъ сталъ уже, и она надѣла съ печали красной чулокъ. Извольте привозить съ собою венгерскова, а у насъ ево и во снѣ не пригрезится.

За симъ писавый матка кланяюсь.

Изъ Ковна. Октября въ 11 день.

3.

(1704 г.)

Милостивой нашъ государь батюшка, господинъ шаубенахтъ, здравствуй на множества лѣтъ.

Пожалуй прикажи отписать къ намъ о своемъ здоровьѣ, а мы про твое здоровье всечасно слышать желаемъ, а о себѣ милости твоей доносимъ: пріѣхали мы въ Псковъ, ноября въ 26 день, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, а изъ Пскова поѣдемъ завтрашной день. Именинникъ дорогой, здравствуй въ новой годъ именинникомъ княземъ Александромъ Даниловичемъ.

Сыночикъ твой проситъ милости, чтобы ты пожаловалъ пріѣхалъ къ Москвѣ поскореи и выпустилъ бы ево изъ тюрьмы вонъ [1]).

Засимъ писавый матка и тетка (Анисья Толстая) милости твоей кланяемся.

Изъ Пскова. Ноября въ 27 день.

Примѣчаніе. 6-го октября 1705 г. вся женская компанія, жившая въ домѣ Меншикова, поздравляла особою грамоткою, написанною Анною Меншиковою, царя Петра со взятіемъ Митавскаго замка. Подписано письмо было отъ именъ: „Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева), Катерина сама третья, Тетка несмышленая (Анисья Толстая), Дарья глупая (Арсеньева); за симъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ".

То были малютки-сыновья отъ Катерины, родившіеся въ 1704—1705 гг. и умершіе до 1707 г. Упоминаемое здѣсь письмо напечатано Устряловымъ (т. IV, ч. II, стр. 357).

---

[1]) Шутка по поводу беременности того лица, которое называетъ себя „маткою", т. е. Катерины: въ 1704 г. она родила Павла, † до 1707 г., въ сентябрѣ 1705 г. она родила Петра, † до 1707 г. См. Родословіе: „Романовы", при „Русской Старинѣ" изд. 1878 г., т. XXI, прилож., стр. XV—XVI.

4.

(29-го декабря 1707 г.)

Милостивому нашему батюшкѣ господину полковнику.

Здравіе твое да сохранитъ Богъ на лѣта многа.

Поздравляемъ мы тебѣ съ новорожденною дѣвицею Екатериною, а рожденіе еѣ было декабря въ 27 день [1]).

Пожалуй, батюшка, порадуй насъ своимъ писаніемъ, а мы о твоемъ здоровьѣ ежечасно слышать желаемъ.

А про насъ изволишь милостію своею напаметовать, и мы молитвами твоими декабря въ 29 день въ добромъ здоровьѣ.

Пожалуй въ забвенье насъ не учини, къ намъ пріѣзжай, или насъ къ себѣ возми.

Не покручинься, батюшка, что дочка родилась: къ миру.

Засимъ писавый матка съ дочкою и съ теткою поздравляемъ.

Адресъ: Г-ну полковнику.

---

[1]) Екатерина Петровна род. 27 декабря (по друг. извѣст. января) 1707 г., † 27 іюля 1708 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ (Описаніе собора, изд. 1857 г., стр. 66). „Русская Старина“ 1878 г., томъ XXI, прилож. XV—XVI. Изъ родословія, нами изданнаго, видно, что Екатерина Алексѣевна принесла царю Петру съ 1704-го по 1723-й годъ одиннадцать человѣкъ дѣтей; изъ нихъ большинство умирало довольно скоро послѣ рожденія.

XVI.

Елена Фадемрехъ царю Петру I-му.

10-го октября 1703 г.

Свѣту моему, любезнѣйшему сыночку, чернобровинкому, черноглазинкому, востречку дорогому!

Поздравляю я тебя, прелюбезнѣйшему моему сыночку, за нынѣшнюю тебѣ отъ Бога дарованную надъ непріятелемъ викторію, юже тебѣ Богъ даровалъ твоимъ счастіемъ, а моею маткиною молитвою.

Я же всегда съ усердіемъ просила всещедрую Десницу Божію и нынѣ молю и прошу Евожь благость, да подастъ тебѣ надъ непріятелемъ твоимъ побѣду, таковужь, яко бысть Ираклію, царю греческому, надъ гордымъ царемъ персидскимъ Хозроемъ, како онъ его погуби и повоева, и христіанскую кровь отмсти, или, якоже прежде дарова Богъ въ ветхомъ завѣтѣ побѣду царю Давиду надъ непріятели, такожде и тебѣ, прелюбезнѣйшему моему сыночку, да подастъ свыше благость свою и надъ твоимъ непріятелемъ прегордымъ, зіяющимъ и рычющимъ львомъ отъ сильнаго твоего орла побѣждену быти до конца. О семъ моля и прося благость Божію, преклоняя главу мою до ногъ твоихъ, прелюбезнѣйшій мой сыну

Елена Ѳондембрекша (Фадемрехъ).

Подпись на оборотѣ: «Отдать сіе писаніе Преображенскаго полка полковнику самому».

Примѣчаніе. Фадемрехъ въ 1703 г. управлялъ почтами, подъ начальствомъ генералъ-почтъ директора Шафирова.—Елена Фадемрехъ была подруга Анны Ивановны Монсъ и, по увѣренію иноземцевъ, у нея въ домѣ царь Петръ имѣлъ первыя свиданія съ дѣвицею Монсъ. Настоящее письмо мы напечатали по списку, сообщилъ К. С. Сербиновичъ. Списокъ этотъ гораздо полнѣе напечатаннаго Устряловымъ. М. С.

XVII.

Кёнигсекъ и Кейзерлингъ въ судьбѣ Анны Монсъ.

РАЗСКАЗЪ ИСТОРИКА ГЕРАРДА МИЛЛЕРА.

Выше приведенъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 28—29) разсказъ леди Рондо о смерти польскаго посланника Кёнигсека, въ 1703 г., утонувшаго подъ Шлиссельбургомъ, послѣ чего обнаружилось, что онъ имѣлъ секретную переписку съ Анной Ивановной Монсъ. Мы привели этотъ разсказъ съ оговорками относительно его ошибокъ, но главнымъ образомъ какъ романическую легенду, весьма рано, уже въ апрѣлѣ 1729 года (когда писала леди Рондо свой разсказъ) окружившую имя Анны Монсъ. Устряловъ, въ своей „Исторіи царствованія Петра I-го", совершенно опровергаетъ этотъ разсказъ, говоря, что леди Рондо спутала Кёнигсека съ Кейзерлингомъ. Опроверженіе Устрялова, однако, не основательно, въ виду разсказа русскаго историка Герарда Миллера (род. 1705 г., † 1783 г.), который изучалъ отечественную исторію по архивнымъ документамъ и въ своихъ замѣткахъ на письма леди Рондо,— замѣткахъ, составленныхъ для великой княгини Маріи Ѳеодоровны (въ царствованіе Екатерины II), отнюдь не спутывая Кёнигсека съ Кейзерлингомъ, упоминаетъ о каждомъ изъ нихъ по отношенію къ Аннѣ Ивановнѣ Монсъ. Приводимъ здѣсь нѣсколько полнѣе разсказъ Миллера, нежели какъ онъ приведенъ выше на стр. 29—30 нашей книги:

— „Слѣдуютъ,—пишетъ Миллеръ по поводу разсказа леди Рондо [1],— не вполнѣ вѣрные разсказы о первой фавориткѣ Петра I. Ее звали не Мунцъ, а Анна Монсъ, и отецъ ея былъ не офицеръ, а мѣщанинъ и виноторговецъ. Корбъ въ своемъ Diar. itin. in Moscoviam (стр. 106) говоритъ, что Монсъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ. Это та самая domicella Mons, о которой Корбъ часто упоминаетъ. Государь былъ очарованъ ея необыкновенною красотою. Во время осады Шлиссельбурга онъ узналъ о ея невѣрности и о перепискѣ съ саксонскимъ посланникомъ Фонъ-Кёнигсекъ. Открылось это такимъ образомъ. Посланникъ сопро-

[1]) Письмо леди Рондо, въ которомъ помѣщенъ ея разказъ объ Аннѣ Монсъ— помѣчено въ ея изд. 1730 г.; Миллеръ дѣлаетъ поправку, что письмо это писано въ апрѣлѣ 1729 г.

вождалъ царя въ походѣ и, переходя разъ поздно вечеромъ по узкому мостику, черезъ неглубокій ручей, оступился и утонулъ. Когда царь о томъ узналъ, первою заботою его было устранить отъ постороннихъ глазъ находившіяся въ карманахъ посланника бумаги, въ которыхъ могли содержаться государственныя тайны относительно тѣснаго его союза съ королемъ Августомъ. Каково-же было его изумленіе, когда открылись при этомъ случаѣ тайны его фаворитки Анны Монсъ! Она такъ обнаружила себя передъ Кёнигсекомъ, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея невѣрности. О портретѣ ничего не говорится въ тайной исторіи, но упоминается о другомъ знакѣ ея любви, посланномъ ею на память г. Кёнигсеку. Съ этихъ поръ царь совершенно отступился отъ нея. Нѣсколько лѣтъ она содержалась подъ арестомъ, хотя и сноснымъ, отъ котораго прусскій посолъ, г. Кейзерлингъ, старался ее освободить, ходатайствуя за нее, по поводу чего онъ имѣлъ даже непріятности съ кн. Меншиковымъ въ 1707 г., въ Варшавѣ [1]). Наконецъ, государь смягчился. Ей дали свободу и она вышла замужъ за Кейзерлинга; на пути съ нею изъ Москвы въ Берлинъ онъ умеръ. Потомъ она вышла замужъ за шведскаго маіора Мюлерса, изъ плѣненныхъ подъ Полтавою. Наконецъ Анна Монсъ умерла въ 1714 г. Эта женщина могла бы достигнуть несравненно бо̀льшаго счастія, если-бъ она была въ состояніи превозмочь свою неосторожную склонность къ Кёнигсеку. („Русская Старина", изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 331).

Выше, на стр. 30, мы приводимъ выдержку изъ письма царя Петра къ Ѳ. М. Апраксину изъ Шлиссельбурга, выписывая его изъ сборника Голикова и оговаривая тѣ ошибки, которыя мы находимъ въ этомъ документѣ, въ передачѣ Голикова. Вотъ точный текстъ нашей выписки по сличеніи ея съ подлиннымъ письмомъ царя Петра (Госуд. Арх., Кабинетн. дѣла, отд. I, кн. 24):

Min Her Admiralitоic Her!

…„Здѣсь все изрядно, милостію Божіею; только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: перво докторъ Клемъ, а потомъ Кенисекъ (который уже принялъ службу нашу) и Петелинъ утонули незапно. И такъ, вмѣсто радости—плачъ; но буди воля Вышняго и судебъ Его!"… „Piter".

Изъ Шлютенбурха
въ 17 д. апрѣля 1703.

Примѣчаніе. Н. И. Костомаровъ въ своемъ историческомъ очеркѣ: „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица" также опровергаетъ предположеніе Устрялова о невозможности какой либо роли саксонскаго посланника Кёнигсека въ судьбѣ Анны Ивановны Монсъ. См. сборн. „Древняя и Новая Россія", изд. 1877 г., томъ I, стр. 139. Кстати замѣтимъ, Устряловъ безъ всякой критической провѣрки повторяетъ разсказъ Александра Гордона объ Аннѣ Монсъ. М. С.

---

[1]) Подробное донесеніе Кейзерлинга объ этихъ «непріятностяхъ», состоявшихъ—ни больше, ни меньше—въ томъ, что прусскій посолъ былъ избитъ гайдуками князя Меншикова, напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 803—844, въ переводѣ съ нѣмецкой копіи съ подлинника, хранящагося въ берлинскомъ секретномъ государственномъ архивѣ. М. С.

XVIII.

Анна Монсъ и Екатерина Скавронская

въ 1704—1712 гг.

РАЗСКАЗЪ С. М. СОЛОВЬЕВА.

«Исторія Россіи», т. XVI, изд. 1866 г., стр. 68—72; т. XVII, изд. 1867 г., стр. 226—227.

Отправляясь въ Турецкій походъ, въ началѣ 1711 года, царь Петръ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ предчувствій, томившихъ его душу, хотѣлъ устроить семейное дѣло, которое лежало на его совѣсти.

„Благодарствую вашей милости, писалъ онъ Меншикову, за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣснаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, а ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху".

Кому же Петръ принужденъ былъ дать пароль для безвѣстнаго пути?

Нѣсколько разъ въ нашемъ разсказѣ упоминалось имя Анны Монсъ, красавицы Нѣмецкой слободы, обворожившей великаго царя [1]). Въ 1704 году эта долгая и, повидимому, крѣпкая связь рушилась; пошли слухи, что красавица сблизилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ и приняла предложеніе выйти за него замужъ: чѣмъ руководилась при этомъ Анна, страстію или желаніемъ, при охлажденіи царя, обезпечить свое положеніе такимъ почетнымъ бракомъ,—мы не знаемъ; знаемъ одно, что она, вмѣстѣ съ сестрою своею Балкъ, подверглась опалѣ, была посажена подъ арестъ. Въ мартѣ 1706 года Головинъ далъ знать царю, что Кейзерлингъ билъ челомъ, „чтобъ Аннѣ Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде мочно, отпустить къ мужу. Сіе проситъ онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику". Петръ отвѣчалъ: „О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ велѣлъ я писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить". „Всѣ причитаютъ несчастіе Монсъ и сестры ея мнѣ", говоритъ Кейзерлингъ, а не говоритъ прямо: „я виновникъ ихъ несчастія". Нельзя не обратить вниманія на эту неопредѣленность словъ Кейзерлинга. Но въ какой бы степени ни

---

[1]) «Исторія Россіи» т. XIV, стр. 275 и 285, т. XVI, стр. 31, т. XVII стр. 127.

былъ справедливъ слухъ объ участіи Кейзерлинга въ опалѣ Анны Монсъ съ сестрою, вѣрно также, что дѣло Монсъ не ограничивалось одними ея личными отношеніями къ царю, т. е. перемѣною ихъ; дѣло было гораздо обширнѣе, и въ него замѣшано было съ 30 человѣкъ, что̀ видно изъ письма Ромодановскаго къ Петру въ 1707 году: „Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что̀ мнѣ объ нихъ укажешь?“

Петръ отвѣчалъ: „Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовны колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны“.

Вѣроятно (?) красавица Нѣмецкой слободы и близкіе къ ней люди, пользуясь своимъ авантажемъ, позволяли себѣ разнаго рода злоупотребленія. Въ упомянутомъ выше возраженіи Гюйсена на брошюру Нейгебаура говорится о Монсахъ: „Они этимъ снисхожденіемъ (царя) такъ широко воспользовались, что принялись ходатайствовать по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того наемныхъ стряпчихъ. Можно легко догадаться и даже разсчитать, сколько стекалось въ это семейство подарковъ и драгоцѣнностей отъ его кліентовъ. Столь великое и неожиданное счастіе сдѣлало Монсовъ высокомѣрными, и невозможно довольно надивиться, съ какою неблагодарностію они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества“.

Аннѣ Монсъ нашлась болѣе счастливая преемница. При дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны, жило нѣсколько женщинъ, которыя играютъ значительную роль въ судьбѣ Петра и его любимца Меншикова. Здѣсь жили двѣ сестры Меншикова, Марья и Анна Даниловны, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Изъ нихъ Дарья Михайловна Арсеньева была въ связи съ Меншиковымъ и въ 1706 году вышла за него замужъ. Въ сентябрѣ 1705 года Меншиковъ писалъ къ ней: „Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно, какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило“.

Меншиковъ готовилъ свою сестру въ невѣсты царю; но его замыслы не осуществились. Съ 1703 или 1704 года въ числѣ названныхъ женщинъ является молодая Екатерина, дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго [1]), находившаяся, какъ говорятъ, въ услуженіи у маріенбургскаго пастора Глюка и попавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Маріенбурга. Подъ письмомъ названныхъ женщинъ отъ 6 октября 1705 года къ Петру подписались: „Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева). Катерина сама третья. Тетка несмышленная (Толстая). Дарья глупая (Арсеньева). За симъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ“. Если въ октябрѣ 1705 года Екатерина имѣла уже двоихъ дѣтей, то мы можемъ приблизительно опредѣлить начало ея связи съ Петромъ, и когда обратимъ

---

[1]) Извѣстіе о фамиліи лифлянскова обывателя Карлуса Самуелеза сына Скаворонскова (брата императрицы Екатерины I-й). Жилище его въ Лифляндіи въ мѣстечкѣ (шляхтича Молевскаго), называемомъ Вышки Озеры, разстояніемъ отъ Риги въ 36 миляхъ, отъ Друи 7 миль. С. С.

вниманіе на время опалы Анны Монсъ, то эта опала можетъ получить объясненіе.

Счастливая соперница Анны Монсъ называлась сначала Катериною Василевскою: такъ она названа въ собственноручной запискѣ Петра отъ 5 января 1708 года: „Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою". По принятіи православія, она начала называться Екатериною Алексѣевною по воспріемнику своему царевичу Алексѣю. При этомъ же перемѣнена была и фамилія: вмѣсто Василевской ее начали называть Михайловою,—фамилія, которую, какъ извѣстно, носилъ и самъ Петръ.

Связь Екатерины Алексѣевны Михайловой съ Меншиковымъ и его семействомъ была самая тѣсная, что видно изъ ея писемъ къ свѣтлѣйшему, тонъ этихъ писемъ хотя и измѣняется вслѣдствіе постепеннаго измѣненія въ положеніи Екатерины Алексѣевны, но всегда остается очень дружественнымъ. Такъ въ сентябрѣ 1708 года она пишетъ вмѣстѣ съ Анисьей Толстой: „Милостивый нашъ государь батюшка князь Александръ Даниловичъ здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здравіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева отъ вашего сіятельства ни единаго письма не получили, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи отписать про здоровье государево". Говоря о сынѣ Меншикова, Екатерина обыкновенно расточаетъ самыя ласкательныя выраженія. Въ письмѣ изъ Москвы отъ 13 февраля 1710 года прежнія дружественныя отношенія, но тонъ уже другой: „Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адміралъ (Петръ) милостію всевышняго Бога въ добромъ здравіи, также и я съ дѣтками своими при милости Его въ добромъ же здравіи, только что сабинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Также доношу, что г. контръ-адміралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, велми суетно. Иванъ Аверкіевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ Калинкиной деревни на большую дорогу изволилъ дорогу просѣкать; и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуетъ по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно". Подписано: „Екатерина". Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 8 апрѣля 1710 года находится PS: „Маленькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются". Тонъ писемъ Меншикова къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ измѣнялся также съ измѣненіемъ отношеній ея къ „хозяину своему". Отъ 12 марта 1711 года послѣднее письмо отъ него къ ней, надписанное: „Катеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой", съ обычнымъ обращеніемъ: „Катерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!" Въ письмѣ отъ 30 апрѣля того же года уже совершенно иное обращеніе: „Всемилостивѣйшая государыня царица!" и дочери Екатерины Алексѣевны называются государынями цесаревнами. Екатерина въ письмѣ

отъ 13 мая 1711 года подписалась: „Пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина".

Екатерина Алексѣевна, въ своемъ новомъ значеніи, уже всѣмъ извѣстномъ съ 6 марта, отправлялась съ „хозяиномъ" въ турецкій походъ. Меншиковъ, вѣрный прикащикъ, оставался въ Петербургѣ стеречь парадизъ и новыя завоеванія.

Въ 1721 году, уже послѣ смерти царевича Алексѣя Петровича, въ народѣ, по свидѣтельству историка Соловьева, основанному на дѣлахъ Тайной канцеляріи, говорили:

„Пока государь здравствуетъ, по то время и государыня царица жить будетъ; а ежели его, государя, не станетъ, тогда государыни царицы и свѣтлѣйшаго князя Меншикова и духъ не помянется; того для что и нынѣ уже многіе великому князю (Петру Алексѣевичу) сказываютъ, что по ея государыни царицы наговору, государь цесаревича своими руками забилъ кнутомъ до смерти; а наговорила она, государыня царица, государю такъ: какъ тебя не станетъ, а мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ; и государь, послушавъ ее, билъ его, царевича, своими руками кнутомъ, и отъ того онъ, царевичъ, и умеръ". По словамъ Королька старуха Кулбасова говорила: „Чаювѣстимо великому князю, что батюшки его не стало. Быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ, да поспѣшила Екатерина Алексѣевна; Богъ знаетъ, какого она чина, мыла сорочки съ чухонками; по ея наговору и царевичъ умеръ; подъ часъ будто его жалѣетъ, да не какъ родная мать. Она же государю говорила: какъ царевичъ сядетъ на царство, и онъ возметъ свою мать и въ то время мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ. И по тѣмъ ея словамъ государь пошелъ въ застѣнокъ къ царевичу и былъ тамъ розыскъ. Государь своими руками его, царевича, билъ кнутомъ, а уже потомъ Богъ знаетъ что сдѣлалось".

С. М. Соловьевъ.

XIX.

Дѣти Петра Великаго и Екатерины I

1704 — 1723.

1. Павелъ Петровичъ,	царевичи	Род. въ 1704 г., † до 1707 г.
2. Петръ Петровичъ,		Род. въ сен. 1705 г., † до 1707 г.

О рожденіи царевичей Павла и Петра упоминаетъ Устряловъ въ Исторіи царствованія Петра Великаго, томъ IV, часть I, стр. 142.

3. Екатерина Петровна, царевна. Род. 27 янв. (дек. ?) 1707 г., † 27-го іюля 1708 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ. [Описаніе собора, изд. 1857 г., стр. 66].

4. Анна Петровна, царевна. Род. въ Петербургѣ 27-го февр. 1708 г.; объявлена царевною 6-го марта 1711 г. и цесаревною 23-го дек. 1721 г.; обручена съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Карломъ-Фридрихомъ 24-го нояб. 1724 г. повѣнчана съ нимъ 21-го мая 1725 г., † въ г. Килѣ 4-го мая 1728 г., погребена 12-го ноября въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ.

5. Елисавета Петровна, третья самодержавная императрица. Род. въ Москвѣ 18-го дек. 1709 г., объявлена царевною 6-го марта 1711 г. и цесаревною 23-го дек. 1721 г.; вступила на престолъ 25-го нояб. 1741 г., короновалась 25-го апр. 1742 г., † въ Петербургѣ 25-го дек. 1761 г.; погребена 5-го февр. 1762 г. въ Петропавловскомъ соборѣ [1]).

6. Наталія Петровна, царевна. Род. 27-го марта 1713 г., † 27-го мая 1715 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ.

7. Маргарита Петровна, царевна. Род. 8-го сент. 1714 г., † 27-го іюня 1715 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ.

8. Петръ Петровичъ, царевичъ. Род. 27-го окт. 1715 г., объявленъ наслѣдникомъ престола въ 1718 г., † 25-го апр. 1719 г., погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

9. Павелъ Петровичъ, царевичъ. Род. въ Везелѣ 2-го янв. 1717 г., † 3-го янв. того-же года, погребенъ 12-го марта, въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

10. Наталія Петровна, царевна. Род. 19-го авг. 1718 г., † 4-го мар. 1725 г., погребена 10-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

11. Петръ Петровичъ, царевичъ. Время рожд. неизвѣстно; † въ окт. 1723 г., погребенъ 24-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

[См. Родословную дома Романовыхъ, состав. Г. И. Студенкинъ, приложеніе къ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI].

XX.

Памятникъ въ Екатерингофѣ

ЛЕГЕНДА.

Недалеко отъ устья Фонтанки, на берегу Невы, противъ того мѣста, гдѣ въ началѣ мая 1703-го года царь Петръ, лично командуя флотиліею лодокъ, взялъ два шведскія судна,—построилъ онъ въ 1712-мъ году деревянный домъ въ два этажа съ бельведеромъ. Домъ этотъ назывался Подворнымъ дворцомъ; при немъ основатель Петербурга разбилъ садъ и всю эту загородную дачу подарилъ своей „свѣтъ-Катеринушкѣ“, назвавъ въ честь ея весь раскинувшійся паркъ Екатерингофъ.

---

[1]) Елисавета Петровна находилась въ бракѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, повѣнчавшись съ нимъ въ подмосковномъ селѣ Перовѣ осенью 1742 г. (Вейдемейеръ, царствованіе Елисаветы Петровны, изд. 1834 г., стр. 30; «Семейство Разумовскихъ», изслѣдованіе А. А. Васильчикова, стр. 394—395 въ сборникѣ «Осмнадцатый Вѣкъ», томъ IV).

Сюда съ ранней весны до поздней осени пріѣзжалъ на ночь, на двѣ, царь Петръ Алексѣевичъ изъ своего любимаго Петергофа и здѣсь чаще, чѣмъ въ Петергофѣ, живали лѣтомъ его хозяйка, царица Екатерина Алексѣевна, и ея дѣти [1]).

Екатерингофъ хорошо извѣстенъ обывателямъ Петербурга: здѣсь они 1-го мая встрѣчаютъ наше позднее, сѣверное лѣто. Гуляя въ тѣнистыхъ аллеяхъ Екатерингофа, посѣтители его, конечно, доѣзжали или доходили по главной аллеѣ до Молвинскаго моста и, безъ сомнѣнія, видѣли влѣво, на пригоркѣ, на берегу Черной рѣчки, близь самаго почти моста и въ виду дворца, высокую колонну изъ краснаго финляндскаго гранита. Колонна эта стоитъ на гранитныхъ ступеняхъ, которыя занимаютъ квадратную площадку,—сторона квадрата въ 5½ аршинъ. Вся высота колонны со ступенями—ровно 8½ аршинъ.

Колонна эта довольно цѣнная: по инвентарю городской управы, вѣдающей Екатерингофъ, памятникъ этотъ оцѣненъ въ 2,500 руб., но кому поставленъ, какое его значеніе—въ дѣлахъ управы свѣдѣній не имѣется.

Лѣтомъ 1884 г., заботливостью Н. Л. Бенуа, колонна и пьедесталъ ея тщательно исправлены: разъѣхавшіеся швы задѣланы, высыпавшіяся части изъ колонны возстановлены, вся колонна вычищена и заново отполирована.

Кому это памятникъ?

Преданіе утверждаетъ, что онъ поставленъ императрицею Екатериною І-ю ея любимцу камергеру Виллиму Монсу. Весьма вѣроятно, что это не болѣе какъ легенда, но уже самая передача этой легенды отъ поколѣнія къ поколѣнію довольно романтична. Въ виду своего любимаго загороднаго дворца, первая владѣлица Екатерингофа созидаетъ памятникъ ни кому другому, какъ своему преданному камергеру, до извѣстной степени за нее сложившему, во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, свою голову на эшафотѣ.

Какъ однако ни интересна по романтичности своей легенда о постановкѣ памятника камергеру Монсу императрицею Екатериною І-ю въ виду ея любимѣйшаго загороднаго дворца, тѣмъ не менѣе приходится ее считать не болѣе какъ легендой, не имѣющей за собой исторической правды: по крайней мѣрѣ извѣстный знатокъ исторіи города Петербурга, П. Н. Петровъ, утверждаетъ, что колонна въ Екатерингофѣ поставлена лишь въ царствованіе Александра І, во время бытности генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга, графа М. А. Милорадовича, и это не болѣе, какъ садовое украшеніе.

Желательно, дабы послѣднее свѣдѣніе было подтверждено точною справкою: въ какомъ году и кѣмъ именно поставлена интересующая насъ колонна.

М. С.

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1884 г., томъ XLI, мартъ, стр. 627—629: „Екатерингофъ".

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ И ИЗДАНІЯ

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО

1856—1885.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ.

(Изданіе второе).

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ И ИЗДАНІЯ

Михаила Ивановича Семевскаго

1856—1885.

I.

Очерки и матеріалы по русской исторіи.

Время до Петра Великаго: а) Историческіе и юридическіе акты XVII и XVIII столѣтій,—часть обширнаго собранія М. И. Семевскаго актовъ, имъ описаннаго и пожертвованнаго Археографич. коммисіи,—сборникъ съ предисловіемъ и систематическимъ оглавленіемъ (см. «Чтенія въ император. общ. исторіи и древн. росс. при москов. универ.» 1869 г. кн. III и отд. брошюра 1869 г. 88 стр.); б) «Повѣсть о прихожденіи свѣйскаго краля съ нѣмцы подъ градъ Псковъ»,—разсказъ очевидца осады Пскова Густавомъ Адольфомъ въ 1615 г. («Чтенія въ император. общ. истор. и древн. росс. при моск. университетѣ» 1869 г. кн. I и отд. брош.); в) Грамоты монастырей Деревеницкаго и Коневскаго и записка объ историческихъ и юридическихъ актахъ, собранныхъ М. И. Семевскимъ («Лѣтоп. занятій Археограф. коммисіи» 1868 г. т. IV); г) Фамилія Грибоѣдовыхъ въ XVII вѣкѣ («Москвитянинъ» 1856 г. кн. XII,—первое, по времени, сообщеніе М. И. Семевскаго въ печати); д) Царевна Софья Алексѣевна и князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ приложеніемъ литографированныхъ снимковъ съ ихъ портретовъ, 1689 г. («Русское Слово» 1859 г. кн. XII).

Царствованіе Петра I: а) Кожуховскій походъ 1694 г., подлинное современное описаніе этого похода, открытое М. И. Семевскимъ и имъ изданное съ предисловіемъ и множествомъ примѣчаній,

(«Иллюстрація» 1858 г. №№ 43 по 49 и «Военный Сборникъ» 1860 г. кн. I); б) Россія въ 1699 году («Библіотека для чтенія» 1860 г. кн. VI); в) Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году («Отечеств. Записки» 1861 г. кн. V); г) Дневникъ Корба, секретаря посольства отъ императора римскаго (австрійскаго) Леопольда I къ царю Петру I, 1698—1699 гг., переводъ подъ редакціею М. И. Семевскаго, съ его предисловіемъ и примѣчаніями, съ фото-литографическими снимками съ современныхъ картинъ казней стрѣльцовъ и пр. Изд. «Импер. Общества исторіи и древн. россійск. при москов. унив.» (въ «Чтеніяхъ» этого общества 1866 г. кн. IV, 1867 г. кн. I и III, и отд. книгой въ 8 д. 400 стр., каковая книга разошлась сполна до послѣдняго экземпляра); д) Замѣтка о переводѣ Корба г. Смирновымъ («Голосъ» 1866 г. № 171); е) Состояніе Россіи при царѣ Петрѣ I, сочиненіе капитана Джона Перри, переводъ съ англійскаго княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ, указателями и подъ ред. М. И. Семевскаго, («Чтенія въ импер. общ. исторіи и древн. россійскихъ при Москов. университетѣ» 1871 г. и отд. изд. въ 8 д. 200 стр.); ж) Царица Авдотья Ѳедоровна Лопухина («Русскій Вѣстникъ» 1859 г. кн. X и 1860 г. кн. XXIV, а также въ литер. сборникѣ: «На нѣсколько часовъ», Спб., 1867 г., кн. II, изд. П. И. Вейнберга); з) Кормилица царевича Алексѣя Петровича («Развѣтъ» 1861 г., кн. I); и) Царевичъ Алексѣй Петровичъ («Иллюстрація» 1859 г. №№ 63—71; «Русское Слово» 1860 г. кн: I); і) Шарлота Христина, супруга царевича Алексѣя Петровича («Ваза» 1859 г. №№ 8 и 9); к) Царевичъ Александръ Петровичъ, («Энцикл. Лекс.» 1861 г. т. III); л) Сторонники царевича Алексѣя Петровича («Библ. для чтенія» 1861 г. кн. V и VI); м) Фрейлина Гамильтонъ («Отеч. Зап.» 1860 г. кн. IX); н) Сны Петра Великаго, имъ или съ его словъ записанные («Русская Рѣчь» 1862 г. № 1); о) «Слово и дѣло»!—разсказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи («Свѣточъ» 1861 г. книги: I, III, IV; 1862 г. кн. I; «Вѣкъ» 1861 г. № 5; «Иллюстрація» 1862 г., янв.; п) Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста («Отеч. Зап.» 1866 г. кн. XV и XVI); р) Покушеніе на жизнь Петра I («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г. № 136); с) Петръ Великій, какъ юмористъ («Свѣточъ» 1861 г. кн. IX и «Русская Старина» 1872 г. кн. VI); т) Семейство Монсовъ (въ журналѣ «Время» 1862 г. кн. II, III, IV, V и VI, и отд. изд. 1862 г. въ 8 д. 204 стр. Отдѣльное изд. въ томъ же 1862 г. сполна разошлось);

у) Возраженіе академику Н. Г. Устрялову по дѣлу Монса («Голосъ» 1864 г. № 150); ф) Царица Прасковья. («Время» 1861 г. кн. II, III, IV и V, и отдѣльное первое изд. въ 1861 г. Спб.

Царствованіе Анны Іоанновны: а) Письма царевны Екатерины Іоанновны («Русск. Вѣстникъ», 1860 г. кн. IV); б) Дворъ императрицы Анны Іоанновны («Общезанимат. Вѣстн.» 1857 г. № 16); в) Пѣсня ея времени («Петерб. Вѣд.» 1860 г. № 152).

Іоаннъ VI Антоновичъ. Очеркъ его жизни и убіенія, 1740—1764 гг. («Отечеств. Зап.» 1866 г. кн. VII).

Царствованіе Елисаветы Петровны: а) Письма Елисаветы («Русскій Вѣстн.» 1860 г. кн. IV и «Чтенія моск. общ. исторіи» 1867 г. кн. IV); б) Очеркъ ея царствованія («Русское Слово» 1859 г. кн. II, VI, VIII; 1860 г. кн. I и II); в) Война Россіи съ Швеціей въ 1742—1743 гг. («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1859 г. кн. III); г) Абоскій миръ («Энцикл. Лекс.» 1861 г. т. I); д) Статсъ-дама Наталья Ѳедоровна Лопухина («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. кн. XVII); е) Историческое преданіе о событіи 1757 г. («Военный Сборникъ» 1859 г. кн. VI); ж) Противники Фридриха Великаго, — очерки семилѣтней войны («Воен. Сборн.» 1862 г. кн. V, VI и IX); з) Ближніе люди императрицы Елисаветы въ письмахъ къ ней, 1741—1761 гг. («Архивъ истор.-юридическ. свѣдѣній о Россіи», изд. Н. В. Калачова, 1861 г. кн. IV); и) Таинственная могила въ посадѣ Пучежѣ: дочь императрицы Елисаветы («Чтенія въ москов. общ. исторіи и древн.» 1866 г. книга II); і) Замѣтки («Русское Слово» 1860 г. кн. II).

Царствованіе Петра III: очеркъ этого царствованія: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи», 1761—1762 гг. («Отеч. Зап.» 1867 г. кн. VII, VIII и IX).

Царствованіе Екатерины II: а) Очеркъ управленія мануфактурной промышленности отъ Петра I до Екатерины II («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1859 г. кн. IX); б) Дневныя записки Якова Марковича, 1716—1768 гг. («Библ. для Чтенія» 1860 г. кн. IV).

Императоръ Павелъ Петровичъ: а) Неизданныя прибавленія къ Запискамъ Порошина («Русскій Вѣстн.» 1866 г. кн. VIII); б) Завѣщанія великаго князя Павла Петровича, 1788 г. («Вѣстникъ

Европы» 1867 г. кн. I); в) Матеріалы къ царствованію Павла I («Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей при Импер. Московскомъ университетѣ», изд. 1867 г., кн. I и II и «XVIII вѣкъ» кн. IV).

Царствованія Александра I и Николая I: а) Бунты ополченія въ 1812 г. и военныхъ поселянъ въ 1831 г., — разсказы очевидцевъ съ предисловіями и примѣчаніями М. И. Семевскаго («Заря» 1869 г. кн. VIII, «Отеч. Записки» 1867 г. кн. V); б) Графъ Михаилъ Андр. Милорадовичъ («Воен. Сборн.» 1869 г. кн. VIII); в) Партизанъ Сеславинъ («Отеч. Зап.» 1860 г. книга IV); г) «Записки Несчастнаго» 1827—1828 гг. съ предислов. М. И. Семевскаго («Заря» 1869 г.); д) «Звѣздочка» на 1826 г., альманахъ К. Ѳ. Рылѣева (Сборн. статей, непропущ. цензурою, изд. Мин. Нар. Просвѣщ. 1862 г.); е) Иванъ Никитичъ Скобелевъ («Русская Рѣчь» 1861 г. №№ 95 и 96); ж) Левенштернъ («Русскій Архивъ» 1867 г., замѣтка); з) Полковые исторіографы: критическое обозрѣніе исторій разныхъ полковъ русскаго войска («Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. X и XI); и) «Записки убитаго офицера», 1831—1838 гг. («Воен. Сбор.» 1860 г. книга IV).

II.

Историко-статистическія и этнографическія статьи.

а) Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ (отд. изд. Спб. 1857 г. въ 8 д., 211 стр., книга сполна разошлась); б) Торопецъ («Записки импер. русск. географ. общ.» 1864 г. кн. I и II; отд. изд. 1864 г. въ 8 д. 140 стр. сполна разошлось; статьи о томъ же въ газетѣ «Народ. Богатство» 1863 г. №№ 247, 249 и 252 и въ «Библ. для чтенія» 1863 г. кн. XII); в) Городъ Холмъ, посады Сольцы и Талабскъ, замѣтки о поѣздкахъ по Псковской губ. («Голосъ» 1863 г. №№ 160, 161, 321 и др., 1864 г. №№ 9, 11 и 16; 1868 г. въ февралѣ; «Отеч. Зап.» 1864 г. кн. II; «Петерб. Вѣд.» 1865 г. №№ 187, 231); г) Поѣздка въ Нижній-Новгородъ («Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. XIII, XV, XVI и XVIII); д) Отъ Твери до Астрахани («Отеч. Зап.» 1861 г. кн. XII; 1862 г. кн. IV, VI и XII; е) Историческое обозрѣніе Россійско-Американской компаніи. (Отд. книга, въ б. листъ, 1864 г.).

III.

Очерки и матеріалы по исторіи русской литературы.

а) Николай Александровичъ Бестужевъ, біографическій очеркъ, 1791—1855 гг. («Петерб. Вѣд.» 1860 г.; «Заря» 1869 г. кн. VII); б) Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Якутскѣ и на Кавказѣ (статьи въ «Отеч. Зап.» 1860 г. кн. V, VI, VII и въ «Русскомъ Вѣстн.» 1869 г.); в) Баснописецъ Крыловъ: матеріалы для его біографіи («Записки Импер. Акад. Наукъ» 1869 г.); г) Поѣздка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографій поэтовъ: Пушкина, Жуковскаго, Языкова и барона Дельвига («С.-Петерб. Вѣд.» 1866 г. №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175); д) Письма А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфу («Русск. Архивъ» 1867 г. № 1); е) Н. М. Языковъ («Русскій Архивъ» 1867 г. №№ 5 и 6); ж) Къ біографіи А. С. Пушкина («Русск. Вѣстникъ» 1867 г.). з) Отрывки изъ записокъ Е. А. Хвостовой: матер. къ біографіи М. Ю. Лермонтова съ предислов. и примѣч. М. И. Семевскаго («Вѣстникъ Европы» 1869 г. кн. VIII и IX); и) поэтъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ («Отеч. Зап.» 1865 г., кн. XVI).

IV.

Статьи по педагогикѣ и исторіи общественнаго образованія.

а) Учебныя заведенія въ городѣ Псковѣ (Спб. 1863 г., отд. брошюра, изд. министерства народн. просвѣщенія); б) Маріинское женское училище во Псковѣ («Голосъ» 1863 г. №№ 83, 85 и 86); в) Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ Псковской губ. въ 1863 г. Спб. 1864 г., двѣ книги, съ статистич. таблицами и картою Псковской учебной дирекціи, изд. мин. нар. просв. и изд. второе въ прилож. къ журн. «Грамотѣй», Спб. 1864 г.; д) Общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ (Спб. 1866 г., въ 8 д., отд. оттискъ статей изъ газетъ «Голосъ» и «Русск. Инв.» 1866 г. №№ 301, 303 и 304); е) Матеріалы по учебн. части въ Царствѣ Польскомъ, Спб. 1864 г., въ б. листъ, 2 т.; ж) О греко-уніатскомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ («Голосъ»

1866 г. №№ 193 и 214); з) Замѣчательная попытка примѣненія русскаго алфавита къ польскому языку («Отеч. Зап.» 1866 г., кн. XII); и) Обзоръ дѣятельности петербургскаго педагогическаго собранія 1859—1867 гг. («Народн. Школа» 1869 г. № 1); і) Адресъ П. Г. Рѣдкину (журн. «Учитель» 1868 г.); к) Вопросъ и защита въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ тезисовъ противъ исключенія воспитанниковъ изъ учебныхъ заведеній («Голосъ», 1877 г., апрѣль и май, №№ 96 и друг.); л) Θедоръ Θедоровичъ Эвальдъ и его дѣятельность по народному образованію, («Педагогическій Музей» Спб. 1880 г. № 1); м) Свѣдѣнія о народныхъ училищахъ въ С.-Петербургской губерніи за 1879, 1880 и 1881 гг. Три брошюры, Спб., первая въ 8-ю, послѣднія въ 4-ю д. Составл. М. И. Семевскимъ и Е. А. Шакѣевымъ—членами (въ 1879—1882 гг.) Спб. Губернскаго Земскаго Училищнаго Совѣта; н) Вопросъ о начальныхъ народныхъ училищахъ въ С.-Петербургской городской Думѣ, 1882 г., брошюра въ 8 д.; о) Въ городѣ Великихъ Лукахъ: на актахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, май и іюнь 1883 г.; п) Великолуцкія учебныя заведенія, изд. 1883 г. въ 8 д.

V.

Замѣтки и критическіе отзывы.

Въ перечень трудовъ М. И. Семевскаго не вошли нѣкоторыя мелкія его статьи, библіографическіе отзывы и замѣтки о разныхъ историческихъ книгахъ (въ «Голосѣ» 1866 в. №№ 291, 293 и 214; 1867 г. №№ 185, 109, 129, 136, 184; въ «Книжномъ Вѣстникѣ» 1865 г. № 8; въ «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. XII; въ «Русск. Инв.» 1865 г. № 288; 1866 г. №№ 122, 189, 6, 7, 12; «Библ. для чтенія», «Голосъ» 1866 г., № 291; 1867 г. №№ 83, 109, 185, и др.); Юбилей П. А. Каратыгина, отд. брошюра; а также некрологи: барона В. И. Штейнгейля, А. Н. Креницына, Θ. И. Гильфердинга, А. Θ. Гильфердинга, М. А. Васильева, членовъ Госуд. Совѣта: Н. И. Бахтина и П. А. Зубова, учительницы П. Н. Жолкевичъ и мног. др. («Соврем. Слово» 1862 г.; «С.-Петерб. Вѣд.» 1864 г. № 4, 1865 г. № 241; «Голосъ» 1866 г. № 231; «Всемірн. Иллюстр.» 1867 г., «Новости» 1883 и 1884 гг., и проч.). Равнымъ образомъ не помѣщены нѣкоторыя путевыя письма по Россіи («Голосъ» 1868 г. и друг.) и изъ заграницы, напр. «Французскія провинціи» («Русское Слово» 1859 г.) и т. п.

VI.

Изданія отдѣльныхъ историческихъ книгъ.

а) Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804—1854 гг., отд. изданіе напечатанныхъ его Записокъ въ „Русской Старинѣ" 1870 г., съ приложеніемъ рисунковъ, портрета и снимка. Книга разошлась сполна.

б) Записки Гавріила Ивановича Добрынина, 1752—1823 гг., три части, изданіе второе, значительно исправленное. Спб. 1872 г., 380 стр. Книга разошлась сполна.

в) Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Спб. 1870 г. въ 8 д.

г) Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, 1809—1831 гг. Спб. 1871 г., въ 8 д., стр. 320, со снимкомъ.

д) Записки Екатерины Александровны Хвостовой, 1812 — 1841 гг.: очерки высшаго общества и новыя данныя къ біографіи поэта Лермонтова. Спб. 1871 г., стр. 260.

е) Записки генералъ-прокурора князя Якова Петровича Шаховского, 1705—1772 гг. Спб. 1872 г.

ж) Петровскій сборникъ, изданный „Русскою Стариною" 30 мая 1872 г. Спб. въ 8 д. 200 стр.

з) Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго, 1672—1725 гг. Спб. 1872 г. въ б. 8 д. стр. VI+206 съ портретомъ Петра I и снимкомъ его указа. Цѣна 1 руб. Изд. „Вспомогательной кассы наборщиковъ". Изд. подъ ред. М. И. Семевскаго.

и) Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей, 1801—1825 г., Спб., альбомъ въ б. листъ, 1873 г. съ рисункомъ (большая виньетка) академ. Гартмана. Изданіе Ѳ. К. Опочинина и М. И. Семевскаго. Цѣна 3 руб.

і) „Русская Родословная книга", два тома. Спб. 1873 и 1875 гг., въ 8 д., стр 380+222. Составл. подъ ред. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго и М. И. Семевскаго, при участіи Г. И. Студенкина и друг. лицъ.

Примѣчаніе. Всѣ поименованныя выше книги (буквы а—і), кромѣ альбома снимковъ (и), сполна разошлись до послѣдняго экземпляра.

к) Павловскъ. Очеркъ его исторіи, 1777 — 1877 гг. Спб. 1877 г. въ 8 д., стр. VIII+592+VIII. Состав. М. И. Семевскій. Роскошное, художественное изданіе, исполненное иждивеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, со множествомъ рисунковъ и виньетокъ, исполненныхъ художниками: В. С. Шпакомъ, К. Брожемъ и И. С. Пановымъ, гравированныхъ академ. Л. А. Сѣряковымъ, и съ четырьмя портретами. Цѣна 5 руб. (Все изданіе разошлось сполна до послѣдняго экземпляра).

л) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви" — многолѣтній трудъ П. М. Строева. Изданіе Археографической Коммиссіи подъ наблюденіемъ ея Члена М. И. Семевскаго. Спб. 1877 г., въ б. 8 д., въ два столбца, стр. IX+1057+68, съ предисловіемъ и приложеніемъ снимка. Цѣна 4 руб., обращаться съ требованіями этой книги въ Археографическую Коммисію. (Спб., домъ министерства внутр. дѣлъ).

м) Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ: альбомъ гравированныхъ имъ для „Русской Старины" портретовъ, изд. Спб. 1882 г., въ 8 д.

Примѣчаніе. Книга разошлась сполна до послѣдняго экземпляра.

н) „Записки сельскаго священника", изд. второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ. Спб. 1882 г., въ 8 д., стр. 330. Ц. 1 руб.

о) М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга I-я: „Царица Прасковья", 1664—1723 гг., Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками. С.-Петербургъ, 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256. Цѣна два руб. съ пересылкой.

п) М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга II-я: „Слово и дѣло", 1700—1725 гг. Изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное, съ рисунками наказанія батогами и пытки, виска на дыбѣ, въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1884 г., въ 8-ю долю, стр. 356. Цѣна два рубля съ пересылкой. (Все изданіе разошлось сполна). Напечатано третье изданіе. Спб. 8 д., съ рисунками, 1885 г., исправленное по сличеніи его съ подлинными документами. Цѣна два руб. съ пересылкою.

р) М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга III-я: „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ", 1692—1724 гг. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное, съ портретами царицъ Авдотьи Лопухиной и Катерины Алексѣевны, и съ рисунками: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка; казни стрѣльцовъ въ Москвѣ въ 1698 г. и казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I-мъ. Спб. 1884 г., въ 8-ю д., стр. 356. Цѣна два руб. пятьдесятъ коп. (Подписчики на „Русскую Старину" 1885 г. получаютъ за одинъ руб. съ пересылкою).

с) „Маленькимъ дѣтямъ". Книга для чтенія. Составила Елисавета Михайловна Семевская. Спб., 1885 г. въ 4 д., изданіе второе, съ семнадцатью выполненными въ Лондонѣ гравюрами. Цѣна книги въ переплетѣ и съ пересылкою два руб.

VII.

Историческія изданія: журналы и сборники.

„Русская Старина" 1870 г. въ трехъ изданіяхъ, послѣднее изд. вышло въ 1875 г. Спб. 8 д., томы I и II.

„Русская Старина" 1871 г. Спб. 8 д., томы III и IV.

„Русская Старина" 1872 г. Спб. 8 д., два изд., томы V и IV.

„Русская Старина" 1873 г. Спб. 8 д., томы VII и VIII.

Приложенія къ этимъ четыремъ годамъ „Русской Старины" составляютъ „Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1796 гг.", 29 частей, въ четырехъ томахъ.

„Русская Старина" 1874 г. Спб. 8 д., томы IX, X и XI.

„Русская Старина" 1875 г. Спб. 8., томы XII, XIII и XIV.

Приложеніе къ изд. 1875 г. составляютъ „Записки генерала Манштейна о Россіи", 1727—1744 гг., переводъ съ подлинной рукописи.

Примѣч. „Русская Старина" 1870 г. (первыя два изданія), также изданія: 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 гг., равнымъ образомъ Записки Болотова и Манштейна разошлись сполна до послѣдняго экземпляра.

„Русская Старина" 1876 г., изданія первое и второе, томы XV — XVII.

„Русская Старина" 1877 г., томы XVIII—XX.

„Русская Старина" 1878 г., томы XXI—XXIII.

„Русская Старина" 1879 г., томы XXIV—XXVI.

„Русская Старина" 1880 г., втор. изд., томы XXVII—XXIX.

„Русская Старина" 1881 г., томы XXX—XXXII.

Приложеніе къ изд. 1881 г. составляютъ „Записки Семена Андреевича Порошина", 1764—1766 гг.

„Русская Старина" изданіе 1882 г., въ четырехъ томахъ. XXXIII—XXXVI.

„Русская Старина", изданіе 1883 г., въ четырехъ томахъ, XXXVII—XL.

„Русская Старина", изданіе 1884 г., въ четырехъ томахъ, XLI—XLIV.

„Русская Старина", изданіе 1885 г., въ четырехъ томахъ, XLV—XLVIII.

Каждый годъ, въ двѣнадцати книгахъ, съ портретами и рисунками

Въ этомъ изданіи помѣщено множество М. И. Семевскаго очерковъ, замѣтокъ, вступительн. объясненій къ мемуарамъ и матеріаламъ, примѣчаній и послѣсловій. Все, что подписано въ «Русской Старинѣ», изд. 1870—1885 гг., словомъ: Ред. — принадлежитъ ему, многое же не подписано.

«Русская Старина» въ пятнадцать лѣтъ ея изданія: 1870—1884 гг., систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти книгъ, составляющихъ этотъ историческій журналъ за первыя XV лѣтъ его изданія. Спб. 8 д., 1885 г., съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей. Цѣна одинъ руб. съ пересылкою. (Напечатано этой Росписи содержанія 180 книгъ «Русской Старины» всего лишь 1,000 экземпл.).

Примѣчаніе. М. И. Семевскій имѣетъ честь состоять Почетнымъ Членомъ Археологическаго Института,—Членомъ Археографической Коммисіи,—Императорскихъ Обществъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ,—Одесскаго Общества исторіи и древностей,—Археологическаго и Географическаго Обществъ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Semevskij, Michail Ivanovič,

Očerki i razskazy iz russkoj istorii XVIII v

Bd.: 3

1884

Russ. 270 w-2/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888090-4